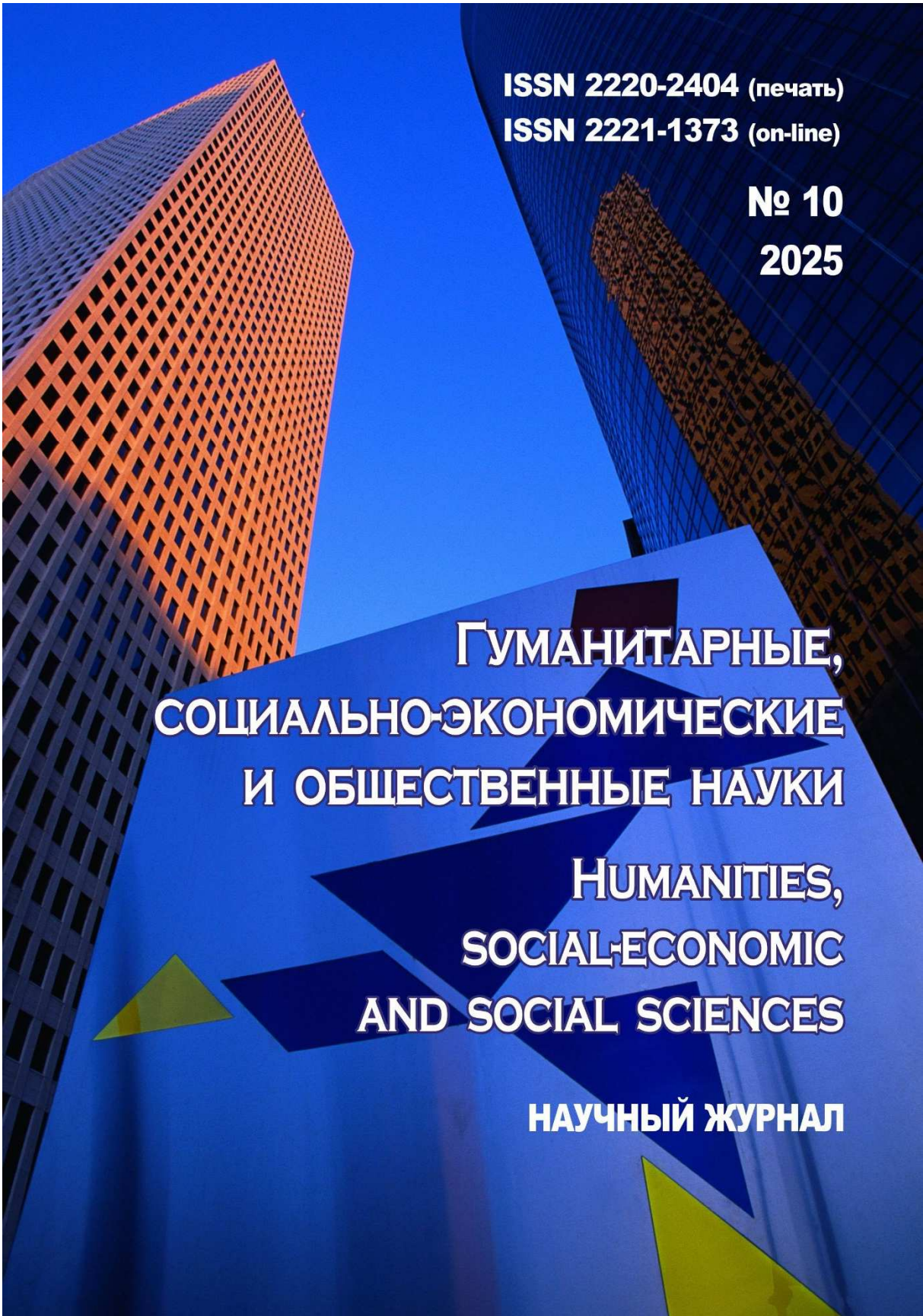

ISSN 2220-2404 (печать)

ISSN 2221-1373 (on-line)

№ 10

2025

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

**HUMANITIES,
SOCIAL-ECONOMIC
AND SOCIAL SCIENCES**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВО «Адыгейский
государственный университет»**

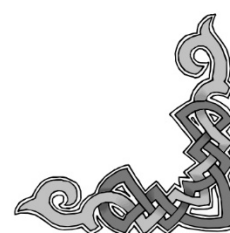
16+

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

**Научный журнал
www.online-science.ru**

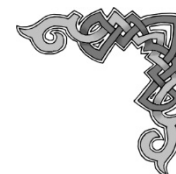
**№ 10
2025**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Сетевое издание / Online edition

№ 10 от 24.10.2025

Выходит 12 раз в год

www.online-science.ru

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

**Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, директор издательства ООО «Наука и образование»

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВО

«Адыгейский государственный университет»

ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Наука и образование»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

ООО «Наука и образование»; 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета –

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Гапоненко Владимир Федосович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный сотрудник МВД России, действительный член Международной академии наук ООН информационных систем и технологических процессов, действительный член Академии военных наук РФ, награжден Почетным знаком «Международное признание», Академия управления МВД России;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, доктор юридических наук, профессор, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета им. И.Т. Трубилина;

EDITORIAL BOARD:

Chairman of the Editorial Board –

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Members of the Editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Head of the Educational and Methodological Department of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir F. Gaponenko, Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, full member of the International Academy of Sciences of the United Nations of Information Systems and Technological Processes, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, awarded the Honorary Badge «International Recognition», Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishai, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir D. Zelensky, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Doctor of Law, Professor, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of the Kuban Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь учебного совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета, г. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук, Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Sergey V. Ivantsov, Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot;

Alexander N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology, Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V.Ya. Kikot;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ainura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Nikolay P. Narbut, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba;

Sergey A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Konstantin V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Pan Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, People's Republic of China;

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Сапрыкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, доцент, директор филиала Российского общества «Знание» в Донецкой Народной Республике;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, Почетный работник АПК России, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению «Уголовное право» Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал».

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Inna N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management of Rostov State University of Economics (RINH);

Lyudmila N. Saprykina, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the branch of the Russian Society «Knowledge» in the Donetsk People's Republic;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian branch of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

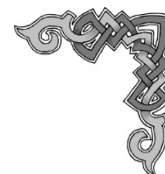
Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Yugra State University;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Russian Academy of Natural Sciences;

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal».

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антонова Ю.В., Свирская Д.А. Управление информационными рисками	13
Власова В.Н., Ковров В.В., Самыгин С.И. Ревитализация ценностной составляющей системы высшего образования в России: основные проблемы и перспективы	20
Долгих К.С. Гендерные различия в виртуальной мобильности современной российской молодёжи	28
Ли Хунган Анализ барьеров, влияющих на эффективность государственных программ в области социальной поддержки граждан (на примере КНР и РФ)	34
Пономарев П.А., Зотов А.Ю., Плотников В.В. Коммуникативная компетентность руководителей правоохранительных органов на современном этапе	41
Слизский Е.А. Институциональные условия интеграции этнических групп в принимающее сообщество в оценках представителей этих групп	48
Тарутин Н.В. Концептуальная модель формирования инновационной корпоративной культуры на примере финансового сектора Российской Федерации	54
Хлабыстова Н.В., Мишина Е.В., Бочкова С.В., Потоля А.А. Повышение мотивов участия молодежи Краснодар в решении экологических проблем	62
Хрусталев А.А. Подходы к совершенствованию управления институтом онлайн-образования в условиях цифровой трансформации общества	73
Чунихина Т.Н., Черкашина А.Д. Влияние корпоративной культуры на конкурентоспособность вуза	79

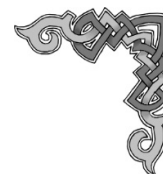
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бегоян Л.А. Сравнительный анализ практики применения оценочных признаков в уголовном праве России и Армении	89
Беликов Е.Г., Беликова А.В., Костин В.Е. Формы государственной финансовой поддержки деятельности в сфере науки и научно-технологического развития	95
Вертепова Т.А., Сазонов Д.Е. Актуальные вопросы противодействия незаконной миграции в Российской Федерации (уголовно-правовой аспект)	103
Вишневецкий К.В., Робак В.А. Взаимосвязь криминального рынка оружия и преступлений террористической направленности	109
Гуляев Т.Н. Правовые механизмы защиты прав инвесторов в условиях конкуренции международного и национального законодательства	115
Жаде З.А., Имгрунт С.И., Удычак Ф.Н. Нормативно-правовое обеспечение языковой политики в Республике Адыгея	121

Козина О.А. Особенности применения норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания военнослужащих в период мобилизации и военного положения	128
Куемжиева Я.Н. Процессуальный порядок признания завещания недействительным, составленного лицом, не способным понимать значения своих действий	133
Лозинский О.И. Использование свойств микробиома человека в борьбе с преступностью: судебная микробиомная экспертиза; государственная микробиомная регистрация	139
Никитина А.П., Юшкина Т.В., Пилюгина Т.В. Влияние искусственного интеллекта на правовое регулирование: вызовы, тенденции и перспективы трансформации юридических систем	145
Никитина А.П., Юшкина Т.В., Чагин В.С. К вопросу о региональных отличиях правовой культуры России	151
Орфанди Н.И., Чагин В.С. Динамика правовой культуры в современной России	159
Плахтий Н.А. Специальный режим опасности атаки беспилотных летательных аппаратов: теоретико-правовое обоснование	165
Савенков А.А. Феномен законности: сущность и смысловые характеристики	171
Упоров И.В., Попов М.Ю., Чапурко Т.М. Конституционная история федеративных отношений в Советской России: основные тенденции и проблемы	177
Финкель М.В. Эволюция теории криминологической безопасности предпринимательской деятельности	185

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Вакула И.М. Повышение уровня денежных доходов населения	191
Гаранин М.А., Волов В.Т., Веляева К.С. Конвергентно-дивергентная система генерации инновационных проектов	196
Дюдикова Е.И., Проказов И.И. Многоуровневая модель криптовалютной экосистемы: комплексный взгляд от L0 до L3	206
Платонова Е.Д. Инвестиционный ландшафт мировой экономики (по материалам ежегодного отчета «2025 World Investment Report»)	213
Полякова Л.П., Пичко Н.С., Сухарев В.И. Трансформация внешнеэкономических связей России в условиях перехода к многополярному миру	220

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Yulia V. Antonova, Daria A. Svirskaya Information risk management	13
Victoria V. Vlasova, Victor V. Kovrov, Sergey I. Samygin The revitalization of the value component of the higher education system in Russia: the main problems and prospects	20
Ksenya S. Dolgikh Gender differences in the virtual mobility of modern Russian youth	28
Li Honggang Analysis of barriers affecting the effectiveness of government programs in the field of social support for citizens (using the example of China and the Russian Federation)	34
Pavel A. Ponomarev, Alexey Yu. Zotov, Vladimir V. Plotnikov Communicative competence of law enforcement leaders at the present stage	41
Evgeny A. Slizsky Institutional conditions for the integration of ethnic groups into the host community in the assessments of representatives of these groups	48
Nikita V. Tarutin The conceptual model of formation of an innovative corporate culture on the example of the financial sector of the Russian Federation	54
Natalia V. Khlabytova, Ekaterina V. Mishina, Alina A. Potolya Increasing the motives of the Krasnodar population's participation in solving environmental problems	62
Andrey A. Khrustalev Approaches to improving the management of the institute of online education in the context of digital transformation of society	73
Tatiana N. Chunikhina, Arina D. Cherkashina The impact of corporate culture on the competitiveness of the university	79

JURISPRUDENCE

Lala A. Begoyan Comparative analysis of the practice of applying evaluative features in the criminal law of Russia and Armenia	89
Evgeny G. Belikov, Anna V. Belikova, Vladimir E. Kostin Forms of state financial support for science and technological development	95
Tatyana A. Verterova, Dmitry E. Sazonov Current issues of countering illegal migration in the Russian Federation (criminal law aspect)	103
Kirill V. Vishneveckiy, Vladimir A. Robak Interconnection between the criminal weapons market and terrorist crimes	109
Timur N. Gulyaev Legal mechanisms for protecting investors' rights in competitive international and national legislation	115
Zuriet A. Zhade, Svetlana I. Imgrunt, Fatima N. Udychak Normative and legal support of language policy in the Republic of Adygea	121
Oksana A. Kozina Specifics of the application of norms on exemption from criminal liability and punishment of military personnel during the period of mobilization and martial law	128

Yana N. Kuemzhieva

The procedural procedure for invalidating a will drawn
up by a person who is unable to understand the meaning of his actions 133

Oleg I. Lozinsky

Using the properties of the human microbiome in the fight against crime:
forensic microbiome examination; state microbiome registration 139

Alina P. Nikitina, Tatyana V. Yushkina, Tatyana V. Pilyugina

The impact of artificial intelligence on legal regulation:
challenges, trends, and prospects for the transformation of legal systems 145

Alina P. Nikitina, Tatyana V. Yushkina, Vladimir S. Chagin

Regional differences in the legal culture of Russia 151

Nellya I. Orfanidi, Vladimir S. Chagin

The dynamics of the legal culture in modern Russia 159

Nikolay A. Plakhtiy

Special regime of danger of attack by unmanned aerial vehicles:
theoretical and legal justification 165

Artyom A. Savenkov

The phenomenon of legality: the essence and semantic characteristics 171

Ivan V. Uporov, Mikhail Y. Popov, Tatyana M. Chapurko

Constitutional history of federal relations in Soviet Russia: main trends and problems 177

Marina V. Finkel

Evolution of criminological security theory of business activities 185

ECONOMIC SCIENCES

Alexander N. Averin, Alexander V. Ponedelkov, Ivan M. Vakula

Raising the level of monetary income of the population 191

Maxim A. Garanin, Vyacheslav T. Volov, Karina S. Velyaeva

The convergent-divergent system generation of innovative projects 196

Ekaterina I. Dyudikova, Ilia I. Prokazov

The multi-layer architecture of the cryptocurrency ecosystem: a holistic view from L0 to L3 206

Elena D. Platonova

Investment landscape of the world economy based on «2025 World Investment Report» 213

Larisa P. Polyakova, Natalya S. Pichko, Vladimir I. Sukharev

Transformation of Russia's foreign economic relations
in the context of the transition to a multipolar world 220

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-1>

УДК 316.3

Attribution

cc by

УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМИ РИСКАМИ

Антонова Ю.В., Свирская Д.А.

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России*

Аннотация. Релевантность настоящего исследования обусловлена попыткой авторов рассмотреть проблематику социальных рисков через призму теории социальных систем с акцентом внимания на концепции социобиотехнических систем (СБТ-систем) О.Н. Яницкого; то есть, в рамках анализа рисков человека как сложной биологической системы и общества как сложной социальной системы, взаимодействующих между собой и взаимовлияющих друг на друга по средством конструирования рисков. Результаты проведенного анализа позволяют выделять основные подходы к изучению проблематики явлений риска в контексте социологического дискурса, определить латентную природу информационных рисков и специфику их влияния на членов социума, а также специфику их адаптивных практик по отношению к рискам (методов борьбы с рисками). Анализ актуальной литературы по данной проблематике, с точки зрения теории социальных систем, позволяет более детально взглянуть на проблему информационных рисков, обозначить их значимость для понимания природы социальных и биологических систем.

Ключевые слова: риск, информационный риск, угроза, социальная система, общество, социобиотехнические системы, информация, социум.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

INFORMATION RISK MANAGEMENT

Yulia V. Antonova, Daria A. Svirskaya

*Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

Abstract. The relevance of the study is caused by author's attempt to consider the issue of social risks through the prism of social system theory, focused on the concept of sociobiotechnical systems (SBT-systems) by O.N. Yanitsky, i.e., in the analysis of risks of a person as a complex biological system and society as a complex social system, interacting with each other and mutually influencing each other through the construction of risks. The results of the study highlight the main approaches to studying the phenomenon of risks in the context of sociological discourse, to define the hidden (latent) nature of information risks and the specificity of their influence on community members, as well as the specificity on adaptation types of the community members to risks (methods of risk management). The analysis of topical literature through the prism of the social system theory allows us to get more detailed information about the information risks and lift out their significance for the understanding the nature of biological and social systems.

Keywords: risk, information risk, threat, social system, society, sociobiotechnical systems, information, society.

Funding: Independent work.

Введение.

В рамках сегодняшнего научного дискурса, одной из значимых социальных проблем выступает проблематика «общества риска». В соответствии с ней, любой современный социум, будучи частью глобальной социокультурной и экономической системы (продуктом глобализации), сталки-

вается с огромным количеством непрогнозируемых рисков, существуя в ситуации общей глобальной социальной непредсказуемости и неопределенности.

В контексте общества как сложной социальной системы, явление риска рассматривается как некая вероятность или угроза наступления для

© Антонова Ю.В., Свирская Д.А.

данной системы того или иного события, с благоприятными/неблагоприятными для нее последствиями. Риск калькулируем [1, с. 30]; оценка ущерба от его возможных последствий напрямую зависит от ресурсов социальной системы.

Информационные риски, в этой связи, стоит также рассматривать как возможные угрозы для социальной системы (процессов ее функционирования), связанные с целенаправленным внешним информационным воздействием на общество как систему через субъектов действия (с точки зрения воздействия на человека как биологическую и социальную систему), с целью изменения их психического сознания и поведения вне их воли в ущерб социальной системе [2, с. 124–125].

Ключевыми факторами риска в данной ситуации выступают:

- 1) неоднородность и многообразие социальных акторов и их интересов в информационном пространстве, их стремление к максимизации прибыли;
- 2) неравнозначность ресурсов государства и бизнеса;

3) государство как регулятор социального порядка и крупный бизнес как системообразующий актор;

4) неоднородность информации, ее переизбыток;

5) ограниченный доступ субъектов действия к социально-информационным ресурсам, технологиям системы, и прочим ресурсам (например, если говорить о России, то речь идет о разной ценовой политике на связь, энергоресурсы в разных регионах страны);

6) плюрализация культурных образцов как следствие глобализации;

7) неоднородное распределение рисков внутри системы, как и неравнозначная, отсроченная по времени ответственность за них.

Указанные факторы предопределяют латентную природу таких общих социальных рисков, как риски социальной стратификации, социальной конфиденциальности, виртуализации и другие, которые можно представить в более полном виде в форме таблицы (табл. 1):

Таблица 1

Социальные риски

Риски	Последствия
Риски целенаправленного неконтролируемого и бессистемного (в глобальном / локальном и институциональном контексте) психологического воздействия на индивидов с помощью формирования у них потребительских установок	Рост проявлений состояния анонии в обществе: тревожности, вредных привычек (курения, употребления психотропных веществ, антидепрессантов, транквилизаторов, наркотических веществ), вера в мистические, паранаучные явления
Риски социальной стратификации	Разделение общества на технически грамотных и неграмотных пользователей, информационно включенных и не включенных, информационно и технически обеспеченных граждан и необеспеченных (доступом в Интернет, к средствам передачи данных), информационно защищенных и не защищенных (локальным правом, локальной системой и др. средства информационной защиты)
Риски локальной институциональной неопределенности	Отсутствие возможности определять и управлять информационными рисками на уровне институтов в силу отсутствия у государства необходимых ресурсов как следствие процесса либерализации экономики и наделения государства регулятивной функцией; необходимость учета бизнес - интересов при создании локальной информационной системы, систем защиты государственного образца
Риски социокультурной неопределенности	Виртуализация социальной жизни и ее перемещение в реальный социо-культурный контекст, стирание границ между виртуальной и локальной культурой, ориентация на индивидуализм, кризис идентичности и личности
Риски социального существования / выживаемости государства	Целенаправленное уничтожение института семьи, религии, права, образования (путем заключения международных соглашений об «общих социальных пространствах», общих образовательных, политических международных стандартах и оценках)
Риски существования социума как уникального – социо-культурного образования	Стирание культурных границ, трансформация языка, социально-культурных моделей поведения в обществе
Риски конфиденциальности/авторского права	Риски утечки личных данных граждан и использования их против граждан (риск кражи идентичности, риски финансового мошенничества)
Риски виртуализации социального пространства	Отчуждения от социального Я, от социальных форм взаимодействия, кризис идентичности, виртуализация локальной культуры, зависимость от Интернет-пространства

Обсуждение. Результаты.

Э. Гидденс отмечает, что мышление через призму риска (калькулируемость риска и использование контрфактических возможностей) позволяет колонизировать будущее [3, с. 33].

Риски моделируются и представляются через информацию о них. Не зря О.Н. Яницкий сравнивает риск с товаром, ресурсом и средством манипуляции; производство рисков, с его точки зрения, приносит прибыль, стратифицируя членов социума на группы производителей и потребителей (получателей) риска [4, с. 180]. Актуальным, по его мнению, становится феномен инсценирования рисков, конструирования рискогенной социальной реальности [5, с. 33] и, как следствие этого, процесс накопления разрушительного и отсроченного по времени социального потенциала [4, с. 181].

Размываются границы реальных и виртуальных угроз, отвлекая внимание общественности от существующих социальных проблем, порождая плюрализм мнений, с отсутствием и доверия к специалистам (возвышая роль многопрофильных лидеров мнений в отношении тех или иных социальных проблем, специалистов, таких же иллюзорных, как и риски), и отсутствием реальных специалистов, в том числе и на глобальном уровне, способных предложить общедоступные методы для решения коллективных проблем [6, с. 8].

Казалось бы, перед лицом непрогнозируемых рисков должны быть все равны: как «производители», так и «потребители» рисков [7, с. 26; с. 44]; между тем, реальность выглядит совсем иначе и затрагивает в большей степени последних. Риски не только позволяют кланово-корпоративным структурам извлекать прибыль, но и успешно конкурировать в борьбе за власть, осуществлять общий социальный контроль и устанавливать свой социальный порядок [4, с. 180].

У. Бек, в этой связи, отмечает, что риски – это «большой бизнес» с «экономической выгодой», определяющий политический потенциал и рискованный профиль социальных ситуаций [7, с. 26].

Манипуляция риском происходит через манипуляцию информацией о риске. Информация, в свою очередь, представляет собой каузальные интерпретации возможных рисков (научное и антинаучное знание о них) [7, с. 25]. Речь, в данной связи, идет о так называемом «коллективном знании», вере в риски, трансляции информации о рисках на политическом уровне [7, с. 94].

Таким образом, У. Бек трактует современные социальные реалии как спекулятивный век обычного восприятия и мышления, подчеркивая значимость не только информации о риске, но и ее качественного (для производителей риска) восприятия на коллективном уровне (уровне «значений», «смыслов» потребителей). Ведь то,

что воспринимается как реальное, реально по своим последствиям [8], поэтому важно не только создать атмосферу риска (подготовить условия), но и закрепить представление о нем в массовом сознании, основываясь на историческом, культурном, политическом и социально - информационном опыте социума.

Многообразие игроков в информационном пространстве, в свою очередь, создает и многообразие информационных сообщений, побуждающих индивидов к тем или иным действиям. Интересы и цели информационных акторов могут не совпадать с интересами самой социальной системы, информационные игроки могут быть как ее частью, так и, будучи, ее частью или нет, представлять интересы враждебной системе среды; способствовать как общему процессу обеспечения равновесия и порядку внутри системы, так и вносить свой вклад в состояние хаоса в процессе осуществления своей управленческой деятельности.

Символическая составляющая информации поддерживает упорядоченный процесс взаимодействия между индивидами, его эффективность и максимизацию ресурсов (например, на демографическом уровне при всеобщей трансляции ценности семьи), рутинизация социальных действий способствует закреплению и воспроизводству этого социального порядка, а порядок из упорядоченности обуславливает предсказуемость социальных процессов и явлений [9]. В то же время, Т. Парсонс упоминает и о самодостаточности социальной системы применительно к своей внутренней среде, способной обеспечить «стабильность отношений взаимного обмена» и контроля этого взаимного обмена с внешней средой в интересах своего функционирования [10, с. 20].

Однако, принимая во внимание особенности современных реалий как продукта процесса глобализации, всеобщей открытости обществ, глобального процесса обмена информационными знаниями (и ложными знаниями), стандартизации научного знания и подходов к знанию (западной ориентированностью), унификации культурных (за счет пропаганды «общечеловеческих», «цивилизованных», «гуманных ценностей», «демократических ценностей», «ценностей свободы»), образовательных стандартов (Болонского процесса, методик тестирования, международных экзаменов, сертификатов), политических и экономических стандартов (на идеологическом уровне и уровне включенности национальных государств в работу международных организаций), как фактор латентных социальных изменений внутри системы, стоит учитывать скорее специфику всеобщей социальной изменчивости, неопределенности, нестабильности и нелинейности, которые, между тем, как отмечают И. Пригожин и И.Стенгерс, в той же высокой степени организованны, что и линейные процессы и могут способствовать процессу упорядочивания системы («порядку из хаоса») [11, с. 133; 254].

При этом, учитывая всю сложность процесса развития системы, обусловленную фактором взаимодействия целого ряда элементов, они подчеркивают, что любое вмешательство в систему может также привести и к разрушению порядка, и, в свою очередь к глобальным изменениям: система может вернуться как в начальное состояние, так и при необратимых изменениях к потере контроля [11, с. 113; 182–186].

Данная концепция находит свое продолжение в западной доктрине «управляемого хаоса». Ее сторонники (Z. Brzezinski, M.Gell-Mann, R. Jervis, J.N. Rosenau, A.M. Saperstein) полагают, что стабильность является следствием тех или иных событий, а не конечной целью общеглобального порядка [12]. Хаос, в свою очередь, предопределяет порядок и фактор самоорганизованности сложных открытых систем [11, с. 133], поэтому представляет собой возможность для обеспечения состояния собственной безопасности, в ущерб безопасности других [13].

Последователи данной парадигмы отмечают постоянство изменений во внешней среде, к которым можно либо адаптироваться, минимизируя риски и для себя, либо подключиться, участвуя в процессе (природе) их создания, заведомо рискогенной для конкурентов [13] («разрушение ради сохранения» [12]). Иначе говоря, тот, кто создает информационный хаос, управляет им, минимизирует опасность для себя.

Информация, в настоящем контексте, рассматривается с амбивалентной точки зрения как фактор стабильности и порядка для той системы, которая обладает ей в полной мере и умеет распоряжаться (в том числе путем навязывания своей воли противнику по средством дипломатии, пропаганды, психологических операций и управлением восприятия субъектов действия) [14]. и как фактор риска для системы, с наименьшими информационными ресурсами и менее эффективными управленческими и организационными технологиями работы с информацией.

Заключение.

Таким образом, риски, представляя собой естественный продукт глобализации, становятся и инструментом преодоления ее последствий — всеобщего хаоса с попытками держателей транснационального капитала извлечь из него максимальную выгоду для себя.

В этой связи, представления о рисках выступают теми самыми необходимыми «смыслами» и «значениями», способными объединять разрозненное общество с целью управления им. Управленческая составляющая в этой связи, предполагает организацию грамотного распределения информации о рисках/способах их преодоления (ресурсах социальной системы) внутри социума с целью получения конкретной реакции на них со стороны членов общества.

3. Бауман отмечает интересный парадокс: современные общества, будучи наиболее технически развитыми, а значит — наиболее безопасными для жизни и просчитываемыми с точки зрения рисков, оказываются, в то же время, и в наиболее уязвимом положении в отличие от социумов прошлого; их уязвимость обуславливается их зависимостью от современных технологий, средств связи и информации [15, с. 17; 101]. Лоббирование информации о рисках, порождающих страхи, а не смягчение последствий от ударов локальных угроз как продукта глобализации, становится и средством минимизации индивидуальных рисков для мировых элит [15, с. 159].

Состояние общей неопределенности, нестабильности, обнищание национальных государств, сказывающееся на понижении общего уровня жизни и социальных возможностях локального населения (на возможности получения хорошего образования, здравоохранения, работы, устройства своей личной жизни, создания семьи с возможностью иметь детей, возможности получения пенсионного обеспечения) списывается на ошибки национальных правительств, их оторванности от общемировых, «гуманных», «человеческих» ценностей и трендов демократического образца, латентно снимается ответственность за конструируемые риски с «производителей», зарабатывающих на рисках и «потребителей», остающихся один на один с их последствиями.

Так, массовая западная культура, взятая за основу российскими производителями информационного контента (кино, фильмы, книги, научные/развлекательные передачи, ток-шоу, игры), получившая широкое распространение в нашей стране, демонстрирует:

- вероятные сценарии общесоциальных рисков (природных катаклизмов, войн, революций, финансовых кризисов, последствия инопланетного вторжения, пандемий, роботизации, внедрения в жизнь общества искусственного интеллекта;

- последствия встреч с самыми опасными/ядовитыми/агрессивными представителями животного мира и природы;

- шокирующие истории убийств, разводов), делая из единичных случаев риски общесоциальных катастроф (от рисков заражения паразитарной инвазией до рисков отравления привычными продуктами питания), предлагая разные варианты их преодоления, которые, в конечном счете, сказываются на жизни членов социума и выражаются через призму их адаптивного поведения к последствиям информационных рисков и способов борьбы с ними).

Так, первый вариант борьбы с рисками предлагает использование превентивных методов их исключения, с помощью:

1) защиты своего жилища: установки камер слежения, железных дверей, высоких заборов, системы паролей, страхования недвижимости;

2) защиты здоровья: прохождения превентивных исследований, генетических анализов, соблюдения диет/методик чистки организма, вакцинации, тестирования химического состава потребляемой продукции, ее обработки, добавления в рацион БАДов и витаминов, страхования своей жизни/здоровья, жизни/здоровья близких людей;

3) профессиональной защиты: прохождения курсов профессиональной переподготовки, курсов повышения квалификации;

4) защиты личности: установки паролей и антивирусных систем на средствах связи;

5) защиты душевного состояния: проверки на верность своего партнера, изменение внешности (пластические операции) и личности (преодоление душевных травм у психотерапевта).

Второй вариант адаптации к информационным рискам предполагает:

1) психологическое принятие их, восприятие рисков как элементов рока/судьбы: уход в религию (популяризация буддизма, буддистских

практик в западных фильмах, книгах, социальных практиках Голливудских актеров/популяризация славянизма, язычества);

2) массовое внедрение альтернативных методов калькулирования индивидуальных рисков посредством обращения к астрологии, гаданию, картам таро, «марафонам желаний», т.е. не институциональные формы калькуляции рисков, актуальные для ситуации, когда институциональные формы калькуляции теряют свою релевантность.

Третий вариант адаптации к информационным рискам предполагает добровольный отказ индивидов от стабильности, долговечности, социальных правил в пользу индивидуальных изменений (профессии, внешности, пола, места жительства, веры, партнеров), жизни «здесь и сейчас», отказа от социальных, профессиональных, индивидуальных обязательств (от принятия ответственности за работу, отношения, семью, собственное будущее) [16, с. 96].

Такие образом, попытки избежать рисков (стремление к безопасности) сами превращаются в источник угроз и насилия [17, с. 168–169], а воспринимаемые риски становятся реальными по своим последствиям, отражаясь в стратегиях субъектов действия, девальвирующих стабильность [15, с. 132].

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. М. : Дело, 2003. 360 с.
2. Ситникова В. В. Социально-психологическая безопасность личности студентов/ Социальная и личностная безопасность и защита человека: эволюция форм и современные парадигмы: материалы международной заочной научно-практической конференции, посвященной 40-летию Амурского государственного университета, Благовещенск, 30 января 2015 года. Благовещенск : Амурский государственный университет, 2015. С. 123–128. EDN: XVKLYP
3. Яницкий О.Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Хрестоматия по российскому исследованию / О.Н. Яницкий; Отв. ред. И.И. Глебова; РАН. ИНИОН. Центр российскому исследованию. Выпуск 1. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2015. С. 174–187. EDN: WXWMJL
4. Яницкий О.Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39. DOI: 10.31857/S013216250003745-2 EDN: ZAKIAN
5. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Институт социологии ФНИСЦ РАН. URL : https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=1692&printmode (дата обращения 27.09.2025).
6. Яницкий О.Н. Дискуссия по проблемам глобальной // Власть. 2018. Т. 26. № 5. С. 7–12. DOI: 10.31171/vlast.v26i5.5814 EDN: UQBLCW
7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой; Послел. А. Филлипова. М. : Прогресс Традиция, 2000. 384 с. ISBN: 5-89826-059-5 EDN: RAYTKJ
8. Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса) // Socioline.ru. URL : <https://socioline.ru/pages/r-merton-samoispolnyayuscheesya-prorochestvo-teorema-tomasa> (дата обращения 27.09.2025).
9. Bailey K. Social entropy theory // Archive.org. URL : <https://archive.org/details/socialentropythe0000bail> (дата обращения 27.09.2025).

10. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; Под ред. М.С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.
11. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгер; Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М. : УРСС, 2023. 320 с.
12. Steven R. Mann. Chaos Theory and Strategic Thought // Archive.org. URL : <https://archive.org/details/1992Mann> (дата обращения 27.09.2025).
13. Complexity, Global Politics, and National Security // Dodccrp. URL : http://www.dodccrp.org/files/Alberts_Complexity_Global.pdf (дата обращения 27.09.2025).
14. Arquilla J. In Athenas Camp: Preparing for Conflict in the Information Age // Archive.org. URL : <https://archive.org/details/inathenascamppre0000unse> (дата обращения 27.09.2025).
15. Bauman Z. Liquid Fear. Cambridge : Polity Press, 2006. 188 p.
16. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с. ISBN: 978-5-469-00034-1 EDN: QOABEJ
17. Свендсен Л. Философия страха / Л. Свендсен; Пер. с норв. Н.В.Шинкаренко. М. : Прогресс-традиция, 2010. 288 с. ISBN: 978-5-89826-350-8 EDN: SDTGHL

References:

1. Knight F.H. Risk, uncertainty and profit. M. : Delo, 2003. 360 p.
2. Sitnikova V.V. Socio-psychological safety of students' personality/ Social and personal safety and human protection: evolution of forms and modern paradigms: proceedings of the international correspondence scientific and practical conference dedicated to the 40th anniversary of Amur State University, Blagoveshchensk, January 30, 2015. Blagoveshchensk : Amur State University, 2015. P. 123–128. EDN: XVKLYP
3. Yanitskiy O. N. Russia as a risk society: methodology of analysis and contours of the concept // Textbook on Russian studies / RAS. INION. The Center of Russian Studies; Ed. Glebova I.I. Iss. 1. M. : Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2015. P. 174–187. EDN: WXWMJL
4. Yanitskiy O.N. Challenges and risks of globalization. Seven theses // Sociological research. 2019. № 1. P. 29–39. DOI: 10.31857/S013216250003745-2 EDN: ZAKIAH
5. Giddens E. Fate, risk and security // Institute of Sociology of the National Research Research Center of the Russian Academy of Sciences. URL : https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=1692&printmode (date of application 09/27/2025).
6. Yanitskiy O.N. Discussion on the problems of global // Power. 2018. Vol. 26. № 5. P. 7–12. DOI: 10.31171/vlast.v26i5.5814 EDN: UQBLCW
7. Beck U. Risk society. On the way to another Modernity / U. Beck; Transl. from German V. Sedelnik and N. Fedorova; afterword by A. Fillipov. M. : Progress Tradition, 2000. 384 p. ISBN: 5-89826-059-5 EDN: RAY-TKJ
8. Merton R. Self-fulfilling prophecy (Thomas' Theorem) // Socioline.ru. URL : <https://socioline.ru/pages/r-merton-samoispolnyayuscheesya-prorochestvo-teorema-tomasa> (date of application 09/27/2025).
9. Bailey K. Social entropy theory // Archive.org. URL : <https://archive.org/details/socialentropythe0000bail> (date of application 09/27/2025).
10. Parsons T. The system of modern societies / T. Parsons; Transl. from English A. Sedova and A.D. Kovaleva; Edited by M.S. Kovaleva. M. : Aspect Press, 1998. 270 p.
11. Prigozhin I. Order from chaos: A new dialogue between man and nature / I. Prigozhin, I. Stenger; Transl. from English by Yu.A. Danilova. M. : URSS, 2023. 320 p.
12. Steven R. Mann. Chaos Theory and Strategic Thought // Archive.org. URL : <https://archive.org/details/1992Mann> (date of application 09/27/2025).
13. Complexity, Global Politics, and National Security // Dodccrp. URL : http://www.dodccrp.org/files/Alberts_Complexity_Global.pdf (date of application 09/27/2025).
14. Arquilla J. In Athenas Camp: Preparing for Conflict in the Information Age // Archive.org. URL : <https://archive.org/details/inathenascamppre0000unse> (date of application 09/27/2025).
15. Bauman Z. Liquid Fear. Cambridge: Polity Press, 2006. 188 pp.
16. Bauman Z. Fluid modernity / Z. Bauman; Transl. from English; Edited by Yu.V. Asochakov. SPb. : Peter, 2008. 240 p. ISBN: 978-5-469-00034-1 EDN: QOABEJ
17. Svendsen L. Philosophy of fear / L. Svendsen; Transl. from norv. N.V.Shinkarenko. M. : Progress-tradition, 2010. 288 p. ISBN: 978-5-89826-350-8 EDN: SDTGHL

Информация об авторах

Антонова Юлия Викторовна

кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры немецкого языка,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России
ORCID: 0000-0002-6258-4609
a_ntonowa@inbox.ru

Yulia V. Antonova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Senior lecturer of the German Language Department,
Moscow State Institute
of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6258-4609
a_ntonowa@inbox.ru

Свирская Дарья Александровна

специалист по учебно-методической работе
учебно-практической лаборатории
коммуникационных технологий,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России
ORCID: 0009-0000-5683-1768
daria_svirskaya@mail.ru

Darya A. Svirskaya

Specialist in Educational and Methodological Work
at the Educational and Practical Laboratory
of Communication Technologies,
Moscow State Institute
of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
ORCID: 0009-0000-5683-1768
daria_svirskaya@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-6>

УДК 316

Attribution

cc by

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Власова В.Н.¹, Ковров В.В.², Самыгин С.И.³

¹*Ростовский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации,*

²*Вятский государственный университет,*

³*Ростовский государственный экономический университет*

Аннотация. В статье анализируются основные проблемы и перспективы ревитализации ценностной составляющей высшего образования, выступающей в настоящее время в качестве важнейшего компонента государственной политики, направленной на преобразование социально-гуманитарной подготовки специалистов в отечественных вузах. Подчеркивается, что система вузовской подготовки в целом призвана играть определяющую роль в формировании устойчивых моральных ценностей и ориентиров представителей молодого поколения, способствующих гармоничному развитию личности студента. Авторы отмечают, что одной из важнейших новаций в современном вузовском образовании явилось введение учебного курса «Основы российской государственности»: рассматриваемая дисциплина направлена на формирование у обучающихся ценностей гражданской ответственности и патриотизма, представлений о фундаментальных ценностных принципах или константах российской цивилизации, перспективных ценностных ориентирах российского цивилизационного развития. Ценностное содержание курса «Основы российской государственности» апеллирует к нравственно-ценностным составляющим гражданского и патриотического сознания представителей рассматриваемой группы молодежи и их самосознания в целом, что предусматривает активизацию проблемного мышления и рефлексивных стратегий студентов. Отсюда проистекает необходимость практического применения интерактивных методов обучения, включающих привлечение студентов к дискуссиям, оформленным в диалоги различных типов, и к групповой проектной деятельности для активного изучения учебного материала.

Ключевые слова: образование, высшее образование, ценности, традиционные ценности, ревитализация, социализация, воспитание, духовно-нравственное воспитание, молодежь, студенческая молодежь, патриотизм, гражданственность, духовность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE REVITALIZATION OF THE VALUE COMPONENT OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM IN RUSSIA: THE MAIN PROBLEMS AND PROSPECTS

Victoria N. Vlasova¹, Victor V. Kovrov², Sergey I. Samygin³

¹*Rostov State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,*

²*Vyatka State University,*

³*Rostov State University of Economics*

Abstract. The article analyzes the main problems and prospects of revitalizing the value component of higher education, which currently acts as an essential component of state policy aimed at transforming the social and humanitarian training of specialists in domestic universities. It is emphasized that the system of university education as a whole is designed to play a decisive role in the formation of stable moral values and orientations of representatives of the younger generation, contributing to the harmonious development of the student's personality. The authors note that one of the most important innovations in modern university education was the introduction of the Fundamentals of Russian Statehood course: The discipline under consideration is aimed at forming students' values

of citizenship and patriotism, ideas about the fundamental value principles or constants of Russian civilization, and promising value orientations of Russian civilizational development. The value content of the course «Fundamentals of Russian Statehood» appeals to the moral and value components of the civic and patriotic consciousness of the representatives of the youth group in question and their self-awareness in general, which provides for the activation of problematic thinking and reflective strategies of students. This leads to the need for the practical application of interactive teaching methods, including involving students in discussions, framed in dialogues of various types, and in group project activities for the active study of educational material.

Keywords: education, higher education, values, traditional values, revitalization, socialization, upbringing, spiritual and moral education, youth, student youth, patriotism, citizenship, spirituality.

Funding: Independent work.

Введение.

Одним из важнейших компонентов преобразования современной российской вузовской подготовки выступает ревитализация ценностной составляющей высшего образования: в текстах ряда Посланий Президента РФ Федеральному Собранию, а также в указе главы государства от 09 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определен стратегический курс, предполагающий синтез достижений советского образования и опыта развития отечественной высшей школы последних десятилетий, призванный обеспечить соответствие рассматриваемой системы традиционным ценностям и духовно-нравственным идеалам, развитие России как самобытного государства-цивилизации [1]. Так, в Послании В.В. Путина российским парламентариям в 2023 г. было указано на необходимость повышения качества вузовских учебных курсов по социально-гуманитарным наукам, предусматривающее более глубокое освоение обучающимися отечественной культуры и традиционных ценностей [2].

В течение последних десятилетий наблюдались негативные изменения ценностных установок и нравственных ориентиров в молодежной среде, что проявлялось в преобладании материальных и индивидуалистических ценностей в сознании значительной части представителей отечественной молодежи в комплексе со снижением значимости общественных и духовных интересов. В специальных исследованиях, в частности, фиксировались усиление потребительских интересов среди молодежи, увеличение количества молодых людей с эгоистическими установками, что вступает в противоречие с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, основанными на коллективизме, созидательном труде, приоритете духовного над материальным и т.д. [3, с. 98–99].

В современных российских условиях востребованы молодые специалисты, способные гармонично сочетать личные и общественные ценности, ориентироваться не только на потребление, но и на созидание. Высшее образование в настоящее время призвано играть определяющую

роль в формировании устойчивых моральных ценностей и ориентиров представителей молодого поколения, способствующих гармоничному развитию личности студента. Данные обстоятельства обуславливают актуальность анализа основных проблем и противоречий функционирования системы современного российского высшего образования в части касающейся ценностной составляющей образовательного и воспитательного процессов в отечественных вузах.

Обсуждение. Результаты.

Ценностная составляющая функционирования высшего образования в современной России находит отражение в текстах ряда нормативно-правовых актов, регламентирующих систему духовного воспитания в отечественных вузах. Данная система представляет собой сложное многоаспектное образование, основанное на разработках и достижениях педагогической науки и реализуемое в рамках образовательной и воспитательной среды российских университетов. Так, в федеральном законе «Об образовании» подчеркивается неразрывность непосредственного процесса получения знаний, умений и навыков как интеллектуального роста личности и духовного воспитания как личностного развития в координатах общественного блага, связанного с формированием ценностных установок личности. Если говорить непосредственно о воспитании, то оно определяется в ст. 2 рассматриваемого закона как «деятельность, направленная на развитие личности, формирование у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности» и т.д. [4].

В соответствии с проектом «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 года», целью государственной политики нашей страны в области воспитания молодежи призвано выступать обеспечение социокультурных условий, необходимых для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально

ответственной личности молодого человека, реализующей субъектную позицию и разделяющей традиционные российские духовно-нравственные ценности, принятые в обществе правила и нормы поведения [5]. Рассматриваемая задача конкретизируется в тексте утвержденной распоряжением Правительства РФ «Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года». В данной Стратегии, в частности, делается акцент на духовно-нравственном воспитании молодежи, которое представляет собой совокупность скоординированных мер, осуществляемых органами публичной власти при участии институтов гражданского общества для противодействия социокультурным угрозам в части касающейся защиты традиционных ценностей в молодежной среде [6].

В рассматриваемом документе также отмечается, что система ценностей современной российской молодежи отражает ценностные сдвиги от коллективизма к индивидуализму и от государственничества к космополитизму, которые происходили в обществе в течение последних тридцати лет. В данной ситуации, важнейшей задачей, стоящей перед государством в области молодежной политики, является развитие ценностей, способствующих укреплению солидарности в отечественном социуме. В Стратегии подчеркивается, что ценностный портрет молодого гражданина во многом также формируется вокруг темы получения будущей профессии, выражения себя как созидателя, стремящегося к развитию, благоустройству страны, преобразению будущего: в связи с этим формирование понимания значимости труда, его созидательной ценности также является осью построения взаимоотношений государства с молодежью. По этой причине, в качестве одного из приоритетных направлений реализации указанной Стратегии выступает развитие традиционных российских ценностно-смысловых и нравственных ориентиров, гражданственности и патриотизма в молодежной среде [6]. В данных документах в целом определен перечень задач, решение которых предусматривает проведение целенаправленной воспитательной работы с представителями различных групп российской молодежи, в том числе, отечественного студенчества, которому в будущем предстоит играть важную роль в развитии страны.

Студенческая молодежь представляет собой будущую элиту общества, от которой зависит принятие ключевых решений, касающихся различных сфер общественной жизни, проведение социально-экономической, культурной и другой политики. Здесь большое значение имеют морально-нравственные, этические, гражданские ценностные установки современных учащихся, которым в будущем предстоит занять ключевые посты в системе публичной власти, бизнес-структурах и т.д. В настоящее время в целом имеется проблема выработки и практической реализации эффективных методов и средств,

направленных на формирование духовно-нравственных и гражданских ценностей, выступающих в качестве фундамента ценностных ориентаций молодежи, и, в частности, современного российского студенчества [7, с. 267–268]. Очевидно, что воспитательный процесс в высших учебных заведениях должен быть сформирован, исходя из целей и ключевых задач воспитания молодежи, закрепленных в текстах соответствующих законов и других нормативно-правовых актов. На формирование ценностных ориентаций, базирующихся на ценностях морально-нравственного и гражданского характера в среде студенческой молодежи, оказывает воздействие большое количество взаимосвязанных факторов.

Если говорить непосредственно об учебной деятельности, то здесь приоритетную роль призваны играть дисциплины социально-гуманитарного цикла, посредством которых обучающиеся могут приобретать знания и представления об основополагающих традиционных духовно-нравственных ценностях, о поведении, в рамках которых данные ценности получают практическую реализацию, об установках, определяющих направленность развития личности в связи с нормами и идеалами, в которых рассматриваемые традиционные ценности находят свое воплощение.

Воспитательный, ценностно-мировоззренческий компонент образования должен играть ведущую роль в учебном процессе как в средней, так и в высшей школе, что предусматривает необходимость изменения федеральных государственных стандартов высшего образования в целях усиления ценностно-мировоззренческой, патриотической и духовно-нравственной составляющей образовательного процесса, обеспечения разностороннего и комплексного воспитательного воздействия с учетом его непрерывного характера.

В идеале, система воспитания должна приобрести завершенный вид и охватить собой, в том числе магистратуру и аспирантуру. При этом должны быть разработаны четкие концепция и методология воспитания обучающихся, в которых должны находить отражение образы и смыслы будущего, базирующиеся на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, которые позволяют определенным образом вдохновлять представителей молодого поколения и связывать их со своей страной и ее будущим.

В рамках воспитательного воздействия должны раскрываться содержание и смысл каждой из рассматриваемых традиционных ценностей, которые должны восприниматься студентами в качестве неотъемлемой части их повседневной жизни, закрепляться в сознании молодых людей и выступать ориентирами их поведения в профессиональной и других сферах жизнедеятельности.

Воспитательный процесс, связанный с формированием ценностных установок представителей

студенческой молодежи, должен развиваться не только в рамках вузов и факультетов гуманитарного профиля, но и в высших учебных заведениях, специализирующихся на подготовке инженерных, технических и других специалистов. Наряду с подготовкой высококвалифицированных специалистов, востребованных в различных отраслях профессиональной деятельности, система высшего образования должна готовить кадры, характеризующиеся высоким уровнем патриотического сознания, гражданских ценностей, отличающиеся высоким уровнем социальной ответственности, любовью к Родине, готовностью трудиться на благо Отечества.

В рамках воспитательного процесса в высшей школе, основной акцент должен делаться на воспитание патриотически настроенных молодых граждан, способных укрепить национальную безопасность и суверенитет России, обеспечить ее прогрессивное и поступательное развитие. Данный процесс предусматривает реализацию на системной основе целенаправленной деятельности, реализуемой преподавателями социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе и ориентированной на формирование у представителей студенческой молодежи патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Не вызывает сомнений тот факт, что только цельная, зрелая в нравственном, культурном, гражданском отношении личность, глубоко впитавшая традиционные российские духовно-нравственные ценности, способна в большей степени реализовать свой интеллектуальный и творческий потенциал в различных значимых для страны проектах, достичь высоких результатов в профессиональной и других отраслях жизнедеятельности. По этой причине, формирование профессиональных кадров для различных отраслей национальной экономики, в том числе, инженерно-технических, IT-специалистов, неотделимо от ценностно-мировоззренческой составляющей образовательного процесса, предусматривающего погружение обучающихся в цивилизационный и культурный контекст.

Наряду с этим, подготовка специалистов в системе высшего образования должна осуществляться таким образом, чтобы исключить распространение в среде российского студенчества деструктивных идей, подрывающих ценностные основы российской государственности, умаляющих ее историческое достоинство как самобытной державы-цивилизации.

В настоящее время, как отмечается в учебно-методическом комплексе (УМК) по дисциплине «Основы российской государственности», в условиях ускорения технологической революции и формирования новых социально-экономических моделей, базирующихся на приоритетной ценности знания, основополагающим

вектором развития системы высшего образования становится увеличение значимости мировоззренческого и гуманитарно-просветительского компонента вузовской подготовки, ценностных установок соответствующих специалистов, кадров высшей квалификации [8, с. 3–4].

Расширение рассматриваемого гуманитарного и мировоззренческого компонента должно основываться на фундаментальном научном подходе, способном интегрировать в образовательный процесс в современной отечественной высшей школе передовые исследовательские достижения, теоретические и практические разработки в области символической и культурной ценностной политики, исследования ценностной составляющей современного российского мировоззрения, массового сознания населения российского общества.

Наряду с ревитализацией ценностной составляющей системы отечественного высшего образования, внимание научно-преподавательского сообщества в нашей стране в настоящее время все более акцентируется на историко-политическом фундаменте образовательной подготовки в вузах. На современном этапе развития российского общества происходит объективное усиление запроса на более активную социально-гуманитарную подготовку студентов, проходящих обучение по всем специальностям и направлениям в высших учебных заведениях. Практика показала, что те учебные планы и рабочие программы дисциплин социально-гуманитарного цикла, которые преподавались в отечественных вузах в течение последних лет, в силу ряда причин, оказались неспособными обеспечить эффективную реализацию указанных задач, связанных с формированием патриотических, гражданских и других ценностных установок, и ориентаций современного российского студенчества. Отсюда проистекает объективная необходимость и потребность в обновлении содержания преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла, изучаемых, в том числе в рамках непрофильных направлений подготовки, включающих инженерные, технические, естественно-научные и другие вузовские специальности.

В настоящее время происходит возрастание рисков расхождения между принципами и содержанием преподавания общественных и гуманитарных дисциплин, объективными реалиями, сформировавшимися в рамках отечественной высшей школы, с одной стороны, и ценностными, поведенческими и иными особенностями представителей современного молодого поколения, с другой стороны. Последствия подобных расхождений могут находить проявление в социальной и политической дестабилизации в стране, росте напряженности, разрастании существующих в обществе межпоколенческих и других ценностных расхождений и противоречий, образовании новых социальных расколов.

Новая учебная дисциплина, получившая наименование «Основы российской государственности», призвана обеспечить решение существующих ценностных и мировоззренческих проблем и противоречий, дать адекватный ответ на актуальные вызовы современности посредством создания необходимых условий для ревитализации ценностной составляющей отечественного высшего образования на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, формирования у представителей студенческой молодежи развитых чувств гражданственности и патриотизма.

Введение на основании поручения Президента Российской Федерации В.В. Путина в образовательные программы высшего образования в нашей стране курса (модуля) «Основы российской государственности» стало одной из важнейших новаций в системе современной российской вузовской подготовки. Необходимо отметить, что рассматриваемая дисциплина предназначена для студентов, проходящих обучение по образовательным программам бакалавриата и специалитета очной, очно-заочной и заочной форм обучения и направлена на формирование у лиц, обучающихся в высших учебных заведениях, ценностей гражданственности и патриотизма, фундаментальных ценностных принципов или констант российской цивилизации, перспективных ценностных ориентиров российского цивилизационного развития [9, с. 9].

Необходимость введения курса «Основы российской государственности» была продиктована тем, что, несмотря на отдельные воспитательные программы и мероприятия, реализуемые в течение последних лет в стране в целом и высших учебных заведениях, в частности, образовался определенный пробел именно в сферах идеологического образования и патриотического воспитания различных групп отечественной молодежи, к числу которых относится и студенчество.

Новый курс «Основы российской государственности» призван способствовать формированию гражданских и патриотических ценностей в молодежной среде: именно в высшей школе, как уже отмечалось выше, происходит становление гражданской позиции молодого специалиста на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. Мы уже писали о том, что от взглядов представителей современного молодого поколения и студенчества как потенциальной интеллектуальной, управленческой и другой элиты общества, зависит эффективное и поступательное развитие российского общества и государства, реализация основополагающих национальных целей и приоритетов, обеспечение национальной безопасности страны. Здесь важное значение имеет то обстоятельство, что курс «Основы российской государственности» является обязательной дисциплиной, которая преподается студентам, обучающимся по всем направлениям подготовки отечественной высшей школы.

Немаловажное значение имеет и то, что данный предмет изучается студентами на первом курсе в первом учебном семестре, что позволяет привить студентам-первокурсникам чувства гражданственности и патриотизма, принадлежности к российскому обществу и самобытному российскому государству-цивилизации, научить их воспринимать собственное личностное развитие и жизнедеятельность сквозь призму общественных благ, традиционных духовно-нравственных ценностей и ориентиров, морально-этических и других норм.

Как подчеркивает О.Б. Потеряева, введение курса «Основы российской государственности» в образовательный процесс в российских высших учебных заведениях стало своего рода ответом на запрос «усиления социально-гуманитарной подготовки студентов, ревитализации ценностной составляющей образования»: эта тенденция, как отмечает данная исследовательница, в настоящее время характерна не только для отечественного вузовского образования, но и для университетского образования в мировом масштабе [10, с. 255]. В процессе изучения учебного материала, относящегося к курсу «Основы российской государственности», у студентов должны сформироваться представления о специфических характеристиках, принципах формирования и ценностных основаниях российской государственности, мировоззренческих особенностях российской цивилизации, которые сложились в ходе многовекового развития нашей страны. Указанные особенности, в частности, нашли отражение в утвержденной Указом Президента РФ В.В. Путина от 31 марта 2023 года «Концепции внешней политики», в рамках которой закрепляется положение о России как об «особом государстве-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державе, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [11].

В соответствии с положениями учебно-методического комплекса по «Основам российской государственности», основной целью преподавания рассматриваемой дисциплины является формирование у обучающихся системы знаний, навыков и компетенций, а также ценностей, правил и норм поведения, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности, формированием духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности, сопрягающей личное достоинство и успех с общественным прогрессом и политической стабильностью своей Родины и осознающей особенности исторического пути российского государства, самобытность его политической организации [8, с. 5–6].

Поскольку учебный курс «Основы российской государственности» предусматривает освоение обучающимися знаний и представлений о специфике формирования и развития России как

самобытного государства-цивилизации в исторической ретроспективе и с учетом актуальных угроз и вызовов современности, требуется разработка и практическая реализация новых подходов к преподаванию данной дисциплины на основе имеющихся у студентов интегральных учебно-когнитивных компетенций.

Следует согласиться с точкой зрения О.Б. Потеряевой, в соответствии с которой успешное освоение обучающимися рассматриваемой дисциплины предусматривает учет возрастных и других психологических особенностей студенческой аудитории, степени сформированности у них ценностей мировоззренческого характера, гражданских, патриотических и иных позиций [10, с. 256].

Необходимо отметить, что ценностное содержание курса «Основы российской государственности» апеллирует к нравственно-ценностным составляющим гражданского и патриотического сознания представителей рассматриваемой группы молодежи и их самосознания в целом, что предусматривает активизацию проблемного мышления и рефлексивных стратегий студентов. Отсюда проистекает необходимость практического применения интерактивных методов обучения, включающих привлечение студентов к дискуссиям, оформленным в диалоги различных типов, и к групповой проектной деятельности для активного изучения материала.

Наряду с этим, успешному освоению обучающимися данного курса может способствовать использование кейсовых заданий, проведение деловых игр и дебатов, организация воркшопов и мастерских, а также других коммуникативных техник и методик преподавания социально-гуманитарных дисциплин.

Большое значение здесь также имеют проблемно-ориентированные методы преподавания, поскольку рассматриваемый курс направлен не только на приобретение студентами комплексных знаний о российской государственности, выступающих в качестве содержательной основы гражданского мировоззрения молодых людей, но и на формирование ценностей, связанных с идентичностью общегражданского и общенационального характера, осознанием принадлежности к российскому обществу и государству, развитием патриотических установок, духовно-нравственного фундамента личности.

Заключение.

Ревитализация ценностной составляющей высшего образования выступает в настоящее время в качестве важнейшего компонента государственной политики, направленной на преобразование системы подготовки специалистов в отечественных вузах, что находит отражение в текстах законов и других нормативно-правовых

актов, регламентирующих соответствующую образовательную и воспитательную деятельность.

Система вузовской подготовки призвана играть определяющую роль в формировании устойчивых моральных ценностей и ориентиров представителей молодого поколения, способствующих гармоничному развитию личности студента. Образовательный и воспитательный процесс предусматривает раскрытие смысла и содержания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые должны восприниматься студентами в качестве неотъемлемой части их повседневной жизни, закрепляться в сознании молодых людей и выступать ориентирами их поведения в профессиональной и других сферах жизнедеятельности.

В рамках воспитательного процесса в высшей школе, основной акцент должен делаться на воспитании патриотически настроенных молодых граждан, способных укрепить национальную безопасность и суверенитет России, обеспечивать ее прогрессивное и поступательное развитие: данный процесс предусматривает реализацию на системной основе целенаправленной деятельности, реализуемой преподавателями социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе и ориентированной на формирование у представителей студенческой молодежи патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Одной из важнейших новаций в системе современной отечественной вузовской подготовки явилось введение на основании поручения главы государства в образовательные программы высшего образования учебного курса «Основы российской государственности». Рассматриваемая дисциплина направлена на формирование у лиц, обучающихся в высших учебных заведениях, ценностей гражданственности и патриотизма, представлений о фундаментальных ценностных принципах или константах российской цивилизации, перспективных ценностных ориентирах российского цивилизационного развития.

Ценностное содержание курса «Основы российской государственности» апеллирует к нравственно-ценностным составляющим гражданского и патриотического сознания представителей рассматриваемой группы молодежи и их самосознания в целом, что предусматривает активизацию проблемного мышления и рефлексивных стратегий студентов. Отсюда проистекает необходимость практического применения интерактивных методов обучения, включающих привлечение студентов к дискуссиям, оформленным в диалоги различных типов, и к групповой проектной деятельности для активного изучения материала.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 14.09.2025).
2. Послание Президента Российской Федерации от 21 февраля 2023 года б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации). URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения 15.09.2025).
3. Пономарев П.А. Патриотическое воспитание современной российской молодежи: основные проблемы и перспективные направления / П.А. Пономарев, В.В. Шалин, С.И. Самыгин // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 95–102. DOI: 10.24158/spp.2025.2.9 EDN: ILEHXC
4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск от 30 декабря 2012 г.
5. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 года. Проект от 17 декабря 2024. URL : dou26kirov.gosuslugi.ru/netcat_files/8/53/proekt (дата обращения 16.09.2025).
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 года № 2233-р «Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года». URL : <http://static.government.ru/media/files> (дата обращения: 17.09.2025).
7. Самыгин С.И. Курс «Обучение служением» как механизм укрепления социальной солидарности и доверия в российском обществе / С.И. Самыгин, Г.С. Малучиев, А.М. Шевченко // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. № 2. С. 266–274. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-266-274 EDN: BYWYBR
8. Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В.Э. Багдасарян [и др.]. РАНХиГС : Издательский Дом Дело, 2023. 272 с.
9. Основы российской государственности : учеб. пособие / Колл. авторов; Под ред. А.Н. Позднышова. М. : КНОРУС, 2025. 272 с.
10. Потеряева О.Б. Коммуникативные и ценностные аспекты методики преподавания курса «Основы российской государственности» // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 3(81). С. 254–257. EDN: JMNDCI
11. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229.
12. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения 18.09.2025).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated November 09, 2022 № 809 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values». URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/48502> (date of application 09/14/2025).
2. Message from the President of the Russian Federation dated February 21, 2023 b/n (Speech by the President of the Russian Federation Vladimir Putin with a Message to the Federal Assembly of the Russian Federation). URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/49010> (date of application 09/15/2025).
3. Ponomarev P.A. Patriotic education of modern Russian youth: main problems and promising directions / P.A. Ponomarev, V.V. Shalin, S.I. Samygin // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2025. № 2. P. 95–102. DOI: 10.24158/spp.2025.2.9 EDN: ILEHXC
4. Federal Law № 273-FZ of December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation» // Rossiyskaya gazeta. Federal issue dated December 30, 2012.
5. Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2030. Draft dated December 17, 2024. URL : dou26kirov.gosuslugi.ru/netcat_files/8/53/project (date of application 09/16/2025).
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated August 17, 2024 № 2233-r «Strategy for the implementation of youth Policy in the Russian Federation for the period up to 2030». URL : <http://static.government.ru/media/files> (date of application 09/17/2025).
7. Samygin S.I. The course «Ministry training» as a mechanism for strengthening social solidarity and trust in Russian society / S.I. Samygin, G.S. Maluchiev, A.M. Shevchenko // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences. 2023. Vol. 16. № 2. P. 266–274. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-266-274 EDN: BYWYBR

8. Fundamentals of Russian statehood: an educational and methodological complex on discipline for educational organizations of higher education / V.E. Bagdasaryan, Yu.Y. Jerusalem, S.A. Kudrina [et al.]. RANHiGS : Publishing House Delo, 2023. 272 p.
9. Fundamentals of Russian statehood : textbook / Collective of authors; Edited by A.N. Pozdnyshov. M. : KNORUS, 2025, 272 p.
10. Poteryaeva O.B. Communicative and value aspects of teaching methods of the course «Fundamentals of Russian statehood» // Problems of modern teacher education. 2023. № 3(81). P. 254–257. EDN: JMNDCL
11. Decree of the President of the Russian Federation dated March 31, 2023 № 229.12. «On Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation». URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/49090> (date of application 09/18/2025).

Информация об авторе

Власова Виктория Николаевна

доктор философских наук,
кандидат педагогических наук,
доцент,
заведующая кафедрой педагогики,
Ростовский государственный
медицинский университет
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
oip08@mail.ru

Victoria V. Vlasova

Doctor of Philosophy,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Pedagogy,
Rostov State Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation
oip08@mail.ru

Ковров Владимир Викентьевич

кандидат педагогических наук,
доцент,
доцент кафедры педагогики,
Вятский государственный университет, г. Киров
lev23@list.ru

Victor V. Kovrov

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Pedagogy,
Vyatka State University, Kirov

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры финансового
и HR менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
samygin78@yandex.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor,
Professor of the Department
of Financial and HR Management,
Rostov State University of Economics
samygin78@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-9>

УДК 316.4

Attribution

cc by

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Долгих К.С.

Пятигорский государственный университет

Аннотация. В современном мире, в век развития интернета, виртуальные путешествия общества играют огромную роль. Ведь различные электронные ресурсы сети Интернет являются местами, где люди проводят большое количество времени, а значит, там можно воздействовать на людей в коммерческих, воспитательных, образовательных и иных целях. При этом варианты виртуальной мобильности различаются в разные годы, а также, вероятно, могут отличаться для различных поколений людей. Однако различия виртуальной мобильности могут быть связаны не только непосредственно с возрастом путешествующих индивидов, но и с половой принадлежностью индивидов. Иными словами, виртуальная горизонтальная мобильность для людей мужского и женского полов может отличаться. В статье была поставлена цель изучить, есть ли гендерные различия в виртуальной горизонтальной мобильности для современного молодого поколения в российском обществе.

Ключевые слова: виртуальная мобильность, горизонтальная мобильность, трансляционные мобильности, нетрансляционные мобильности, социальная стратификация, гендерные различия.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

GENDER DIFFERENCES IN THE VIRTUAL MOBILITY OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Ksenya S. Dolgikh

Pyatigorsk State University

Abstract. Virtual travel societies play a huge role in the modern world, in the age of Internet development. After all, various electronic resources on the Internet are places where people spend a lot of time, which means that it is possible to influence people there for commercial, pedagogical, educational and other purposes. At the same time, the options for virtual mobility are different in different years, and also probably may differ for different generations of people. However, differences in virtual mobility may be related not only directly to the age of the traveling individuals, but also to the gender of the individuals. In other words, virtual horizontal mobility for men and women may differ. The aim of the article was to study whether there are gender differences in virtual horizontal mobility for the modern younger generation in Russian society.

Keywords: virtual mobility, horizontal mobility, translational mobility, non-translational mobility, social stratification, gender differences.

Funding: Independent work.

Введение.

В настоящее время сложно представить жизнь современного общества без горизонтальной мобильности [4, с. 42]. На сегодняшний день люди имеют огромные возможности осуществлять горизонтальные перемещения. Индивидуумы в нашей стране могут не только ездить и перемещаться в разные регионы Российской Федера-

ции, но и осуществлять другие виды горизонтальных перемещений.

В наши дни люди имеют большое количество свободы в плане различных видов горизонтальной мобильности [1, с. 30]. Такого не было ранее. В современном мире индивиды имеют не только возможность и право на свободу перемещения, которых не было у некоторых слоёв

населения ещё 200 лет назад во времена существования крепостного права, но также и технические возможности для осуществления различных виртуальных путешествий. Если рассмотреть молодое поколение нашей страны, то большая часть парней и девушек были рождены в век научно-технического прогресса, когда их родители уже активно осуществляли виртуальные перемещения. Фактически это были дети, которые росли, осуществляя виртуальные перемещения с самого детства. Сегодня виртуальные перемещения являются неотъемлемой частью жизни молодых людей и девушек нашей страны.

Обсуждение.

Очень важно понимать, какие виды виртуальных перемещений нравятся современному поколению людей. Такого рода информацию можно использовать в образовательных целях, а также в воспитательных целях [3, с. 102]. Необходимо также учитывать, что виртуальные перемещения могут быть разными для разных поколений.

В работе была поставлена задача узнать, какие направления виртуальной мобильности предпочитает современное молодое поколение, а также узнать, есть ли какая-то зависимость в предпочтениях виртуальной мобильности в зависимости от гендерных особенностей личности. Вместе с тем, очень важным было понять есть ли какие-то общие варианты виртуальной мобильности, которые характерны как для молодых людей, так и для девушек.

Необходимо выявить гендерные различия виртуальной мобильности, если они есть [1, с. 29]. Эти данные также могут использоваться в процессе осуществления маркетинговой деятельности, когда разрабатывается продукт только для молодых людей или только для девушек. Все респонденты являются гражданами и жителями России. В работе использовался метод опроса, в котором приняли участие 500 человек. Из них 50 % юноши и 50 % девушки. Возраст респондентов составил 15–18 лет.

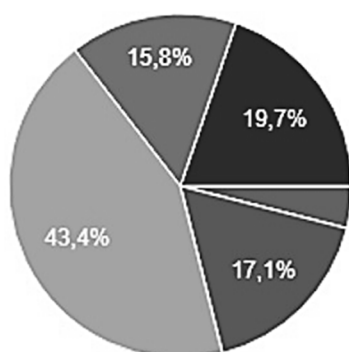

Диаграмма 1: опрошенные респонденты мужского пола.

Рисунок 1 – Данные опроса о продолжительности виртуальной мобильности в компьютерных играх

Результаты.

Исследования показали, что как молодые люди, так и девушки любят совершать виртуальную горизонтальную мобильность в мессенджере Telegram. Так, процент респондентов, которые ответили, что любят осуществлять горизонтальную виртуальную мобильность в Telegram, для девушек составляет 82,4 %, а для юношей – 76,3 %. На втором месте как у юношей, так и у девушек находятся в мессенджере WhatsApp, однако, он набирает гораздо меньший процент 22,4 % для молодых людей и 17,6 % у девушек.

Таким образом, Telegram целесообразно использовать в образовательных, воспитательных, информационных и иных целях. В данном случае, речь идёт об использовании Telegram как для молодых людей, так и для девушек в Российской Федерации.

Также были проанализированы преимущества в горизонтальных перемещениях в процессе обучения в образовательных организациях [2, с. 46]. И как молодые люди, так и девушки выбрали, что во время учебных предметов в аудитории им нравится совершать виртуальные перемещения, которые представлены дидактическими онлайн-играми. Результаты для молодых людей и девушек составляют 43,4 % и 54 % соответственно. Иные варианты горизонтальных мобильностей имеют результаты в опросе приблизительно в два раза ниже, то есть являются менее популярными.

Другие варианты ответов для юношей и девушек различаются и таким образом дифференцируются гендерные различия виртуальной мобильности. Девушки, в отличие от юношей, не любят проводить время, играя в компьютерные игры. Молодые люди же, напротив, регулярно осуществляют виртуальную мобильность, используя компьютерные игры. Так 43,3 % опрошенных лиц мужского пола ответили, что играют в компьютерные игры 2–3 часа в день, а 65 % опрошенных девушек отметили, что не любят компьютерные игры (рис. 1).

- люблю играть весь день
- играю примерно 4 часа в день
- играю 2-3 часа в день
- не более 1 часа в день
- не люблю компьютерные игры

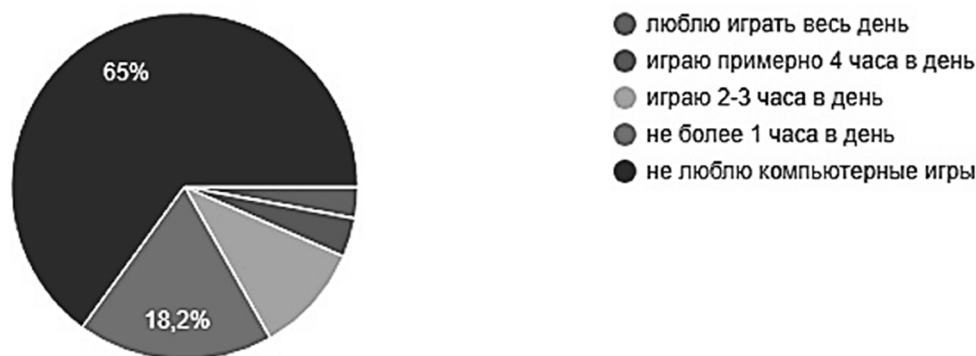

Диаграмма 2: опрошенные респонденты женского пола.

Окончание рисунка 1

Если в целом собрать суммарное количество девушек и парней, которые ежедневно проводят время в компьютерных играх, то этот общий процент будет 80,3 % для юношей и 35 % для девушек.

В процессе опроса выяснилось, что молодые люди любят осуществлять виртуальную нетрансляционную мобильность в видеохостингах, просматривая видео-ролики. В отличие от них, девушки видеохостинги не предпочитают для осуществления виртуальной нетрансляционной мобильности, а любят социальные сети и мессенджеры.

Также результаты проведенного исследования показали, что девушки предпочитают осуществлять виртуальную нетрансляционную мобильность посредством просмотра художественных фильмов в сети Интернет. Молодые люди в свою очередь предпочитают осуществлять нетрансляционную виртуальную мобильность посредством просмотра видеороликов в сети Интернет.

В процессе опроса большое количество как молодых людей, так и девушек отметили, что проводят большое много времени в социальной сети с короткими видеороликами TikTok. Эти значения составили 46,8 % для молодых людей

и 54 % для девушек.

В процессе опроса также выяснялось, любят ли молодые люди и девушки смотреть прямые эфиры в социальных сетях, то есть осуществлять трансляционную мобильность в режиме реального времени. Большая часть юношей указала на то, что не любят смотреть прямые эфиры, то есть не любят совершать трансляционную мобильность, а любят смотреть уже записанные видеоролики. Эта цифра составила 46,8 % и лишь 20,8 % опрошенных молодых людей указали на то, что любят смотреть прямые эфиры, то есть осуществлять трансляционную мобильность). Вероятно, это связано с тем, что молодым людям не нравится подстраивать своё время под расписание прямых эфиров. 7,8 % молодых людей указали на то, что они любят сами проводить прямые эфиры в социальных сетях (рис. 2).

Что касается девушек, то они, по аналогии с юношами, не любят смотреть прямые эфиры, а предпочитают уже записанные видеоролики. то есть они не любят осуществлять трансляционную мобильность в режиме реального времени. Однако большая часть девушек, в отличие от юношей, отметили, что не проводят эфиры в социальных сетях самостоятельно.

Что вы любите больше?

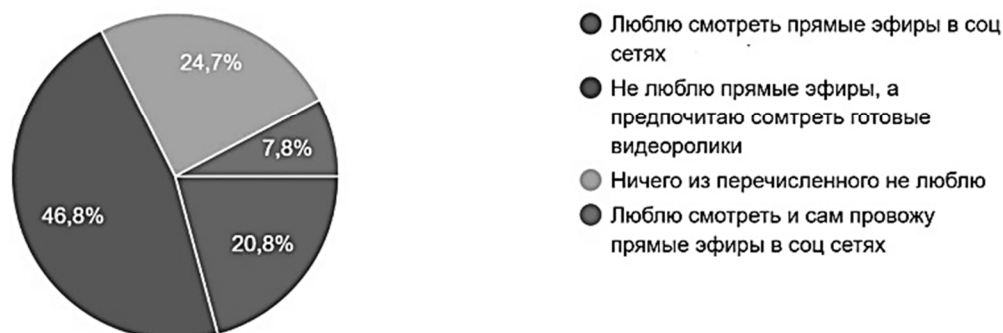

Диаграмма 1: опрошенные респонденты мужского пола.

Рисунок 2 – Данные опроса о просмотрах видео-роликов и прямых эфирах

Что вы любите больше?

Диаграмма 2: опрошенные респонденты женского пола.

Окончание рисунка 2

Также изучалась информация, какие варианты горизонтальной мобильности молодые люди и девушки предпочитают в выходные дни (рис. 3). Выяснилось, что большая часть молодых людей и девушек любят в выходные встречаться с друзьями офлайн, а также предпочитают осуществ-

лять горизонтальную территориальную офлайн-мобильность. Как юноши, так и девушки указали на то, что они больше предпочитают офлайн-общение с друзьями в реальной жизни больше, чем онлайн-общение с друзьями.

Чем вы чаще всего занимаетесь в выходные?

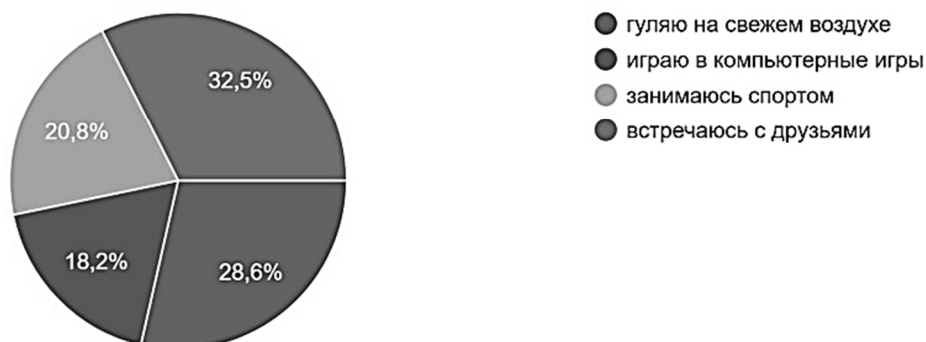

Диаграмма 1: опрошенные респонденты мужского пола

Что вы больше любите?

Диаграмма 2: опрошенные респонденты женского пола.

Рисунок 3 – Горизонтальная мобильность в выходные дни для юношей девушек

Также проводилось исследование, какой браузер использует молодое поколение для осуществления виртуальной горизонтальной мобильности. Большая часть молодых людей и девушек предпочитают Яндекс Браузер. На втором месте – Google Chrome. Однако, юноши, в отличие от девушек, используют большее количество браузеров для поиска в сети Интернет.

Заключение.

Таким образом, в процессе исследований было выявлено, что как юноши, так и девушки предпочитают осуществлять виртуальную мобильность в мессенджере Telegram. Таким образом, Telegram можно использовать для различных целей. На втором месте мессенджер WhatsApp. В процессе обучения в образовательных организациях как молодые люди, так и девушки предпочитают дидактические онлайн игры в сравнении с офлайн-методами обучения.

Что касается свободного времени, то молодые люди в отличие от девушек любят играть в компьютерные игры и проводят достаточно большое количество времени, осуществляя горизонтальную мобильность в компьютерных играх. Девушки же напротив не любят играть в компьютерные игры, а предпочитают заниматься какими-то другими делами.

Юноши, в отличие от девушек предпочитают осуществлять нетрансляционную мобильность видеохостингах и смотреть видеоролики, девушки предпочитают социальные сети и мессенджеры, а также любят осуществлять виртуальную мобильность средства просмотра художественных фильмов в сети Интернет.

Как молодые люди, так и девушки предпочитают социальную сеть с короткими видеороликами TikTok. И юноши, и девушки указали на то, что не любят смотреть прямые эфиры в сети Интернет, то есть не любят осуществлять трансляционную мобильность, а предпочитают смотреть уже записанные готовые видеоролики.

Самый популярный браузер для осуществления виртуальной горизонтальной мобильности среди юношей и девушек – Яндекс Браузер, а на втором месте Google Chrome.

Таким образом, современное молодое поколение, в целом, принимает огромное участие в виртуальной горизонтальной мобильности. Однако, в ходе исследования, было выявлено, что как молодые люди, так и девушки понимают ценность горизонтальной офлайн-мобильности. Однако, горизонтальную офлайн-мобильность сложнее организовать, чем виртуальную мобильность, в связи с чем горизонтальную виртуальную мобильность разного рода респонденты совершают ежедневно и в большом объеме.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Долгих К.С. Виртуальная мобильность молодёжи в современном российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар 2024. № 1. С. 29–36.
2. Долгих К.С. Анализ органической выдачи и степени использования инструментов SEO-оптимизации сайтов для продвижения услуг санаториев города Пятигорска (Материалы научно-методического чтения «Университетские чтения – 2021». Пятигорск : ПГУ, 2021. С. 44–49.
3. Долгих К.С. Лингвистическое образование как фактор развития инкамингового туризма и академической мобильности в России // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионального образования : в 2-х частях. Пятигорск : ПГУ, 2021. Ч. II. С. 100–104.
4. Кузнецов А.А. Виртуальная мобильность: проблемы, возможности, перспективы // Мир науки, культуры образования. Горно-Алтайск, 2023. № 5(102). С. 40–41.
5. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин; Под ред. А.Ю.Согомонова. М. : Издательство политической литературы, 1992. 544 с.
6. Урри Дж. Офшоры / Дж. Урри; Пер. с англ. М. : Дело, РАНХиГС, 2017. 288 с.

References:

1. Dolgikh K.S. Analysis of organic issuance and the degree of use of SEO optimization tools for the promotion of services of health resorts in Pyatigorsk // Materials of scientific and methodological readings "University readings – 2021. Pyatigorsk : PSU, 2021. P. 44–49.
2. Dolgikh K.S. Virtual mobility of youth in modern Russian society // Humanities, socio-economic and social sciences. Krasnodar, 2024. № 1. P. 29–36.

© Долгих К.С.

3. Dolgikh K.S. Linguistic education as a factor in the development of inbound tourism and academic mobility in Russia // Language and culture in the era of integration of scientific knowledge and professional education : in 2 parts. Pyatigorsk : PSU, 2021. Part II. P. 100–104.
4. Kuznetsov A.A. Virtual mobility: problems, opportunities, prospects // The world of science, culture and education. Gorno-Altaysk, 2023. № 5(102). P. 40–41.
5. Sorokin, P.A. Man. Civilization. Society / P.A. Sorokin; Edited by A.Y. Sogomonov. M. : Publishing House of Political Literature, 1992. 544 p.
6. Urri J. Offshore companies / J. Urri; Translated from English. M. : Delo, RANEPa, 2017. 288 p.

Информация об авторе

Долгих Ксения Сергеевна

старший преподаватель
кафедры туризма и индустрии гостеприимства,
Институт иностранных языков
и международного туризма,
Пятигорский государственный университет
ORCID: 0000-0002-3929-0290
ksena2021@list.ru

Kseniya S. Dolgikh

Senior Lecturer at the Department of Tourism
and the Hospitality Industry,
Institute of Foreign Languages
and International Tourism,
Pyatigorsk State University
ORCID: 0000-0002-3929-0290
ksena2021@list.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-14>

УДК 338.22

Attribution

cc by

АНАЛИЗ БАРЬЕРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ КНР И РФ)

Ли Хунган

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме – проблемы реализации социальной политики в России и Китае. К ним относятся недостаток достоверных данных о нуждаемости населения, высокая бюрократизация процессов и различные демографические вызовы (например, ускоряющееся старение населения). Целью работы является анализ барьеров, снижающих эффективность государственных программ социальной поддержки в КНР и РФ. Методология включает в себя сравнительный анализ (в рамках сопоставления ключевых параметров социальной поддержки в РФ и КНР), контент-анализ документов (в процессе выявления барьеров, способствующих стагнации государственной политики обеих стран в области социальной защиты уязвимых слоев населения) и др. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости радикальных реформ: создание адекватных критериев нуждаемости населения, упрощение административных процедур, а также усиление межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: социальная политика, социальная защита граждан, социальная поддержка населения, государственная программа, административные практики, межведомственная координация, региональная дифференциация, бедность, Китай, Россия.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ANALYSIS OF BARRIERS AFFECTING THE EFFECTIVENESS OF GOVERNMENT PROGRAMS IN THE FIELD OF SOCIAL SUPPORT FOR CITIZENS (USING THE EXAMPLE OF CHINA AND THE RUSSIAN FEDERATION)

Li Honggang

Saint Petersburg State University

Abstract. The article is devoted to an urgent topic – the problems of implementing social policy in Russia and China. These include a lack of reliable data on the needs of the population, high bureaucratization of processes, and various demographic challenges (for example, the accelerating aging of the population). The purpose of the work is to analyze the barriers that reduce the effectiveness of government social support programs in China and the Russian Federation. The methodology includes comparative analysis (as part of a comparison of key parameters of social support in the Russian Federation and China), content analysis of documents (in the process of identifying barriers contributing to the stagnation of government policy in both countries in the field of social protection of vulnerable segments of the population), etc. The results indicate the need for radical reforms: the creation of adequate criteria for the needs of the population, simplification of administrative procedures, as well as strengthening interdepartmental cooperation.

Keywords: social policy, social protection of citizens, social support for the population, state program, administrative practices, interdepartmental coordination, regional differentiation, poverty, China, Russia.

Funding: Independent work.

Введение.

Демографические вызовы, такие как уменьшение численности населения в отдалённых территориях или сокращение трудоспособных граждан,

представляют собой одну из наиболее значимых проблем современности для многих стран мира, включая Российскую Федерацию и Китайскую Народную Республику. В них также существует серьёзная проблема недостатка достоверных

данных о реальном уровне нуждаемости населения, что связано с фрагментарностью механизмов сбора информации и отсутствием единой межведомственной информационной базы. Перед обеими странами стоит необходимость борьбы с бедностью, которая отражает структурные проблемы обеих экономик: региональное неравенство, инфляционное давление и недостаточная эффективность социальных программ.

Все вышесказанное обуславливает *актуальность темы исследования*.

Проблема исследования была затронута в научных трудах В.А. Ломаки, Д.О. Гладковой, Е.И. Ивановой, Е.Е. Кузнецовой и др. Отдельные аспекты функционирования уязвимых слоев населения интересовали П.В. Белопашенцеву, Е.Д. Слободенюк, С.В. Марееву, С.Г. Бычкову, В.Г. Виноградского, Е.С. Кубишиной и др. Использовались статьи и китайских авторов: Лю Чжэнь, У Цзежэнь и др.

Цель исследования звучит следующим образом: анализ барьеров, снижающих эффективность государственных программ социальной поддержки в КНР и РФ.

Поставленная цель обусловила *необходимость решения исследовательских задач*:

- выявить и систематизировать ключевые барьеры в реализации социальных программ в России и Китае, в частности, и проблемы межведомственного взаимодействия и бюрократизации процессов;
- исследовать региональные диспропорции в реализации социальных программ и оценить их влияние на доступность поддержки для различных категорий граждан;
- предложить модели преодоления выявленных барьеров для повышения эффективности социальных программ в обеих странах.

Материалы и методы.

В процессе написания статьи использовались различные методы, такие как сравнительный анализ (в рамках сопоставления ключевых параметров социальной поддержки в РФ и КНР), контент-анализ документов (в процессе выявления барьеров, способствующих стагнации государственной политики обеих стран в области социальной защиты уязвимых слоев населения) и др.

В качестве материалов исследования выступили данные национальной статистики РФ (Росстат) и КНР (Национальное бюро статистики), а также международных организаций (ООН, Всемирный банк). Также были изучены государственные программы, стратегии и нормативные акты в области социальной поддержки обеих стран.

Обсуждение.

По мнению В.А. Ломаки, российские власти сталкиваются с недостатком достоверных дан-

ных о реальном уровне нуждаемости населения [1, с. 50]. Существующие механизмы сбора информации зачастую фрагментарны, ибо опираются на устаревшие методы декларативного характера, когда гражданин самостоятельно должен заявить о своей нужде, предоставив множество справок из различных инстанций. Данные из разных ведомств, таких как Федеральная налоговая служба, Пенсионный фонд или органы социальной защиты населения субъектов РФ, крайне слабо взаимодействуют друг с другом. Отсутствие единой межведомственной информационной базы приводит к тому, что картина благосостояния отдельного человека оказывается неполной, искаженной; например, учреждения, ответственного за предоставление мер поддержки, может отсутствовать доступ к сведениям о имущественном положении получателя. Следствием этой разрозненности становится феномен «мнимой бедности», когда необходимую помощь получают лица, успешно манипулирующие существующими бюрократическими процедурами.

К тому же, ситуация усугубляется тем, что эффективность проводимых мероприятий оценивается постфактум, зачастую по формальным критериям, например, по освоению выделенных средств или по количеству поданных заявлений, но не по реальному изменению уровня жизни целевых групп. Не существует надежного инструментария для оценки социального воздействия тех или иных мер: помогли ли они выйти из бедности, повысили ли качество жизни, решили ли возникшую трудность.

Рассматриваемая проблема носит системный характер, проявляясь на нескольких уровнях: дефицит финансирования цифровой трансформации социальной сферы на региональных и муниципальных объектах, что выражается в недостатке технической инфраструктуры; инерционная ведомственная культура, создающая сопротивление процессам повышения прозрачности и открытости данных; а также строгое законодательство о защите персональных данных, которое, несмотря на свою безусловную значимость, подчас становится формальным основанием для блокирования даже обезличенного межведомственного информационного обмена.

Как отмечают П.В. Белопашенцева, Е.Д. Слободенюк и С.В. Мареева, в российских регионах наблюдается разрыв между объективной, измеряемой государственными статистическими органами, и субъективной, формируемой в общественном сознании, линиями бедности [2].

Официальная статистика оперирует строгим, хотя и во многом условным, критерием: величиной прожиточного минимума, который представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины (минимального набора продуктов питания, необходимых для сохранения здоровья и обеспечения жизнедеятельности человека), а также обязательных налоговых платежей. Согласно данному подходу, к категории бедных относятся домохозяйства, чьи среднедушевые

денежные доходы ниже установленного в регионе прожиточного минимума; именно эта методика дает ту самую цифру в несколько миллионов человек, которая регулярно озвучивается на официальном уровне и ложится в основу планирования бюджетных ассигнований на социальную поддержку. Однако реальная картина, фиксируемая комплексными социологическими исследованиями, показывает, что количество россиян, субъективно причисляющих себя к бедным и ощущающих свою повседневную жизнь как борьбу за выживание, устойчиво превышает официальные показатели в полтора-два раза.

С.Г. Бычкова отмечает, что подобная проблема возникает ввиду нескольких причин [3, с. 230]. Прежде всего, прожиточный минимум представляет собой показатель, который описывает порог физического выживания, нежели какой-либо удовлетворительный уровень жизни; он рассчитывается на основе потребительской корзины, состав которой давно критикуется экспертами как архаичный и не отвечающий современным реалиям. В ней доминируют продукты питания базовой категории, пока расходы на качественное здравоохранение, полноценный отдых и мобильность либо учтены символически, либо не учтены вовсе. Следовательно, даже те семьи, чьи доходы формально превышают этот порог, на практике оказываются не в состоянии финансировать эти жизненно важные потребности, что и формирует у них устойчивое чувство бедности. Такого мнения придерживается Д.О. Гладкова [4].

Другим фактором является региональная дифференциация как в уровне доходов, так и в стоимости жизни, как отмечено в научных трудах Е.И. Ивановой [5, с. 20]. Это означает, что житель мегаполиса имеет доступ к совершенно иному уровню медицинских, транспортных и жилищных услуг, чем сельчанин. Появляется пласт «невидимых бедных», то есть работающих граждан, чья заработная плата не позволяет им вырваться из ощущения постоянной финансовой неустойчивости, как отмечает В.Г. Виноградский [6]. Кроме того, огромную роль играет необходимость сравнения и навязанных потребительских стандартов; в условиях общества потребления бедность воспринимается не как абсолютная нехватка средств на еду и одежду, а как относительная невозможность поддерживать образ жизни, считающийся нормальным в конкретной референтной группе. Доступ к интернету, возможность отдохнуть на курорте или купить ребенку гаджеты для учебы из статусных привилегий трансформировались в социальные нормы, и их отсутствие маркирует человека как бедного, даже если его доход формально выше прожиточного минимума.

По мнению Е.С. Кубишиной, сюда же относится широкая распространенность неформальных трудовых отношений, при которых доходы работников выплачиваются в виде «серых» зарплат «в конвертах», которые полностью или ча-

стично скрываются от налогообложения и, как следствие, не фиксируются в официальной статистике, что создает массив теневой экономики, масштабы которой оцениваются экспертами в миллионы рублей [7, с. 530]. Для самих работников, особенно из числа низкоквалифицированных кадров, мигрантов, лиц предпенсионного возраста, такой формат занятости предоставляет хоть какой-то источник средств к благоприятному существованию, но одновременно означает полное отсутствие социальных гарантий: никаких пенсионных отчислений, оплачиваемого больничного или отпуска.

В результате, российское государство, ориентируясь на узкие статистические критерии, выстраивает систему социальной поддержки, которая, по его мнению, должна охватывать все нуждающиеся категории населения. Однако на практике значительная часть населения, не попадающая под формальные критерии, но ощущающая себя бедной, оказывается исключенной из числа получателей помощи.

Еще одним фактором, способствующим стагнации социальной политики России, является высокий уровень бюрократизации процесса предоставления государственных услуг. Е.Е. Кузнецова приводит систему государственных закупок в качестве примера. По ее мнению, «оформление большого объема бумаг приводит к «раздуванию» бюрократического аппарата, организации специальных разделов и подразделений, которые работают только с госзаказом, что увеличивает издержки в текущей деятельности, кроме того, отвлекаются денежные и кадровые ресурсы на оформительские и процедурные вопросы» [8, с. 180]. Аналогично и с простыми гражданами, которые сталкиваются с необходимостью сбора многочисленных справок, подтверждающих доходы, состав семьи, место жительства, права на льготу, при этом зачастую эти документы уже имеются в распоряжении различных государственных органов. Такая практика порождает замкнутый круг: для борьбы с потенциальными злоупотреблениями вводятся новые контрольно-учетные процедуры, каждая из которых требует своего пакета документов, что в геометрической прогрессии увеличивает общую бюрократическую нагрузку как на сотрудников соцзащиты, тонущих в бумагах и электронных отчетах, так и на граждан, вынужденных месяцами ходить по инстанциям, чтобы доказать свою нуждаемость в социальной защите. Особенно тяжело приходится уязвимым категориям населения — пожилым людям, инвалидам, многодетным семьям.

Цифровизация не всегда упрощает жизнь: появляются процедуры, когда подать заявление можно онлайн, но оригиналы документов все равно требуется предоставить лично, или, когда электронные системы разных ведомств не стыкуются друг с другом, выдавая технические ошибки и требуя повторной подачи тех же данных. Кроме того, архитектура подобных платформ изначально проектируется исходя из за-

дач ведомственной отчетности, а не из принципов пользовательского опыта, что на практике проявляется в наличии запутанных и неэргономичных интерфейсов, необходимости многократного дублирования одних и тех же данных в различных полях, а также в применении излишне жестких вычислительных алгоритмов, не адаптирующихся к нестандартным обстоятельствам граждан. В результате сотрудники социальных служб оказываются заложниками разработанных регламентов, оказываясь вынужденными расходовать большую часть рабочего времени на формальное соблюдение процедурных норм, заполнение многочисленных журналов, баз данных и форм статистической отчетности, в ущерб непосредственной работе с людьми.

Что касается Китая, то, как отмечает Лю Чжэнь, пенсионная система данного государства охватывает ограниченные категории населения, в частности, работников государственных предприятий [9]. Однако большая часть сотрудников неформального сектора остается вне рамок полноценного пенсионного обеспечения, которые могут рассчитывать лишь на минимальные выплаты. Временные рабочие, которые часто перемещаются между регионами в поисках работы, также сталкиваются с проблемами: их работодатели могут не делать взносы в пенсионную систему, либо эти взносы оказываются недостаточными из-за нерегулярности занятости. Женщины-домохозяйки, которые не работали официально, оказываются в особенно уязвимом положении, поскольку их труд не оплачивается и не учитывается в системе социального страхования, что лишает их каких-либо пенсионных прав.

Наблюдается существенная региональная дифференциация в уровне пенсионного обеспечения, что приводит к значительному разбросу в размерах назначаемых выплат. К примеру, в Тибете пенсия может достигать 4100 юаней, в то время как в Чунцине она составляет лишь 1820 юаней, что отражает разницу в экономическом развитии и уровне дотаций из центрального бюджета. Ситуацию усугубляет децентрализованный характер административного управления, при котором полномочия по управлению пенсионными фондами распределены между региональными и местными органами власти, что затрудняет выработку единых стандартов. Местные органы власти часто сталкиваются с дефицитом средств и вынуждены использовать пенсионные накопления для покрытия других расходов, что приводит к пустым пенсионным счетам. Кроме того, демографические вызовы, такие как старение населения и снижение рождаемости, усугубляют проблему нехватки работников, которые должны оплачивать пенсионные взносы для будущих поколений. Если в 2002 году на 10 трудоспособных китайцев приходился один пенсионер, то к 2021 году этот показатель снизился до пяти, а к 2030 году ожидается, что на одного пенсионера будет приходиться всего четыре работающих.

Как отмечает У Цзежэнь, в ответ на такие вызовы китайские власти предпринимают шаги для развития добровольных пенсионных накоплений, позволяющих самостоятельно откладывать средства на старость с налоговыми льготами [10].

Параллельно, хотя Китай добился прогресса в цифровизации государственных услуг, административные барьеры остаются серьезным препятствием для эффективности социальных программ. Это наиболее ярко проявляется при реализации амбициозных проектов, таких как система социального кредита, которая предполагает сбор и анализ данных из 142 учреждений по 160 тысячам параметров. Это приводит к тому, что даже при наличии большого объема информации ее качество и пригодность для принятия управленческих решений остаются низкими. Кроме того, существует серьезная проблема неравенства в доступе к цифровым технологиям между сельскими и городскими территориями, как отмечают М.К. Измайлова [11, с. 122].

Как отмечают О.В. Сивинцева, С.Р. Титова и Е.А. Троицкая, существует и другая серьезная проблема, которая подразумевает под собой сопротивление внутри самого бюрократического аппарата, где чиновникам часто не хватает цифровой грамотности, и они неохотно внедряют новые технологии из-за страха перед переменами или недостаточной подготовки [12, с. 130]. Ситуацию усугубляет тот факт, что многие сотрудники правительственных ведомств не обладают систематическими знаниями в области сетевой информационной безопасности, что делает их уязвимыми к кибератакам и снижает общую эффективность цифровых систем.

Кибербезопасность становится все более актуальной проблемой, особенно на фоне участвовавших атак на правительственные учреждения и критическую информационную инфраструктуру, как отмечено в статье Е.А. Разумова [13]. Например, в 2024 году правительственные учреждения Китая подвергались атакам с использованием фишинговых писем от АРТ-организаций более 1300 раз [14]. Подобные инциденты подчеркивают необходимость усиления мер безопасности, но также выявляют недостатки в существующих системах защиты, которые часто не успевают за быстро развивающимися угрозами. Кроме того, существует проблема изолированности продуктов безопасности, которые развертываются методом «исправлений», что приводит к их низкой эффективности и невозможности создать комплексную систему защиты. Это особенно критично в контексте цифровизации государственных услуг, где утечки данных могут иметь серьезные последствия для национальной безопасности и прав граждан.

К тому же, Китай сталкивается со стремительным старением населения. Это явление угрожает устойчивости системы социального обеспечения, требуя радикальных реформ для предотвращения истощения ресурсов. По прогнозиру-

емым данным, к 2050 году доля населения старше 65 лет в Китае достигнет 26 %, а число пожилых людей увеличится с 172 миллионов до 366 миллионов. Основными факторами, способствующими старению населения, являются резкое снижение рождаемости, вызванное политикой одного ребёнка, и увеличение продолжительности жизни благодаря улучшению медицинского обслуживания, как отмечает Н.К. Семёнова [15]. Последствия старения населения глубоки; например, сокращение рабочей силы может замедлить рост экономики, поскольку меньше работников поддерживают растущее число пенсионеров.

Результаты.

1. Ключевой проблемой социальной политики в России является недостаток достоверных данных о реальном уровне нуждаемости населения, вызванный фрагментарностью механизмов сбора информации и отсутствием единой межведомственной базы данных, что приводит к феномену «мнимой бедности». При этом официальные критерии оценки нуждаемости через прожиточный минимум не отражают реальные потребности граждан.

2. Демографические вызовы, в частности стремительное старение населения в Китае и сокращение трудоспособного населения, создают дополнительную нагрузку на пенсионные системы и требуют радикальных реформ. Параллельно, в Китае наблюдается существенная региональная дифференциация в уровне пенсионного обеспечения, усугубляемая децентрализованным характером управления пенсионными фондами.

3. Высокий уровень бюрократизации процессов предоставления социальной помощи в обеих странах создает существенные барьеры для получения социальной поддержки, особенно для уязвимых категорий населения, где необходимость сбора многочисленных справок и нестыковки электронных систем разных ведомств усложняют доступ к услугам.

Заключение.

Подводя итоги, как в Российской Федерации, так и в Китайской Народной Республике наблюдаются схожие проблемы в реализации социальной политики, куда относятся недостаточная эффективность администрирования, ограниченность охвата социальных программ и значительные региональные диспропорции. К тому же, высокий уровень бюрократизации процессов предоставления социальной помощи создает существенные препятствия для получения поддержки наиболее уязвимыми категориями граждан. Старение населения и сокращение численности трудоспособного граждан создают дополнительную нагрузку на пенсионные системы и требуют пересмотра подходов к социальному обеспечению.

Для повышения эффективности социальной поддержки необходимы комплексные реформы, включающие разработку более адекватных критериев оценки нуждаемости, которые бы учитывали не только формальные денежные доходы, но и реальные лишения граждан. Критически важно реализовать упрощение административных процедур, что снизит бюрократическую нагрузку как на граждан, так и на сотрудников социальных служб, позволив последним сосредоточиться на содержательной работе с людьми, а не на формальном соблюдении регламентов. Не менее значимым является усиление межведомственного взаимодействия через создание единой защищенной информационной платформы, обеспечивающей безопасный обмен данными между органами социальной защиты, Пенсионным фондом, Федеральной налоговой службой и другими ведомствами, что позволит автоматически выявлять тех, кто действительно нуждается в помощи, минимизируя риски как необоснованного отказа в поддержке, так и нецелевого назначения пособий. Параллельно должно развиваться инфраструктура цифровизации, подразумевающая создание удобных, интуитивно понятных цифровых сервисов, ориентированных на пользовательский опыт.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Ломака В.А. Актуальные проблемы финансовой модели социальной поддержки населения России и перспективы ее совершенствования // Научные записки молодых исследователей. 2024. № 4. С. 48–55. EDN: JJKMOB
2. Белопащенко П.В. Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет / П.В. Белопащенко, Е.Д. Слободенюк, С.В. Мареева // Вестник Института социологии. 2024. № 4. С. 34–59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3 EDN: XQRQOZ

3. Бычкова С.Г. Проблемы и возможности статистической оценки неравенства и бедности в Российской Федерации и ее регионах // Вестник университета. 2016. № 1. С. 226–232. EDN: WBLWSF
4. Гладкова Д.О. Прожиточный минимум как показатель уровня жизни населения: проблемы и решения // Контентус. 2022. № 8. С. 39–47. DOI: 10.24411/2658-6932-2022-8-39-47 EDN: PJCVTM
5. Иванова Е.И. Региональная дифференциация доходов населения в России: новые тенденции и факторы // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. № 3. С. 14–39. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-3-14-39 EDN: FFZDMM
6. Виноградский В.Г. Формы неформальности: невидимая экономика крестьянского двора // Крестьяноведение. 2017. № 2. С. 101–120. EDN: ZCINGF
7. Кубишина Е.С. Неформальная занятость в современной России: прежние проблемы и новые реалии // Уровень жизни населения регионов России. 2022. № 18. С. 521–534. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.4.8 EDN: HPCFYD
8. Кузнецова Е.Е. Проблема борьбы с бюрократизмом в системе государственного управления // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 9. С. 179–182. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-179-182 EDN: YMQBCK
9. Лю Чжэнь. Развитие пенсионной системы как основной ключ к решению глобальной социальной проблемы Китая // Инновации и инвестиции. 2021. № 8. С. 31–34. EDN: SYLLSE
10. У Цзежэнь. Социальное обеспечение пенсионеров в Китае: современность и перспектива // Теория и практика общественного развития. 2024. № 6. С. 76–79. DOI: 10.24158/tpor.2024.6.9 EDN: HXHOIH
11. Измайлов М.К. Цифровые неравенства: проблемы доступа и включения в цифровую экономику // Вестник Института экономических исследований. 2023. № 3. С. 120–132. EDN: NPZLVV
12. Сивинцева О.В. Институциональные условия современных административных реформ в Китае и России: политико-управленческие аспекты / О.В. Сивинцева, С.Р. Титова, Е.А. Троицкая // Ars Administrandi. 2016. № 2. С. 128–150. DOI: 10.17072/2218-9173-2016-2-128-150 EDN: XASUSP
13. Разумов Е.А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 156–170. EDN: YMTCGH
14. Хакеры против Китая: 1300 атак, новые группы и скрытые цели. URL : <https://www.securitylab.ru/news/556441.php?ysclid=mftjd2udo630727595> (дата обращения 20.09.2025).
15. Семенова Н.К. Демографическая политика КНР и проблема старения населения // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5. С. 1117–1122.

References:

1. Lomaka V.A. Actual problems of the financial model of social support for the Russian population and prospects for its improvement // Scientific notes of young researchers. 2024. № 4. P. 48–55. EDN: JJKMOB
2. Belopashentseva P.V. Objective and subjective poverty in Russia: What have the last 20 years brought? / P.V. Belopashentseva, E.D. Slobodenyuk, S.V. Mareeva // Bulletin of the Institute of Sociology. 2024. № 4. P. 34–59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3 EDN: XQRQOZ
3. Bychkova S.G. Problems and possibilities of statistical assessment of inequality and poverty in the Russian Federation and its regions // Bulletin of the University. 2016. № 1. P. 226–232. EDN: WBLWSF
4. Gladkova D.O. The cost of living as an indicator of the standard of living of the population: problems and solutions // Contentus. 2022. № 8. P. 39–47. DOI: 10.24411/2658-6932-2022-8-39-47 EDN: PJCVTM
5. Ivanova E.I. Regional income differentiation in Russia: new trends and factors // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2024. № 3. P. 14–39. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-3-14-39 EDN: FFZDMM
6. Vinogradsky V.G. Forms of informality: the invisible economy of the peasant household // Peasant studies. 2017. № 2. P. 101–120. EDN: ZCINGF
7. Kubishina E.S. Informal employment in modern Russia: former problems and new realities // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2022. № 18. P. 521–534. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.4.8 EDN: HPCFYD
8. Kuznetsova E.E. The problem of combating bureaucracy in the public administration system // Historical and socio-educational thought. 2017. № 9. P. 179–182. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-179-182 EDN: YMQBCK
9. Liu Zhengyu. The development of the pension system as the main key to solving China's global social problem // Innovation and investment. 2021. № 8. P. 31–34. EDN: SYLLSE
10. Wu Jiezhen. Social security for pensioners in China: modernity and perspective // Theory and practice of social development. 2024. № 6. P. 76–79. DOI: 10.24158/tpor.2024.6.9 EDN: HXHOIH
11. Izmailov M.K. Digital inequalities: problems of access and inclusion in the digital economy // Bulletin of the Institute of Economic Research. 2023. № 3. P. 120–132. EDN: NPZLVV
12. Sivintseva O.V. Institutional conditions of modern administrative reforms in China and Russia: political and managerial aspects / O.V. Sivintseva, S.R. Titova, E.A. Troitskaya // Ars Administrandi. 2016. № 2. P. 128–150. DOI: 10.17072/2218-9173-2016-2-128-150 EDN: XASUSP
13. Razumov E.A. China's cybersecurity policy // Russia and the Asia-Pacific Region. 2017. № 4. P. 156–170. EDN: YMTCGH
14. Hackers against China: 1,300 attacks, new groups and hidden targets. URL : <https://www.securitylab.ru/news/556441.php?ysclid=mftjd2udo630727595> (date of application 09/20/2025).
15. Semenova N.K. Demographic policy of the PRC and the problem of population aging // Greater Eurasia: development, security, cooperation. 2022. № 5. P. 1117–1122.

Информация об авторе

Ли Хунган

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет

ORCID: 0009-0003-4253-1811

1223507137@qq.com

Li Honggang

Graduate Student,

Saint Petersburg State University

ORCID: 0009-0003-4253-1811

1223507137@qq.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-21>

УДК 316

Attribution

cc by

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Пономарев П.А.¹, Зотов А.Ю.², Плотников В.В.³

¹Академия управления МВД России,

²Волгоградская академия МВД России,

³Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена возрастающими требованиями к качеству управленческой деятельности в правоохранительных органах в условиях цифровизации и трансформации правоохранительной системы, а также необходимостью повышения эффективности коммуникативного взаимодействия руководителей с подчиненными, межведомственными структурами и институтами гражданского общества. Цель работы – провести комплексный анализ коммуникативной компетентности руководителей правоохранительных органов и разработать научно-обоснованные подходы к ее формированию и развитию. Объект исследования – управленческая деятельность руководителей правоохранительных органов в современных условиях. Предмет исследования – коммуникативная компетентность руководителей правоохранительных органов как многокомпонентное профессионально-личностное образование. Научная новизна заключается в структурно-содержательном анализе коммуникативной компетентности руководителей правоохранительных органов с выделением когнитивного, операционального, мотивационно-ценностного и рефлексивного компонентов; в определении специфических особенностей коммуникативного взаимодействия в условиях иерархичности организационных структур и межведомственного сотрудничества; обосновании системного подхода к развитию коммуникативных навыков в контексте профессиональной подготовки и переподготовки руководящих кадров правоохранительной сферы.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, руководители правоохранительных органов, управленческая деятельность, профессиональная подготовка, межведомственное взаимодействие, цифровизация, правоохранительная система, организационные коммуникации.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

COMMUNICATIVE COMPETENCE OF LAW ENFORCEMENT LEADERS AT THE PRESENT STAGE

Pavel A. Ponomarev¹, Alexey Yu. Zotov², Vladimir V. Plotnikov³

¹Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

²Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

³Plekhanov Russian University of Economics

Abstract. The relevance of the study is due to the increasing demands on the quality of management activities in law enforcement agencies in the context of digitalization and transformation of the law enforcement system, as well as the need to improve the efficiency of communicative interaction between managers and subordinates, interdepartmental structures and civil society institutions. The purpose of the work is to conduct a comprehensive analysis of the communicative competence of law enforcement officials and to develop scientifically based approaches to its formation and development. The object of the study is the managerial activity of law enforcement officials in modern conditions. The subject of the study is the communicative competence of law enforcement officials as a multicomponent professional and personal formation. The scientific novelty lies in the structural and substantive analysis of the communicative competence of law enforcement officials with the allocation of cognitive, operational, motivational-value and reflexive components; defining specific features of communicative interaction in the context of hierarchical organizational structures and interdepart-

mental cooperation; substantiating a systematic approach to the development of communicative skills in the context of professional training and retraining of senior law enforcement personnel.

Keywords: communicative competence, law enforcement officials, management activities, professional training, interdepartmental interaction, digitalization, law enforcement system, organizational communications.

Funding: Independent work.

Введение.

Современная система правоохранительных органов РФ претерпевает непрерывные реформы и модернизацию, продиктованные необходимостью адаптации к меняющимся социально-экономическим условиям и угрозам безопасности.

Социально-экономические трансформации, включая цифровизацию государственного управления, и появление новых форм преступности предъявляют новые требования к руководителям и демонстрируют недостаточную эффективность традиционных методов управления. В этих условиях актуальным является формирование эффективной управленческой культуры, центральным компонентом которой является коммуникативная компетентность руководящего состава.

Коммуникативная компетентность руководителя правоохранительных органов – интегративное качество, включающее способность к межличностному взаимодействию и умение выстраивать продуктивные отношения с подчинёнными и коллегами. Эта компетенция подразумевает не только владение техниками общения, но и понимание психологии коммуникации, эмпатию, умение конструктивно разрешать конфликты и формировать мотивирующую рабочую атмосферу.

Специфика правоохранительной деятельности (высокая ответственность, стрессовые условия и необходимость оперативных решений) придаёт коммуникативной компетентности руководителей особое значение. Эффективность их работы определяется качеством внутриорганизационного взаимодействия и уровнем доверия между руководством и подчинёнными.

Одновременно, российское общество предъявляет повышенные требования к качеству и прозрачности деятельности правоохранительных органов, поэтому руководители должны обладать навыками внешней коммуникации для взаимодействия со СМИ и институтами гражданского общества.

Однако анализ текущего уровня коммуникативной компетентности руководителей правоохранительных органов выявляет значительные резервы для её совершенствования. Недостаточность теоретической базы, отсутствие системного подхода к её развитию, а также ограниченность методического обеспечения актуализируют необходимость комплексного научного исследования данной проблематики.

Материалы и методы.

Исследование коммуникативной компетентности руководителей правоохранительных органов основывалось на комплексном методологическом подходе, объединяющем теоретический анализ и эмпирические методы изучения управленческих процессов в правоохранительной сфере.

Теоретической базой исследования послужили научные труды отечественных специалистов в области психологии управления и профессиональной деятельности правоохранительных органов, включая работы М.И. Марьина, Ю.Г. Касперовича, В.Е. Петрова, М.В. Смирновой, В.В. Вахниной, Л.Г. Носковой, Н.В. Сердюк, В.П. Трубочкина, А.М. Столяренко.

Особое внимание уделялось концептуальным положениям структурно-содержательного анализа коммуникативной компетентности в контексте специфики правоохранительной деятельности.

Методологической основой выступил системный подход, позволивший рассмотреть коммуникативную компетентность как многокомпонентное образование, включающее когнитивный, операциональный, мотивационно-ценностный и рефлексивный компоненты. Применение структурно-функционального анализа обеспечило выявление взаимосвязей между различными элементами коммуникативной компетентности и их влияния на эффективность управленческой деятельности.

Эмпирическую базу составили материалы анализа современного состояния управленческих процессов в правоохранительных органах, изучение практики профессиональной подготовки и переподготовки руководящих кадров, а также исследование специфики коммуникативного взаимодействия в условиях трансформации правоохранительной системы.

Методы наблюдения и экспертной оценки позволили проанализировать реальные коммуникативные практики руководителей различного уровня в системе правоохранительных органов.

Результаты.

Коммуникативная компетентность руководителей правоохранительных органов представляет собой сложное многокомпонентное образование, которое формируется на пересечении профессионально-управленческих, психологических и социально-культурных факторов. Данная компе-

тентность включает не только владение техниками эффективного общения, но и глубокое понимание специфики коммуникативных процессов в условиях правоохранительной деятельности, способность адаптировать коммуникативные стратегии к различным ситуационным контекстам и социально-психологическим особенностям участников взаимодействия [13].

В процессе выполнения служебных обязанностей полицейские постоянно контактируют с разнообразными группами населения, включая представителей криминальной среды, которым свойственно демонстрировать сопротивление, враждебность и негативное отношение к правоохранителям и их действиям. В рамках решения профессиональных задач, специалистам также требуется налаживать служебные контакты с коллегами по работе, начальствующим составом разного уровня и представителями иных государственных структур.

Эффективность и профессиональная успешность сотрудников полиции напрямую зависит от степени овладения ими комплексом коммуникативных компетенций, включающих знания, умения и практические навыки, а также от развитости способности достигать целей общения с соблюдением социальных правил поведения и принципов коммуникативной уместности [2].

В настоящее время к сотрудникам полиции предъявляются повышенные требования, и успешным оказывается тот специалист, который способен к самосовершенствованию в профессиональном плане, адекватно реагирует на изменение профессионального пространства, обладает необходимыми теоретическими знаниями, владеет практическими умениями и навыками, обеспечивающими ориентированность в различных ситуациях общения и эффективное протекание коммуникативного процесса с различными категориями граждан, коллегами, сослуживцами, руководителями [8].

Структурно-содержательный анализ коммуникативной компетентности руководителей правоохранительных органов позволяет выделить несколько взаимосвязанных компонентов (рис. 1).

Когнитивный компонент включает системные знания о психологических механизмах коммуникации, особенностях межличностного восприятия и понимания, закономерностях групповой динамики в правоохранительных коллективах [5]. Данный компонент предполагает глубокое понимание специфики профессиональной деятельности сотрудников различных подразделений, их мотивационных особенностей и профессиональных потребностей.

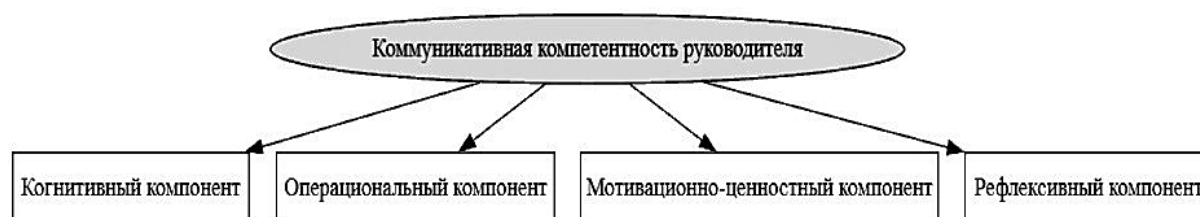

Рисунок 1 – Коммуникативная компетентность руководителя

Повышение должностного статуса предполагает усиление государственной значимости занимаемой позиции, что обязывает руководителя проявлять общегосударственный подход в своей деятельности, руководитель фокусируется на выполнении государственных функций и выступает как представитель государственных интересов в коллективе, а не как защитник интересов коллектива на государственном уровне. Это означает смещение акцентов его профессиональной деятельности с внутрикорпоративных задач на внешние направления работы, что сопровождается трансформацией требуемых компетенций от познавательного-развивающих к коммуникативным.

Операциональный компонент коммуникативной компетентности охватывает практические умения и навыки эффективного взаимодействия в различных управленческих ситуациях [9]. Сюда входят навыки активного слушания, способность к эмпатическому пониманию, умение четко и убедительно излагать свои мысли, владение техниками невербальной коммуникации, способ-

ность к конструктивной критике и обратной связи. Особое значение приобретают навыки ведения переговоров, медиации и урегулирования конфликтных ситуаций, которые являются неотъемлемой частью управленческой деятельности в правоохранительной сфере.

Исследователи М.И. Марьин, Ю.Г. Касперович, В.Е. Петров, М.В. Смирнова, В.В. Вахнина, Л.Г. Носкова, Н.В. Сердюк, В.П. Трубочкин рассматривают коммуникативную компетентность в качестве важного элемента профессионального мастерства работников правоохранительных органов. По их мнению, развитые коммуникативные навыки необходимы руководящим сотрудникам для эффективного управления процессом взаимодействия с различными группами населения, а также для установления конструктивного сотрудничества с представителями СМИ и общественными объединениями. Мотивационно-ценностный компонент определяет направленность коммуникативной деятельности руководителя и включает ценностные ориентации, свя-

занные с уважением к личности подчиненного, стремлением к справедливости и объективности в принятии управленческих решений, готовностью к диалогу и сотрудничеству [10]. Данный компонент особенно важен в контексте современных требований к гуманизации правоохранительной деятельности и формирования позитивного имиджа правоохранительных органов в обществе. Рефлексивный компонент коммуникативной компетентности предполагает способность к самоанализу и самооценке собственной коммуникативной деятельности, умение корректировать коммуникативные стратегии на основе анализа их эффективности, готовность к профессиональному саморазвитию в области межличностного взаимодействия. Развитие данного компонента особенно актуально в условиях динамично изменяющейся социальной среды и постоянного совершенствования управленческих технологий.

Специфика коммуникативной деятельности руководителей правоохранительных органов определяется рядом особенностей профессиональной среды. Высокий уровень иерархичности организационных структур создает особые требования к вертикальной коммуникации, предполагающей четкое разграничение полномочий и ответственности при сохранении возможностей для конструктивного диалога между различными уровнями управления.

Эффективная вертикальная коммуникация требует от руководителей умения сочетать авторитарные и демократические стили управления в зависимости от конкретной ситуации и характера решаемых задач [1].

Горизонтальная коммуникация в правоохранительных органах характеризуется необходимостью координации деятельности различных подразделений и служб, часто имеющих специфические профессиональные культуры и традиции.

Руководители должны обладать способностью к межведомственному взаимодействию, умением находить общий язык с представителями различных правоохранительных структур, прокуратуры, судебной системы и других институтов, участвующих в обеспечении правопорядка.

Обсуждение.

Особую сложность представляет внешняя коммуникация правоохранительных органов с институтами гражданского общества, средствами массовой информации и широкой общественностью.

Современные требования, предъявляемые к транспарентности в деятельности правоохранительных структур предполагают развитие у руководителей навыков публичной коммуникации, способности к объективному информированию общественности о результатах работы, умения

конструктивно реагировать на критику и предложения со стороны гражданского общества.

Технологические аспекты развития коммуникативной компетентности руководителей правоохранительных органов включают широкий спектр современных методов и средств. Цифровизация управленческих процессов требует освоения новых форм электронной коммуникации, видеоконференцсвязи, систем электронного документооборота. При этом важно сохранять баланс между технологической эффективностью и человеческим фактором, не допуская дегуманизации управленческих отношений [14].

Развитие коммуникативной компетентности руководителей правоохранительных органов должно осуществляться в рамках системного подхода, предполагающего интеграцию различных форм и методов профессионального развития. Теоретическая подготовка должна сочетаться с практическими тренингами, моделированием управленческих ситуаций, анализом реальных случаев из практики правоохранительной деятельности.

Особое значение приобретает наставничество и менторство, позволяющие передавать накопленный опыт эффективной коммуникации от опытных руководителей к молодым специалистам.

Система оценки коммуникативной компетентности руководителей должна включать как объективные показатели эффективности управленческой деятельности, так и субъективные оценки качества взаимодействия со стороны подчиненных, коллег и внешних партнеров. Регулярный мониторинг коммуникативной эффективности позволяет своевременно выявлять проблемные зоны и корректировать программы профессионального развития.

Современные вызовы в области правоохранительной деятельности, связанные с противодействием новым формам преступности, обеспечением кибербезопасности, борьбой с терроризмом и экстремизмом, требуют развития специализированных аспектов коммуникативной компетентности [19]. Руководители должны уметь организовывать эффективное взаимодействие в условиях оперативно-разыскной деятельности, координировать действия различных служб при проведении специальных операций, обеспечивать информационную безопасность коммуникативных процессов.

Заключение.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что коммуникативная компетентность руководителей правоохранительных органов представляет собой критически важный фактор эффективности современной правоохранительной системы. В условиях трансформации общественных отношений и модернизации государственного управления данная компетентность

выходит за рамки традиционных представлений о навыках общения и приобретает статус стратегического ресурса управленческой деятельности.

Многокомпонентная структура коммуникативной компетентности, включающая когнитивный, операциональный, мотивационно-ценностный и рефлексивный элементы, отражает сложность и многогранность управленческих задач в правоохранительной сфере. Специфика профессиональной деятельности правоохранительных органов обуславливает особые требования к развитию данной компетентности, учитывающие иерархичность организационных структур, необходимость межведомственного взаимодействия и растущие общественные ожидания относительно транспарентности правоохранительной деятельности.

Современные технологические возможности и цифровизация управленческих процессов открывают новые перспективы для развития коммуникативных навыков руководителей, однако требуют сохранения баланса между технологической эффективностью и гуманизацией управленческих отношений.

Системный подход к формированию коммуникативной компетентности должен стать основой для совершенствования профессиональной подготовки и переподготовки руководящих кадров правоохранительных органов, что в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности правоохранительной деятельности и укреплению доверия общества к правоохранительным институтам.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть представлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Вахнина В.В. Роль психодиагностики в прогнозировании профессиональной успешности руководителей органов внутренних дел Российской Федерации / В.В. Вахнина, В.И. Реутова // Психология и право. 2024. Т. 14. № 2. С. 158–171. DOI: 10.17759/psylaw.2024140212 EDN: OKXSUS
2. Капустюк О.Ю. О некоторых аспектах профессиональной компетентности сотрудника ОВД / О.Ю. Капустюк, Л.Ю. Нежкина // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2013. № 3(66). С. 25–30. EDN: SIQRXH
3. Ковалев С.М. Стресс в профессиональной деятельности полицейского // E-Scio. 2023. № 10(85). С. 129–134. EDN: DWMNGR
4. Лашёнов М.С. Коммуникативная компетентность руководителя органа внутренних дел как важный элемент его управленческой деятельности / М.С. Лашёнов, П.А. Пономарев // Искусство правоведения. The art of law. 2023. № 3(7). С. 18–22. EDN: LSGARC
5. Нежкина Л.Ю. Изучение взаимосвязи когнитивного стиля поведения с эффективностью профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел / Л.Ю. Нежкина, Н.С. Фонталова // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10. № 3. С. 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(3).3 EDN: NBNSNW
6. Особенности публичного управления в современной России : монография / О.Г. Александров [и др.]; Под общ. ред. Т.М. Резер. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 154 с. ISBN: 978-5-7996-2507-8 EDN: YUYUJH
7. Пантелеев В.Ю. Построение эффективной системы защиты прав граждан как основная задача судебной реформы в России / В.Ю. Пантелеев, О.С. Смородина // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 1(109). С. 20–26. EDN: TLYQJG
8. Пашенцева К.Д. Коммуникативная компетентность сотрудников полиции как фактор их успешности в профессиональной деятельности / К.Д. Пашенцева, Д.А. Ануфриева // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 4. С. 259–262. DOI: 10.24412/2658-638X-2022-4-259-262 EDN: DYUVCB
9. Рябышева Е.Н. Коммуникативная компетентность в профессиональном общении: понятие, структура / Е.Н. Рябышева, А.Е. Панина // Территория науки. 2019. № 3. С. 16–19. EDN: MYUIBP
10. Савченков А.В. Определение содержания мотивационно-ценностного компонента готовности будущих педагогов к воспитательной деятельности / А.В. Савченков, Н.В. Уварина // Science for Education Today. 2021. Т. 11. № 2. С. 55–79. DOI: 10.15293/2658-6762.2102.03 EDN: PAIXH
11. Салахова В.Б. Правоприменительная практика органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по профилактике терроризма и экстремизма / В.Б. Салахова, М.А. Ерофеева, Е.Г. Артамонова // Человеческий капитал. 2020. № 9(141). С. 86–99. DOI: 10.25629/HC.2020.09.07 EDN: SWZXCP
12. Сценарный анализ проблем трансформации правоохранительной системы в условиях цифровизации / В.Л. Шульц [и др.] // Вопросы безопасности. 2019. № 4. С. 36–65. DOI: 10.25136/2409-7543.2019.4.30588 EDN: BSRUPU

13. Титова О.И. Профессионально-коммуникативная компетентность сотрудников правоохранительных органов и подходы к ее развитию посредством психологического тренажера / О.И. Титова, А.С. Поршук // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 1(30). С. 69–76. DOI: 10.51980/2542-1735_2018_1_69 EDN: YXIAQP
14. Тулейко Е.В. Подход к развитию коммуникативной компетенции государственных служащих в условиях цифровой трансформации / Е.В. Тулейко, О.В. Босько // Экономика. Управление. Инновации. 2020. № 1(7). С. 12–17. EDN: MYBQRL

References:

1. Vakhnina V.V. The role of psychodiagnostics in predicting the professional success of the heads of the internal affairs bodies of the Russian Federation / V.V. Vakhnina, V.I. Reutova // Psychology and Law. 2024. Vol. 14. № 2. P. 158–171. DOI: 10.17759/psylaw.2024140212 EDN: OKXSUS
2. Kapustyuk O.Yu. On some aspects of the professional competence of an employee of the Department of Internal Affairs / O.Yu. Kapustyuk, L.Yu. Nezhkina // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 3(66). P. 25–30. EDN: SIQRXH
3. Kovalev S.M. Stress in the professional activity of a police officer // E-Scio. 2023. № 10(85). P. 129–134. EDN: DWMNGR
4. Laschenov M.S. The communicative competence of the head of the internal affairs body as an important element of his managerial activities / M.S. Laschenov, P.A. Ponomarev // The art of Jurisprudence. The art of law. 2023. № 3 (7). P. 18–22. EDN: LSGARC
5. Nezhkina L.Y. Studying the relationship between cognitive behavior style and the effectiveness of professional activities of employees of internal affairs bodies / L.Y. Nezhkina, N.S. Fontalova // Baikal Research Journal. 2019. Vol. 10. № 3. P. 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(3).3 EDN: NBNSNW
6. Features of public administration in modern Russia : monograph / O.G. Alexandrov [et al.]; under the general editorship of T.M. Reaser. Yekaterinburg : Ural Publishing House. University, 2018. 154 p. ISBN: 978-5-7996-2507-8 EDN: YUYHHJ
7. Panteleev V.Y. Building an effective system for protecting citizens' rights as the main task of judicial reform in Russia / V.Y. Panteleev, O.S. Smorodina // Russian law: education, practice, science. 2019. № 1(109). P. 20–26. EDN: TLYQJG
8. Pashentseva K.D. Communicative competence of police officers as a factor of their success in professional activity / K.D. Pashentseva, D.A. Anufrieva // Psychology and pedagogy of professional activity. 2022. № 4. P. 259–262. DOI: 10.24412/2658-638X-2022-4-259-262 EDN: DYUVBC
9. Ryabysheva E.N. Communicative competence in professional communication: concept, structure / E.N. Ryabysheva, A.E. Panina // The territory of science. 2019. № 3. P. 16–19. EDN: MYUIBP
10. Savchenkov A.V. Determination of the content of the motivational and value component of the readiness of future teachers for educational activities / A.V. Savchenkov, N.V. Uvarina // Science for Education Today. 2021. Vol. 11. № 2. P. 55–79. DOI: 10.15293/2658-6762.2102.03 EDN: PAIIXH
11. Salakhova V.B. Law enforcement practice of the executive authorities of the subjects of the Russian Federation for the prevention of terrorism and extremism / V.B. Salakhova, M.A. Erofeeva, E.G. Artamonova // Human capital. 2020. № 9(141). P. 86–99. DOI: 10.25629/HC.2020.09.07 EDN: SWZXCP
12. Scenario analysis of the problems of law enforcement system transformation in the context of digitalization / V.L. Shultz [et al.] // Security issues. 2019. № 4. P. 36–65. DOI: 10.25136/2409-7543.2019.4.30588 EDN: BSRUPU
13. Titova O.I. Professional and communicative competence of law enforcement officers and approaches to its development through a psychological simulator / O.I. Titova, A.S. Porshukov // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1(30). P. 69–76. DOI: 10.51980/2542-1735_2018_1_69 EDN: YXIAQP
14. Tuleiko E.V. Approach to the development of communicative competence of civil servants in the context of digital transformation / E.V. Tuleiko, O.V. Bosko // Economy. Management. Innovation. 2020. № 1(7). P. 12–17. EDN: MYBQRL

Информация об авторах

Пономарев Павел Александрович

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории
и методологии государственного управления,
Академия управления МВД России
inkognito@inbox.ru

Pavel A. Ponomarev

Candidate of Law Sciences,
Senior Lecturer at the Department of Theory
and Methodology of Public Administration,
Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
inkognito@inbox.ru

Зотов Алексей Юрьевич

кандидат юридических наук,
доцент,

Alexey Yu. Zotov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,

начальник кафедры теории
и истории права и государства,
Волгоградская академия МВД России
inkognit@inbox.ru

Head of the Department
of Theory and History of Law and State,
Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
inkognit@inbox.ru

Плотников Владимир Валериевич
доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
inkognito13@inbox.ru

Vladimir V. Plotnikov
Doctor of Sociology,
Associate Professor,
Professor of the Department
of State and Municipal Management,
Plekhanov Russian University of Economics
inkognito13@inbox.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-23>

УДК 316.347

Attribution

cc by

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭТИХ ГРУПП

Слизский Е.А.

Администрация муниципального объединения г. Краснодар

Аннотация. Характер и эффективность социально-интеграционных практик во многом определяется той институциональной средой, в рамках которой эти практики формируются и осуществляются. Поэтому проблема определения и анализа институциональных условий интеграции различных этнических групп в принимающее сообщество является не только научно значимой, но имеет и ярко выраженный прикладной характер. Те или иные формы участия представителей этнических групп в институциональной деятельности позволяют получать представления о наличии и остроте противоречий между этнокультурными установками в этих группах и социокультурными установками, господствующими в среде принимающего сообщества. Получаемые представления об этих противоречиях важны как для исследования причин возникновения межэтнической напряженности, так и для выработки и успешной реализации интеграционной политики в целях предупреждения либо снятия межэтнической напряженности. Одновременно, это способствует установлению корреляционных связей между уровнем удовлетворения базовых потребностей членов как принимающего сообщества, так и представителей этнических групп и эффективностью институциональных практик, обеспечивающих реализацию этих потребностей.

Ключевые слова: миграция, интеграционные практики, институциональные факторы, межэтнические отношения, межнациональные конфликты, социальная напряженность, этнические группы, условия интеграции.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

INSTITUTIONAL CONDITIONS FOR THE INTEGRATION OF ETHNIC GROUPS INTO THE HOST COMMUNITY IN THE ASSESSMENTS OF REPRESENTATIVES OF THESE GROUPS

Evgeny A. Slizsky

Administration of the municipal association of Krasnodar

Abstract. The nature and effectiveness of social integration practices is largely determined by the institutional environment in which these practices are formed and implemented. Therefore, the problem of determining and analyzing the institutional conditions for the integration of various ethnic groups into the host community is not only scientifically significant, but also has a pronounced applied character. Various forms of participation of representatives of ethnic groups in institutional activities allow us to get an idea of the existence and severity of contradictions between the ethno-cultural attitudes in these groups and the socio-cultural attitudes prevailing among the host community. The insights gained about these contradictions are important both for investigating the causes of interethnic tension, and for developing and successfully implementing an integration policy in order to prevent or relieve interethnic tension. At the same time, it helps to establish correlations between the level of satisfaction of the basic needs of members of both the host community and representatives of ethnic groups and the effectiveness of institutional practices that ensure the realization of these needs.

Keywords: migration, integration practices, institutional factors, interethnic relations, interethnic conflicts, social tension, ethnic groups, integration conditions.

Funding: Independent work.

Введение.

Интенсификация социальных процессов и все разрастающаяся география социальной мобильности самых разных этнически маркированных социальных групп выдвигает на первый план проблемы глубокого исследования характера, направленности изменений в социальном взаимодействии различных этнических общностей с так называемым коренным населением, а также содержания и действенности институциональных факторов, определяющих эти взаимодействия.

Особое значение решение этих проблем приобретает в кризисные периоды развития тех или иных сообществ, когда эти взаимодействия протекают на фоне серьезного обострения ресурсной обеспеченности реализации основных потребностей, неготовности к решению проблем с адаптацией к динамично меняющейся социальной обстановке, изменяющимся социальным установкам и нормам, на фоне все возрастающей социальной и бытовой конкуренции.

Конфликтность в социальных взаимодействиях постепенно становится частью жизни и повседневного опыта, формирующего негативные социальные установки и устойчивые стереотипы предвзятого отношения, особенно легко направляемые на представителей иных этнических групп, так называемых «понаехов». Усиление таких настроений быстро переходит к восприятию иных этнических групп через призму оценки «свой – чужой», нарастанию степени конфликтности даже в бытовой сфере, что достаточно подробно анализируется многими отечественными исследователями [1].

Такое состояние социальных взаимодействий требует и обязательного рассмотрения влияния институциональной обусловленности характера, и направленности этих взаимодействий, особенно в межатнической среде. На наш взгляд, наиболее содержательным и показательным, во всех смыслах, будет рассмотрение этой проблемы через призму удовлетворенности представителей различных этнических групп реализацией их основных потребностей в тех или иных социальных институтах.

Обсуждение. Результаты.

В целях реализации этой гипотезы и получения эмпирических данных о характере и состоятельности институциональных факторов в сфере межнациональных отношений в Краснодарском крае, нами было проведено несколько авторских социологических исследований на эту и смежную темы. О первых результатах мы уже поделились с читателями в прошлом году (см. статью: Слизский Е.А. Институциональное неравенство как фактор межатнической напряженности: на материалах исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 11, с. 95–101). В этой статье мы хотели бы представить результаты фокус-группового исследования с представителями основных этни-

ческих групп, представленных в крае. Были выделены одиннадцать этнических групп (адыги, армяне, белорусы, греки, курды, лезгины, русские, таджики, татары, украинцы, чеченцы), в каждой из них от десяти до пятнадцати человек. Выборка квотная, методика выборки «снежный ком». Представители «коренного» населения, взятые в качестве маркерной группы, были обозначены как «русские».

Расшифровку записей и анализ полученных материалов мы начинали с представленности членов этих этнических групп в таком социальном институте, как институт образования.

Представители такой этнической группы, как адыги определили приоритетный характер понимания образования как основы самореализации и отметили практически отсутствие затруднений с включенностью их в систему образования края. Основная причина их стремления к поступлению в образовательные учреждения края была ими обозначена через стремление сменить место жительства, получить возможность приобрести профессию, слабо представленную или вовсе не представленную в своем регионе.

Представители армянской этнической группы, как и адыги тоже отметили отсутствие у них проблемы с включенностью в систему образования края. В качестве проблем, затрудняющих реализацию их интереса к получению образования в нашем крае, были отмечены финансовые и языковые затруднения. Проблема финансовых трудностей имеет под собою сложность с финансово-экономическим положением Армении, общим невысоким уровнем благосостояния большинства армянского населения. Языковые проблемы, в основном, связаны с тем, что русский язык недавно приехавших им знаком, но, в основном, на достаточно примитивном уровне. Проживающие же в крае во втором и более поколениях языковые и финансовые затруднения испытывают ровно такие же, как и представители титульного этноса, как, впрочем, и представители белорусов.

Весьма сходны условия интеграции в образовательную среду и у греков, так как большинство из них длительное время проживают в регионе, причем практически все в Причерноморье. Это обеспечивает им высокую степень успешной интеграции не только в систему образования, но и в общую социокультурную среду.

Особенностью включенности в институт образования края представителей курдской этногруппы выступает выявленный серьезный дисбаланс возможностей, определяемый гендером. Традиционный уклад жизни представителей этой этнической группы формирует значительную разницу в возможностях самореализации мужчин и женщин, и прежде всего в сфере образования.

У опрошенных нами лезгин языкового барьера на пути вхождения в образовательную среду

явно не просматривается, зато присутствует такая особенность, как воздействие на эти процессы финансово-экономических возможностей, серьезных клановых отличий и очень серьезное влияние престижности выбранной профессии в глазах соотечественников

Для представителей такой этнической группы, участвующей в фокус-групповом исследовании, как таджики наиболее характерным оказалось наличие серьезного языкового барьера и низкий уровень финансового благосостояния. Отсюда и серьезные проблемы с возможностями получения специальностей высокой квалификации. Даже имеющие высшее образование таджики. Но слабо знающие русский язык не могут работать по специальности и значит испытывают затруднения с успешной интеграцией в социокультурную среду принимающего региона.

Представители таких этнических групп, участвующих в исследовании, как татары и украинцы отличаются высокими интеграционными возможностями в образовательную среду края, практически отсутствием препятствий для успешной социализации при одновременном сохранении ими этнокультурной самоидентификации.

Теперь что касается представителей такой этнической группы, как чеченцы. Совершенно четко было выявлено отличие в возможностях интеграции в образовательную среду тех, кто приехал к нам относительно недавно и тех, кто проживает здесь достаточно давно. Для многих недавно приехавших характерен недостаток средств для успешной интеграции в систему образования, причиной которого многие участники исследования определили наличие серьезного социально-экономического неравенства в республике на клановой основе. Чеченцы же, длительно проживающие в регионе, в ходе дискуссии отметили отсутствие у них каких-либо барьеров на пути интеграции в образовательную среду.

Наиболее значимым, по нашему мнению, результатом рассмотрения возможностей интеграции представителей различных этнических групп в образовательную среду нашего региона является отсутствие проблем с самореализацией в этой сфере на базе этнической принадлежности.

В ходе фокус-групповых дискуссий не было получено ни одного примера затруднений с интеграцией в систему образования из-за принадлежности к какой-либо национальности.

В целом образовательную среду нашего края можно характеризовать как среду безбарьерную, в которой отсутствуют, либо очень слабо выражены препятствия по этнической принадлежности.

Далее в своем исследовании мы постарались определить отношение представителей различных этнических групп, проживающих на террито-

рии края к такому социальному институту как семья, а если точнее, то их отношение к смешанным семьям, представляющих собою важный элемент процесса социальной интеграции инонациональностей в социокультурную среду принимающего региона, ибо именно национально-культурные особенности, сложившиеся и укрепившиеся стереотипы могут серьезно осложнять образованию смешанных браков либо серьезно осложнять функционирование смешанной семьи в силу различий культурных традиций, прочтений различных ролей в семейной жизни.

Участники фокус-групповой дискуссии – представители адыгейской национальной группы отметили лишь незначительные препятствия, которые могут у них возникнуть или возникли при формировании смешанной семьи. Это объясняется наличием давно сформировавшейся и серьезно распространенной многолетней практикой формирования таких семей. Эту тенденцию подробно анализировал и В.Н. Нехай [2, с. 102–105]. Наряду с этим, все же, некоторые участники исследования отметили свои личные сомнения в готовности к вступлению в брак с представителями других национальностей и наличие некоторых препятствий семейного уклада в их семьях, из-за которых построение смешанной семьи ими будет проблематично.

Что касается участников фоку-группы из представителей армянской национальности, то была выявлена достаточно серьезная внутренняя предубежденность против смешанных браков, базирующаяся на стремлении этого этноса к замкнутости в формировании института семьи как основы для сохранения культуры, традиций и обычаев народа, выживании своего. Эта замкнутость, это отношение к институту семьи имеет очень давние корни, отмеченные в свое время и Л. Гумилевым [3]. Такое же прочтение этой проблемы мы встречаем и в работах А.Я. Гуревича [4] и П.С. Гуревича [5].

В целом такое же отношение к смешанным семьям было выявлено у представителей такой этнической группы как греки. А у представителей чеченской национальности это отрицательное отношение к смешанным семьям наиболее ярко выражено.

Единственным объединяющим представителей этих национальных групп моментом положительного отношения к вариантам смешанных семей является возможное появление в семье женщины другой национальности, но и то, только в том случае, если она далее будет следовать культурным традициям мужа вплоть до принятия и его веры. В отношении выхода замуж за представителя иной национальности у этих этносов практически исключено, либо сопровождается серьезными проблемами. Этот аспект межнациональных отношений представляет собой существенную проблему для реализации интеграционных социальных практик относительно института семьи.

В ходе проведения фокус-групповых дискуссий с представителями славянских этнических групп наблюдалось фактическое отсутствие каких-либо признаков существования социокультурных установок негативного отношения к смешанным бракам как внутри этих групп, так и с представителями иных национальностей.

Относительно представителей таких этнических групп, как курды, лезгины, татары, таджики в ходе проведенных дискуссий выявлено сравнительно небольшое количество барьеров для построения смешанных семей. Распространенной и общей для этих групп проблемой является только языковой барьер, наличие и распространенность в социуме негативных стереотипных представлений о этих этносах.

Особый интерес при проведении исследования у нас вызвало изучение институциональных возможностей воздействия политической сферы на интеграционные процессы. Существует расхождение представление о том, что представленность граждан из небольших по численности этнических групп в органах государственного и политического управления является своего рода показателем здоровой обстановки в межнациональных отношениях. Возможно отчасти это так и есть. Однако на одном лишь этом основании нельзя делать вывод о том, что в случае отсутствия такого представительства можно говорить о наличии каких-либо дискриминационных условиях реализации интересов различных этнически маркированных групп в политической жизни социума. Да и сама практика организации политической жизни в регионе и в стране в целом свидетельствует об отсутствии институциональных ограничений в реализации политических интересов, прав и свобод граждан, независимо от их национальной принадлежности.

Результаты фокус-групповых дискуссий по этому направлению в качестве некоторой особенности выявили корреляцию процентного соотношения граждан определенной национальности и наличием представителей этих национальностей в органах государственно-политического управления. Если на территории определенного территориального объединения какая-нибудь этническая группа имеет некоторый локальный перевес, то и представители этой группы обязательно будут представлены по результатам выборов.

Участники исследования, представляющие украинскую, белорусскую и татарскую этнические группы, как правило, давно проживающие на данной территории, отметили, что не испытывают никаких ограничений для участия в политической жизни региона, страны.

Одновременно выяснилось, что представители некоторых этнических групп говорят об отсутствии у них какого-либо интереса к активному участию в политической жизни региона. Это, прежде всего, характерно для представителей таких этнических групп, опрошенных нами, как таджики, узбеки, азербайджанцы. А вот участни-

ков фокус-групповых дискуссий из таких групп, как армяне и греки отличает уже наличие интереса к участию в политической жизни принимающего региона. Они же отмечают отсутствие у них обязательности поддержки только кандидатов из своей национальности. Принадлежность политиков, ими поддерживаемых к их этничности не является для них обязательным условием.

Весьма интересным и в определенной мере неожиданным моментом, проявившимся в результатах исследования стало отмеченное подавляющим большинством участников отсутствие каких-либо институциональных и иных барьеров для участия в политических процессах в регионе.

Важным и необходимым для полноты исследования институциональных условий интеграции этнических групп в социокультурное пространство принимающего региона нам представлялась задача анализа включенности представителей опрошенных этнических групп в экономическую деятельность. Именно эта включенность представляет собою очень значимый аспект встраивания людей в социальную среду, так как благоприятные условия и возможности реализации экономических интересов и потребностей являются собой базис для конструктивных и эффективных форм социального взаимодействия. Противоположный характер экономических условий у представителей этнических меньшинств, как справедливо обосновывал М. Вебер резко повышает шансы на развитие различных социальных конфликтов [6].

Большинство участников фокус-групповых дискуссий социально-экономические условия своей интеграции в социальную среду нашего региона оценили, как благоприятные и не имеющие барьеров дискриминационного содержания.

Анализ высказанных мнений позволяет сделать вывод о том, что экономические условия для успешной реализации интеграционных практик представляются комфортными для подавляющего большинства участников исследования. Во всяком случае, практически никому из них в трудоустройстве на искомую работу не отказывали по признаку национальной принадлежности. Отказы если и были, то, в основном, по причине низкой квалификации, недостаточной образованности, слабого знания языка и т.п.

Одновременно выяснилась и такая тенденция, как некая «этническая специализация» некоторых видов деятельности, формируемая определенными этническими группами. Представители греческой и армянской этнических групп отмечают, в основном, как активно занимающимися гостиничным и туристическим бизнесом в курортно-реакционной сфере, представители узбекской и таджикской этнических групп многочисленны в строительной отрасли.

С одной стороны, такой характер и особенности институционального межэтнического взаимодей-

ствия в сфере экономики свидетельствует о достаточно благоприятном климате, перспективной открытости экономических отношений, отсутствием их зависимости от национальной принадлежности участников социальных взаимодействий. Однако выяснилось, что, все-таки, присутствуют и некоторые негативные аспекты влияния этнических особенностей на социально-экономические процессы в нашем регионе.

К числу таких негативных факторов снижения эффективности интеграционных процессов можно отнести такие, как:

— наличие слабого уровня знания русского языка, особенно представителями среднеазиатских республик, что снижает скорость их социальной адаптации, ведет к внутригрупповой замкнутости и формирует потенциал межэтнической конфликтности;

— наличие определенных (поддерживаемых стереотипными представлениями, приверженностью традиционных жизненных практик) социокультурных барьеров в формировании, освоении и реализации социо-интегративных практик, создающих значительные проблемы в выборе вида экономической, трудовой деятельности, в формировании семьи, в получении образования;

— объективно существующие для ряда представителей этих этнических групп правовые ограничения их более активного интеграционного «врастания» в социокультурное пространство принимающего региона (правовой статус пребывания, гражданско-правовые ограничения, связанные с незначительным сроком получения гражданства и т.п.).

Заключение.

Подводя некоторые итоги проведенного нами исследования, сделаем некоторые обобщения.

Характер, направленность и, главное, результативность реализации интегративных практик, направленных на быстрое и эффективное встраивание различных этнических групп в социокультурное пространство принимающего региона определяются во многом этнокультурными установками и традициями представителей этих этнических групп. Отсюда и необходимость выстраивания интеграционной политики государственными и общественными институтами на базе учета этих особенностей. Получению представлений об этих особенностях и характере их влияния на интеграционные процессы в социуме служат как проведенное это авторское исследование, так и многочисленные исследовательские программы, проводимые и в нашем регионе, и в других регионах страны.

Изучение и анализ деятельности различных государственных и общественных институтов, реализующих цели и задачи интеграционной политики демонстрирует важность и значимость получения объективных данных и о общем состоянии межнациональных отношений в конкретном регионе и стране (которое в нашем регионе может быть оценено как достаточно благоприятное), а также и данных о характере и содержании институциональных практик, реализуемых представителями различных этнических групп в процессе их социальной адаптации и встраивания в социальное пространство принимающего региона.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Горшков М.К. Российская повседневность в условиях кризиса / М.К. Горшков; Под ред. М.К. Горшкова, Р. Кrumm, Н.Е. Тихоновой. М. : Альфа, 2009. 272 с.
2. Нехай В.Н. Межнациональное общение как фундаментальное условие интернационализации духовной жизни в полиэтническом регионе // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. № 2. С. 102–105. EDN: KDSPZN
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989.
4. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М. : Искусство, 1981. 359 с. EDN: SGSZLB
5. Гуревич П.С. Философия культуры: учебное пособие для гуманитарных вузов. М. : Аспект Пресс, 1994. 316 с.
6. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер; Пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. 804 с. ISBN: 5-01-001584-6 EDN: SGUYOR

References:

1. Gorshkov M.K. Russian everyday life in the conditions of crisis / M.K. Gorshkov; Edited by M.K. Gorshkov, R. Krumm, N.E. Tikhonova. M. : Alpha, 2009. 272 p.

© Слизский Е.А.

2. Nekhai V.N. Interethnic communication as a fundamental condition for the internationalization of spiritual life in a multiethnic region // Bulletin of the Adygea State University. 2008. № 2. P. 102–105. EDN: KDSPZN
3. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the biosphere of the Earth. L. : Leningrad State University Publishing House, 1989.
4. Gurevich A.Ya. Problems of medieval folk culture. M. : Iskusstvo Publ., 1981. 359 p. EDN: SGSZLB
5. Gurevich P.S. Philosophy of culture: a textbook for humanitarian universities. M. : Aspect Press, 1994. 316 p.
6. Weber M. Selected works: translated from German. M. : Progress Publ., 1990. 804 p. ISBN: 5-01-001584-6 EDN: SGUYOR

Информация об авторе

Слизский Евгений Анатольевич

кандидат социологических наук,
первый заместитель директора
департамента по физической культуре и спорту
муниципального объединения г. Краснодар
ORCID: 0000-0002-5972-8843
post@krd.ru

Evgeny A. Slizsky

Candidate of Sociological Sciences,
First Deputy Director of the Department
of Physical Culture and Sports
of the Municipal Association of Krasnodar
ORCID: 0000-0002-5972-8843
post@krd.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-24>

УДК 316

Attribution

cc by

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тарутин Н.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Аннотация. Актуальность темы настоящей статьи обуславливается тем, что современные рыночные реалии требуют от компаний не только производства конкурентоспособных продуктов и услуг, но и постоянного развития и внедрения инноваций. В данных условиях корпоративная культура, в том числе инновационная, может стать одним из ключевых факторов, обеспечивающих конкурентоспособность компании на рынке. Наличие научной задачи и цели по формированию инновационной корпоративной культуры в организациях финансового сектора России, с одной стороны, и нового феномена инновационной корпоративной культуры в организациях финансового сектора России, который можно использовать для решения ряда задач, с другой стороны, предопределили необходимость построения концептуальной модели формирования инновационной корпоративной культуры в финансовом секторе. Методами исследования являются как общенаучные, так и специальные научные методы. На основании полученных в ходе исследования результатов была разработана концептуальная модель формирования инновационной корпоративной культуры на примере финансового сектора. По нашему мнению, применение концептуальной модели формирования инновационной корпоративной культуры позволит направить инновационную активность на достижение как стратегических целей компании, так и усилить имидж.

Ключевые слова: инновационная корпоративная культура, инновационное поведение, гибкие методы управления, социальные факторы.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE CONCEPTUAL MODEL OF FORMATION OF AN INNOVATIVE CORPORATE CULTURE ON THE EXAMPLE OF THE FINANCIAL SECTOR OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nikita V. Tarutin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract. The relevance of this study is due to the fact that modern market realities require companies not only to produce competitive products and services, but also to constantly develop and implement innovations. In these conditions, corporate culture, including innovative culture, can become one of the key factors ensuring the competitiveness of a company in the market. The presence of a scientific task and goal for the formation of an innovative corporate culture in organizations of the financial sector of Russia, on the one hand, and a new phenomenon of innovative corporate culture in organizations of the financial sector of Russia, which can be used to solve a number of problems, on the other hand, predetermined the need to build a conceptual model for the formation of innovative corporate culture in the financial sector. The research methods are both general scientific and special scientific methods. Based on the results obtained during the study, a conceptual model for the formation of an innovative corporate culture was developed using the example of the financial sector, through which it is possible to direct the innovative activity of financial sector companies to achieve strategic goals, strengthen the image, individual style of brand activity, quantitatively and qualitatively assess the social and organizational potential of innovations based on composite analysis, and also identify areas for optimizing innovation policy.

Keywords: innovative corporate culture, innovative behavior, flexible management methods, social factors.

Funding: Independent work.

Введение.

Большинство современных организаций осознают необходимость внедрения и развития инновационной корпоративной культуры, которая позволяет создать благоприятную среду для реализации новых идей и внедрения передовых технологий. Это подтверждается тем, что инновационная корпоративная культура способствует завоеванию лидерских позиций и достижению конкурентных преимуществ за счет активизации поиска способов улучшения собственных бизнес-процессов и управления ресурсами, а также внедрения новых форм взаимодействия и коммуникаций с сотрудниками.

Ряд исследований показывает, что в начале 1990-ых гг. российская корпоративная культура трансформировалась под влиянием западных топ-менеджеров и из директивной перешла в демократическую, а в ряде компаний в либеральную. При этом наблюдается ее двойственность: с одной стороны, поддерживаются тренды нашего времени и внедряются инновации, а с другой стороны, ключевые решения принимаются единолично руководителем компании.

Методическая основа исследования. Значительный вклад в развитие теоретико-методической базы, направленной на изучение корпоративной культуры, через формирование и поддержание взаимодействия осознанных и неосознанных систем и символов, коллективных представлений, организационных подразделений и характеристик, а также внешних факторов внесла Модель Эдгару Шейна, основанная на рационально-прагматическом подходе. Предложенная Шеном методическая матрица была использована нами при выявлении социальных факторов формирования инновационной корпоративной культуры, представленной в данной статье.

Вместе с тем, разработанная Клэр Грейвз, а позже доработанная Доном Беком и Кристафером Кованом модель спиральной динамики также была использована нами при выстраивании концептуальной модели инновационной корпоративной культуры. Спиральная динамика описывает эволюцию ценностей людей, групп и компаний может быть применена в выстраивании инновационной корпоративной культуры организаций финансового сектора и адаптации сотрудников к инновационным изменениям, через раскрытие потребности сотрудников на разных уровнях организационного развития.

Кроме того, при написании исследования были изучены такие работы зарубежных и российских ученых как: А.Г. Гуревича, разработавшего социальную динамику, которая остается актуальной в современных исследованиях; Бориса Грушина, первого, кто стал глубоко изучать общественное мнение в СССР, проводя опросы среди населения. По его инициативе в 1960 году при «Комсомольской правде» был создан Институт общественного мнения; Игоря Кона, изучавшего социологию личности, детства и юности, молодё-

жи, а также историю социологии. В 1970 году создал Исследовательский комитет по истории социологии при Международной социологической ассоциации и многих других ученых.

Результаты.

Анализ практики управления процессами формирования и развития инновационной корпоративной культуры в отечественных и зарубежных организациях показал, что в российских компаниях, в том числе в финансовом секторе корпоративная культура строится по принципу «у нас так принято». Под «у нас так принято» мы понимаем общие модели поведения, введенные сверху вниз, которые впоследствии становятся нормами.

По нашему мнению, условия работы, встраиваемые сверху-вниз и которые со временем не претерпевают какие-либо изменения, направленные на улучшение условий работы, повышение креативности и восприимчивости как топ-менеджеров, так и персонала к инновациям затрудняют развитие компании.

Особенность устройства управления компанией «у нас так принято» заключается в принятии каких-либо нововведений. идущих снизу-вверх как покушение на «захват власти» и проявление неуважения к руководящему составу компании.

Учитывая, что в каждой компании корпоративная культура формируется под влиянием множества факторов, в том числе социальных, которые нами также были изучены, определим некоторые особенности корпоративной культуры российских и зарубежных компаний, представленные в таблице 1.

В зарубежных организациях, согласно исследованиям консалтинговой фирмы Bail and Company, компании, внедрившие инновационную корпоративную культуру (Apple, Netflix, Google, Amazon, Zileej и Dell), работают на 40 % продуктивнее, чем средняя по рынку компания. Продуктивность указанных компаний базируется на двух фундаментальных принципах: на отборе «лучших умов» и поощрения самостоятельной исследовательской деятельности сотрудников; привнесении инноваций в коллектив путем обмена мыслями, идеями и мнениями. Исследования могут быть проведены сотрудниками в области изучения рынка, конкурентов, качества продукции и разработок, а также клиентов и целевой аудитории.

В каждой компании, указанной выше, установлены:

- Уровни риска и инновационных KPI для каждого направления;
- Обусловлена терпимость к неудачам;
- Приветствуется получение инноваций извне;
- Условия для креатива;
- Концентрация на создании «лучшей команды».

Таблица 1

Особенности корпоративной культуры российских и зарубежных компаний

Особенности корпоративной культуры в России и зарубежом	Российские компании	Зарубежные компании
Отношение к иерархии и власти	Иерархия более выражена, решения принимаются на высшем уровне, а подчиненные редко оспаривают мнение начальника	Распространена более плоская иерархия
Стиль коммуникации	Чаще используется косвенная коммуникация, где подтекст и невербальные сигналы играют важную роль. Устные договоренности ценятся выше письменных	Коммуникация как правило прямая и открытая. Предпочтения отдаются письменным инструкциям и договоренностям с целью избежания недопонимания
Индивидуализм и коллективизм	Культура ориентирована на коллективизм, где командная работа и общие цели ценятся выше индивидуальных амбиций	Западная культура продвигает индивидуализм, поощряя личные достижения и инициативу
Отношение к работе и личной жизни	Границы между работой и личной жизнью более размыты. Работники работают сверхурочно без компенсаций	Четкое разделение работы и личной жизни
Отношение к переменам	Отношение к переменам более настороженное, предпочтение отдается стабильности и проверенным методам работы	Культура приветствует инновации и адаптацию к переменам

Важным элементом построения инновационной корпоративной культуры в компании, помимо поощрения стремления к инновациям, нам представляется толерантное отношение к неизбежному методу проб и ошибок. При создании инновационной корпоративной культуры считается ошибкой нежелание компании создать все необходимые условия для реализации идей сотрудников.

Согласно последним исследованиям теории инновационной корпоративной культуры, терпимость к неудачам имеет решающее значение для мотивации команды инноваторов, и чем сложнее инновации в конкретной сфере, тем больше влияние этого фактора. Создание благоприятного отношения к инновациям корпоративной культуры формируется за счет позитивного отношения к экспериментальному подходу, а возможные неудачи ряда экспериментов принимаются как должное.

Создание «лучшей команды» возможно за счет привлечения в команду специалистов разнообразным менталитетов, имеющих различный опыт – как жизненный, так и рабочий. По мнению ряда исследователей, именно такие социальные факторы влияют на получение большего числа идей.

Нами выделяется три вида инновационных конфликтов интересов, которые становятся препятствием для применения инноваций в управлении (становлении инновационной корпоративной культуры):

- Инновационный конфликт между собственником и топ-менеджером;
- Инновационный конфликт между топ-менеджером и персоналом;

- Инновационный конфликт между топ-менеджером и консультантом.

Последний характерен именно для России. Суть его заключается в том, что, привлекая консультанта, руководители компаний полагают, что все проблемы будут решены сами собой, но при этом не готовы изменять собственные принципы и подходы к управлению. Руководители ждут от консультантов универсальных и «надежных, проверенных решений» в то время, как консультанты часто предлагают индивидуальные инновации, которые не имеют достаточной апробации, что кажется для руководителей рискованным и не имеющим смысла для внедрения.

Так, можно определить одну из главных преград при внедрении инновационной корпоративной культуры в российских компаниях – отсутствие ресурса управленческих нововведений (профессиональной команды).

Причины данной преграды видятся нами в отсутствии в России сформированной до конца теоретической основы инновационной деятельности и в отсутствии общепринятой критериальной базы изменения инноваций. В настоящее время вводится должность директора по стратегическому развитию, основной задачей которого является балансирование между внедрением инноваций в процессы управления и согласованием их с вышестоящим руководством [Микушин].

Блоки социальных факторов были представлены в форме статистической меры общей ситуации по выстраиванию инновационной культуры в организациях финансового сектора; то есть, рассчитан композитный индекс развития инновационной культуры в организациях финансового сектора Российской Федерации. При расчете композитного индекса были использованы данные, представленные в открытых источниках

ведущих компаний финансового сектора Российской Федерации: СБЕР, Альфа-Банк, РСХБ (Россельхозбанк), Т-Банк, БКС и ВТБ. Выбор данных организаций обусловлен тем, что все они ориентированы на внедрение инноваций, направленных на развитие.

К примеру, инновационная корпоративная культура Сбера ориентирована на инновации, командную работу и профессиональный рост сотрудников.

Ключевые принципы:

- инновации и свобода действий;
- развитие и обучение;
- ориентация на клиента.

К ключевыми особенностям, по нашему мнению, можно отнести проведение внутренних хакатонов, конкурсов стартапов и акселерационных программы.

Внутри компании создана система обучения (Корпоративный университет Сбербанка), предлагающая образовательные программы для сотрудников всех уровней.

Банк занял первое место в рейтинге инновационности банков Sk Fintech Hub.

Инновационная корпоративная культура Альфа-Банка ориентирована на инновации:

- создание совет по инновациям;
- организацию работы и поддержка стартапов на всех этапах жизненного цикла;
- создание культурного пространства на форуме Finopolis;
- регулярное изучение опыта лучших игроков;
- развитие внутренних стартапов;
- образовательные программы для студентов по цифровым финансовым активам.

К особенностям корпоративной культуры можно отнести создание комьюнити, помогающего строить культуру инноваций, анализ и прогнозирование будущего-главный источник знаний. Успешным проектам и командам, их создающим дают возможность развиваться внутри банка с возможностью свободного принятия операционных решений. В течение 2023 и 2024 года занимал лидирующие позиции в рейтинге инновационности «Сколково».

Для оценки уровня внедрения инноваций и развития инновационной корпоративной культуры в АО «Альфа Банк» автором был проведен опрос руководителей разного уровня посредством анкетирования с последующим агрегированием данных, их рейтингования и определения силь-

ных и слабых сторон исследуемого объекта, а именно инновационной корпоративной культуры АО «Альфа Банк».

Вопросы опросной анкеты были составлены на основе факторов, отражающих требования к поддержанию инновационного климата, а именно:

- число идей, сгенерированных на начальном этапе;
- количество неудач на стадии развития инноваций и этапе выхода на рынок;
- процент превышения времени и бюджета при разработке инноваций;
- среднее время выхода на рынок новой разработки по сравнению с отраслевыми аналогами.

Вместе с тем, хотелось бы отметить ограничения при исследовании инновационной культуры АО «Альфа Банк»:

- страх и нежелание сотрудников откровенно высказываться о проблемах в корпоративной культуре;
- возможное отсутствие единого понимания респондентами вопросов анкеты и определения термина инновационная корпоративная культура;
- разнообразие сотрудников (разный уровень должностей);
- отсутствие возможности контролировать и регулировать процесс заполнения анкет, так как опрос проводился посредством использования «Google Форм».

Тем не менее, по мнению автора, данные ограничения не смогут в значительной мере исказить данные исследования, опрос станет отправной точкой для будущих исследований корпоративной инновационной культуры АО «Альфа Банк».

При этом с целью разработки концептуальной модели формирования инновационной корпоративной культуры автором было исследовано влияние «инновационного поведения» при формировании инновационной корпоративной культуры.

На наш взгляд, при формировании инновационной корпоративной культуры в организации необходимо рассмотрение методологических оснований проблематики и содержания понятия «инновационного поведения».

Инновационное поведение — это комплексный феномен, который основывается как на способности и готовности человека к генерированию и внедрению новых идей, так и способности раскрывать и реализовывать свой творческий потенциал [Ваулина].

По нашему мнению, данное определение недостаточно исчерпывающе, так как возникает необходимость определения инновационного поведения не просто фирмы, отдельного сотрудника или потребителя, а определить характеристику инновационного поведения человека в современной экономике.

Инновационное поведение человека в современной экономике тесно взаимосвязано как с изменениями внешних условий, требующих адаптации и оптимизации процессов, так и с внутренними характеристиками и потребностями самого индивида.

В этой связи, нами может быть выделено два вида инновационного поведения самого человека и группы.

Коллективное инновационное поведение способно сформироваться в малой группе, чтоб обуславливает необходимость определения возможностей и концептуальной модели внедрения коллективного инновационного поведения в крупнейших финансовых организациях финансового сектора. Первоисточником коллективного поведения является индивидуальный инновационный потенциал каждого участника.

В этой связи, возникает необходимость анализа

и оценки субъектности в процессе социального управления инновационными группами решающих сложные задачи. Процесс социального управления должен учитывать характеристики всех субъектов, вовлеченных во взаимодействие [В.И. Демьяненко].

Таким образом, при выстраивании концептуальной модели формирования инновационной корпоративной культуры нами использовались, выделенные Д.И. Семеновым, шесть типов инновационного поведения.

Согласно классификации Д.И. Семенова, инновационному типу поведения сотрудников способствует широкий кругозор и открытость к изменениям внутренних установок и ценностей, а также стремление к самосовершенствованию, стимулируемые корпоративным обучением и повышением квалификации сотрудников.

Таким образом, можно заключить, что инновационное поведение в современных условиях – это совокупность способности предложить новые идеи и технические решения по их реализации, а также творческий потенциал личности, который необходимо развивать на всех этапах жизненного цикла сотрудника в компании [Свиридова, Лымарева].

Таблица 2

Типы инновационного поведения

Наименование типа поведения	Описание
Инноваторы	Предлагают и отстаивают собственные идеи, даже при условии их абсурдности
Сторонники нововведений	Быстро воспринимают новое при условии, что они понимают важность. На таких людей чаще всего опираются руководители, если он хочет наиболее эффективно внедрить нововведения
Колеблющиеся по отношению к нововведениям	Не понимают значимость нововведений, видят большое количество минусов в нововведении, чем плюсов. Отрицают нововведение, если оно не отвечает принятым меркам. К мнению таких людей часто прислушивается коллектив, так как они являются достаточно зрелыми
Нейтралисты	Люди, безразлично относящиеся к нововведениям и предложениям, легко попадающие под влияние
Скептически настроенные	В первую очередь работники видят негативные последствия нововведения, но при этом не предпринимают никаких практических шагов, с целью помешать внедрению. Со временем принимают нововведение как что-то неизбежное
Консервативно относящиеся к нововведениям	Оказывают сопротивление новому. Наблюдается доминирование традиционализма при восприятии нововведений. Воспринимают новое, когда оно становится традицией

Заключение.

Таким образом, при формировании концептуальной модели инновационной корпоративной культуры необходимо включить три элемента, представленных в исследовании: существующая корпоративная культура, персонал и его поведение,

разделив его на 6 типов и сами инновации, которые необходимо внедрить, для перехода к инновационной корпоративной культуре.

Концептуальная модель формирования инновационной корпоративной культуры представлена на рисунке 1.

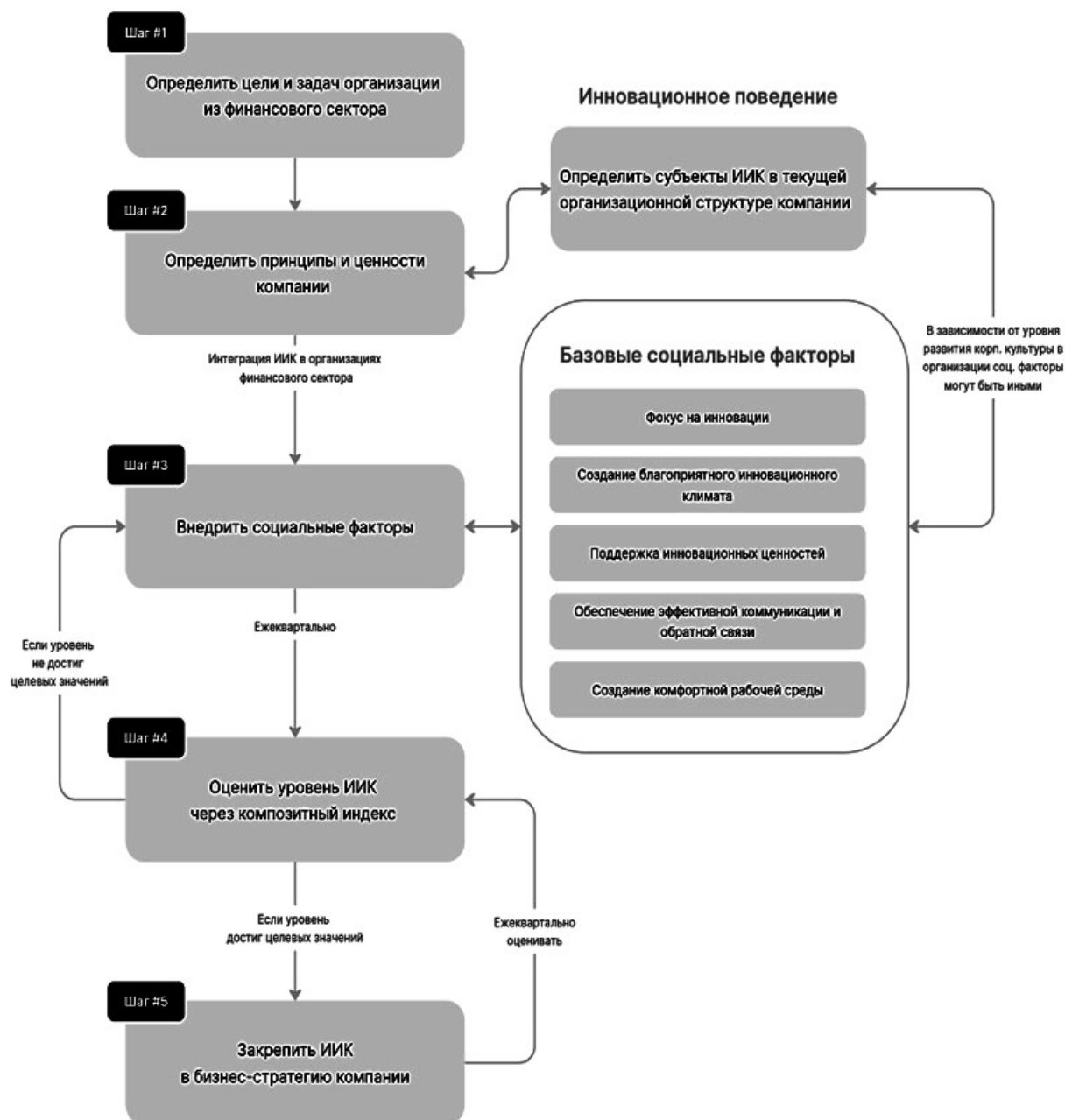

Рисунок 1 – Концептуальная модель формирования инновационной корпоративной культуры

Проведенное исследование, а также, разработанная концептуальная модель формирования инновационной корпоративной культуры на примере финансового сектора Российской Федерации, позволит активизировать инновационную деятельность компаний финансового сектора,

поднять уровень эксплуатации социально-организационного потенциала инноваций, включенность субъектов инновационной корпоративной культуры в инновационные процессы, повысить адаптивность, надежность и гибкость системы управления инновациями.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Болыхнов А.А. Описание модели внедрения программных продуктов Agile SCRUM // Вопросы экономических наук. 2020. № 1(101). С. 19–21. EDN: LRTVKZ
2. Ваулина Т.В. Современные подходы к определению понятия «Инновационное поведение» // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 168–170. EDN: NBIORV
3. Демьяненко В.И. Сравнительный анализ понятия субъектность в контексте трех парадигм сложности социального управления // Личность. Культура. Общество. 2022. Т. 24. № 2(114). С. 132–142. DOI: 10.30936/1606_951X_2022_24_2_132_142 EDN: DITDQD
4. Микушин Ф.В. Инновационная корпоративная культура // Сборник научных трудов «Транспорт: наука, образование, производство»: труды Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 26–28 апреля 2023 года. Ростов-н/Д. : Ростовский государственный университет путей сообщения. 2023). Т. 2. С. 272–275. EDN: EXAVPY
5. Нигматуллин А.Р. Функционально-ориентированный подход к управлению организационной культурой предприятия : дис. ... кан. экон. наук: 5.2.6 / Нигматуллин Альмир Рафаэлевич. М., 2023. 253 с. EDN: ISOJLH
6. Свиридова В.С. Моделирование стратегического управления персоналом организации / В.С. Свиридова, О.А. Лымарева // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 6-2(88). С. 153–156. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-6-2-153-156 EDN: PRLJPS
7. Семенов Д.Н. Инновационное поведение в социально-культурном сервисе и туризме // Форум 2016. Культурология. Актуальные проблемы и перспективы развития аспектов культуры, сервиса и туризма в современном обществе. 2016. URL : <https://scienceforum.ru/2016/article/2016020331?ysclid=lw5e082nf9304029487> (дата обращения 10.05.2024).
8. Осипова А.В. Возможности применения методологий Agile, Scrum в ИТ-проектах // Modern Science. 2021. № 1–2. С. 81–91. EDN: FXRIEZ
9. Тарутин Н.В. Инструменты формирования и развития инновационной корпоративной культуры в организации // Социология. 2023. № 3. С. 177–182. EDN: YDNETC
10. DDI development. Scrum and Agile: when you should adopt them. URL : <https://ddi-dev.com/blog/it-news/scrum-and-agile-when-you-should-adopt-them> (дата обращения 10.05.2024).

References:

1. Bolokhnov A.A. Description of recommendations for the implementation of Agile SCRUM software products // Analytical science. 2020. № 1(101). P. 19–21. E-mail: LRTVKZ
2. Vaulina T.V. Modern approaches to the definition of the concept of «Innovative behavior» // Bulletin of Tomsk State University. 2010. № 340. P. 168–170. AUTHOR: NBIORV
3. Demyanenko V.I. Comparative analysis of the concept of subjectivity in the context of three paradigms of complexity of social management // Personality. Culture. Society. 2022. Vol. 24. № 2(114). P. 132–142. DOI: 10.30936/1606_951X_2022_24_2_132_142 ed.: DITDQD
4. Mikushin F.V. Innovative corporate culture // Collection of scientific papers «Transport: science, education, production»: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, April 26–28, 2023. Rostov-on/D. : Rostov State University of Railway Transport, 2023 Vol. 2. P. 272–275. EDITORIAL: reviews
5. Nigmatullin A.R. A functionally oriented approach to managing the organizational culture of an enterprise : dis. ... Candidate of Economic Sciences: 5.2.6 / Nigmatullin Almir Rafaelevich, M., 2023. 253 p. EDN: ISOJLH
6. Sviridova V.S. Modeling the strategic management of an organization's personnel / V.S. Sviridova, O.A. Lymareva // Economics and Business: theory and practice. 2022. № 6-2(88). P. 153–156. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-6-2-153-156 E-mail: <url>
7. Semenov D.N. Innovative behavior in socio-cultural service and tourism // Forum 2016. Cultural studies. Actual problems and prospects of development of aspects of culture, service and tourism in modern society. 2016. URL : <https://scienceforum.ru/2016/article/2016020331?ysclid=lw5e082nf9304029487> (date of application 05/10/2024).
8. Osipova A.V. Possibilities of applying Agile and Scrum methods in IT projects // Modern Science. 2021. № 1–2. P. 81–91. AUTHOR: FXRIEZ
9. Tarutin N.V. (2023). Tools for the formation and development of an innovative corporate culture in an organization // Sociology. № 3. P. 177–182. EDITOR: YDNETC
10. DDI. Scrum and Agile development: when you follow and implement. URL : <https://ddi-dev.com/blog/it-news/scrum-and-agile-when-you-should-adopt-them> (date of application 05/10/2024).

Информация об авторе

Тарутин Никита Вадимович
аспирант,
Институт государственной службы и управления
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
nv.tarutin@gmail.com

Nikita V. Tarutin
Graduate Student,
Institute of Public Administration
and Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
nv.tarutin@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-27>

УДК 316.354.4

Attribution

cc by

ПОВЫШЕНИЕ МОТИВОВ УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ КРАСНОДАРА В РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Хлабыстова Н.В., Мишина Е.В., Бочкова С.В., Потоля А.А.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию мотивов молодежи города Краснодара, в частности студентов, к участию в решении экологических проблем. Выделены ключевые факторы, влияющие на активность молодежи в экологической сфере, а также проанализированы барьеры, препятствующие их вовлечению. В качестве инновационного решения предложено мобильное приложение «Волонтерство», предназначенное для упрощения доступа к экологическим инициативам и волонтерским проектам. Приложение позволяет пользователям оперативно получать информацию о мероприятиях, участвовать в акциях, взаимодействовать с другими волонтерами и получать бонусы за активность. На основе проведенного социологического опроса сделан вывод о необходимости внедрения современных технологий для повышения интереса молодежи к экологической деятельности. Результаты исследования будут полезны специалистам в области экологии, образования и цифровых технологий, заинтересованным в активизации участия молодежи в решении экологических проблем.

Ключевые слова: мотивация, экосистема, волонтерство, экологическая среда, экологическое просвещение, экологическая культура, экологическое сознание.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

INCREASING THE MOTIVES OF THE KRASNODAR POPULATION'S PARTICIPATION IN SOLVING ENVIRONMENTAL PROBLEMS

Natalia V. Khlabyustova, Ekaterina V. Mishina, Sofia V. Bochkova, Alina A. Potolya

Kuban State Technological University

Abstract. The article is devoted to the study of the motivation of young people in the city of Krasnodar, in particular students, to constantly change environmental problems. The key factors influencing the activity of young people in each area are identified, and the barriers leading to their implementation are analyzed. As an innovative solution, the mobile application «Volunteering» is proposed, designed to simplify access to environmental initiatives and volunteer projects. The application allows users to quickly receive information about events, participate in campaigns, communicate with other volunteers and receive bonuses for activity. Based on the survey, a conclusion is made about the need for modern technologies to increase the interest of states in other activities. The research results will be useful for specialists in the field of ecology, education and digital technologies interested in activating participation in legislation to solve environmental problems.

Keywords: motivation, ecosystem, volunteerism, ecological environment, environmental education, environmental culture, environmental awareness.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях глобальных экологических вызовов, с которыми сталкивается современное общество, вовлеченность населения в экологические движения становится особенно актуальной. Город Краснодар, как один из крупнейших населенных пунктов Юга России, не является исключением.

Проблемы загрязнения воздуха, воды и рост количества отходов требуют активного участия местных жителей в поиске решений.

Ярким примером практического вклада населения в решении экологических проблем являются движения «Зеленый край» [1] и «Зеленые Краснодар» [2]. Эти организации направлены на раз-

витие экологической культуры среди жителей региона, проводя разнообразные образовательные и практические мероприятия, включая эко-субботники, экологические уроки и мастер-классы. Подобные инициативы помогают формировать бережное отношение к природе, особенно среди молодежи.

Одним из ярких примеров практического вклада населения в решении экологических проблем являются движения «Зеленый край» [1] и «Зеленые Краснодар» [2]. Эти организации занимаются формированием экологической культуры у жителей края, предлагая различные образовательные и практические мероприятия, такие как эко-субботники, экологические уроки и мастер-классы. Подобные акции способствуют формированию бережного отношения к природе, особенно среди молодежи.

Активность жителей города также поддерживается Краснодарским отделением всероссийской экологической организации «РазДельный Сбор» [3]. Эта организация уделяет особое внимание необходимости внедрения системы раздельного сбора отходов, что является ключевым шагом к формированию культуры ответственного потребления.

Экологическая проблема, связанная с затонувшими танкерами, которая возникла 15 декабря 2024 года в Керченском проливе, также требует должного внимания со стороны волонтеров. Участие каждого волонтера важно для устранения катастрофы и минимизации ущерба для морской экосистемы. Затонувшие танкеры представляют собой угрозу из-за разлива нефти и других опасных веществ, которые могут нанести вред как флоре, так и фауне региона. Волонтеры могут участвовать в очистке побережья, сборе информации о загрязнении и проведении образовательных мероприятий для повышения осведомленности местного населения о последствиях подобных инцидентов. Совместные усилия помогут восстановить экосистему и предотвратить дальнейшие экологические катастрофы в будущем.

Таким образом, несмотря на достижения отдельных экологических инициатив, необходимо существенно повысить уровень информационной доступности о проводимых мероприятиях.

Обсуждение.

Тема повышения мотивов участия населения г. Краснодара в решении экологических проблем является достаточно исследованной в рамках социологии, экологии и управления общественными процессами. В последние годы растет интерес к вопросам экологической устойчивости и вовлечения граждан в принятие решений, влияющих на экологическую ситуацию.

Так, группа ученых: Н.П. Сафонов, С.П. Куккоев, А.С. Скорбобенко, В.В. Скорбобенко в своей статье уделили внимание экологическим пробле-

мам Краснодарского края и написали программу мероприятий, направленных на социально-экономическое развитие края. Также одним из факторов влияния на экологическую обстановку края была выдвинута идея принятия законодательных актов, направленных на: сокращение единиц транспорта, ограничение движения в городской черте большегрузного транспорта, усиление контроля за качеством реализуемого автомобильного топлива, реализация топлива с показателями качества, соответствующими стандартам Евро-4 [4].

В последние годы ученые все активнее фокусируются на экологических проблемах. Как подчеркивают исследователи Д.А. Тихомиров и И.А. Кисткина, экологические вопросы становятся одними из ключевых вызовов нашего времени, и их решение имеет решающее значение для будущего общества [5].

В статье «Экологическое сознание и поведение современной студенческой молодежи: социологический анализ» М.В. Валеева пишет о том, что развитие экологического сознания среди молодежи представляет собой одну из наиболее насущных задач как для ученых, исследующих эту область, так и для общества в целом. Исследование экологического сознания и поведения становится важным направлением в социологии, поскольку позволяет глубже осознать, как люди взаимодействуют с окружающей средой и каким образом экологические изменения влияют на социальные связи и отношения [6].

Данные, представленные в статье Н.Л. Антоповой, П.Е. Ильяевой «Экологические практики молодежи: репертуар, мотивация, барьеры» раскрывают важные аспекты мотивации и ограничений, связанных с вовлечением молодежи в экологические практики. Согласно исследованию, ключевыми мотивами экоактивности выступают, с одной стороны, чувство ответственности за состояние окружающей среды, а с другой – разумный эгоизм, выражающийся в стремлении к комфортной и чистой среде обитания. Данная двойственность мотивации отражает сложный характер экологического сознания, сочетающего в себе альтруистические и эгоистические установки [7].

Тему «Социально-экономические факторы экологического поведения населения региона» изучала Ю.В. Пупкова. В работе представлен анализ восприятия экологических рисков, связанных с загрязнением воздуха в Краснодарском крае. Кроме того, в работе приведены результаты сопоставления государственной статистики по выбросам загрязняющих веществ в атмосферу с результатами социологического опроса жителей Краснодара, проведенного на фоне массовой гибели деревьев [8].

В настоящее время теме экологии уделяют большое внимание, поскольку она представляет собой глобальную проблему. В исследованиях, посвященных экологии, рассматриваются раз-

личные экологические вопросы и предлагаются возможные пути решения. Однако, методы повышения мотивации населения к участию в решении экологических проблем города Краснодар до сих пор не были предметом анализа.

Так, целью данной статьи является исследование факторов, влияющих на мотивацию молодежи города Краснодара к участию в решении экологических проблем, а также разработка рекомендаций по повышению вовлеченности граждан в экологические инициативы и мероприятия.

В рамках исследования темы «Повышение мотивов участия населения г. Краснодар в решении экологических проблем» необходимо решить ряд задач. Первой задачей является анализ существующих теорий мотивации, чтобы понять, какие механизмы влияют на вовлеченность граждан в экологические инициативы. Второй задачей выступает оценка знания экологических проблем города, а также оценка текущего уровня участия населения в экологических мероприятиях через проведение социологического опроса, что позволит выявить реальные масштабы вовлеченности. Третья задача заключается в выявлении факторов, которые могут как способствовать, так и препятствовать участию жителей в решении экологических проблем, включая социальные, экономические и культурные аспекты. Последней задачей является выработка практических рекомендаций для органов местного самоуправления и экологических организаций, направленных на улучшение мотивации граждан. Эти задачи позволят разработать комплексный подход к повышению мотивов участия насе-

ления в решении экологических проблем в городе Краснодар.

Результаты.

В период с 25 января по 25 февраля 2025 года было проведено социологическое исследование, направленное на изучение мотивов участия молодежи в решении экологических проблем города Краснодара. Опрос проводился среди студентов Кубанского государственного технологического университета (КубГТУ), различных курсов и направлений подготовки. В исследовании приняли участие 347 респондентов, что обеспечило достаточный объем данных для выявления ключевых тенденций и факторов, определяющих вовлеченность молодежи в экологическую деятельность. Возрастная категория участников составила от 17 до 24 лет. Из них мужчины – 51 %, женщины – 49 %. В опросе приняли участие студенты, проживающие в различных районах Краснодара, что позволило оценить различия в восприятии экологических проблем в зависимости от места проживания и доступности экологических инициатив.

В рамках исследования респондентам был предложен перечень экологических проблем города Краснодара, из которого они могли выбрать наиболее значимые, по их мнению, вопросы (рис. 1). Самый популярный ответ был загрязнение воздуха – 72 %, это подтверждает данные исследования группы ученых Н.П. Сафонов, С.П. Куккоев, А.С. Скорбобенко, В.В. Скорбобенко, которые в своей статье утверждали, что жителей города Краснодара не устраивает уровень загрязнения атмосферного воздуха [4].

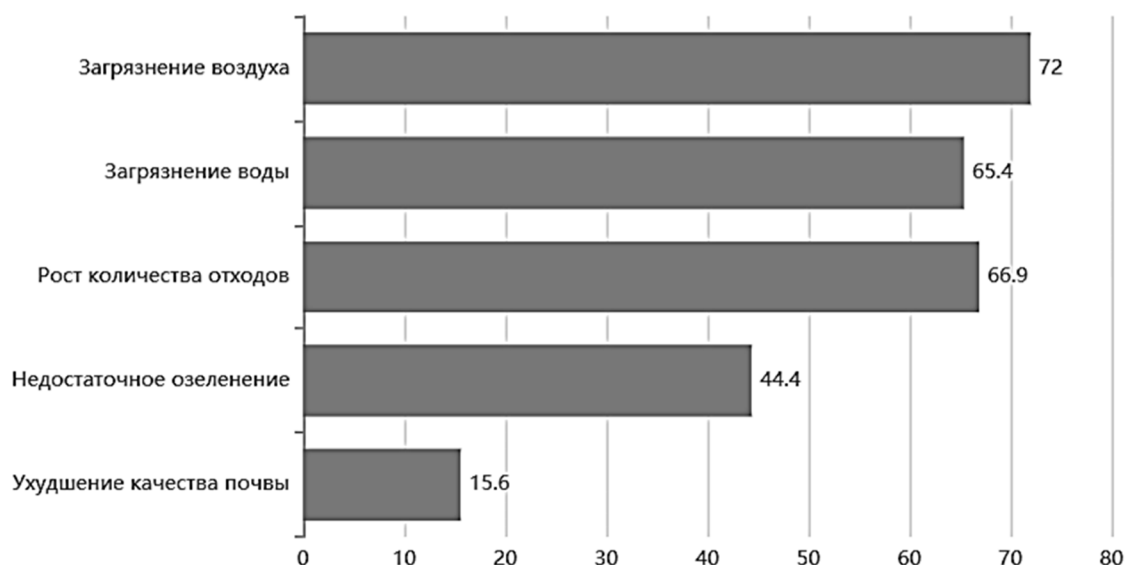

Рисунок 1 – Оценка значимости экологических проблем г. Краснодара, %

Следовательно, можно сделать вывод о том, что загрязненный воздух является самой большой проблемой города Краснодар в течении 20 лет. При этом такие вопросы, как сокращение зеле-

ных насаждений (44,4 %) и ухудшение качества почвы (15,6 %), были отмечены меньшим числом респондентов, что может говорить о недостаточной информированности молодежи о долгосроч-

ных экологических последствиях данных явлений.

Студентам было предложено оценить уровень загрязненности окружающей среды в своем районе проживания по шкале от 1 до 5, где 1 означало «очень загрязненную» среду, а 5 – «совсем не загрязненную» (рис. 2). Значительная часть респондентов, независимо от района проживания,

оценивает экологическое состояние своих районов как среднее (оценка «3» – 45,5 %) или выше среднего (оценка «4» – 27,4 %). Однако заметная доля студентов посчитала уровень загрязнения высоким. Из этого можно сделать вывод о том, что экологическая ситуация в целом не воспринимается как критическая, но существует осознание экологических проблем, которые требуют внимания и действий.

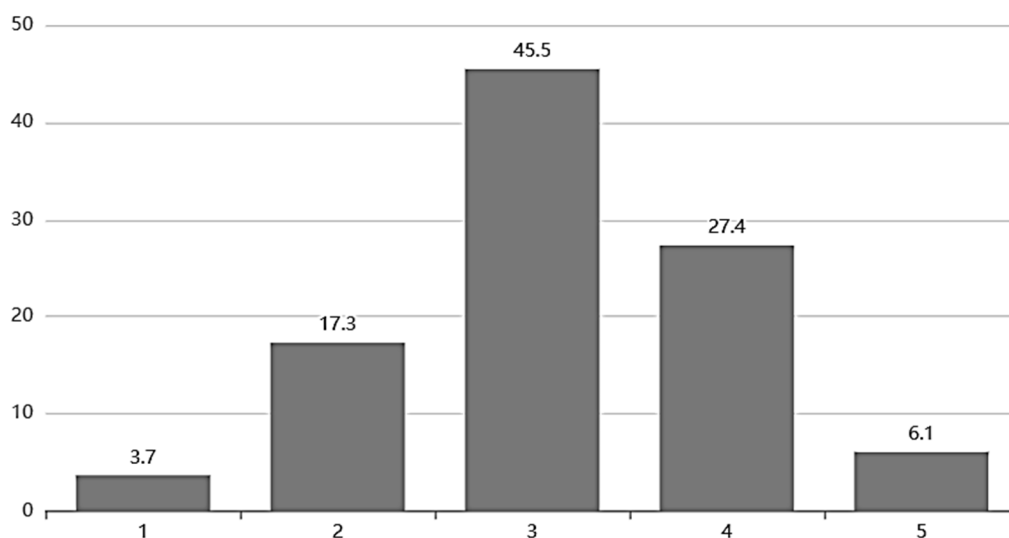

Рисунок 2 – Оценка уровня загрязненности окружающей среды, %

Среди участников опроса также изучался уровень осведомленности о мероприятиях, направленных на решение экологических проблем в Краснодаре (рис. 3). Согласно результатам, только небольшая часть студентов считает, что обладает достаточным уровнем знаний о подобных инициативах (10,6 %), в то время как большинство респондентов отмечают, что частично

осведомлены (42,9 %) либо не владеют данной информацией вовсе (46,4 %). Этот факт подтверждает наличие пробела в распространении данных об экологических программах и подчеркивает необходимость более эффективного информирования молодежи о существующих возможностях участия в решении экологических проблем.

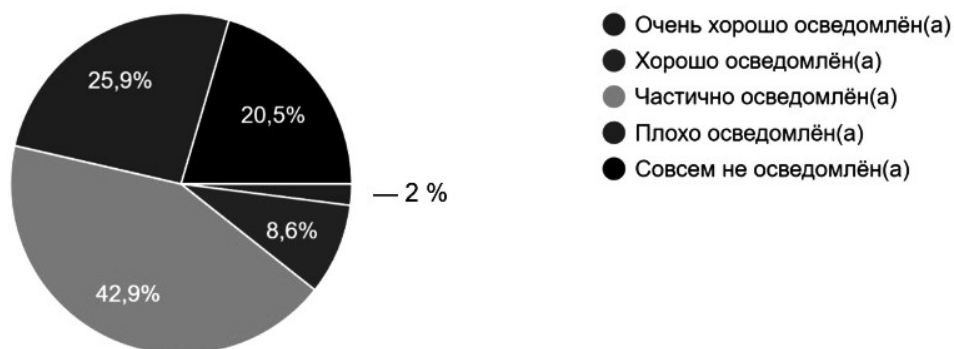

Рисунок 3 – Оценка уровня осведомленности о мероприятиях, направленных на решение экологических проблем в Краснодаре, %

По результатам опроса 83,9 % респондентов считают участие молодежи в экологических инициативах «очень важным» или «важным» (рис. 4). Данные показатели подтверждают высокий уровень осознания экологических проблем среди студентов, это доказывает актуальность проблемы, о

которой писали в своей статье Д.А. Тихомиров и И.А. Кисткина, данные исследователи утверждали, что экологические проблемы являются одними из основных вызовов современности, которые затрагивают все группы населения [5].

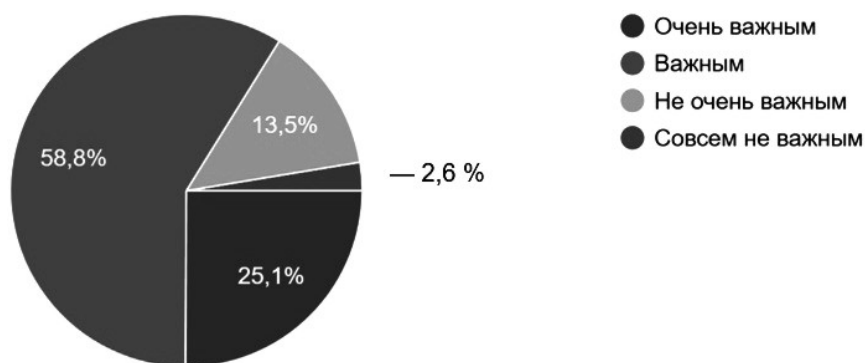

Рисунок 4 – Оценка уровня важности вовлечения молодежи в экологическую деятельность, %

Важно отметить, что осознание проблемы не всегда переходит в конкретные действия. Лишь 25 % опрошенных ранее принимали участие в экологических инициативах. Из них только 1,4 % заявили, что регулярно участвуют в подобных мероприятиях, тогда как 23,6 % отметили редкое посещение (рис. 5). Примечательно, что 36,9 % студентов никогда не принимали участия в эко-

логических акциях, но выразили желание попробовать.

Показатели вопроса доказывают данные статьи Ю.В. Пупковой, которая в своей статье пришла к выводу, что многие жители г. Краснодара предпочитают оставаться в роли пассивных наблюдателей процессов деградации среды их обитания [8].

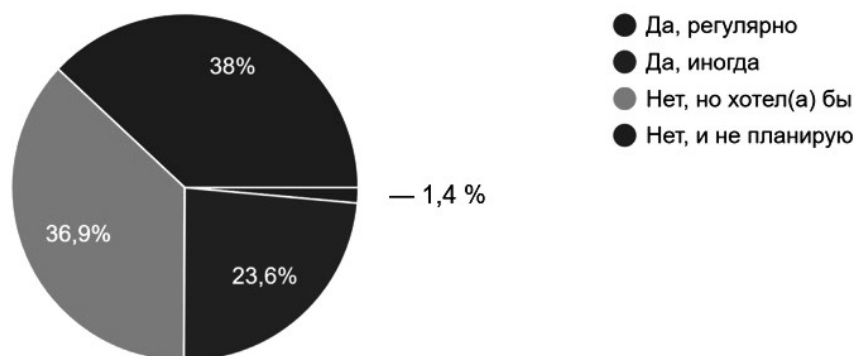

Рисунок 5 – Участие респондентов в экологических мероприятиях, %

В ходе анализа мотивов, побуждающих молодежь к участию в экологических инициативах, было выявлено, что основным стимулом является желание внести личный вклад в улучшение экологической ситуации, о чем заявили 80,4 % респондентов (рис. 6). Существенную роль играет также фактор личного удовлетворения от проделанной работы, который отметили 47,6 % опрошенных. Достаточно высокий процент участников (34,9 %) рассматривают участие в экологических инициативах как возможность получения нового опыта и знаний, что свидетельствует о заинтересованности молодежи в экологических вопросах не только с точки зрения социальной ответственности, но и возможности для саморазвития, что говорит о потенциале экологической деятельности как образовательного ресурса. Немаловажным фактором остается возможность общения с единомышленниками, который оказался значимым для 20,7 % респондентов. Совокупность факторов позволяет рассматривать экологические инициативы как важную форму социальной активности молодежи.

Наиболее популярными формами экологической деятельности среди студентов являются практические мероприятия, такие как высадка деревьев и озеленение, в которых выразили готовность участвовать 62 % респондентов (рис. 7). Кроме того, высоким уровнем предпочтения обладают инициативы по уборке территории и благоустройству, к которым склонны 50,7 % студентов. Деятельность по охране животных и растений привлекает 45 % респондентов, а участие в кампаниях по сбору вторичных материалов заинтересовало 35,2 % опрошенных. Данные показатели подтверждают, что студенты чаще предпочитают мероприятия, дающие видимый и осязаемый результат. Уровень популярности образовательных и просветительских мероприятий остается сравнительно низким (13,8 %), что указывает на необходимость повышения интереса студентов к деятельности, которая требует более длительного вовлечения и может приносить менее очевидные, но не менее важные результаты в долгосрочной перспективе.

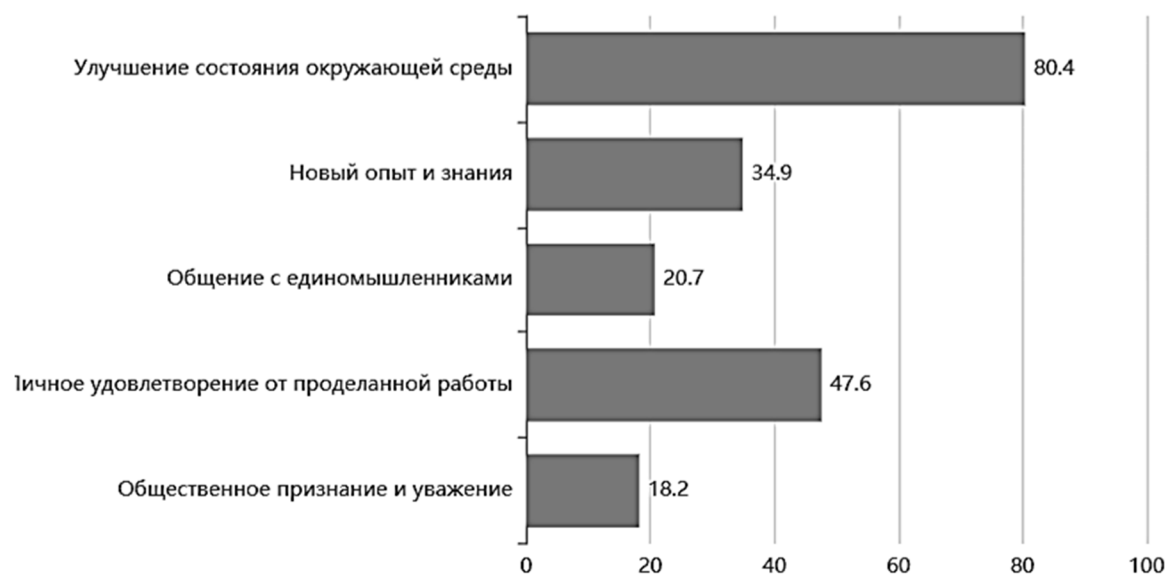

Рисунок 6 – Основные мотивы участия в экологических мероприятиях, %

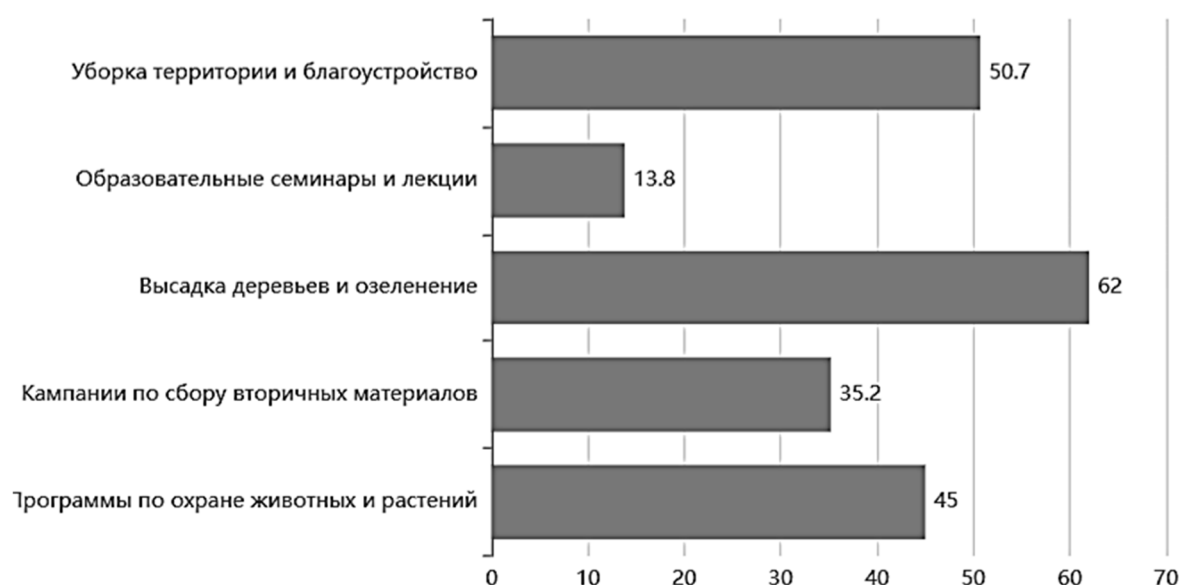

Рисунок 6 – Предпочтения при выборе типа экологических мероприятий, %

Существенным препятствием для участия в экологической деятельности является недостаточная осведомленность о проводимых инициативах. Согласно результатам опроса, 89,3 % респондентов указали на недостаток информации о предстоящих мероприятиях, а также о способах непосредственного участия (рис. 3). Дефицит достоверных и оперативных сведений снижает вероятность вовлеченности даже среди тех, кто проявляет интерес к экологической деятельности. Во многом это обусловлено отсутствием единого информационного ресурса, где можно было бы получить актуальные сведения о запланированных акциях, форматах участия и контактах организаторов. Отсутствие доступа к информации приводит к тому, что студенты

узнают о мероприятиях постфактум, либо от случайных источников, что ограничивает возможности их участия.

Данные результаты созвучны с исследованием Н.Л. Антоповой, П.Е. Иляевой, они в своей статье также приводят статистику барьеров участия молодежи в экодвижениях, в которой сказано, что молодежи удобнее использовать практики экологического онлайн-активизма [7].

Наряду с нехваткой информации, существенную преграду для участия в экологических инициативах составляет дефицит свободного времени. На этот фактор указали 67,4 % опрошенных. В условиях высокой учебной нагрузки, необходи-

мости совмещения образовательного процесса с работой и участия в разнообразной внеаудиторной деятельности, студенты сталкиваются с трудностями распределения времени. Особенно эта проблема актуальна для студентов старших курсов, которым приходится совмещать подготовку к экзаменам и написаниям дипломных работ с прохождением стажировок, что приводит к ограниченным временным ресурсам для участия в общественных инициативах. В таких условиях даже при наличии интереса к экологической тематике, студенты как правило не имеют возможности принять в ней участие. Для данной категории респондентов важным аспектом является наличие гибких форматов вовлечения, а также инструментов, обеспечивающих быстрый доступ к актуальной информации о проводимых акциях.

Мотивация студентов к участию в экологических инициативах во многом определяется наличием внешних стимулов, таких как материальные поощрения, признание заслуг и удобство организации мероприятий. Анализ ответов на вопрос о факторах, способных побудить респондентов участвовать в экологических инициативах, показывает, что высокий процент опрошенных (50,1 %)

свидетельствует о важности льгот и скидок, а также 24,2 % указали на привлекательность участия в розыгрышах и получения сувениров. Это свидетельствует о прагматичном подходе молодежи к выбору активностей (рис. 7). В то же время, существенная доля студентов (45,8 %) отмечает важность информирования о реальных изменениях. Кроме того, значительное количество респондентов (37,5 %) указало, что удобство времени проведения мероприятий играет решающую роль, что подчеркивает необходимость адаптации графиков экологических акций под занятость студентов. Наличие интереса к примерам успешных инициатив (23,6 %) и образовательным мероприятиям с участием известных личностей (21,3 %) свидетельствует о важности вдохновляющих личностей и просветительской деятельности в формировании экологически ответственного поведения. Таким образом, для успешного вовлечения молодежи в экологические инициативы необходимо учитывать комплекс факторов: сочетание материальных стимулов, социальной значимости участия, информирования о достижениях предыдущих акций и создания комфортных условий для включения студентов в экологическую деятельность.

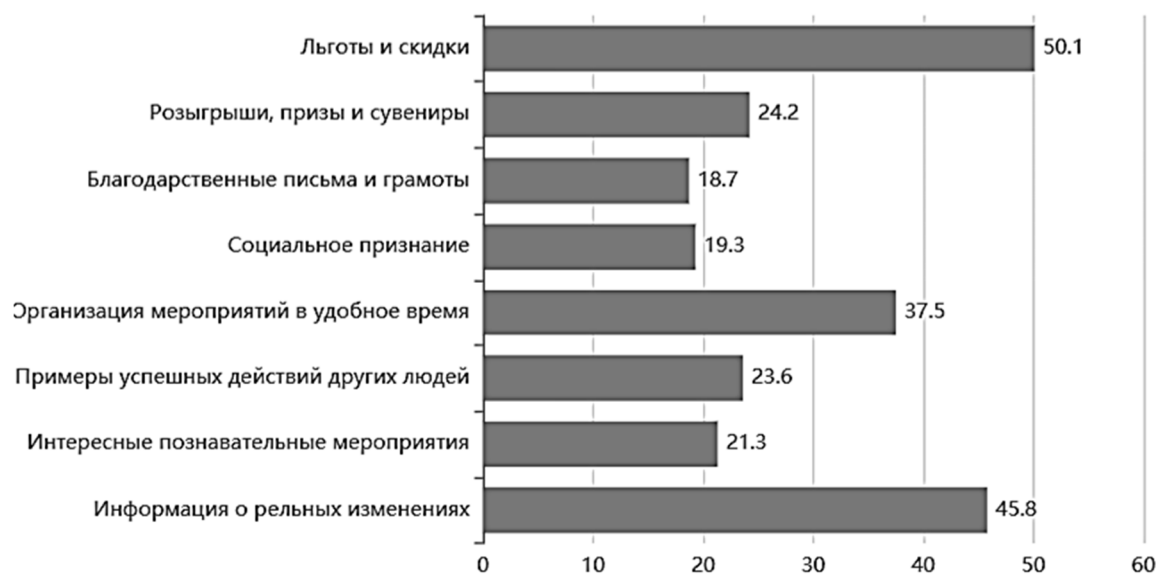

Рисунок 7 – Востребованность стимулов, % ?

Степень осведомленности студентов о конкретных инициативах и возможностях участия во многом определяется доступностью и удобством используемых информационных ресурсов. Вопрос: «Какие из перечисленных организаций, занимающихся экологическими проблемами Вам известны?» показал, что наибольшее количество голосов набрали такие экологические организации, как «Чистая среда» и «Зеленые Краснодар» (30,3 % и 29,1 % соответственно). Это непосредственно связано с их медийной популярностью — обе организации активно ведут социальные сети и охватывают широкий спектр экологических тем, что позволяет им достигать большей ауди-

тории. Их узнаваемость также объясняется оперативностью обновлений, что способствует лучшему вовлечению молодежи в экологические акции.

В современных условиях цифровые технологии играют ключевую роль в распространении информации среди молодежи, что подтверждается результатами проведенного опроса: 81,3 % респондентов предпочли бы получать информацию об экологических инициативах через социальные сети, такие как «ВКонтакте» и «Telegram» (рис. 8). Это объясняется тем, что данные платформы обеспечивают широкий охват аудитории, пред-

лагают возможность подписки на тематические группы и страницы, а также позволяют отслеживать обновления и получать напоминания о предстоящих мероприятиях. В дополнение к этому, 52,7 % студентов отметили удобство по-

лучения информации через мессенджеры, что подчеркивает популярность форматов мгновенных сообщений, обеспечивающих прямую коммуникацию между организаторами и потенциальными участниками мероприятий.

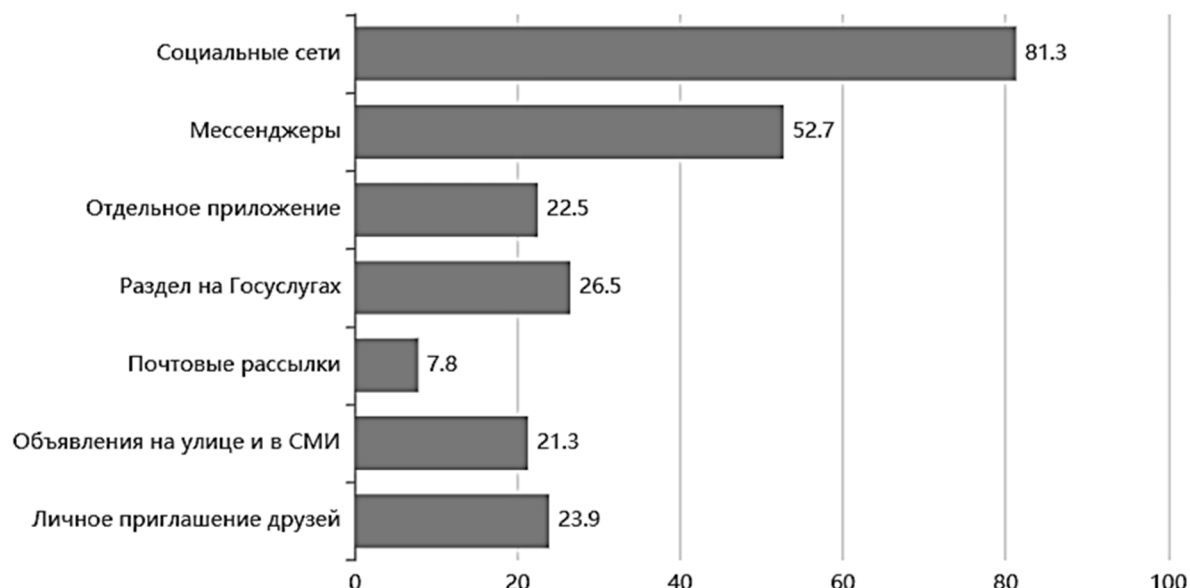

Рисунок 8 – Оценка удобства информационных источников, %

Также 26,5 % респондентов отметили, что удобным средством получения информации для них является специальный раздел на платформе «Госуслуги», а 22,5 % выразили заинтересованность в отдельном мобильном приложении, ориентированном на координацию экологической активности (рис. 8). Эти данные свидетельствуют о формировании запроса на создание единого централизованного сервиса, который мог бы интегрировать актуальные сведения о предстоящих событиях, обеспечивать удобную систему регистрации и упрощать коммуникацию между организаторами и участниками.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что молодежь города Краснодара проявляет интерес к вопросам экологии, однако недостаточный уровень осведомленности, нехватка информации о доступных инициативах и ограниченные возможности участия снижают степень их вовлеченности. Выявленные мотивы и барьеры позволяют определить направления работы по развитию экологической активности среди студентов, в том числе через совершенствование механизмов информирования, создание удобных условий для участия и внедрения эффективных стимулов, способствующих формированию устойчивого экологически ответственного поведения.

Заключение.

Экологические проблемы становятся все более актуальными для жителей городов, и Краснодар не является исключением. Важным аспектом

решения этих вопросов является активное вовлечение молодежи, ведь именно молодое поколение обладает потенциалом для внедрения инновационных идей и формирования культуры ответственности за окружающую среду. В связи с этим, одним из перспективных предложений является создание мобильного приложения «Волонтерство», которое будет служить платформой для организации экологических мероприятий и других социальных акций.

На основе государственных услуг и их ответвления «Культура», приложение «Волонтерство» будет иметь удобный интерфейс, включающий различные разделы и актуальные акции, связанные с экологическими инициативами. Пользователи смогут легко находить информацию о запланированных мероприятиях, таких как сбор мусора, посадка деревьев, очистка водоемов и другие действия, направленные на улучшение экологической ситуации в своих городах.

Также, каждое мероприятие будет иметь фиксированное время и место проведения, что позволит организовать процесс более эффективно. Для создания интереса у населения можно ввести ограничение по количеству мест на каждое событие, что будет стимулировать людей откликаться на приглашения. Пользователи смогут отмечаться на мероприятиях, на которые они записались и это позволит организаторам заранее знать количество участников, что даст возможность подготовиться к ним должным образом.

Кроме того, для повышения мотивации участников можно разработать систему бонусов и поощрений. После завершения мероприятия каждый волонтер сможет просканировать QR-код, который будет предоставлен организаторами, чтобы получить начисление бонусов. Эти бонусы могут быть использованы для получения различных сувениров, билетов на культурные мероприятия. Такой подход будет не только мотивировать молодежь участвовать в экологических акциях, но и создает положительный имидж волонтерства в обществе.

Результаты опроса среди студентов подтвердили, что разнообразные поощрения оказывают положительное влияние на их желание участвовать в экологических мероприятиях. Молодые люди отметили, что такие стимулы, как скидки, льготы, участие в розыгрышах и получение сувениров, значительно повышают их мотивацию к активному участию в экологических инициативах. Это свидетельствует о том, что для эффективного вовлечения молодежи в защиту окружающей среды необходимо использовать систему бонусов, что может способствовать более активной позиции молодежи в вопросах экологии.

Также, 06 июня 2023 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил результаты опроса, посвященного теме «Экоактивизм: вовлеченность, мотивация, потенциал» [9]. Согласно данным опроса, экологическая активность россиян в сравнении с 2021 годом немного снизилась: 52 % респондентов сообщили, что в течение последнего года они или члены их семей предпринимали меры для снижения экологических проблем (в 2021 году этот показатель составлял 58 %). При этом 41 % опрошенных отметили, что не принимали никаких действий в этом направлении.

По мнению россиян, одним из наиболее эффективных способов повышения вовлеченности населения в экологические инициативы являются материальные стимулы. Наиболее востребованными среди них являются льготы на жилищно-коммунальные услуги и проезд в общественном транспорте, которые поддерживают 45 %

опрошенных. Следующими по популярности идут скидки на культурные и досуговые мероприятия (21 %) и возможность взять дополнительные выходные на работе (18 %). В то же время менее привлекательными оказываются такие «осязаемые» поощрения, как дипломы и благодарственные письма (9 %) и сувениры (7 %).

Исходя из имеющихся данных, программа поощрения станет дополнительным стимулом для активного участия граждан, а также поможет создать сообщество неравнодушных людей, готовых вносить свой вклад в охрану окружающей среды.

Важно отметить, что приложение «Волонтерство» может выходить за рамки экологии и охватывать другие социальные нужды. Например, в рамках приложения можно организовать помощь инвалидам, пожилым людям, детям в детских домах, а также заботу о животных. Каждый пользователь сможет выбрать направление волонтерской деятельности в зависимости от своих возможностей и стремлений.

Система, разработанная для Краснодара, может быть адаптирована и внедрена в других городах России. Важно, чтобы приложение «Волонтерство» стало универсальной платформой, которая будет учитывать местные особенности и потребности каждого региона. Это позволит создать единую сеть волонтеров, работающих на улучшение экологии и решение социальных проблем в разных уголках страны.

Таким образом, создание мобильного приложения «Волонтерство» представляет собой эффективный способ повышения интереса населения к решению экологических проблем и социальных нужд. Удобный интерфейс, система поощрений и разнообразие направлений волонтерской деятельности сделают участие в акциях доступным и привлекательным для всех жителей. Важно, чтобы каждый гражданин чувствовал свою значимость и мог внести свой вклад в общее дело, что, безусловно, будет способствовать улучшению как экологической ситуации, так и социальной обстановки.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. ВКонтакте. URL : <https://vk.com/mygreenarea> (дата обращения 28.02.2025).
2. ВКонтакте. URL : <https://vk.com/krasnodargreens> (дата обращения 28.02.2025).
3. Российская система биоресурсов. Краснодар. URL : <https://rsbor.ru/about/geo/krasnodar/?ysclid=m7tc325fbr152799496> (дата обращения 01.03.2025).

4. О приоритетах социального-экологического развития Краснодарского края / Н.П. Сафонов [и др.] // Кубанский научный медицинский вестник. 2007. № 1–2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prioritetah-sotsialnogo-ekologicheskogo-razvitiya-krasnodarskogo-kрая> (дата обращения: 02.03.2025). EDN: HZMJLP
5. Тихомиров Д.А. Экологическое сознание молодежи Москвы // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-soznanie-molodezhi-moskvy> (дата обращения 02.03.2025).
6. Валеева М.В. Экономическое сознание и поведение современно студенческой молодежи: социологический анализ // Социодинамика. 2023. № 7. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-soznanie-i-povedenie-sovremennoy-studencheskoy-molodezhi-sotsiologicheskiiy-analiz> (дата обращения 02.03.2025).
7. Антонова Н.Л. Экологические практики молодежи: репертуар, мотивация, барьеры / Н.Л. Антонова, П.Е. Ильяева // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-praktiki-molodezhi-repertuar-motivatsiya-bariery> (дата обращения 02.03.2025)
8. Пупкова Ю.В. Социально-экономические факторы экологического поведения населения региона // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 6(59). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-faktory-ekologicheskogo-povedeniya-naseleniya-regiona> (дата обращения: 02.03.2025).
9. Всероссийский центр изучения общественного мнения // Экоактивизм: вовлеченность, мотивация, потенциал. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkoaktivizm-vovlechnost-motivatsiya-potencial> (дата обращения 28.02.25).

References:

1. VKontakte. URL : <https://vk.com/mygreenarea> (date of application 28.02.2025).
2. VKontakte. URL : <https://vk.com/krasnodargreens> (date of application 28.02.2025).
3. The Russian system of bioresources. Krasnodar. URL : <https://rsbor.ru/about/geo/krasnodar/?ysclid=m7tc325fbr152799496> (date of application 03/01/2025).
4. On the priorities of social and ecological development of the Krasnodar Territory / N.P. Safonov [et al.] // Kuban Scientific Medical Bulletin. 2007. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prioritetah-sotsialnogo-ekologicheskogo-razvitiya-krasnodarskogo-kрая> (date of application 03/02/2025). EDN: HZMJLP
5. Tikhomirov Dmitry Andreevich Ecological consciousness of Moscow youth // Horizons of humanitarian knowledge. 2018. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-soznanie-molodezhi-moskvy> (date of application 03/02/2025).
6. Valeeva M.V. Economic consciousness and behavior of modern students: a sociological analysis // Sociodynamics. 2023. № 7. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-soznanie-i-povedenie-sovremennoy-studencheskoy-molodezhi-sotsiologicheskiiy-analiz> (date of application 03/02/2025).
7. Antonova N.L. Ecological practices of youth: repertoire, motivation, barriers / N.L. Antonova, P.E. Ilyayeva // Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations. 2023. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-praktiki-molodezhi-repertuar-motivatsiya-bariery> (date of application 03/02/2025)
8. Pupkova Yu.V. Socio-economic factors of environmental behavior of the population of the region // Society: politics, economics, law. 2018. № 6(59). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-faktory-ekologicheskogo-povedeniya-naseleniya-regiona> (date of application 03/02/2025).
9. All-Russian Center for the Study of Public Opinion // Eco-activism: engagement, motivation, potential. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkoaktivizm-vovlechnost-motivatsiya-potencial> (date of application 28.02.25).

Информация об авторах

Хлабыстова Наталья Валерьевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный
технологический университет
Hlabystova_1@mail.ru

Мишина Екатерина Витальевна

студентка 4 курса,
Кубанский государственный
технологический университет
pretty.girl.20042222@gmail.com

Бочкова София Владиславовна

студентка 4 курса,
Кубанский государственный
технологический университет
sofia.bochkova04@gmail.com

Natalia V. Khlabyystova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology,
Kuban State Technological University
Hlabystova_1@mail.ru

Ekaterina V. Mishina

4th year Student,
Kuban State Technological University
pretty.girl.20042222@gmail.com

Sofia V. Bochkova

4th year Student,
Kuban State Technological University
sofia.bochkova04@gmail.com

Потоля Алина Александровна
студентка 4 курса,
Кубанский государственный
технологический университет
alina201922@icloud.com

Alina A. Potolya
4th year Student,
Kuban State Technological University
alina201922@icloud.com

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-28>

УДК 316.33

Attribution

cc by

ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ УПРАВЛЕНИЯ ИНСТИТУТОМ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Хрусталеv А.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Аннотация. В настоящей работе проводится анализ управления институтом онлайн-образования в современных реалиях. В рамках исследования предпринята попытка рассмотреть цифровую трансформацию в системе образования с позиции усиления значимости института онлайн-образования. Цель работы заключается в выявлении ключевых тенденций совершенствования управления институтом онлайн-образования в условиях цифровой трансформации общества. В работе представлены ключевые характеристики современного онлайн-образования, проведен обзор международного опыта применения механизмов управления институтом онлайн-образования. Раскрыты особенности и направления современной государственной политики Российской Федерации по развитию онлайн-образования. Автором сформулированы ключевые образовательные тренды, которые могут возникнуть в ближайшие 20–30 лет ввиду происходящих процессов цифровой трансформации. На основании полученных результатов автором были сформулированы практические аспекты, которые должны быть реализованы для обеспечения эффективного управления институтом онлайн-образования.

Ключевые слова: система высшего образования; онлайн-образование; цифровая трансформация; трансформация университетов; цифровизация общества; образовательная экосистема.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

APPROACHES TO IMPROVING THE MANAGEMENT OF THE INSTITUTE OF ONLINE EDUCATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

Andrey A. Khrustalev

*Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation*

Abstract. This paper analyzes the management of the institute of online education in modern realities. As part of the study, an attempt was made to consider the digital transformation in the education system from the perspective of increasing the importance of the institute of online education. The purpose of the work is to identify key trends in improving the management of the institute of online education in the context of digital transformation of society. The paper presents the key characteristics of modern online education, provides an overview of international experience in the application of management mechanisms of the institute of online education. The features and directions of the modern state policy of the Russian Federation on the development of online education are revealed. The author has formulated the key educational trends that may arise in the next 20–30 years due to the ongoing processes of digital transformation. Based on the results obtained, the author formulated practical aspects that should be implemented to ensure effective management of the institute of online education.

Keywords: higher education system; online education; digital transformation; university transformation; digitalization of society; educational ecosystem.

Funding: Independent work.

© Хрусталеv А.А.

Введение.

Промышленная революция, достигшая своего апогея в середине XIX века, иллюстрирует ключевую роль знаний в обеспечении устойчивого социально-экономического развития и процветания государств. Данный исторический период также подчеркивает значимость трансфера новых знаний, формируемых в системе высшего образования, в сферу бизнеса и промышленного производства с целью их практической реализации, генерации инноваций, создания экономической добавленной стоимости и стимулирования социального прогресса [2].

В середине XX столетия становление общества знаний привело к замене бинарной оппозиции «ценность-труд» на парадигму «ценность-знание», что способствовало признанию знаний в качестве общественного блага. В данном контексте, производство, распространение, трансляция и практическое применение знаний приобрели характер социальной необходимости, выступая ключевым фактором экономического роста, культурной эволюции и социального развития.

В настоящее время, цифровая трансформация общества оказывает существенное влияние на все сферы жизнедеятельности общества, включая образование [5].

Многие отечественные исследователи в своих трудах затрагивают различные аспекты системы онлайн-образования на современном этапе. Так,

в работах [2; 3] авторы рассматривают основные характеристики онлайн-образования, а также обсуждают преимущества и недостатки онлайн-образования по сравнению с традиционным образованием. В статьях других авторов [1; 4] проводится анализ влияния цифровой трансформации на университеты. Они отмечают, что университеты должны адаптироваться к новым условиям, чтобы сохранить свою конкурентоспособность.

Но при этом в настоящее время недостаточно комплексных исследований, в которых были бы раскрыты конкретные механизмы.

Таким образом, цель настоящей статьи заключается в выявлении ключевых подходов к совершенствованию управления институтом онлайн-образования в условиях цифровой трансформации общества.

Результаты.

Представим краткую характеристику самого института онлайн-образования на современном этапе. Так, онлайн-образование представляет собой форму обучения, которая осуществляется при помощи информационно-коммуникационных и цифровых технологий, обеспечивая повсеместный доступ к образовательным ресурсам и взаимодействие между обучающимися и преподавателями без привязки к конкретному месту и времени занятий. Ключевые характеристики онлайн-образования на современном этапе отражены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Ключевые характеристики современного онлайн-образования

При этом важно подчеркнуть, что онлайн-образование не является заменой традиционному образованию, но может его существенно дополнять и расширять возможности обучающихся.

му образованию, но может его существенно дополнять и расширять возможности обучающихся.

Проведем краткий обзор международного опыта применения механизмов управления институтом онлайн-образования. В ряде стран к настоящему моменту накоплен значительный опыт в части подобного управления институтом онлайн-образования.

Так, в США существует развитая система онлайн-образования, которая включает в себя как государственные, так и частные образовательные учреждения. Государство играет активную роль в развитии онлайн-образования, предоставляя многомиллионные гранты и субсидии образовательным учреждениям, а также разрабатывая стандарты качества онлайн-образования.

Примером эффективной государственной поддержки онлайн-образования в США является программа «Distance Education for All Americans», которая направлена на обеспечение доступа к онлайн-образованию для всех граждан страны (все зависимости от финансового положения и социального статуса) [1].

В Великобритании онлайн-образование также является важной частью системы образования. Государство активно поддерживает развитие онлайн-образования, предоставляя финансирование образовательным учреждениям и разрабатывая комплексные программы по повышению квалификации преподавателей. Примером мо-

жет служить программа «FutureLearn», которая представляет собой платформу для создания и распространения онлайн-курсов от ведущих университетов и организаций [4].

Говоря об опыте стран Азиатско-Тихоокеанского региона, подчеркнем, что, в частности, в Китае онлайн-образование в последнее время развивается довольно стремительными темпами. Государство активно инвестирует в развитие инфраструктуры всей системы онлайн-образования, а также разрабатывает программы по популяризации онлайн-образования среди населения. Примером государственной поддержки онлайн-образования в Китае является программа «Online Education Development Plan», которая направлена на создание эффективной системы управления институтом онлайн-образования, что позволяет максимально использовать его возможности и повысить качество образования в целом [3].

Таким образом, становится очевидно, что государство играет ключевую роль в совершенствовании управления институтом онлайн-образования. В свою очередь, ключевые направления отечественной государственной политики, которые, по мнению автора, в настоящее время способствуют развитию онлайн-образования, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Государственная политика Российской Федерации по развитию онлайн-образования

Направление государственной политики	Практические аспекты реализации направления государственной политики		
1. Разработка и реализация стратегии развития онлайн-образования	Определение целей и задач развития онлайн-образования в соответствии с национальными приоритетами и потребностями общества	Формирование долгосрочной и краткосрочной стратегии развития онлайн-образования, включающей в себя конкретные мероприятия и показатели их эффективности	Обеспечение межведомственной координации деятельности органов государственной власти в сфере развития онлайн-образования
2. Финансовая поддержка развития онлайн-образования	Выделение бюджетных средств на создание и развитие инфраструктуры онлайн-образования (включая системы управления обучением, платформы электронного обучения, а также центры дистанционного обучения)	Предоставление грантов и субсидий образовательным учреждениям на разработку и реализацию онлайн-курсов и программ	Стимулирование активизации представителей бизнеса в сфере онлайн-образования с помощью налоговых льгот и других мер государственной поддержки
3. Нормативно-правовое регулирование деятельности института онлайн-образования	Разработка и принятие законов и подзаконных актов, регламентирующих деятельность в сфере онлайн-образования, включая вопросы лицензирования, аккредитации, контроля качества и обеспечения информационной безопасности	Определение стандартов качества онлайн-образования, включая требования к содержанию образовательных программ, методикам обучения, квалификации преподавателей и техническому оснащению	Защита прав и законных интересов обучающихся, преподавателей и других участников образовательного процесса в сфере онлайн-образования
4. Создание системы контроля за качеством онлайн-образования	Разработка и внедрение системы оценки качества онлайн-образования, включающей в себя независимую экспертизу онлайн-курсов и программ, а также мониторинг удовлетворенности обучающихся и работодателей	Создание системы аккредитации образовательных учреждений, реализующих программы онлайн-образования	Обеспечение информационной открытости деятельности в сфере онлайн-образования, включая публикацию данных о качестве онлайн-курсов и программ

Источник: Составлено автором на основании [6].

Для достижения поставленных в исследовании цели, опираясь на результаты проведенного анализа, автором были сформулированы тенденции в части управления институтом онлайн-образования, которые могут возникнуть в ближайшие 20–30 лет ввиду динамичного развития онлайн-образования в условиях цифровой трансформации общества.

Первой ключевой тенденцией выступает рост числа образовательных программ сугубо утилитарной направленности, ориентированных на обеспечение обучающихся базовыми профессиональными компетенциями, гарантирующими минимальный уровень доходов. В данном контексте наблюдается снижение значимости традиционного высшего образования в пользу краткосрочных и узкоспециализированных форм обучения.

Второй значимой тенденцией, по мнению автора, является стремительное удешевление технологических решений, что способствует их масштабному внедрению в образовательные системы различных уровней. Наиболее выражено данная динамика проявится в развивающихся странах, где замещение преподавателей искусственным интеллектом (далее – ИИ) будет происходить более интенсивно в силу экономических факторов. В результате доступ к качественному образованию может стать привилегией ограниченных социальных групп, что порождает серьезные вызовы в сфере образовательного неравенства.

Третья тенденция связана с активной интеграцией технологий виртуальной реальности (VR) в образовательный процесс. Несмотря на то, что еще недавно подобные решения воспринимались как инновационные и малодоступные, в перспективе 15–20 лет они трансформируются в стандартный педагогический инструмент. Уже сегодня наблюдается их постепенное внедрение, однако в ближайшем будущем ожидается их повсеместная демократизация, что позволит повысить эффективность обучения за счет иммерсивных методик и усиления вовлеченности учащихся.

Наконец, четвертой тенденцией является глобальная экспансия искусственного интеллекта, кардинально трансформирующая представления о гибридных форматах обучения. Если ранее под гибридным обучением подразумевалось сочетание очного и дистанционного форматов, то в новой парадигме ключевым элементом становится взаимодействие между человеком и ИИ, что открывает новые перспективы для персонализации и адаптивности образовательных процессов [6].

Таким образом, главное отличие образования будущего заключается в том, что у него не будет никакой неизменной «конечной точки»: будет только ближайшая точка, условно «промежуточная цель». Все изменяется настолько быстро, что разработать долгосрочный план даже на

десять лет вперед невозможно. Но можно максимально «прокачать» свои навыки и умения, которые потребуются в самом ближайшем будущем.

Что касается основных передовых технологий в онлайн-образовании, то все они будут основываться на работе с данными о студентах, анализ которых позволит не только повысить качество самого обучения, но и сделать карьерный путь человека максимально осмысленным и релевантным его способностям, и навыкам. Такие технологии можно разделить на четыре направления: скоринг студентов, предиктивный анализ как углубленная профориентация, оценка соответствия текущей работе и технологии сопровождения карьеры [5].

Обсуждение.

По мнению автора, технологические инновации в сфере цифрового образования приобретают ключевое значение в процессе трансформации образовательных моделей. Они не только модифицируют структуру академических программ высшей школы, но и инициируют критическую рефлексию всего образовательного сектора относительно устоявшихся педагогических подходов. Вместе с тем, глобальное восприятие онлайн-образования может столкнуться с проблемой поляризации. Это обусловлено стремлением EdTech-компаний к сбору детализированных данных о пользователях с целью повышения персонализации и эффективности обучения. Подобная практика способна вызвать сопротивление со стороны отдельных государств, стремящихся сохранить суверенный контроль над образовательными данными и ограничить их коммерциализацию [7].

В тех юрисдикциях, где регуляторная политика допускает автономное развитие EdTech-сектора, можно ожидать значительных позитивных изменений во всех уровнях образования – от дошкольного и школьного до среднего профессионального и высшего. Либерализация доступа к цифровым образовательным технологиям создаст предпосылки для системной модернизации педагогических практик и расширения возможностей непрерывного обучения [8].

Вместе с тем, повсеместное внедрение онлайн-образования имеет определенные некоторые недостатки, среди которых можно, в частности, выделить:

1. Отсутствие «живого» общения и коммуникации: необходимость самостоятельной мотивации и самоорганизации обучающихся.
2. Техническую зависимость: зависимость от качества интернет-соединения и наличия компьютерного оборудования.
3. Ограниченность лабораторных и практических занятий: сложность реализации некоторых видов практической подготовки в онлайн-среде [5].

Заключение.

Проведенный анализ показал, что в условиях цифровой трансформации общества особое внимание необходимо уделять вопросам совершенствования управления институтами онлайн-образования.

Ключевыми практическими аспектами, которые должны быть реализованы для обеспечения достижения поставленной цели, по мнению автора, являются следующие:

- Разработка эффективных стратегий развития онлайн-образования: данные стратегии должны учитывать потребности обучающихся, преподавателей и других заинтересованных сторон;
- Внедрение современных технологий и ИИ: необходимо внедрять в образовательный процесс системы управления обучением, платформы электронного обучения и другие инструменты, связанные с ИИ;
- Постоянное повышение квалификации преподавателей: преподаватели высших учебных заведений должны обладать навыками и знаниями, необходимыми для эффективной разработки и реализации онлайн-курсов;

– Обеспечение доступности онлайн-образования: онлайн-образование должно быть доступным для всех, независимо от их местоположения, социального статуса и других факторов;

– Оценка эффективности онлайн-образования: необходимо регулярно производить мониторинг и оценку эффективности онлайн-образования, чтобы при необходимости гибко реагировать и вносить корректировки.

Таким образом, совершенствование управления институтом онлайн-образования является важным условием успешного развития всей системы онлайн-образования в условиях цифровой трансформации общества. Принимая меры по совершенствованию управленческого аспекта, институты онлайн-образования могут обеспечить обучающимся качественное образование, соответствующее современным требованиям и глобальным вызовам. При этом необходимо регулярно создавать новые формы онлайн-образования, которые будут соответствовать трансформирующимся потребностям обучающихся.

Также крайне важно использовать преимущества цифровых технологий и искусственного интеллекта для непрерывного улучшения качества онлайн-образования.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бровкина А.А. Специфика субъекта образовательного процесса в условиях цифровизации общества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7-2(46). С. 68–72. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10887 EDN: PBXOCI
2. Габышева Л.К. Об институционализации онлайн-образования в условиях цифровой трансформации / Л.К. Габышева, Ю.Н. Фролов // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 12(104). С. 260–267. DOI: 10.24158/spp.2022.12.40 EDN: SUANXD
3. Охлупина О.В. Трансформация образования: возможные перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 1. С. 96–100. DOI: 10.18500/1819-7671-2021-21-1-96-100 EDN: ROEJYN
4. Тенденции и перспективы развития онлайн образования / М.П. Прохорова [и др.] // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 1(35). С. 45–50. EDN: YZEBPN
5. Сеницына-Солодкая Е.В. Цифровизация и образование: проблемы и перспективы / Е.В. Сеницына-Солодкая, Ю.В. Мухлынкина // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2022. № 17. С. 134–141. EDN: RGRBUF
6. Фурсов А.В. Онлайн-обучение как фактор профессиональной мобильности граждан // Теория и практика общественного развития. 2024. № 5(193). С. 84–89. DOI: 10.24158/tipor.2024.5.10 EDN: FGUYKQ
7. Чернышева А.В. Онлайн-обучение как тренд цифровизации образования: особенности коммуникации / А.В. Чернышева, В.А. Савельев // Педагогика современности. 2024. № 1–2(28). С. 66–71. EDN: MOZVZX
8. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования». URL : <https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020bd2e9761f/download/4444> (дата обращения 04.08.2025).

References:

1. Brovkina A.A. The specifics of the subject of the educational process in the context of the digitalization of society // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 7-2(46). P. 68–72. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10887 EDN: PBXOCI
2. Gabysheva L.K. On the institutionalization of online education in the context of digital transformation / L.K. Gabysheva, Yu.N. Frolov // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2022. № 12(104). P. 260–267. DOI: 10.24158/spp.2022.12.40 EDN: SUANXD
3. Okhlupina O.V. Transformation of education: possible prospects // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021. Vol. 21. № 1. P. 96–100. DOI: 10.18500/1819-7671-2021-21-1-96-100 EDN: ROEJYH
4. Trends and prospects of online education development / M.P. Prokhorova [et al.] // Innovative economy: prospects for development and improvement. 2019. № 1(35). P. 45–50. EDN: YZEBPN
5. Sinitsyna-Solodkaya, E.V. Digitalization and education: problems and prospects / E.V. Sinitsyna-Solodkaya, Yu.V. Mukhlina // Position. Philosophical problems of science and technology. 2022. № 17. P. 134–141. EDN: RGRBUF
6. Fursov A.V. Online learning as a factor of professional mobility of citizens // Theory and practice of social development. 2024. № 5(193). P. 84–89. DOI: 10.24158/tipor.2024.5.10 EDN: FGUYKQ
7. Chernysheva A.V. Online learning as a trend of digitalization of education: features of communication / A.V. Chernysheva, V.A. Savelyev // Pedagogy of modernity. 2024. № 1–2(28). P. 66–71. EDN: MOZVZX
8. The State program of the Russian Federation «Development of education». URL : <https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020bd2e9761f/download/4444> (date of application 08/04/2025).

Информация об авторе

Хрусталеv Андрей Александрович

аспирант,
Институт государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
г. Москва
khrust_a@bk.ru

Andrey A. Khrustalev

Postgraduate Student,
Institute of Public Service and Management
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA), Moscow
khrust_a@bk.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-29>

УДК 371

Attribution

cc by

ВЛИЯНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ВУЗА

Чунихина Т.Н., Черкашина А.Д.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. В статье рассматриваются особенности корпоративной культуры и определяется ее влияния на конкурентоспособность современного российского вуза. В теоретической части проанализированы подходы к определению понятия «корпоративная культура», ее функции и роль в образовательной организации. Эмпирическая часть основана на анкетировании 100 студентов, проведенном весной 2025 года, а также анализе данных с применением описательной статистики. Результаты показали, что студенты положительно оценивают престиж вуза и работу преподавателей, однако отмечают низкий уровень осведомленности о миссии и ценностях образовательной организации, слабую интеграцию в университетское сообщество и недостаточную развитость визуальной и материально-технической среды. Авторы предлагают меры по развитию корпоративной культуры: продвижение миссии и ценностей, улучшение коммуникации, поддержка студенческих инициатив, модернизация инфраструктуры и другие. Реализация этих мер позволит повысить вовлеченность студентов в образовательную среду и научную деятельность и укрепить конкурентные позиции КубГТУ на рынке образовательных услуг.

Ключевые слова: конкурентоспособность, корпоративная культура, образование, высшее учебное заведение, имидж, рынок образовательных услуг, эффективность, ценности, вовлеченность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE IMPACT OF CORPORATE CULTURE ON THE COMPETITIVENESS OF THE UNIVERSITY

Tatiana N. Chunikhina, Arina D. Cherkashina

Kuban State University of Technology

Abstract. The article examines the features of corporate culture and determines its impact on the competitiveness of a modern Russian university. In the theoretical part, approaches to the definition of the concept of «corporate culture», its functions and role in an educational organization are considered. The empirical part is based on a survey of 100 students conducted in the spring of 2025, as well as data analysis using descriptive statistics. The results showed that students positively assess the prestige of the university and the work of the teachers, however, they note a low level of awareness of the mission and values, weak integration into the university community, and an underdeveloped visual and logistical environment. Based on the analysis, measures are proposed to develop corporate culture: promoting mission and values, improving communication, supporting student initiatives, and modernizing infrastructure and more. The implementation of these measures will increase student engagement and strengthen KubSTU's competitive position in the educational services market.

Keywords: competitiveness, corporate culture, education, higher education institution, image, educational services market, efficiency, values, engagement.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях динамично развивающейся образовательной среды и усиления конкуренции между

высшими учебными заведениями за привлечение талантливых и перспективных студентов, качество образовательных программ, высококвалифицированный профессорско-

© Чунихина Т.Н., Черкашина А.Д.

преподавательский состав, вопрос формирования и развития корпоративной культуры приобретает особую значимость.

Современный вуз рассматривается не только как инструмент передачи знаний, но и как социальная организация, чья деятельность направлена на подготовку профессионалов, интеграцию молодежи в общество и формирование культурных и ценностных ориентиров. В этом контексте корпоративная культура выступает ключевым фактором, определяющим не только внутренний климат образовательной организации, динамичность образовательного процесса, но и ее способность эффективно позиционировать себя на рынке образовательных услуг.

Обсуждение. Результаты.

Понятие «корпоративная культура» появилось в научном терминологическом аппарате в 1980-е годы XX века благодаря работам ученых, исследовавших феномен организационных ценностей и моделей поведения сотрудников в контексте успеха ведущих мировых компаний.

Среди основополагающих работ по изучению и определению корпоративной культуры, можно выделить исследование Эдгара Шейна, в которых акцент делается на глубинной структуре организационной среды – от визуальных признаков до коллективных убеждений, определяющих повседневные практики [1].

В отечественной науке изучение корпоративной культуры сформировалось на пересечении организационной теории и социокультурной аналитики. Так, А.И. Пригожин рассматривал ее как сложный механизм самоорганизации и внутренней координации персонала, обеспечивающий устойчивость структуры даже в условиях внешней нестабильности [2].

Психологический аспект исследования данной проблемы получил развитие в работах А.Л. Журавлева и Н.А. Журавлевой, интерпретирующих корпоративную культуру сквозь восприятие коллективных ценностей, норм поведения и традиций [3].

Корпоративная культура в сфере высшего образования привлекает внимание не только как внутренний инструмент управления, но и как источник повышения конкурентоспособности учебных заведений.

Согласно работам Ю. Тюнникова и М. Мазниченко, она определяется как целенаправленная деятельность по формированию общих ценностей, миссии и норм в университете влияет на его внешний образ, привлекательность для поступающих и уровень доверия партнеров [4].

А.Е. Подольская выделяет вовлеченность всех субъектов образовательного пространства как индикатор успешности культурно-образовательной среды учреждения [5].

Отдельное внимание уделено взаимосвязям между уровнем корпоративной культуры и такими маркерами конкурентоспособности, как студенческая лояльность, академическая репутация и кадровая устойчивость.

Авторитетные специалисты, включая Е.Ю. Титову, акцентируют внимание на важности осознания и принятия культурной модели внутри вуза, поскольку это способствует росту его привлекательности и повышению внутренних стандартов качества [6].

Следует отметить значимый вклад в области исследования корпоративной культуры Е.А. Кропачевой, анализирующей специфику изменений ценностных ориентаций вуза в условиях цифровизации и институциональных изменений [7]; Т.Ю. Базарова, акцентирующего внимание на управлении изменениями корпоративной культуры через призму организационного развития и профессиональной идентичности [8] и А.К. Марковой, указывающей на профессиональное становление студентов в контексте образовательной среды и влияние на будущую конкурентоспособность выпускников [9].

Т.В. Зубова предлагает следующую интерпретацию понятия «корпоративная культура» применительно к образовательным организациям: «совокупность ценностей, традиций, норм поведения и взаимодействия, разделяемых преподавателями, студентами и администрацией, формирующих единое образовательное пространство и поддерживающих уникальную идентичность вуза» [10].

Однако корпоративная культура в образовательной среде обладает рядом специфических особенностей, отличающих ее от корпоративной культуры в бизнесе или промышленности. Прежде всего, она строится на гуманистических ценностях, среди которых центральное место занимают уважение, доверие, академическая честность, справедливость и ответственность. Эти ценности формируют не только нормы и правила поведения сотрудников, но и нравственные ориентиры для студентов, выступая фундаментом профессиональной и гражданской идентичности обучающихся.

Особое значение имеет ориентация корпоративной культуры на развитие личности. Она способствует не только профессиональному росту студентов, но и их личностной зрелости, формированию активной гражданской позиции, лидерских качеств и социальной ответственности [11].

В этом смысле, корпоративная культура университета выполняет одновременно образовательную, воспитательную и социализирующую функции, интегрируя ценностные установки и навыки студентов в единое образовательное пространство.

Не менее важной характеристикой университетской корпоративной культуры является коллек-

тивная ответственность за результаты образовательного процесса. Выпускник рассматривается как «продукт совместной деятельности» всего преподавательского коллектива, а не отдельного педагога. При этом эффективность образовательного учреждения во многом определяется уровнем взаимодействия и координации усилий всех участников процесса, что подчеркивает приоритет коллективного труда над индивидуальными достижениями отдельных членов общества [12].

Таким образом, корпоративная культура образовательной организации выступает системообразующим механизмом, обеспечивающим согласованность действий участников образовательного процесса, устойчивость внутренних структур и способность адаптироваться к изменениям внешней среды. В этом контексте, ее значение для конкурентоспособности вуза невозможно переоценить.

Конкурентоспособность вуза – это его способность, с учетом сложившихся возможностей на рынках образовательных услуг, научных исследований и разработок, наиболее полно удовлетворять потребности внутренних и внешних заинтересованных субъектов и повышать эффективность собственного функционирования. Конкурентоспособность вуза в современных условиях представляет собой сложную интегральную характеристику, формируемую как под воздействием внешних факторов – рыночной среды, требований работодателей, рейтинговых позиций и общественного восприятия, – так и внутренних факторов, среди которых ключевую роль играет корпоративная культура [13].

Таким образом, корпоративная культура перестает быть лишь внутренним механизмом регуляции и социализации студентов и сотрудников, превращаясь в стратегический ресурс, влияющий на внешнее восприятие университета и его способность успешно конкурировать за внимание абитуриентов, инвесторов, партнеров и научного сообщества.

В связи с этим, продвижение ценностей, поддержка традиций и активная демонстрация корпоративной идентичности становятся важнейшими элементами стратегии повышения конкурентоспособности образовательной организации. Как подчеркивает З.П. Румянцева, «именно в корпоративной культуре кроются скрытые резервы повышения конкурентоспособности образовательных организаций» [14].

Для изучения влияния корпоративной культуры на конкурентоспособность современной вуза был проведен социологический опрос весной 2025 года среди студентов ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» (далее – КубГТУ).

Наиболее популярной причиной выбора КубГТУ среди других вузов региона для обучения студенты назвали рекомендации от близких людей

и знакомых. Это может свидетельствовать о том, что вуз имеет положительный имидж в общественном сознании. На втором месте (отметили 35 % респондентов) указывается «престижность вуза в регионе», что подчеркивает осознание абитуриентами места университета среди аналогичных учебных заведений. Следующими, по популярности, причинами являются: территориальная близость университета к дому (30 %), доступная стоимость обучения (10 %) и востребованность выпускников на рынке труда (10 %). Последняя причина позволяет сделать вывод о вузе, как учреждении способном подготовить высококвалифицированных и востребованных специалистов. Также, респонденты указали другие причины, среди них: «низкий проходной балл» и «случайность».

Следующий вопрос связан с определением положительных сторон обучения в КубГТУ. Опрошенным было предложено выбрать один или несколько вариантов ответов. Наибольшее число получил вариант «наличие бюджетных мест», указывающий на то, что студенты, в первую очередь, ценят доступность образования. Показательно, что социальная составляющая является важным элементом корпоративной культуры вуза. Финансовая доступность повышает привлекательность вуза для респондентов и непосредственно влияет на его конкурентоспособность. На втором месте ответ «разнообразная внеучебная деятельность», что позволяет сделать вывод о наличии развитой студенческой среды, возможности для самореализации, общения и личностного роста. Следующей, по популярности, положительной стороной обучения в КубГТУ, по выбору респондентов, является «престижность вуза». Данная характеристика отражает восприятие внешнего имиджа КубГТУ, который связан как с академическими достижениями, так и с общественным мнением, и влияет существенно на конкурентоспособность вуза. На четвертом месте, по количеству проголосовавших респондентов ответ «обучение в вузе друзей», что указывает на значимость социального фактора. Пятую позицию занимают «высокий уровень преподавания» и «хорошая материально-техническая база»; данные ответы позволяют считать образовательный процесс качественным и актуальным. Однако их место на нижней строчке рейтинга свидетельствует о том, что студенты не воспринимают эти обстоятельства как преимущества, а скорее, как «базовая норма». На последнем месте оказалась «возможность заниматься спортом и творчеством», что указывает на недостаточное развитие этих направлений в вузе или недостаточную осведомленность студентов о подобных видах деятельности.

Ответы на вопрос: «Чувствуете ли Вы себя частью университетского сообщества?» распределились следующим образом: большинство респондентов (30 % – «скорее да», 40 % – «скорее нет») не уверены в своей «причастности к университетскому сообществу», а 5 % опрошенных и вовсе не считают себя частью данного сооб-

щества. Следует отметить, что четверть опрошенных все же уверены в своей принадлежности к университетскому сообществу. Это — показатель низкого уровня корпоративной культуры, которая предполагает наличие чувства всеобщей принадлежности, общности ценностей, норм и идентификацию себя с вузом. Слабая интеграция студентов в университетское сообщество снижает их вовлеченность, мотивацию и лояльность, что может негативно сказываться как на качестве внутренней среды вуза, так и на его внешнем имидже.

Далее, студентам предлагалось выбрать те элементы корпоративной культуры, которые они наблюдают в университете. Так, наиболее популярным вариантом стали «традиции и культурные мероприятия», а на втором месте — «символика». Это свидетельствует о том, что наиболее заметными и запоминающимися являются внешние проявления, такие элементы наиболее узнаваемы. Следующие места заняли «командный дух» и «взаимодействие», а также «официальные документы», в совокупности их отметили менее четверти всех респондентов, что позволяет сделать вывод о недостаточном выражении и формализации внутренних ценностей, принципов и целей. Часть респондентов совсем не замечает наличие элементов корпоративной культуры, что говорит о низкой степени интеграции этих студентов в университетскую среду, вследствие чего возможна отчужденность обучающихся и разобщенность студенческого коллектива.

В следующем вопросе респондентам было предложено отметить ценности, которые, по их мнению, продвигает руководство и преподаватели КубГТУ среди студентов. Наиболее популярными вариантами оказались «ответственность» и «креативность», далее «инициативность», «доброжелательность», «предпринимательское мышление», на последних местах «патриотизм» и «академическая честность». Обозначаемые университетом ценности: креативность, инициативность и предпринимательское мышление, соответствуют современным трендам в образовании и запросам рынка труда, что усиливает привлекательность вуза и его конкурентоспособность. Однако, игнорирование такой ценности, как академическая честность, может привести к снижению доверия к качеству образования, а слабый акцент на патриотизм — к утрате социальной миссии вуза как института формирования гражданской идентичности.

Следующий вопрос был посвящен оценке влияния корпоративной культуры на репутацию и имидж высшего учебного заведения. Большинство респондентов отмечают существенное влияние корпоративной культуры на репутацию и имидж учебного заведения, что свидетельствует о высоком уровне осознания значимости этого компонента в жизни вуза. Только 7 % респондентов считают, что репутация вуза зависит от других факторов, то есть восприятие культуры как второстепенного аспекта все еще прослеживается.

Ответы на вопрос: «Соответствуют ли результаты обучения в университете Вашим ожиданиям?» распределились следующим образом. У большинства респондентов (70 %) ожидания соответствуют реальности частично. Следует отметить, что у 15 % опрошенных результаты обучения полностью соответствуют их ожиданиям, у 10 % лишь частично не соответствуют и также у 10 % не соответствуют полностью. Такой результат может быть связан как с недостаточной информированностью абитуриентов, так и с переоценкой возможностей университета. Частичное или полное несоответствие ожиданий снижает мотивацию студентов, ослабляет чувство принадлежности к университетскому сообществу и, в долгосрочной перспективе, может негативно влиять на репутацию учебного заведения. Формирование честного и прозрачного образа университета в глазах абитуриентов и студентов — одна из важнейших задач корпоративной культуры.

Большинство респондентов (60 %) отметили, что, если бы им снова пришлось выбирать учебное заведение для получения высшего образования — они поступили бы в КубГТУ, что свидетельствует о способности университета поддерживать положительный внутренний имидж. Однако для устойчивого роста конкурентоспособности важно не только удерживать текущий уровень лояльности, но и работать с теми, кто пока не готов повторить выбор вуза (а это 30 % респондентов), выявляя и устраняя барьеры к более глубокому включению студентов в университетское сообщество.

Половина опрошенных выразили готовность рекомендовать КубГТУ своим близким и друзьям, что можно расценивать как маркер сформированной лояльности и базового уровня доверия к университету. Тем не менее, высокая доля сомневающихся (45 %) свидетельствует о том, что у значительной части студентов не оформилась четкая внутренняя позиция. Только 5 % опрошенных не стали бы рекомендовать КубГТУ, что может указывать на относительно низкий уровень выраженного недовольства.

В следующем вопросе участникам предложили отметить критерии, которые они сочли бы важными, рекомендуя Кубанский государственный технологический университет потенциальному поступающему. Наиболее часто респонденты выбирали такие аспекты деятельности вуза, как «насыщенная студенческая жизнь» (55 %) и «профессионализм педагогов» (50 %). Это говорит о высокой оценке социально-культурной сферы и высоком уровне компетентности профессорско-педагогического коллектива, способствующих конкурентоспособности вуза. Далее следуют «престиж и узнаваемость вуза» (выбрали 35 %), а также «активная общественная и творческая жизнь» (20 %), что подкрепляет вышесказанное. О «качестве образования» и «комфортной среде» высказалось менее половины опрошенных, что свидетельствует об упу-

щениях политики учебного заведения в данных направлениях. На последних местах «современные условия и инфраструктура» (10 %), «высокий уровень корпоративной культуры» и «комфортная атмосфера» (5 %). Несмотря на то, что университет активно развивается и совершенствуется, проводятся ремонтные работы и закупается новое оборудование, по мнению респондентов, этого недостаточно, и общая оценка условий обучения остается низкой. Исследование показало, что корпоративная культура и комфортные условия образовательной среды не являются значимыми факторами привлекательности для потенциальных абитуриентов КубГТУ.

В последнем вопросе респондентам предложили назвать обстоятельства и мероприятия, которые (или проведение которых) способствует повышению имиджа и конкурентоспособности КубГТУ. На первом месте у опрошенных «улучшение материально-технических оснащений аудиторий» (75 %). Отметим, что этот критерий уже вызывал негативные оценки среди опрошенных. На втором месте «активизация сотрудничества с организациями-работодателями» (50 %), «выпуск брендированной продукции» (35 %), «повышение вовлеченности студентов и сотрудников в деятельность вуза» (20 %) и «введение элементов корпоративного стиля в одежде преподавателей и студентов» (10 %). Наименее популярными вариантами стали «проведение рекламных кампаний» (5 %) и «проведение всероссийских и международных мероприятий (конкурсов, конференций, олимпиад)» (5 %).

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что корпоративная культура является значимым фактором, влияющим на конкурентоспособность высшего учебного заведения, определяющим уровень его привлекательности для абитуриентов и степень вовлеченности студентов в образовательный процесс. Эмпирические данные, полученные в ходе опроса студентов КубГТУ, продемонстрировали, что доминирующими мотивами, влияющими на выбор университета, выступают рекомендации близких, друзей и знакомых, а также престиж учебного заведения в регионе, что подтверждает значимость имиджевых характеристик вуза как элементов его конкурентоспособности.

Выявлен низкий уровень идентификации студентов с университетским сообществом, что свидетельствует о недостаточной сформированности внутренней корпоративной культуры. Недостаточная интеграция в ценностно-нормативное пространство вуза может снижать лояльность, мотивацию и вовлеченность студентов, и в долгосрочной перспективе негативно отразится на репутации образовательной организации.

Заключение.

Корпоративная культура выступает системообразующим фактором, влияющим как на внутреннюю среду вуза, так и на его внешний имидж. Для формирования и оптимизации корпоратив-

ной культуры с целью повышения конкурентоспособности вуза рекомендуется следующее.

Администрации университета рекомендуется целенаправленно интегрировать и популяризировать миссию и цели учебного заведения среди студентов, профессорско-преподавательского состава и управленческого персонала. Данные миссия и цели не должны носить исключительно декларативный характер, а выступать в качестве этической и стратегической основы, обеспечивающей сплоченность всех субъектов образовательного пространства в единую общность.

Создание системы идентификации с помощью брендированных элементов должно стать приоритетным вложением в маркетинговую политику. Внедрение таких элементов корпоративной культуры будет способствовать повышению узнаваемости вуза и самоидентификации студентов и сотрудников.

Дальнейшее развитие внутренней коммуникации предполагает активизацию механизмов двусторонней обратной связи между студенческим сообществом и педагогическими работниками, а также между обучающимися и администрацией. Подобный подход обеспечит своевременное разрешение возникающих проблем, создаст предпосылки для установления доверительных отношений и атмосферы прозрачности. Следующим этапом выступает разработка эффективной внутренней информационной системы посредством внедрения специализированных коммуникационных платформ (электронные рассылки, каналы в мессенджерах, веб-ресурсы), которые будут интересны студентам. Эти инструменты позволят эффективно транслировать сведения о значимых событиях, проводимых мероприятиях, достижениях обучающихся и руководящего звена, а также выпускников, способствуя формированию имиджа университета как информационно-прозрачного и активного академического сообщества.

Активизация мероприятий, направленных на укрепление студенческого единства, развитие корпоративных традиций и повышение вовлеченности студентов в жизнь вуза, может быть реализована через такие проекты, как: посвящение в студенты с помощью элементов символики, проведение Дня кафедры, Дня факультета, Дня направления/специальности и т.п., организация межкафедральных конкурсов, студенческих квестов, фестивалей, поддержка студенческого самоуправления и другое.

Современная инфраструктура и качественные условия труда формируют положительный образ вуза как надежного и перспективного места работы и учебы. Это привлекает лучших специалистов и абитуриентов, укрепляет репутацию и улучшает позиционирование на рынке образовательных услуг. Удобства инфраструктуры позволяют организовать удобные рабочие зоны, лаборатории и помещения для взаимодействия и сотрудничества. Совместная деятельность фор-

мирует командный дух и доверие друг к другу, повышая эффективность работы команды.

Развитие профессионального потенциала, самосовершенствование и личностный рост преподавателей непосредственно является важным фактором укрепления корпоративной культуры. Такая деятельность способствует формированию единого видения целей и задач, улучшению внутрикорпоративных взаимоотношений, обеспечению высокого уровня профессиональной подготовки и поддержанию устойчивого развития всего учебного заведения.

Создание системы поощрений студентов и преподавателей за вклад в развитие корпоративной культуры (организацию мероприятий, социальную активность, волонтерство, наставничество и др.) представляется нам восьмым направлением. Признание достижений, вклада в общее дело на уровне университета способствует усилению мотивации и вовлеченности.

Важнейшее направление в развитии корпоративной культуры – это создание визуальной сре-

ды, отражающей корпоративную идентичность, путем формирования единого стиля в оформлении интерьера, рекламной продукции, сувениров, цифровых материалов, одежды с символикой вуза и т.п. Эстетически целостная и узнаваемая визуальная среда будет способствовать укреплению чувства принадлежности и гордости за университет.

Комплексная реализация перечисленных мер позволяет выстроить устойчивую и эффективную корпоративную культуру, способную стать мощным двигателем развития университета. Системная работа по укреплению ценностей, традиций, норм поведения, улучшению коммуникаций и созданию комфортной образовательной среды обеспечивает рост вовлеченности студентов и сотрудников, повышение качества образовательных услуг и укрепление позиций вуза на рынке образовательных услуг. В условиях усиливающейся конкуренции именно корпоративная культура становится стратегическим ресурсом, определяющим долгосрочную устойчивость образовательной организации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство / Э.Х. Шейн; Пер. с англ.; Под ред. В.А. Спивака. СПб. : Питер, 2002. 336 с.
2. Пригожин А.И. Организационная культура и ее преобразование // ОНС: общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 12–22.
3. Журавлев А.Л. Ценностные ориентации личности с различным субъективно-экономическим статусом / А.Л. Журавлев, Н.А. Журавлева // Ежегодник Российского психологического общества. 2001. Т. 7. С. 78–91. EDN: SSYZVX
4. Тюнников Ю. Корпоративная культура как фактор конкурентоспособности вуза / Ю. Тюнников, М. Мазниченко // Высшее образование в России. 2005. № 10. С. 69–77. EDN: IBNFMZ
5. Подольская А.Е. Культуротворческие функции высшей школы: дискурсивно-символический контекст / А.Е. Подольская, Т.В. Подольская // Ценности и смыслы. 2011. № 4(13). С. 130–134.
6. Титова Е.Ю. Корпоративная культура регионального вуза: к определению понятия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15. Вып. 4. С. 33–36. DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-33-36 EDN: VOEAMN
7. Кропачева Е.А. Эстетическая культура - неотъемлемый компонент духовного мира личности студента университета // Конкурентоспособность молодых специалистов: развитие профессионализма и самосовершенствование: материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистров, аспирантов, молодых ученых и их наставников, Тверь, 23 мая 2017 года. Тверь : Тверской государственный университет, 2017. С. 174–179. EDN: ZCOIRX
8. Управление персоналом : учебник для вузов / Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ, 2002. 560 с.
9. Маркова А.К. Психология профессионализма. М. : Знание, 1996. 312 с. EDN: YQCJKT
10. Зубова Т.В. Роль корпоративной культуры в образовательном учреждении // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-1. С. 149–153. EDN: LVOMGD
11. Суховерова Д.В. Корпоративная культура современного вуза: определение, особенности и задачи // Актуальные вопросы социологической науки: теория, методология, практика: материалы ежегодной

- научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. С. 98–102. EDN: YRKIFW
12. Буюева И.И. Формирование корпоративной культуры педагогических сообществ // Мир образования и образование в мире. 2007. № 3(27). С. 73–79. EDN: IAXSAF
13. Кондратьева М.Н. Конкурентоспособность вузов / М.Н. Кондратьева, И.В. Шацкая, Ю.А. Холикова // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2020. № 3. С. 132–150. DOI: 10.37691/2311-5351-2020-0-3-132-150 EDN: YUOAPI
14. Румянцева З.П. Развитие интеллектуального капитала как важнейшая функция вузов / З.П. Румянцева, Г.М. Сундукова // Вестник университета. 2008. № 3(24). С. 98–102. EDN: LFUGPR

References:

1. Shane E.X. Organizational culture and leadership / E.X. Shane; Transl. from English; Edited by V.A. Spivak. SPb. : Peter, 2002. 336 p.
2. Prigozhin A.I. Organizational culture and its transformation.: social sciences and modernity. 2003. № 5. P. 12–22.
3. Zhuravlev A.L. Value orientations of a personality with different subjective and economic status / A.L. Zhuravlev, N.A. Zhuravleva // Yearbook of the Russian Psychological Society. 2001. Vol. 7. P. 78–91. EDN: SSYZVX
4. Tyunnikov Yu. Corporate culture as a factor of university competitiveness / Yu. Tyunnikov, M. Maznichenko // Higher education in Russia. 2005. № 10. P. 69–77. EDN: IBNFMZ
5. Podolskaya A.E. Cultural and creative functions of the higher school: a discursive and symbolic context / A.E. Podolskaya, T.V. Podolskaya // Values and meanings. 2011. № 4(13). P. 130–134.
6. Titova E.Y. Corporate culture of a regional university: towards the definition of the concept. Izv. Sarath. University of Nov. ser. Ser. Sociology. Political science. 2015. Vol. 15. Iss. 4. P. 33–36. DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-33-36 EDN: VOEAMN
7. Kropacheva E.A. Aesthetic culture is an integral component of the spiritual world of a university student's personality // Competitiveness of young professionals: development of professionalism and self-improvement: proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Students, masters, postgraduates, young scientists and their mentors, Tver, May 23, 2017. Tver : Tver State University, 2017. P. 174–179. EDN: ZCOIRX
8. Personnel management: Textbook for universities / Edited by T.Y. Bazarov, B.L. Eremin. 2nd ed., revised and add. M. : UNITY, 2002. 560 p.
9. Markova A. K. Psychology of professionalism. M. : Znanie, 1996. 312 p. EDN: YQCJKT
10. Zubova T.V. The role of corporate culture in an educational institution // Problems of modern pedagogical education. 2021. № 70-1. P. 149–153. EDN: LVOMGD
11. Sukhoverova D.V. Corporate culture of a modern university: definition, features and tasks // Actual issues of sociological science: theory, methodology, practice: materials of the annual scientific conference of students, postgraduates and young scientists. M. : Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2017. P. 98–102. EDN: YRKIFW
12. Bueva I.I. Formation of corporate culture of pedagogical communities // The world of education and education in the world. 2007. № 3(27). P. 73–79. EDN: IAXSAF
13. Kondratieva M.N. Competitiveness of universities / M.N. Kondratieva, I.V. Shatskaya, Yu.A. Kholikova // Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. 2020. № 3. P. 132–150. DOI: 10.37691/2311-5351-2020-0-3-132-150 EDN: YUOAPI
14. Rummyantseva Z.P. The development of intellectual capital as the most important function of universities / Z.P. Rummyantseva, G.M. Sundukova // Bulletin of the University. 2008. № 3(24). P. 98–102. EDN: LFUGPR

Информация об авторах

Чунихина Татьяна Николаевна

кандидат политических наук,
доцент,
заведующая кафедрой социологии,
Кубанский государственный
технологический университет
tanithbook77@mail.ru

Черкашина Арина Денисовна

магистрант направления подготовки
39.04.01 «Социология»,
Кубанский государственный
технологический университет
arshishkina14@gmail.com

Tatiana N. Chunikhina

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor,
Head the Department of Sociology,
Kuban State Technological University
tanithbook77@mail.ru

Arina D. Cherkashina

Master's Student of the field of study
39.04.01 «Sociology»,
Kuban State Technological University
arshishkina14@gmail.com

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-2>

УДК 343.214

Attribution

cc by

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ И АРМЕНИИ

Бегоян Л.А.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Аннотация. Цель работы состоит в сравнительном анализе практики применения оценочных признаков в уголовном праве России и Армении. Методология исследования включает в себя применение документальных и социологических методов. Проанализированы позиции Конституционных судов России и Армении относительно допустимости оценочных признаков, исследованы материалы кассационной практики, а также результаты экспертного опроса 142 прокуроров (из них 95 из Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 47 из Генеральной прокуратуры Республики Армения). Результаты исследования: выявлены основные сферы интерпретационных трудностей и переквалификационных рисков в процессе применения уголовно-правовых норм с оценочными понятиями; выявлены ключевые тенденции и противоречия практики, связанные с использованием оценочных категорий в законе; обосновано, что оценочные признаки выполняют стабилизирующую функцию в системе уголовного права и служат механизмом балансировки между принципом правовой определённости и необходимостью адаптивности.

Ключевые слова: уголовное право, оценочные признаки, правовая определённость, переквалификация преступлений, судебная практика, интерпретация норм, Россия. Армения, гибкость уголовного закона.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PRACTICE OF APPLYING EVALUATIVE FEATURES IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA AND ARMENIA

Lala A. Begoyan

O.E. Kutafin Moscow State Law University

Abstract. The purpose of the work is a comparative analysis of the practice of using evaluative features in the criminal law of Russia and Armenia. The research methodology includes the use of documentary and sociological methods. The positions of the Constitutional Courts of Russia and Armenia regarding the admissibility of evaluative criteria were analyzed, materials of cassation practice were examined, as well as the results of an expert survey of 142 prosecutors (95 of them from the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 47 from the Prosecutor General's Office of the Republic of Armenia). Research results: the main areas of interpretative difficulties and retraining risks in the process of applying criminal law norms with evaluative concepts are identified; key trends and contradictions in practice related to the use of evaluative categories in the law are identified; it is substantiated that evaluative features perform a stabilizing function in the criminal law system and serve as a balancing mechanism between the principle of legal certainty and the need for adaptability.

Keywords: criminal law, evaluative features, legal certainty, reclassification of crimes, judicial practice, interpretation of legal norms, Russia. Armenia, flexibility of criminal law.

Funding: Independent work.

Введение.

Введение оценочных признаков в уголовное законодательство представляет собой одно из наиболее дискуссионных явлений в современной правовой доктрине и практике. Особенно акту-

альными данные проблемы становятся при сравнительном исследовании правовых систем, в которых оценочные признаки занимают устойчивое место в законодательстве и судебной практике.

В настоящей статье на основе эмпирического исследования и анализа судебных решений проводится сравнительный анализ опыта России и Армении, направленный на выявление общих закономерностей и специфических особенностей толкования и применения оценочных категорий в уголовном праве.

В научной литературе неоднократно подчёркивалось, что баланс между формальной определённой и оценочными признаками представляет собой сложный и противоречивый процесс.

Так, М.В. Бавсун справедливо отмечает, что гипердетализация уголовного закона, вопреки ожиданиям, не приводит к большей ясности, а напротив – создаёт эффект гиперопределённости, разрушая традиционные механизмы юридического осмысления и превращая правоприменителя в исполнителя жёстко заданного алгоритма. Подобная ситуация, по мнению автора, не способствует предсказуемости, а напротив – снижает её, создавая иллюзию определённости при фактическом усложнении правоприменения [5, с. 23].

В то же время, Т.В. Кашанина подчёркивает, что оценочные категории выполняют функцию «смягчения» формальной определённости, не позволяя последней трансформироваться из правовой ценности в социальное зло. По её мнению, именно оценочные признаки служат своеобразным стабилизатором уголовного права, препятствующим чрезмерному догматизму и позволяющим учитывать многообразие жизненных ситуаций [8, с. 63]. Это положение важно в теоретико-доктринальном плане, поскольку подтверждает концепцию «двойственной природы» формальной определённости: оценочные признаки не противопоставляются правовой ясности, а напротив, обеспечивают её устойчивость за счёт гибкости и адаптивности.

Результаты.

Сопоставление российской и армянской практики применения оценочных признаков позволяет выявить две структурно близкие, но ценностно и концептуально различающиеся модели обеспечения баланса между принципом правовой определённости и необходимостью адаптивности уголовного права.

Представляется, что в обеих юрисдикциях правоприменители объективно и неизбежно сталкиваются с необходимостью толкования оценочных формул, что подтверждается и эмпирическими данными: так, большинство опрошенных прокуроров РФ и РА указывают на регулярность либо, по меньшей мере, частоту подобных ситуаций (совокупно 82,3 % и 89,4 % соответственно). Данное обстоятельство свидетельствует о глубокой институциональной укоренённости неопределённых категорий в уголовно-правовом регулировании и подчёркивает их неотъемлемую роль в механизме квалификации преступлений.

Вместе с тем, область наибольшей интерпретационной конфликтности в рассматриваемых странах представляется различными.

Для России ядро проблемности формируют такие признаки, как «существенный вред», «значительный ущерб», «тяжкие последствия» и смежные категории, что подтверждается как содержанием открытых ответов респондентов, так и типологией ошибок квалификации, выявленных в судебных актах. Характерной особенностью российского подхода являются частые указания на конструктивную неопределённость и сравнительно-оценочную природу соответствующих понятий.

Для Армении, напротив, при сохранении высокой значимости признаков «существенного вреда» и «тяжких последствий», существенно возрастает чувствительность правоприменителя к характеристикам субъективной стороны состава преступления (мотив, цель и т.д.), которые в 38,7 % случаев прямо названы одной из ключевых сфер интерпретационных затруднений.

Таким образом, с научной точки зрения, выявляется различный распределённый центр тяжести интерпретационной неопределённости (в Российской Федерации – в сфере количественно-качественных и пороговых оценок причинённого вреда; в Республике Армения – в сфере психологически нагруженных признаков субъективной стороны состава преступления).

Нормативно-конституционный уровень в обоих правовых порядках демонстрирует согласованную установку на допустимость оценочных категорий при соблюдении критериев предсказуемости, ясности и системного толкования:

Конституционный Суд РФ подчёркивает, что требование определённости не исключает оценочных понятий, если их значение доступно для уяснения из текста закона, из системы взаимосвязанных предписаний и разъяснений судов; причём, судебная власть по природе своей предназначена для разрешения споров на основе норм с оценочными формулами [17].

Конституционный Суд РА, в том числе в постановлении от 15 ноября 2019 года ПКС-1488 [14] и в постановлении от 12 октября 2021 года ПКС-1613 [13], аналогично признаёт неизбежность неопределённых понятий, но акцентирует требование их узкого, обоснованного и единообразного толкования, исключаящего расширительную криминализацию; тем самым судебное толкование выступает главным инструментом «формализации» оценочных категорий без потери их адаптивного потенциала. В теоретико-доктринальном плане это подтверждает тезис о «двойственной природе» формальной определённости: она не только не отвергает оценочные признаки, но использует их как механизм балансировки против гипердетализации и догматического формализма, переводя неопределённость в управляемую предсказуемость посредством

институционализированного мотивирования судебных решений.

Эмпирика подтверждает различие в институциональных предпочтениях источника конкретизации: российские прокуроры чаще тяготеют к опоре на закон и официальные разъяснения (49,0 %), тогда как армянские в заметной доле указывают на комбинированный подход (48,9 %) и роль судебной практики как механизм конкретизации; при этом функция «стимулирования судебной практики» как функциональное предназначение оценочных признаков существенно выше в РА (39,1 % против 11,3 % в РФ), что указывает на большую «судоцентричность» армянской модели в придании содержания неопределённым терминам.

Одновременно, обе выборки фиксируют осторожный нормативный консенсус: использование оценочных признаков допустимо, но преимущественно в ограниченных случаях (РФ – 63,9 %; РА – 62,2 %), при более высокой доле безусловной допустимости в Армении (20,0 % против 12,4 % в РФ), что коррелирует с более выраженной готовностью полагаться на судебную конкретизацию в целях адаптации к изменчивости социальной реальности. Наша позиция состоит в том, что эти различия не выражают противоположных парадигм, а лишь отражают разные траектории достижения одного и того же баланса.

Обсуждение.

Анализ судебной практики позволяет заключить, что источником перекалфикационных рисков выступает:

Во-первых, тенденция к формализации оценочных признаков без должного учёта их сущностного содержания. Характерным примером здесь является ситуация, когда признак «значительный ущерб» трактуется исключительно в стоимостном измерении, при этом игнорируются имущественное положение потерпевшего, его социальный статус и иные индивидуализирующие обстоятельства [1; 11; 16].

Во-вторых, проблемным аспектом является подмена одного оценочного критерия другим в процессе нормативной трансформации уголовного закона. Так, показательной является практика, когда потеря стоимостного признака компенсируется введением категории «неоднократности», не обеспеченной достаточной доказательной базой. При этом кассационные инстанции Российской Федерации справедливо указывают на недопустимость вероятностной подмены фактических последствий и предупреждают о смешении составообразующих и квалифицирующих признаков, например, в разграничении «тяжкие последствия» и «упущенная выгода» [2; 3; 4; 7].

Подобная тенденция тесно связана и с проблемой так называемых «квазиоценочных признаков», на которую обращает внимание А.В. Иванчин. Речь идёт о случаях, когда законодатель

формально использует в диспозиции статей оценочные формулы («крупный размер», «особо крупный ущерб» и др.), но одновременно закрепляет их точное количественное выражение в примечаниях к норме. Как справедливо подчёркивает автор, такие конструкции утрачивают свой подлинно оценочный характер и фактически превращаются в признаки точного значения. Это внутренне противоречиво, поскольку исходное назначение оценочного признака заключается именно в гибкости и возможности учёта многообразия жизненных ситуаций [6, с. 189]. Превращение оценочных категорий в «квазиоценочные» нивелирует их функциональное предназначение и на практике приводит к механическому правоприменению, искажая саму идею оценочных признаков в уголовном праве.

Армянская судебная практика, в свою очередь, фокусирует внимание на проблемах, связанных с качественными признаками соучастия («организованная группа» в противопоставлении «группе лиц») [9], характеристикой «особо активной роли» участника [10], а также на мотивационных критериях («месть» против «хулиганского мотива») [12]. Примечательно, что кассационный уровень в Армении последовательно требует строгой доказательной индивидуализации вклада каждого соучастника и настаивает на узком понимании квалифицирующих характеристик. Тем самым, исключается формальное приписывание характеристик без содержательного анализа устойчивости группы, степени доминирования роли отдельного лица и социальной направленности мотива.

Таким образом, российская практика в большей степени ведёт «борьбу с формализмом количественных показателей», тогда как армянская концентрируется на «борьбу с формальным приписыванием характеристик». Однако с функциональной точки зрения, обе линии развития судебной практики являются эквивалентными: они направлены на минимизацию произвольности правоприменения за счёт усиления стандартов мотивирования и доказуемости, что в конечном счёте способствует укреплению принципа правовой определённости.

При анализе результатов опроса обращает на себя внимание различие в том, какие факторы прокуроры двух стран считают ключевыми при конкретизации оценочных признаков.

Для российских респондентов главным затруднением, чаще всего, становится сама сравнительно-оценочная природа этих категорий (38,5 %); то есть, неопределённость их содержания.

Армянские же прокуроры чаще указывают на ситуативную адаптивность (32,6 %) и зависимость толкования от институциональной практики (30,4 %). Иными словами, в России трудности видят прежде всего в самом характере понятий, а в Армении – в том, что их применение сильно зависит от конкретных обстоятельств дела и позиции суда.

Заключение.

Из вышеизложенного следует вывод о том, что снизить количество переквалификаций можно не путём чрезмерной формализации и введения жёстких количественных критериев (что нередко приводит к искусственным и противоречивым конструкциям), а за счёт выработки устойчивых стандартов обоснования. Ключевую роль здесь должны играть мониторинг судебной практики и своевременные разъяснения высших судов по наиболее спорным категориям. Такой подход позволяет одновременно укреплять принцип правовой определённости и сохранять гибкость уголовного права, необходимую для его адаптации к новым социальным реалиям.

В завершение стоит отметить, что, несмотря на присущие им противоречия и трудности применения, оценочные признаки выполняют важные функции в уголовном праве. Они позволяют восполнять пробелы законодательства, обеспечивать гибкость регулирования и согласовывать правовые предписания с моральными и социальными нормами.

В то же время, общее отношение к оценочным признакам в обеих странах остаётся осторожным: большинство респондентов склонны признавать их значимость лишь «в определённой мере».

Вместе с тем, в Армении выше доля тех, кто полностью согласен с тезисом о необходимости баланса между правовой определёностью и адаптивностью (17 % против 5,3 % в РФ).

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Из этого вытекает важный вывод: правовая определённость в сфере оценочных признаков определяется не столько объёмом их законодательных дефиниций, сколько качеством институциональной процедуры их конкретизации. Ключевое значение здесь имеют уровень мотивированности судебных решений, доказательственные стандарты, последовательность и системность аргументации, а также своевременные разъяснения высших судебных органов.

Для российской практики приоритетным направлением развития становится не дальнейшая детализация и введение жёстких порогов, а выработка устойчивых стандартов мотивирования по категориям вреда и последствий.

Для армянской же системы более актуальной задачей является кодификационная фиксация критериев, уже выработанных судебной практикой, прежде всего в области мотивации преступлений и квалификации форм соучастия.

Таким образом, можно заключить, что оценочные признаки постепенно трансформируются из источника неопределённости в инструмент повышения предсказуемости уголовного права. Их адаптивный потенциал используется сознательно, а судебная практика выполняет ключевую функцию по приданию им устойчивого содержания через выработку воспроизводимых стандартов обоснования и проверки доказательств.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 12 июля 2024 г. № 22-3962/2024 // СудАкт.ру. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/NRjISuEzV6ZI> (дата обращения 23.11.2024).
2. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда от 27 августа 2024 г. № 22-1835/2024 // СудАкт.ру. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/ZS9YxC9MNa5x> (дата обращения 23.11.2024).
3. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 22 июля 2024 г. № 22-3678/2024 // СудАкт.ру. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/9vL1yJiwLDNr> (дата обращения 23.11.2024).
4. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Тыва от 16 июля 2024 г. № 22-865/2024 по делу № 1-383/2024 // СудАкт.ру. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/rzDhCoXjVeYS> (дата обращения 23.11.2024).
5. Бавсун М.В. Гиперопределенность уголовного закона как причина и следствие его деконструкции / М.В. Бавсун; Отв. за вып. Д.В. Попов // Онтология и аксиология права: тезисы докладов и сообщений Девятой Международ. науч. конф. (Омск, 25–26 октября 2019 г.). Омск : Омская академия МВД России, 2019. С. 22–25. EDN: HJZCTV
6. Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 462 с. EDN: TLRXYN

© Бегоян Л.А.

7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 30 мая 2024 г. № 7У-3113/2024 [77-1422/2024] // Гарант. URL : <https://base.garant.ru/340426258> (дата обращения 23.11.2024).
8. Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 189 с. EDN: NPKWOZ
9. Постановление Кассационного суда Республики Армения от 11 мая 2011 г. По делу № ЛД/0136/01/10. URL : <https://www.arlis.am/hy/acts/71065> (дата обращения 23.11.2024).
10. Постановление Кассационного суда Республики Армения от 18 августа 2018 г. По делу № ЕАДД/0028/01/17. URL : <https://new.arlis.am/hy/acts/148635> (дата обращения 23.11.2024).
11. Постановление Кассационного суда Республики Армения от 20 декабря 2019 г. По делу № КДЗ/0013/01/18. URL : <https://www.arlis.am/hy/acts/148692> (дата обращения 23.11.2024).
12. Постановление Кассационного суда Республики Армения от 25 июля 2008 г. По делу № ВБ-48/08. URL : <https://www.arlis.am/hy/acts/47328> (дата обращения 23.11.2024).
13. Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 12 октября 2021 г. № ПКС-1613. URL : <https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1613.pdf> (дата обращения 23.11.2024).
14. Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 15 ноября 2019 г. № ПКС-1488. URL : <https://www.arlis.am/hy/acts/136491> (дата обращения 23.11.2024).
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 2.
16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «Консультант-Плюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412 (дата обращения 23.11.2024).

References:

1. Appeal resolution of the Judicial Board for Criminal Cases of the Samara Regional Court dated July 12, 2024 № 22-3962/2024 // SudAkt.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/NRjISuEzV6ZI> (date of application 11/23/2024).
2. Appeal resolution of the Judicial Board for Criminal Cases of the Orenburg Regional Court dated August 27, 2024 № 22-1835/2024 // SudAkt.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/ZS9YxC9MNa5x> (date of application 11/23/2024).
3. Appeal resolution of the Judicial Board for Criminal Cases of the Samara Regional Court dated July 22, 2024 № 22-3678/2024 // SudAkt.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/9vL1yJiwLDNr> (date of application 11/23/2024).
4. Appeal decision of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Republic of Tyva dated July 16, 2024 № 22-865/2024 in case № 1-383/2024 // SudAkt.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/rzDhCoXjVeYS> (date of application 11/23/2024).
5. Bavsun M.V. The hyperdistribution of the criminal law as a cause and consequence of its deconstruction / M.V. Bavsun; Ed. by D.V. Popov // Ontology and axiology of law: Abstracts of reports and communications of the Ninth International Scientific Conference (Omsk, October 25–26, 2019). Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. P. 22–25. EDN: HJZCTV
6. Ivanchin A.V. Conceptual foundations of the construction of the corpus delicti : dis. ... doct. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2015. 462 p. EDN: TLRYN
7. Cassation ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated May 30, 2024 № 7У-3113/2024 [77-1422/2024] // Garant. URL : <https://base.garant.ru/340426258/> (date of application 11/23/2024).
8. Kashanina T. V. Evaluative concepts in Soviet law : dis. ... kand. jurid. sciences'. Sverdlovsk, 1974. 189 p. EDN: NPKWOZ
9. Resolution of the Cassation Court of the Republic of Armenia dated May 11, 2011 In case № LD/0136/01/10. URL : <https://www.arlis.am/hy/acts/71065> (date of application 11/23/2024).
10. Resolution of the Cassation Court of the Republic of Armenia dated August 18, 2018 In case № EDD/0028/01/17. URL : <https://new.arlis.am/hy/acts/148635> (date of application 11/23/2024).
11. Resolution of the Cassation Court of the Republic of Armenia dated December 20, 2019 In case № KD3/0013/01/18. URL : <https://www.arlis.am/hy/acts/148692> (date of application 11/23/2024).
12. Resolution of the Cassation Court of the Republic of Armenia dated July 25, 2008 In case № WB-48/08. URL : <https://www.arlis.am/hy/acts/47328> (date of application 11/23/2024).
13. Resolution of the Constitutional Court of the Republic of Armenia dated October 12, 2021 № PKK-1613. URL : <https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1613.pdf> (date of application 11/23/2024).
14. Resolution of the Constitutional Court of the Republic of Armenia dated November 15, 2019 № PKK-1488. URL : <https://www.arlis.am/hy/acts/136491> (date of application 11/23/2024).
15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 08.12.2017 № 39-П «On the case of checking the Constitutionality of the Provisions of Articles 15, 1064 and 1068 of the Civil Code of the Russian

- Federation, subparagraph 14 of paragraph 1 of Article 31 of the Tax Code of the Russian Federation, Art. 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part one of Article 54 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with with the complaints of citizens G.G. Akhmadeeva, S.I. Lysyak and A.N. Sergeev» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2018. № 2.
16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 № 29 (as amended on December 15, 2022) «On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery» // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412 (date of application 11/23/2024).

Информация об авторе

Бегоян Лала Арсеновна

аспирантка кафедры уголовного права
Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина
lalabegoyan1997@gmail.com

Lala A. Begoyan

Postgraduate Student
of the Department of Criminal Law
O.E. Kutafin Moscow State Law University
lalabegoyan1997@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-3>

УДК 347.73

Attribution

cc by

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ НАУКИ И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Беликов Е.Г.¹, Беликова А.В.², Костин В.Е.³

¹Саратовская государственная юридическая академия,

²Поволжский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

³Пензенский государственный университет

Аннотация. В статье анализируются правовая природа и разновидности форм государственной финансовой поддержки применительно к сфере науки, научно-технологической и инновационной деятельности. Опираясь на ключевые теоретические источники и законодательство, авторы концептуализируют понятие «формы государственной финансовой поддержки», в том числе в соотношении его с понятием «государственная политика», рассматривают их многообразие, акцентируют особенности механизмов их реализации. При этом особое внимание уделяется специфике бюджетных и налоговых разновидностей форм государственной финансовой поддержки науки и научно-технологической деятельности, а также принципиально важному разделению форм поддержки на прямые и косвенные. Отдельный акцент авторы делают на формах стимулирующего характера, подчеркивая их гибкость и эффективность. Результатом исследования является теоретико-правовая концептуализация понятия «формы государственной финансовой поддержки» и классификация этих форм применительно к сфере науки и научно-технологической деятельности.

Ключевые слова: государственная поддержка, финансовая поддержка, льготы, стимулы, форма государственной поддержки, научная деятельность, научно-техническая деятельность, инновационная деятельность, научно-технологическое развитие

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FORMS OF STATE FINANCIAL SUPPORT FOR SCIENCE AND SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

Evgeny G. Belikov¹, Anna V. Belikova², Vladimir E. Kostin³

¹Saratov State Law Academy,

²Povolzhsky Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,

³Penza State University

Abstract. The article analyzes the legal nature and types of forms of state financial support in relation to the field of science, scientific and technological activities, and innovation. Drawing on key theoretical sources and legislation, the authors conceptualize the concept of forms of state financial support, including their relationship to the concept of state policy, and explore their diversity, highlighting the specific mechanisms for their implementation. Special attention is given to the specific features of budgetary and tax forms of state financial support for science and scientific and technological activities, as well as the crucial distinction between direct and indirect forms of support. The authors place a special emphasis on incentive-based forms, emphasizing their flexibility and effectiveness. The result of the research is the theoretical and legal conceptualization of the concept of the form of state financial support and the classification of these forms in relation to the field of science and scientific and technological activities.

Keywords: state support, financial support, benefits, incentives, form of state support, scientific activity, scientific and technical activity, innovative activity, scientific and technological development.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях глобальных вызовов и санкционного давления финансирование науки и инноваций становится критически важным для обеспечения национального технологического суверенитета, импортозамещения и перехода к модели устойчивого развития, основанной на знаниях. При этом ключевое значение имеют не только объемы финансирования, но и экономическая адекватность и правовая обоснованность применяемых форм поддержки, а также баланс между федеральным и региональным финансированием, прямой и косвенной поддержкой, финансированием и стимулированием и т.д.

В соответствии со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145, одним из основополагающих принципов государственной политики в области научно-технологического развития выступает государственная и общественная поддержка фундаментальных и поисковых научных исследований как инструмента долгосрочного развития страны. Степень и формы участия Российской Федерации и ее территориальных образований (субъекты РФ, муниципальные образования) в реализации государственной политики в сфере научного и технологического развития, включая финансовую поддержку субъектов научной, инновационной и научно-технологической деятельности, различны. Это обусловлено как особенностями правового статуса указанных публично-правовых образований и их уполномоченных органов, так и разным уровнем их возможностей (организационных, экономических, в том числе финансовых, кадровых и др.), что находит свое отражение в действующем нормативно-правовом регулировании.

Представляется, что в условиях реформирования российского законодательства о науке и научно-технической деятельности целесообразно концептуализировать и систематизировать формы и механизмы государственной финансовой поддержки данной сферы.

Обсуждение.

Понятие «форма» (лат. forma – форма, вид, образ) имеет несколько лексических значений:

- 1) очертания, внешний вид, контуры предмета;
- 2) внешнее выражение кого-либо содержания;
- 3) приспособление для придания чему-либо определённых очертаний;
- 4) единая по цвету, покрою и др. признакам одежда [1, с. 539].

Форма как философская категория есть внутренняя организация содержания, которое, в свою очередь, будучи определяющей стороной целого, представляет единство всех составных

элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций [2, с. 69].

В теории права формы деятельности государства, по сути, отождествляются с формами осуществления функций государства, которые подразделяются на правовые и организационные [3, с. 63–65]. В отраслевой юридической литературе схожий подход используется применительно к формам финансовой деятельности государства и муниципальных образований, в соответствии с которым указанные формы подразделяются на правовые и неправовые [4, с. 94–98; 5, с. 69–70]. Под формами деятельности государственных органов теоретиками права понимается внешнее ее проявление, выражающееся в исполнении указанными органами функций государственной власти с использованием предоставленных полномочий правового и неправового характера в пределах законодательно установленной компетенции, в целях осуществления задач государственной власти, а равно обеспечения и организации такой деятельности [6, с. 124].

В федеральном законодательстве, регулирующем в той или иной степени общественные отношения в сфере науки, научно-технической и технологической политики, инновационной деятельности, отсутствует единообразное понимание форм государственной деятельности в указанной сфере, включая формы государственной, в том числе финансовой, поддержки.

Исходя из нормативного определения государственной научно-технической политики, закрепленного в ст. 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Закон о науке), данная политика как вид социально-экономической политики определяет помимо целей и направлений также формы деятельности органов государственной власти РФ в области науки, техники и реализации достижений науки и техники. При этом уже, в соответствии со ст. 13 данного закона направления вышеуказанной политики на среднесрочный и долгосрочный периоды, определяются Президентом РФ на основе специального доклада Правительства РФ. В связи с этим, в научной литературе справедливо обращается внимание на противоречивость таких формулировок в части детерминированности отношений объекта (политика) и субъекта (органы власти): не ясно «кто и что определяет: политика – деятельность органов власти или органы власти – политику» [7].

Несмотря на упоминание в ст. 2 Закона о науке форм деятельности органов государственной власти РФ в научно-технической области, в последующих статьях данного акта отсутствует прямое указание на эти формы. При этом анализ нормативно закрепленных принципов государственной научно-технической политики, полномочий органов государственной власти РФ по ее формированию и реализации позволяет сделать

вывод о фактическом включении в их содержание проявлений форм деятельности органов государственной власти, если под формой деятельности в общем виде понимать внешнее выражение и организацию такой деятельности. В частности, в научной литературе отмечается, что большинство полномочий, указанных в п. 1 ст. 12 Закона о науке (принятие законов и иных нормативных правовых актов, финансирование научной и (или) научно-технической деятельности и др.), по своей сути, выступает основными формами деятельности государства в сфере науки и техники [8, с. 47]. Кроме того, некоторые перечисленные в п. 2 ст. 11 Закона о науке принципы (например, концентрация ресурсов на приоритетных направлениях научно-технологического развития; стимулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности через систему экономических и иных льгот) напоминают больше направления или формы государственной деятельности, в них отсутствуют идеи, ценности, идеология политики в отношении науки и техники [8, с. 49–50].

При определении института инновационного развития (ст. 2 Закона о науке) законодателем указывается, что им выступает организация, являющаяся получателем средств государственной поддержки в допускаемой законодательством РФ форме.

Применительно к инновационной деятельности, в Законе о науке (ч. 3 ст. 16.2) четко перечисляются формы государственной поддержки, к которым относятся, например:

- предоставление льгот по уплате налогов, сборов, таможенных платежей;
- предоставление образовательных услуг;
- предоставление информационной поддержки;
- формирование спроса на инновационную продукцию;
- финансовое обеспечение (в том числе бюджетные инвестиции, субсидии, гранты, кредиты, займы, гарантии, взносы в уставный капитал);
- реализация целевых программ, подпрограмм и проведение мероприятий в рамках государственных программ РФ;
- поддержка экспорта.

Некоторые из вышеуказанных форм могут также иметь свои формы реализации, закрепляемые в Законе о науке. В частности, в соответствии с п. 2 ст. 16.4 Закона о науке, финансовое обеспечение инновационного проекта может осуществляться посредством вентурного и (или) прямого финансирования инновационного проекта в форме инвестиций, а также в иных формах финансового обеспечения в соответствии с законодательством РФ. При этом п. 3 ст. 16.3 Закона о науке предусматривается, что допустимые фор-

мы финансового обеспечения инновационного проекта за счет средств государственной поддержки инновационной деятельности устанавливаются Правительством РФ.

В частности, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2020 г. № 2204, финансовое обеспечение инновационного проекта может осуществляться институтом инновационного развития в одной и (или) комбинации из нескольких допустимых форм, например:

- а) участие в уставных (складочных) капиталах коммерческих организаций;
- б) приобретение инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, участие в договорах инвестиционных товариществ, участие в иных формах коллективных инвестиций;
- в) предоставление займов, иных долговых инструментов;
- г) выдача гарантий и поручительств;
- д) предоставление конечным получателям государственной поддержки грантов, призов, стипендий;
- е) предоставление кредитов;
- ж) использование иных не противоречащих законодательству РФ форм вложения средств.

В научной литературе встречается понятие «формы реализации научно-технологического развития», поскольку в Конституции РФ используются, например, такие формулировки, как федеральная политика в области научно-технологического развития (п. «е» ст. 71), «государственная поддержка научно-технологического развития» (п. «в.1» ч. 1 ст. 114), а терминология, связанная с научно-технологическим развитием, широко востребована в политико-правовой практике при решении прагматических, конкретно-прикладных задач в качестве приоритетных.

В связи с этим, при формировании концепции нового закона о науке предлагается использовать конструкцию «государственная политика в области науки и научно-технологического развития» [9, с. 137–138, 139].

К основным формам реализации научно-технологического развития относят стимулирование и государственную поддержку; при этом отмечается, что действующее регулирование идет по пути расширения разнообразия указанных форм, «сочетает исторически сложившиеся и новые, типовые и единичные (индивидуальные) формы, которые определяются нормативными правовыми актами разной отраслевой принадлежности (в том числе складываются на основе бюджетного и налогового регулирования) и разной юридической силы, включая подзаконные акты» [9, с. 139].

В Федеральном законе от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Рос-

© Беликов Е.Г., Беликова А.В., Костин В.Е.

сийской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не упоминается понятие «формы реализации технологической политики», но используются термины «цели и задачи технологической политики» (ст. 4), «инструменты реализации» указанной политики (ст. 5). Глава 7 этого закона посвящена стимулированию деятельности по реализации технологической политики. При этом особо выделяются меры государственного стимулирования данной деятельности, в том числе финансового характера, содержание которых составляют меры бюджетной, налоговой и таможенной поддержки.

Государственная поддержка субъектов определенных видов деятельности или сферы деятельности может рассматриваться как в узком, так и широком смысле.

В узком смысле – это деятельность непосредственно органов государственной власти, осуществляемая в целях развития определенной сферы (области) экономики или видов деятельности.

В широком смысле, государственная поддержка может оказываться не только указанными органами, но и органами местного самоуправления, а также создаваемыми при их прямом или косвенном участии институтами развития и иными организациями, способствующими выполнению государственных задач.

Например, в таком расширительном понимании трактуется поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в Федеральном законе от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

В соответствии с Законом о науке (ст. 16.2), к субъектам государственной поддержки инновационной деятельности относятся Российская Федерация и ее субъекты, их органы исполнительной власти, а также соответствующие организации, через которые может осуществляться такая поддержка (фонды поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности; институты инновационного развития, например, АО «РОСНАНО», АО «Российская венчурная компания», Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ»). При этом органы местного самоуправления могут также поддерживать инновационную деятельность в формах, предусмотренных для ее государственной поддержки.

Государственная финансовая поддержка научной, научно-технической, инновационной деятельности, осуществляемая Российской Федерацией и ее субъектами, предполагает, как непосредственное финансовое обеспечение такой деятельности, так и ее стимулирование через систему экономических и иных льгот. В соответствии с п. 2 ст. 15 Закона о науке, финансовое обеспечение вышеуказанной деятельности осуществляется публично-правовыми обра-

зованиями посредством выделения бюджетных средств научным организациям и образовательным организациям высшего образования, фондам поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности, а также иным организациям, осуществляющим указанную деятельность в рамках конкретных научных, научно-технических программ и проектов.

Как уже отмечалось, применительно к деятельности по реализации технологической политики, вместо термина «государственная поддержка» используется «государственное стимулирование», при этом меры государственного стимулирования, по сути, отождествляются с мерами поддержки (информационно-консультационная поддержка, поддержка инновационной деятельности, инфраструктурная поддержка, поддержка экспорта, иные меры поддержки).

К мерам государственного стимулирования финансового характера отнесены:

1) финансирование проекта развития технологий за счет средств бюджетов бюджетной системы РФ в формах, предусмотренных бюджетным и гражданским законодательством РФ;

2) налоговые льготы и иные преференции, установленные Налоговым кодексом РФ (далее – НК РФ), а также льготы по уплате таможенных платежей, установленные правом Евразийского экономического союза и (или) законодательством РФ о таможенном регулировании.

В Бюджетном кодексе РФ (далее – БК РФ) предусматриваются следующие формы расходования бюджетных средств, которые можно использовать в качестве форм финансовой поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности:

1) бюджетные инвестиции – бюджетные средства, направляемые на создание или увеличение за счет средств бюджета стоимости государственного (муниципального) имущества (ст. 6, 79, 80 БК РФ);

2) бюджетные субсидии – бюджетные средства, направляемые на безвозмездной и безвозвратной основе на условиях долевого финансирования целевых расходов. Бюджетные субсидии могут быть разных видов:

– межбюджетные субсидии (например, на софинансирование капитальных вложений в объекты государственной или муниципальной собственности): из федерального бюджета в бюджеты субъектов РФ (далее – региональные бюджеты) или местные бюджеты; из региональных бюджетов в местные бюджеты (ст. 79.1 БК РФ);

– субсидии юридическим и физическим лицам.

В зависимости от правового статуса субъекта – получателя субсидии и целевой направленности

предоставляемых бюджетных средств выделяются следующие виды субсидий:

а) субсидии юридическим лицам (за исключением государственных и муниципальных учреждений), индивидуальным предпринимателям, физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг в целях возмещения недополученных доходов и (или) финансового обеспечения (возмещения) затрат в связи с производством (реализацией) товаров (ст. 78 БК РФ). При этом, например, предоставление субсидий на возмещение затрат по уплате таможенных платежей, понесенных юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, являющимися лицами, участвующими в реализации проекта создания и обеспечения функционирования территориально обособленного комплекса (инновационного центра «Сколково»), осуществляется в форме авансовых платежей за счет средств федерального бюджета (п. 4 ст. 78 БК РФ). Субсидии хозяйственным обществам могут предоставляться для реализации ими делегированных государством функций в виде вкладов в их имущество, не увеличивающих их уставные капиталы (п. 4.2 ст. 78 БК РФ);

б) субсидии бюджетным и автономным государственным (муниципальным) учреждениям (вузам, научным организациям, фондам поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности) на финансовое обеспечение выполнения ими государственного (муниципального) задания (ст. 78.1 БК РФ);

в) бюджетным и автономным учреждениям, государственным (муниципальным) унитарным предприятиям на осуществление капитальных вложений в объекты капитального строительства государственной (муниципальной) собственности (ст. 78.2 БК РФ);

г) субсидии государственным корпорациям (компаниям), публично-правовым компаниям, предоставляемые им на различные цели, в том числе на осуществление делегированных Российской Федерацией государственных полномочий (функций), на оказание государственных услуг, осуществление капитальных вложений в создание и развитие государственных информационных систем в случае определения их операторами указанных систем, в объекты капитального строительства, находящиеся в их собственности (ст. 78.3 БК РФ);

3) гранты в форме субсидий: предоставляются юридическим лицам, включая некоммерческие организации, индивидуальным предпринимателям, физическим лицам грантов, в том числе на конкурентной основе, из бюджетов публично-правовых образований (п. 7 ст. 78, п. 4 ст. 78.1 БК РФ);

4) бюджетный кредит – денежные средства, предоставляемые бюджетом другому бюджету бюджетной системы РФ, юридическому лицу (за исключением государственных (муниципальных)

учреждений), иностранному государству, иностранному юридическому лицу на возвратной и возмездной основах (ст. 6 БК РФ). В рассматриваемой сфере бюджетные кредиты предоставляются достаточно редко. В качестве вида бюджетных кредитов, которые могут предоставляться для финансовой поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности, можно выделить казначейские инфраструктурные кредиты (ст. 93.8 БК РФ). Такие кредиты могут предоставляться субъектам РФ на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов за счет временно свободных средств единого счета федерального бюджета на срок до 15 лет в случае, если предоставление подобного рода кредитов предусмотрено федеральным законом о федеральном бюджете. В частности, казначейские инфраструктурные кредиты могут направляться на проектирование, строительство, реконструкцию, техническое перевооружение объектов инфраструктуры промышленных (промышленных) парков, промышленных технопарков, инновационных научно-технологических центров;

5) государственная (муниципальная) гарантия: обеспечивает надлежащее исполнение принципом его денежных обязательств перед бенефициаром, возникших из договора или иной сделки (основного обязательства) (ст. 115 БК РФ). В качестве цели предоставления государственной гарантии РФ может быть оказание поддержки экспорта промышленной продукции, выпускаемой российскими производителями.

В НК РФ предусматриваются различные формы налогово-правовой поддержки, использование которых можно рассматривать в качестве косвенных форм финансовой поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности, а точнее форм их государственного стимулирования. При этом с точки зрения действующего законодательства о налогах и сборах все действующие вышеуказанные меры нельзя назвать льготами по уплате налогов в качестве отдельного элемента налогообложения. Большинство из них располагаются в рамках иных элементов налогообложения (объекта налогообложения, налоговой базы, налоговой ставки) или вообще к ним не относятся (освобождение от уплаты отдельных категорий налогоплательщиков).

К формам налогово-правовой поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности можно отнести следующие:

1) освобождение от уплаты налогов на определенный период времени:

– налогов на добавленную стоимость и прибыль организаций. Организации, получившие статус участника проекта на территории инновационного центра «Сколково», иных инновационных научно-технологических центров, имеют право на освобождение от обязанностей налогоплательщика, связанных с исчислением и уплатой

той данных налогов, в течение 10 лет со дня получения ими такого статуса (п. 1 ст. 145.1, п. 1 ст. 246.1 НК РФ);

— налога на имущество организаций и земельного налога в рамках налоговых льгот. В частности, освобождаются от обложения данными налогами организации – резиденты особой экономической зоны в отношении объектов налогообложения, участники проекта и управляющие компании на территории инновационного центра «Сколково» (п. 17, 19, 20, 26, 29 ст. 381, подп. 9, 10, 13 п. 1 ст. 395 НК РФ);

2) изъятие из объекта налогообложения или налоговой базы. Например, не подлежит налогообложению ввоз на территорию РФ технологического оборудования, аналоги которого не производятся в РФ, по перечню, утверждаемому Правительством РФ (п. 7 ст. 150 НК РФ);

3) пониженные налоговые ставки по налогу на прибыль организаций. Например, они применяются к резидентам особых экономических зон в части налога на прибыль, подлежащего зачислению в бюджеты субъектов РФ (абз. 6, 7 п. 1 ст. 284 НК РФ);

4) пониженные тарифы страховых взносов. В частности, они могут применяться для хозяйственных обществ, деятельность которых заключается в практическом применении результатов интеллектуальной деятельности, резидентов особых экономических зон, российских организаций, осуществляющих деятельность в области ИТ технологий, участников проекта на территории инновационного центра «Сколково» (п. 1 ст. 427 НК РФ);

5) иные формы. Например, к ним можно отнести изменение срока уплаты налога в рамках предоставления инвестиционного налогового кредита в связи проведением организацией научно-исследовательских или опытно-конструкторских работ либо технического перевооружения собственного производства, осуществлением организацией внедренческой или инновационной деятельности (подп. 1 и 2 п. 1 ст. 67 НК РФ).

Как было указано выше, одной из форм государственной поддержки, указанной в Законе о науке, является формирование спроса на инновационную продукцию. Примером нормативно-правовой реализации такой формы являются установле-

ние в качестве одного из базовых принципов контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Смысл данного принципа заключается в том, что заказчик при планировании и осуществлении закупок с помощью определенных механизмов должен отдавать предпочтение инновационной высокотехнологичной продукции. Тем самым, ввиду масштабности государственного заказа, формируется устойчивый спрос на подобную продукцию, что, в свою очередь, стимулирует ее производство. В настоящее время, в рамках запуска национальных проектов по обеспечению технологического лидерства, развиваются механизмы реализации данного принципа. Финансовый аспект данных мер выражается, таким образом, в направлении, хотя и косвенном, бюджетных средств на развитие наукоемких производств и научной деятельности в целом, а также на стимулирование бизнеса инвестировать в данную сферу.

Заключение.

Представленный выше анализ не является исчерпывающим, однако, он позволяет констатировать определенные выводы, обладающие как теоретической, так и практической значимостью.

Во-первых, уточнено понятие «формы финансовой поддержки». Форма государственной финансовой поддержки – это урегулированная нормами права и реализуемая органами публичной власти модель формирования, распределения и использования публичных финансовых ресурсов, характеризующаяся определенным источником, основанием предоставления и правовым режимом, в том числе соответствующими регламентированными механизмами ее предоставления.

Во-вторых, обосновано разделение форм поддержки на прямые (бюджетные субсидии, бюджетные инвестиции, бюджетные кредиты, гранты) и косвенные (налоговые льготы и иные налоговые стимулы, государственный заказ, формирование устойчивого спроса на инновационную продукцию). Представляется, что глубокое понимание законодателем и правоприменителем многообразия форм финансовой поддержки и их особенностей позволит более эффективно использовать публичные финансовые ресурсы и обеспечивать гибкую и результативную поддержку научной и инновационной деятельности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 27. М. : Советская энциклопедия, 1977. 623 с.
2. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 24. Книга 1. М. : Советская энциклопедия, 1976. 608 с.
3. Матузов Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2005. 541 с. ISBN: 5-7975-0778-1 EDN: QWKCDL
4. Финансовое право : учебник / Отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2017. 800 с.
5. Соколова Э.Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. М. : ИД «Юриспруденция», 2019. 272 с.
6. Лапшина Л.П. Понятие формы деятельности государственных органов в современной науке / Л.П. Лапшина, Т.Ф. Салеев // Вестник удмуртского университета. Экономика и право. 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 119–125. EDN: RQTWFC
7. Батяев А.А. Комментарий к Федеральному закону от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». Подготовлен для системы СПС «КонсультантПлюс» / А.А. Батяев, Д.Ю. Каркавина // Справочно-правовая система СПС «КонсультантПлюс».
8. Феномен научного права : колл. монография / Под ред. А.А. Васильева. Барнаул : АЗБУКА, 2021. 280 с.
9. Кабышев С.В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex Russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 130–140. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.130-140 EDN: JRNQMI

References:

1. The Great Soviet Encyclopedia. 3rd ed. Vol. 27. M. : Soviet Encyclopedia, 1977. 623 p.
2. The Great Soviet Encyclopedia. 3rd ed. Vol. 24. Book 1. M. : Soviet Encyclopedia, 1976. 608 p.
3. Matuzov N.I. Theory of the State and law : textbook / N.I. Matuzov, A.V. Malko. 2nd ed., revised and additional M. : Jurist, 2005. 541 p. ISBN: 5-7975-0778-1 EDN: QWKCDL
4. Financial law : textbook / Ed. by N.I. Khimicheva, E.V. Pokachalova. 6th edition, revised and supplemented. M. : Norm: INFRA-M, 2017. 800 p.
5. Sokolova E.D. Legal regulation of financial activities of the state and municipalities. M. : Publishing house «Jurisprudence», 2019. 272 p.
6. Lapshina L.P. The concept of the form of activity of state bodies in modern science / L.P. Lapshina, T.F. Saleev // Bulletin of the Udmurt University. Economics and law. 2015. Vol. 25. Iss. 2. P. 119–125. EDN: RQTWFC
7. Batyaev A.A. Commentary to Federal Law No. 127-FZ of August 23, 1996 «On Science and State Scientific and Technical Policy». Prepared for the ConsultantPlus system / A.A. Batyaev, D.Y. Karkavina // Consultant-Plus legal Reference System.
8. The phenomenon of scientific law: a collective monograph / Ed. by A.A. Vasiliev. Barnaul: ABC, 2021. 280 p.
9. Kabyshev S.V. Conceptual issues of improving legislation on science and scientific and technological development in the Russian Federation // Lex Russica. 2025. Vol. 78. № 2. P. 130–140. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.130-140 EDN: JRNQMI

Информация об авторах

Беликов Евгений Геннадьевич

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры финансового,
банковского и таможенного права
имени Нины Ивановны Химичевой,
Саратовская государственная
юридическая академия
belikovy79@mail.ru

Беликова Анна Владимировна

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Поволжский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
annette.b-2012@yandex.ru

Evgeny G. Belikov

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department of Financial,
Banking, and Customs Law
named after Nina Ivanovna Khimicheva,
Saratov State Law Academy
belikovy79@mail.ru

Anna V. Belikova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of State and Municipal Administration,
Volga Region Institute of Management – a branch of the
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
annette.b-2012@yandex.ru

Костин Владимир Евгеньевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Пензенский государственный университет
pgu-gpd@yandex.ru

Vladimir E. Kostin

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of the Department of State Law Sciences,
Penza State University

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-4>

УДК 343

Attribution

cc by

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Вертепова Т.А.¹, Сазонов Д.Е.²

¹Краснодарский университет МВД России,

²Управление МВД России по г. Краснодару

Аннотация. Противодействие незаконной миграции остается одним из ключевых приоритетов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Рост масштабов международных миграционных процессов, усложнение геополитической обстановки и устойчивая криминогенная обстановка в сфере миграции обуславливают актуальность данной темы. В статье рассматриваются уголовно-правовые аспекты противодействия незаконной миграции в Российской Федерации. Проводится анализ составов преступлений, предусмотренных ст. 322, 322.1, 322.2 322.3 УК РФ и предлагается их классификация для более точной квалификации. Особое внимание уделяется проблеме разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в данной сфере. Целью статьи является комплексный анализ уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с незаконной миграцией, выявление проблем правоприменительной практики и разработке научно-обоснованных предложений, которые будут способствовать не только снижению уровня незаконной миграции, но и укреплению национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: незаконная миграция, преступления в сфере незаконной миграции, организация незаконной миграции, фиктивная регистрация, фиктивная постановка на учет.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CURRENT ISSUES OF COUNTERING ILLEGAL MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION (CRIMINAL LAW ASPECT)

Tatyana A. Verterova¹, Dmitry E. Sazonov²

¹Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

²Ministry of Internal Affairs of Russia in Krasnodar

Abstract. Combating illegal migration remains one of the key priorities for ensuring the national security of the Russian Federation. The growing scale of international migration processes, the complex geopolitical situation, and the persistent criminal situation in the field of migration make this topic relevant. This article explores the criminal law aspects of combating illegal migration in the Russian Federation. The article analyzes the elements of crimes under Articles 322, 322.1, 322.2, and 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and proposes a classification for more accurate qualification. Special attention is given to the problem of distinguishing between criminal and administrative offenses in this area. The purpose of the article is to provide a comprehensive analysis of the criminal law norms aimed at combating illegal migration, identify problems in law enforcement practice, and develop scientifically based proposals that will not only reduce the level of illegal migration but also strengthen the national security of the Russian Federation.

Keywords: subject to crimes related to the illegal circulation of alcoholic beverages, alcoholic beverages, alcohol-containing products, ethyl alcohol, and alcohol-containing food products.

Funding: Independent work.

Введение.

В октябре 2018 г. Указом Президента Российской Федерации была утверждена Концепция государственной миграционной политики на 2019-

2025 г., целью которой стало создание в российском государстве и обществе миграционной ситуации, способствующей успешному выполнению задач в сфере демографического, социально-экономического и пространственного аспек-

© Вертепова Т.А., Сазонов Д.Е.

тах, а также улучшение качества жизни граждан Российской Федерации, сохранение межнационального и конфессионального единства и культурного кода страны [1].

Согласно статистическим данным Организации Объединенных Наций, Российская Федерация находится в числе мировых лидеров по абсолютному количеству мигрантов (~12 млн мигрантов) и занимает четвертое место по количеству находящихся в стране мигрантов, уступая только США (~51 млн мигрантов), Германии (~16 млн мигрантов) и Саудовской Аравии (~13 млн мигрантов) [2]. Важно отметить разницу в типах миграции: трудовая в России против образовательной/рабочей в США.

Миграция, в рамках процесса мировой глобализации, носит достаточно логичный характер, так как, особенно без трудовой миграции, невозможно нормальное политическое, экономическое и культурное развитие общества. Миграционные процессы выполняют одну из основных задач социально-демографического развития государства, так как переселение мигрантов на постоянное место жительства в страну становится источником увеличения рождаемости и численности населения в целом. Также, привлечение иностранных специалистов для профессиональной квалифицированной помощи по приоритетным направлениям работы, которые в последующем остаются на постоянное место жительства в пределах страны, способствует развитию научно-технического прогресса России.

Однако указанное явление закономерно в степени своего развития, и помимо положительных моментов, влечет и негативное последствие — незаконную миграцию.

Практически каждое государство отмечает негативные факторы незаконной миграции, отражающиеся в ухудшении социально-экономической ситуации в силу незаконного пребывания мигрантов, что в дальнейшем выражается в росте преступности и административных правонарушений, а также давления на экономику и социальную сферу жизнедеятельности, что, в целом, приводит только к негативным последствиям.

Стоит отметить, что незаконная регистрация и пребывание мигрантов в пределах Российской Федерации способствует росту числа преступлений террористической и экстремистской направленности, а также росту имущественных преступлений и преступлений в отношении половой неприкосновенности и половой свободы личности.

В силу различных геополитических причин, Россия стала достаточно уязвимой к незаконному потоку мигрантов из стран Средней Азии, Закавказья, Китая и Украины, в связи с чем возникла достаточно масштабная проблема нелегального пребывания граждан другого государства и лиц без гражданства.

Одним из способов обеспечения нелегального пребывания является нарушение порядка миграционного и регистрационного учёта, последствиями которого является рост случаев незаконной регистрации лиц в помещениях и иных жилых площадях без дальнейшего намерения там проживать и отсутствия контроля перемещения указанных лиц в рамках страны и за её пределы.

Также, существенной проблемой является регистрация и постановка на учёт иностранных граждан или лиц без гражданства, имеющих поддельные документы, либо документы, которые имеют признаки частичного искажения личных данных.

Обсуждение.

Противодействие незаконной миграции регулируется сложной, многоуровневой системой, сочетающей международное сотрудничество, региональную интеграцию и национальное законодательство, в котором пересекаются нормы административного, уголовного и миграционного права.

Незаконная миграция является сложным социально-правовым явлением, а борьба с ней порождает ряд серьезных проблем как с точки зрения правоприменения, так и с точки зрения прав человека.

Практика показала, что административно-правовые средства противодействия нелегальной миграции уже не могут отвечать современным требованиям, так как перспектива привлечения правонарушителей только к административной ответственности не достигает необходимого запретительного и воспитательного воздействия [3].

Уголовное законодательство России включает в себя ряд норм, направленных на борьбу с незаконной миграцией, в частности ст. 322–322.3 УК РФ, которые формируют своеобразный блок уголовно-правовых норм, призванных противодействовать самым опасным формам незаконной миграции, затрагивающим существенные интересы государства и общества.

Обращаясь к официальной судебной статистике, можно подчеркнуть, что количество осужденных за преступления, связанные с незаконной миграцией имеют негативный рост. Так, согласно указанным сведениям, в 2020 г. количество осужденных по ст. 322 УК РФ составляло 976, ст. 322.1 УК РФ — 557; ст. 322.2 УК РФ — 826, ст. 322.3 УК РФ — 6553; в 2021 г. осуждено по ст. 322 УК РФ — 950, ст. 322.1 УК РФ — 601, ст. 322.2 УК РФ — 753, ст. 322.3 УК РФ — 4622; в 2022 г. осуждено по ст. 322 УК РФ — 1163, ст. 322.1 УК РФ — 691, ст. 322.2 УК РФ — 783, ст. 322.3 УК РФ — 6943; в 2023 г. осуждено по ст. 322 УК РФ — 1094, ст. 322.1 УК РФ — 879, ст. 322.2 УК РФ — 724, ст. 322.3 УК РФ — 7583; в 2024 г. осуждено по ст. 322 УК РФ — 1041, ст. 322.1 УК РФ — 1207, ст. 322.2 УК РФ — 969, ст. 322.3 УК РФ — 8281 [4].

Необходимо учитывать, что статистические показатели, публикуемые в ежегодных отчётах Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ, подтверждают востребованность изучения норм, предусмотренных ст. 322.1–322.3 УК РФ и рассмотрение проблем их применения на практике. Данное утверждение стоит аргументировать следующим примером, когда, количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконной миграцией, растёт – суды выносят значительное число обвинительных приговоров по делам об организации незаконной миграции и фиктивной регистрации. В то же время определённая часть таких дел завершается прекращением ввиду отсутствия состава преступления или переквалификацией на административные правонарушения, что во многом говорит о сложности доказывания умысла обвиняемых. С научно-правовой точки зрения, многие авторы, в частности А.И. Коробеев, а также ряд специалистов-практиков обращают внимание на необходимость более четко формулировать признаки, позволяющие однозначно отделять уголовное деяние от административного [5].

В рамках проводимого исследования, стоит уделить внимание определению самого понятия «незаконная миграция». Так, по мнению Д.Д. Фоменко, незаконная миграция – это проникновение на территорию России иностранных граждан, лиц без гражданства с нарушением действующего законодательства, перемещение или проникновение, а равно – незаконный выезд за пределы РФ [6].

Результаты.

На наш взгляд, под незаконной миграцией следует понимать массовое или единичное перемещение иностранных граждан и лиц без гражданства через Государственную границу РФ или по территории страны с нарушением установленного законом порядка.

Рассматривая уголовно-правовые проблемы противодействия незаконной миграции, следует отметить ряд наиболее актуальных вопросов.

Во-первых, это сложность доказывания умысла при организации фиктивной регистрации либо при облегчении въезда в Российскую Федерацию. Часто, такие уголовные дела основываются на свидетельских показаниях, и правоохранительным органам приходится собирать дополнительные доказательства для подтверждения корыстной заинтересованности или осознанного нарушения порядка.

Во-вторых, остаются сложности в разграничении преступлений и административно-наказуемых деяний, связанных с незаконной миграцией. Зачастую сложно провести грань между уголовно-наказуемым деянием, предусмотренным ст. 322.1 УК РФ (организация незаконной миграции) и административным правонарушением, предусмотренным ст. 18.9 КоАП РФ (нарушение правил пребывания в РФ иностранных граждан и

лиц без гражданства). Организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ) требует доказательств систематичности, масштабности и целенаправленных действий, что не всегда просто с точки зрения практики. Если указанные признаки отсутствуют в действиях виновного лица, то можно сделать вывод о том, что лицо не исполняет возложенные на него законом обязанности по контролю за пребыванием конкретного иностранного лица, что образует признаки правонарушения, предусмотренного ст. 18.9 КоАП РФ.

Практика применения ст. 322 УК РФ демонстрирует определенные сложности при разграничении незаконного пересечения государственной границы с административным правонарушением, предусмотренным ст. 18.8 КоАП РФ [7], связанным с нарушением правил въезда и пребывания. Критерием отграничения, в большинстве случаев, становится наличие либо отсутствие умысла на обход действующих форм контроля и пропускного режима, а также фактические обстоятельства пересечения границы в виде использования фальшивых документов, скрытность, преодоление заграждений и прочие методы.

Стоит также отметить, что нормы ст. 322.2 и ст. 322.3 УК РФ дополнили комплекс мер, направленных на борьбу с фиктивной регистрацией и фиктивной постановкой на учет иностранных граждан и лиц без гражданства. Ст. 322.2 УК РФ устанавливает ответственность за фиктивную регистрацию по месту пребывания или месту жительства, а ст. 322.3 УК РФ – за фиктивную постановку на учёт. Отличительной чертой этих преступлений является то, что лицо, обязующееся предоставить жилое помещение, или иной объект недвижимости для регистрации, изначально, не намеревается выполнять соответствующие требования миграционного учёта и фактически вводит в заблуждение государственные органы, оформляя фиктивные документы. В связи с чем возникают сложности в отграничении данных составов преступлений от ст. 19.27 КоАП РФ «Предоставление ложных сведений». При квалификации деяния в качестве преступления по ст. 322.2 или ст. 322.3 УК РФ существенное значение имеет доказанность умысла на создание фиктивной регистрации и осознание лицом факта, и что иностранный гражданин не намерен реально проживать по указанному адресу [8].

Также, нельзя не сказать о том, что практика фиктивной регистрации часто сопряжена с коррупционным фактором – подделкой документов, незаконной выдачей миграционных карт и паспортов. Такие эпизоды нередко образуют совокупность преступлений, когда виновные лица несут уголовную ответственность одновременно и по ст. 322.1 – 322.3 УК РФ, и по коррупционным статьям, например, получение взятки должностным лицом – ст. 290 УК РФ, дача взятки – ст. 291 УК РФ, посредничество во взятке – ст. 291.1 УК РФ. Проблема коррупции в данной сфере уже много лет остаётся одной из самых острых, поскольку задействованные в махинациях сотру-

ники правоохранительных органов, ответственных за контроль миграционных потоков, нередко включены в криминальные схемы, что существенно затрудняет разоблачение организованных групп и устойчивых каналов незаконной перевозки мигрантов на территорию России.

Таким образом, для систематизации понятия миграционных преступлений, нами предлагается, к примеру, детализировать формы фиктивности, путём указания в норме критериев «отсутствия реального намерения проживать», «заведомой осведомленности собственника», а также дополнить диспозицию ст. 322.1 УК РФ с указанием конкретных действий, образующих «обеспечение» незаконного пребывания. При этом важно не допустить избыточной фрагментации норм, чтобы не усложнить правоприменение [9].

Для решения проблемы разграничения административного и уголовного законодательства в области противодействия незаконной миграции необходимы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые бы давали четкие количественные и качественные ориентиры для разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 322–322.3 УК РФ от административных правонарушений, предусмотренных ст. 18.8, 18.9, 19.27 КоАП РФ. Так, на сегодняшний день в ППВС РФ от 09.07.2020 г. №18 [13] не содержится ни одного пункта, который бы прямо разграничивал ст. 322–322.3 УК РФ с административной ответственностью, а также в указанном выше Постановлении отсутствуют количественные критерии (не установлены пороговые значения: количество незаконного зарегистрированных мигрантов, сумма дохода, срок деятельности).

Исходя из проведенного анализа, стоит указать на то, что данные преступления, регулируемые ст. 322–322.3 УК РФ, можно классифицировать по следующим критериям:

- по объекту и характеру посягательства (ст. 322 УК РФ защищает непосредственно порядок охраны Государственной границы, а ст. 322.1–322.3 УК РФ – порядок управления в сфере миграции и государственной регистрации, а также общий правопорядок);
- по форме действий (ст. 322 УК РФ описывает действие, направленное на непосредственное физическое пересечение границы, то ст. 322.1

УК РФ касается организационных мер, направленных на обеспечение въезда и пребывания, а ст. 322.2 и 322.3 УК РФ – административно-формальных, связанных с регистрацией и учётом).

На наш взгляд, подобная классификация, во многом, поможет правоприменителю точнее определять составы и ограничивать их друг от друга, а также позволит создать систему видов преступлений, связанных с незаконной миграцией.

Заключение.

Подводя итог вышесказанному, мы пришли к мнению о том, что под понятием «преступления в сфере незаконной миграции» в российском уголовном законодательстве подразумевается комплекс деяний, посягающих на общественные отношения по защите государственных границ, контроля за перемещением и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства, а также на порядок управления в сфере миграции. Конкретными видами таких преступлений выступают такие нормы, как ст. 322 УК РФ – незаконное пересечение Государственной границы, ст. 322.1 УК РФ – организация незаконной миграции, ст. 322.2 УК РФ – фиктивная регистрация, ст. 322.3 УК РФ – фиктивная постановка на учёт, так как все они обладают высокой степенью общественной опасности, поскольку способствуют созданию на территории страны нелегальных каналов въезда и пребывания.

Также анализ судебной практики показывает, что актуальность проблемы совершения указанных видов преступлений не только не снижается, но и возрастает в силу масштабов международных миграционных процессов, а также сложной геополитической обстановки.

Постоянный мониторинг проблемных точек, внедрение информационных технологий в работу миграционных служб и ужесточение мер ответственности за коррупционные правонарушения в миграционной сфере представляются наиболее эффективными средствами, которые, с одной стороны, позволяют снизить уровень преступлений, связанных с незаконной миграцией, а с другой стороны – повысить уровень национальной безопасности Российской Федерации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 31.10.2018 года № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Доступ из справочной системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.09.2025).
2. Щербакова Е.М. Международная миграция по оценкам ООН 2024 года // Демоскоп Weekly. 2025. № 1081–1082. URL : <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01081/barom02.php> (дата обращения 01.09.2025).
3. Катаева О.В. Административная ответственность за нарушения в области обеспечения режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета. 2010. С. 57. ISBN: 978-5-9273-1682-3 EDN: RXPDAL
4. Судебная статистика: Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ. URL : <https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 01.09.2025).
5. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 352. ISBN: 978-5-4396-1926-9 EDN: MTZUFG
6. Фоменко Д.Д. К вопросу о понятии «незаконная миграция» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-nezakonnaya-migratsiya> (дата обращения 01.09.2025). DOI: 10.23672/g8155-9505-1056-p EDN: LQAABM
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 года № 196-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.09.2025).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 18 «О судебной практике о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» от 09.07.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.09.2025).
9. Никитенко А.В. Дневник. Т. 2: 1856–1864. М. : Гослитиздат, 1955. С. 653.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.09.2025).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 31.10.2018 № 622 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019-2025» // Access from the ConsultantPlus help system (date of application 09/01/2025).
2. Shcherbakova E.M. International migration according to UN estimates in 2024 // Demoscope Weekly. 2025. № 1081–1082. URL : <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01081/barom02.php> (date of request: 09/01/2025).
3. Kataeva O.V. Administrative responsibility for violations in the field of ensuring the regime of stay of foreign citizens and stateless persons on the territory of the Russian Federation. Voronezh : Voronezh State University Publishing House. 2010. P. 57. ISBN: 978-5-9273-1682-3 EDN: RXPDAL
4. Judicial statistics: Criminal proceedings. Data on the imposed punishment according to articles of the Criminal Code of the Russian Federation. URL : <https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17> (date of application 09/01/2025).
5. Korobeev A.I. Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis. M. : YurLitinform, 2019. P. 352. ISBN: 978-5-4396-1926-9 EDN: MTZUFG
6. Fomenko D.D. On the issue of the concept of «illegal migration» // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-nezakonnaya-migratsiya> (date of application 09/01/2025). DOI: 10.23672/g8155-9505-1056-p EDN: LQAABM
7. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001, № 196-FZ. // SPS «ConsultantPlus» (date of application 09/15/2025).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 18 «On judicial practice on illegal crossing of the State Border of the Russian Federation and crimes related to illegal migration» dated 07/09/2020 // SPS «ConsultantPlus» (date of application 09/15/2025).
9. Nikitenko A.B. Diary. Vol. 2: 1856-1864. M. : Goslitizdat, 1955. P. 653.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/19/2020 № 18 «On judicial practice in cases of illegal crossing of the State Border of the Russian Federation and crimes related to illegal migration» // SPS ConsultantPlus (date of application 09/15/2025).

Информация об авторах

Вертепова Татьяна Александровна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
ORCID: 0009-0001-4419-3188
vertepova_ta@mail.ru

Tatyana A. Verterova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ORCID: 0009-0001-4419-3188
vertepova_ta@mail.ru

Сазонов Дмитрий Евгеньевич

оперуполномоченный ОУР Управления МВД России
по г. Краснодару
ORCID: 0009-0006-4175-3086
sazonovdima.mail.ru@gmail.com

Dmitry E. Sazonov

Detective Officer of the Criminal Investigation
Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia
in Krasnodar
ORCID: 0009-0006-4175-3086
sazonovdima.mail.ru@gmail.com

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-5>
УДК 343.341

Attribution
cc by

ВЗАИМОСВЯЗЬ КРИМИНАЛЬНОГО РЫНКА ОРУЖИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Вишневецкий К.В.¹, Робак В.А.²

¹Краснодарский университет МВД России,

²Крымский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

Аннотация. В статье отмечается, что на современном этапе развития государства и общества криминальный рынок оружия активно развивается, и отдельным предметом данного рынка стали беспилотные летательные аппараты и безэкипажные катера. Отмечается, что имеет место устойчивая тенденция относительно использования указанных предметов в противоправных целях, в частности, для совершения преступлений террористической направленности. Дается авторское определение понятиям «беспилотный летательный аппарат» и «безэкипажный катер». Авторами исследования указывается на целесообразность установления уголовной ответственности за незаконный оборот данных предметов.

Ключевые слова: криминальный рынок оружия, терроризм, беспилотные летательные аппараты, безэкипажные катера, взрывчатые вещества, взрывные устройства.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

INTERCONNECTION BETWEEN THE CRIMINAL WEAPONS MARKET AND TERRORIST CRIMES

Kirill V. Vishneveckiy¹, Vladimir A. Robak²

¹Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

²Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation

Abstract. The article notes that, at the current stage, the criminal arms market is actively developing, and unmanned aerial vehicles and unmanned boats have become a separate item on this market. It is noted that there is a steady trend towards the use of these items for illegal purposes, particularly for committing terrorist crimes. The article provides an author's definition of the terms «unmanned aerial vehicle» and «unmanned boat». It also suggests the feasibility of establishing criminal liability for the illegal circulation of these items.

Keywords: criminal arms market, terrorism, unmanned aerial vehicles, unmanned boats, explosives, and explosive devices.

Funding: Independent work.

Введение.

Усовершенствование различных сфер жизнедеятельности общества является необходимым условием развития государства в целом. Исключение не составляет сфера вооружений, которая отвечает за одну из основных в деятельности государства – национальную безопасность. Однако необходимо констатировать, что развитие указанной отрасли определенным образом влияет на «развитие» незаконного оборота оружия, являющийся неотъемлемой частью криминального рынка оружия, который, в том числе, способствует одной из самых опасных форм преступной деятельности – террористической.

Указанное свидетельствует о необходимости своевременной реакции законодательства, в частности уголовного, относительно криминализации деяний в сфере незаконного оборота оружия.

Обсуждение.

Криминальный рынок оружия – это международное (транснациональное) и внутригосударственное общественно опасное явление, обуславливающее спрос на оружие, предложение оружия и применение его в преступных целях, а также деятельность организованных преступных формирований, коррумпированных должностных лиц

и групп населения, обеспечивающих его функционирование и развитие в целях получения криминальных доходов [1].

Указанный рынок способствует развитию самых опасных форм преступной деятельности – организованной, террористической, антиконституционной, которые относятся к числу основных факторов, определяющих характер криминальной ситуации в стране и вектор ее развития.

В настоящее время объем криминального рынка оружия увеличивается, растет число фактов незаконного оборота военной техники, возникают угрозы распространения оружия массового поражения, что негативно сказывается на укреплении законности и правопорядка в стране. Оружие и военная техника, которые бесконтрольно поступают, перемещаются и распространяются на территориях иных государств, все чаще оказываются в руках различных организованных преступных формирований, в том числе террористических.

Необходимо отметить, что активному «распространению» данного рынка в основном способствует бесконтрольное распространение и перемещение оружия со стороны многих стран, которые являются недружественными по отношению к Российской Федерации (далее – РФ).

Поставки оружия, тяжелого вооружения и военной техники осуществляются через территории многих стран, в связи с чем, уже отмечались не единичные факты «оседания» части вооружения на территории иных стран. Последствия указанных действий непредсказуемы для всего мирового сообщества. Для примера, применение так называемых «афганских» стингеров, которые поставлялись США в 1980-х годах, отмечалось в течение полутора десятков лет, после окончания военных действий в Афганистане на территории от Африки до Балкан и бывшего СССР, во времена военных конфликтов.

Поставляемое оружие, в современности, довольно «удобно» не только для ведения боевых действий, но и для совершения преступлений террористической направленности.

В настоящее время большая часть оружия, попадающего на российский черный рынок, находилась на балансе украинских силовиков. Соответственно, о нем нет информации в Российских базах учета и пулегильзотеках. Это затрудняет расследование преступлений, совершенных с использованием такого оружия [2].

Целесообразно также отметить, что в современности имеет место активное развитие и усовершенствование различных видов оружия и вооружений, детерминантом чего, в частности, выступает его применение в условиях боевых действий. К сожалению, необходимо констатировать, что способы усовершенствования данных предметов используются и для совершения преступлений. Кроме того, сами предметы, в ре-

зультате совершения противоправных действий, попадают в руки лиц для совершения указанных деяний, в том числе террористической направленности.

Терроризм остается одним из главных «дестабилизаторов» социально-политической обстановки, прикрываясь политическими или религиозными лозунгами, по сути, являясь основным проявлением организованного преступного экстремизма. За последние годы во всем мире отмечается существенный рост числа межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Верной нам представляется позиция авторов, которые указывают на то, что борьба с преступлениями в сфере незаконного оборота оружия является одной из составляющих предупреждения преступлений террористической направленности [3].

В настоящее время при совершении террористических актов применяются современные вооружения, которые признаются наиболее востребованными при проведении боевых действий и которые активно используются вооруженными силами, в частности, беспилотные летательные аппараты (БПЛА) и безэкипажные катера (БЭК). В настоящее время так называемые «беспилотники» и «БЭК», состоящие на вооружении армий многих стран, играют одну из главных ролей при ведении боевых действий, о чем свидетельствуют боевые действия в Израиле, Иране, Сирии, Украине и иных военных зонах.

В качестве примеров совершения террористических актов на территории РФ, с применением указанных предметов, можно привести: 11 апреля 2023 г. – нефтяная база «Роснефть» г. Клинцы Брянской области, 21 января 2024 г. – нефтяной терминал компании «Новатек» в Усть-Луге, 07 октября 2024 г. – нефтяная база г. Феодосия, Республика Крым, 01 июня 2025 г. – базы стратегической авиации ВКС России, 03 июня 2025 – Крымский мост, Республика Крым и др.

Следует отметить, что отмеченные предметы запускались, в том числе, непосредственно с территории РФ, что однозначно свидетельствует об их незаконном нахождении в обороте. На основе данных фактов, по нашему мнению, можно утверждать, что данные аппараты стали отдельным предметом криминального рынка оружия.

Однако целесообразно указать на то, что, несмотря на активное производство, модернизация и введение в действие указанных вооружений, законодательное закрепление их оборота, по нашему мнению, находится на ненадлежащем уровне. В частности, оборот данных предметов регулируется рядом нормативных правовых актов, а именно – определение правового статуса, категорий, вопросы сертификации регламентируются Воздушным кодексом Российского Федерация [4]; учет и идентификация устанавливаются Постановлением Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 658 «Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воз-

душных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, сверхлегких пилотируемых гражданских воздушных судов с массой конструкции 115 килограммов и менее, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в РФ» [5] и иными актами.

Необходимо отметить, что в настоящее время беспилотные летательные аппараты активно используются во многих сферах жизнедеятельности, как государственными, так и частными организациями, в частности, применяются Министерством чрезвычайных ситуаций, например, для выявления очагов возгорания, Министерством сельского хозяйства – для контроля посевов, Министерством внутренних дел – для фиксации нарушений правил дорожного движения, частными организациями, например, охранными, для осуществления своих уставных полномочий.

На основании указанного необходимо отметить, что оборотом, в частности, производством, хранением, приобретением и сбытом указанных предметов занимаются, как государственные, так и негосударственные организации, в зависимости от назначения данных аппаратов.

Как отмечалось выше, данные предметы активно используются вооруженными силами РФ; основной особенностью данных БПЛА и БЭКов является их оснащённость взрывчатыми веществами и взрывными устройствами [6] либо они оборудованы специальными приспособлениями, позволяющими переносить такие вещества или устройства.

Заслуживает внимания тот факт, что по некоторым показателям, классификации, в частности, БПЛА, которые используются, как для гражданского назначения, имеют исключительно военное назначение и совпадают. Так, например, по типу летательного аппарата:

– самолетного типа (с фиксированным крылом), вертолетного типа (с вращающимися крыльями), мультироторные (с несколькими пропеллерами), гибридные (сочетающие различные аэродинамические схемы);

– по весовой категории – легкие, средние, тяжелые и сверхтяжелые, по скорости полета – низкоскоростные, среднескоростные и высокоскоростные и др.

Относительно аппаратов, которые имеют исключительно военное назначение, выделяют следующие классификации: наблюдательные, разведывательные, ударные, разведывательно-ударные, бомбардировочные, истребительные, радиотрансляционные, используемые для радиоэлектронной борьбы, транспортные, мишени, имитаторы цели, многоцелевые, барражирующие снаряды [7].

Необходимо отметить, что ответственность за незаконное использование указанных предметов предусмотрена в Кодексе РФ об административ-

ных правонарушениях в ст. 11.4 «Нарушение правил использования воздушного пространства» и ст. 11.5 «Нарушение правил безопасности эксплуатации воздушных судов» [8]. Уголовная ответственность за данные деяния предусмотрена только в случае причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью или смерть человека (ст. 271.1 «Нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации» Уголовного кодекса РФ [9]).

Необходимо отметить, что в законодательстве отсутствует какая-либо градация ответственности за незаконное использование указанных предметов, в зависимости от их функционального назначения (гражданское либо военное назначение). Данное положение не является всесторонне обоснованным фактом, поскольку не вызывает сомнения, что указанные предметы, которые имеют исключительно военное назначение, являют собой значительно большую степень общественной опасности, при их нецелевом использовании.

По нашему мнению, с учетом изменяющихся условий развития производства обозначенных предметов, необходимо внесение изменений в действующее законодательство, относительно их классификации и установления ответственности за незаконный оборот.

Считаем целесообразным вынесение предметов, которые имеют исключительно военное назначение, с учетом их повышенной степени общественной опасности, при использовании в противоправных целях, в частности, для совершения преступлений террористической направленности, в отдельный вид.

В настоящее время изготовление указанных предметов, не зависимо от назначения, не влечет какой-либо ответственности за исключением случаев, если данное деяние будет связано с незаконным оборотом взрывчатых веществ или взрывных устройств. По нашему мнению, изготовление БПЛА и БЭКов, которые имеют исключительно военное назначение, т.е., как отмечалось выше, оснащаются взрывчатыми веществами или взрывными устройствами либо оборудуются специальными приспособлениями, позволяющими переносить данные вещества или устройства, должно предусматривать уголовную ответственность при незаконности таких деяний.

Также, по нашему мнению, необходимо закрепить, на законодательном уровне, понятие обозначенных аппаратов с целью разграничения данных устройств, с иными, не имеющими военного назначения.

В соответствии со ст. 32 Воздушного кодекса РФ, под беспилотным воздушным судном понимается воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот) [4].

Относительно понятия «безэкипажный катер» необходимо отметить, что в ст. 3 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ закреплено понятие «автономное судно», под которым понимается самоходное судно, процессы управления которым, в зависимости от наличия или отсутствия экипажа на борту частично (полуавтономное судно) или полностью (полностью автономное судно), осуществляются в автоматическом режиме [10].

На основе законодательного закрепления понятий, а также интервьюирования специалистов в сфере изготовления и управления указанными предметами, по нашему мнению, можно дать следующие определения указанных предметов, которые имеют военное назначение:

«Под беспилотным летательным аппаратом, имеющим военное назначение, необходимо понимать летательный аппарат управляемый, контролируемый в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна либо имеющим полностью автоматическое управление, предназначенное для оснащения взрывчатыми веществами или взрывными устройствами, либо оборудованное специальными приспособлениями, позволяющими переносить данные вещества или устройства».

«Под безэкипажным катером, имеющим военное назначение, необходимо понимать водное самоходное судно, процессы управления которым осуществляются шкипером, находящимся вне борта такого судна либо имеющим полностью автоматическое управление, предназначенное

для оснащения взрывчатыми веществами или взрывными устройствами, либо оборудованное специальными приспособлениями, позволяющими переносить данные вещества или устройства».

С учетом назначения данных предметов, указанные определения, по нашему мнению, необходимо закрепить в Федеральном законе «Об оружии».

Также, с учетом общественной опасности таких предметов, считаем необходимым предусмотреть уголовную ответственность за их незаконный оборот. Необходимо отметить, что целесообразность установления уголовной ответственности за незаконный оборот иного вооружения или военной техники, нами уже отмечалась в иных исследованиях [1].

Заключение.

На основе изложенного, можно сделать вывод о том, что в условиях активного развития производства и применения беспилотных летательных аппаратов и безэкипажных катеров, которые имеют военное назначение с учетом того, что данные аппараты стали отдельным предметом криминального рынка оружия, а также устойчивой тенденции использования указанных предметов для совершения противоправных деяний, в частности, совершения преступлений террористической направленности, целесообразным является закрепления их определения на законодательном уровне и установление уголовной ответственности за их незаконный оборот.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Робак В.А. Борьба с криминальным рынком оружия: вопросы теории и практики: специальность 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» : автореф. дис. ... на соискание уч. степени док. юрид. наук / Робак Владимир Анатольевич; Университет прокуратуры Рос. Федерации. М., 2024. 52 с.
2. Новикова О.Ю. О некоторых аспектах противодействия незаконному обороту оружия в сети Интернет / О.Ю. Новикова, В.В. Новиков // Закон и власть. 2024. № 6. С. 153–159. EDN: KJAMJV
3. Иванцов С.В. Отдельные вопросы предупреждения преступлений террористической направленности в контексте международной стратегии предупреждения терроризма / С.В. Иванцов, С.К. Бадамшин // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 118–122. DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10389 EDN: HRHDUX
4. Воздушный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 19 марта 1997 № 60-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 12. Ст. 1383.
5. Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, сверхлегких пилотируемых гражданских воздушных судов с массой конструкции 115 килограммов и менее, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 25 мая 2019 г. № 658 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 22. Ст. 2824.

6. Николаев Н.В. Актуальные вопросы противодействия современным автономным беспилотным летательным аппаратам и FPV-дронам / Н.В. Николаев, В.В. Ильин, М.И. Некрасов // Вопросы безопасности. 2024. № 1. С. 40–60. DOI: 10.25136/2409-7543.2024.1.68860 EDN: TNFGJG
7. Лебедев А.А. Классификация беспилотных летательных аппаратов и основные угрозы их воздействия на объекты критической инфраструктуры // Технологии гражданской безопасности. 2024. Т. 21. № 3 (81). С. 44–51. EDN: ETNTTI
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (Часть I). Ст. 1.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации: Федер. закон от 07 марта 2001 г. № 24-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 11. Ст. 1001.

References:

1. Robak V.A. The fight against the criminal arms market: issues of theory and practice: specialty 5.1.4. «Criminal law sciences» : abstract. dis. ... for degree of doctor. jurid. Sciences / Robak Vladimir Anatolyevich; University of the Prosecutor's Office of Russia. Russian Federation. M., 2024. 52 p.
2. Novikova O.Yu. On some aspects of countering illegal arms trafficking on the Internet / O.Y. Novikova, V.V. Novikov // Law and Power. 2024. № 6. P. 153–159. EDN: KJAMJV
3. Ivantsov S.V. Selected issues of the prevention of terrorist crimes in the context of the international strategy for the prevention of terrorism / S.V. Ivantsov, S.K. Badamshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 7. P. 118–122. DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10389 EDN: HRHDUX
4. The Air Code of the Russian Federation: Feder. The law of March 19, 1997 № 60-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 1997. № 12. Vol. 1383.
5. On approval of the Rules for State Registration of Unmanned Civil Aircraft with a Maximum Take-off Weight from 0.15 kilograms to 30 kilograms, Ultralight Manned Civil Aircraft with a Design Weight of 115 kilograms or Less, Imported into the Russian Federation or Manufactured in the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation. Of the Russian Federation dated May 25, 2019, № 658 // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. 2019. № 22. Art. 2824.
6. Nikolaev N.V. Actual issues of countering modern autonomous unmanned aerial vehicles and FPV drones / N.V. Nikolaev, V.V. Ilyin, M.I. Nekrasov // Security issues. 2024. № 1. P. 40–60. DOI: 10.25136/2409-7543.2024.1.68860 EDN: TNFGJG
7. Lebedev A.A. Classification of unmanned aerial vehicles and the main threats of their impact on critical infrastructure facilities // Civil security technologies. 2024. Vol. 21. № 3(81). P. 44–51. EDN: ETNTTI
8. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation: Federal Law № 195-FZ of December 30, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. 2002. № 1 (Part I). Art. 1.
9. The Criminal Code of the Russian Federation: Feder. The law of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 1996. № 25. Art. 2954.10.
10. Code of Inland Waterway Transport of the Russian Federation: Feder. The law of March 07, 2001, № 24-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 2001. № 11. Art. 1001.

Информация об авторах

Вишневецкий Кирилл Валерьевич

доктор юридических наук,
профессор,
начальник управления учебно-методической работы,
Краснодарский университет МВД России
kvishneveckiy@mail.ru

Kirill V. Vishneveckiy

Doctor of the Law,
Professor,
Head of Department
of Educational and Methodical Work,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishneveckiy@mail.ru

Робак Владимир Анатольевич

доктор юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин
Крымского юридического института (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
robak_va@mail.ru

Vladimir A. Robak

Doctor of Law,
Associate Professor,
Head of the Department for the Criminal-legal
Disciplines Crimean Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
robak_va@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-8>

УДК 321.01

Attribution

cc by

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Гуляев Т.Н.

Московский университет «Синергия»

Аннотация. В статье проводится комплексное исследование юридических инструментов охраны прав инвестора в контексте взаимодополняющего влияния международно-правового и внутригосударственного регулирования. Основное внимание сосредоточено на особенностях становления и организации действующих ныне институциональных механизмов, направленных на обеспечение стабильности и надежности инвестиционного климата в странах СНГ и Восточной Европы. Проведен анализ ключевых принципов международной защиты капиталовложений, выявлены детерминирующие элементы эффективности существующих правовых формирований. Отдельно рассмотрены специфика специализированных судебных юрисдикций и международные арбитражные процедуры разрешения инвестиционных конфликтов. Автором акцентируется внимание на значимости унификации национальных и международных подходов к обеспечению охраны прав инвесторов, целесообразность внедрения положительного иностранного опыта и совершенствования отечественного правового поля. Изучены причины появления противоречий норм права и предложены пути их преодоления. Работа нацелена на разработку рациональной стратегии юридического сопровождения инвестиционной деятельности, способствующей притоку зарубежных вложений и усилению конкурентных позиций рассматриваемого региона.

Ключевые слова: инвестиционное право, международные инвестиционные споры, регулирование инвестиций, защита прав инвесторов, международное частное право, национальное законодательство, специализированные юрисдикции, медиативные процедуры.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTING INVESTORS' RIGHTS IN COMPETITIVE INTERNATIONAL AND NATIONAL LEGISLATION

Timur N. Gulyaev

Moscow University «Synergy»

Abstract. The article is devoted to the study of legal mechanisms for protecting investors' rights in the context of interaction between international and national legislation. It examines specific features of formation and functioning of modern institutional structures that ensure stability and reliability of investment regimes in CIS countries and Eastern Europe. The main principles of international protection of investments are analyzed, as well as factors determining the effectiveness of existing legal institutions. Special attention is paid to the role of specialized judicial jurisdictions and international arbitration procedures in resolving investment disputes. The importance of harmonizing national and international approaches to safeguarding investor rights, integrating best foreign practices, and optimizing domestic legislation is emphasized. Reasons for conflicts of law norms are investigated, and directions for their elimination are proposed. The article aims at formulating an optimal strategy for legal protection, which will contribute to attracting foreign investments and enhancing competitiveness of the studied region.

Keywords: investment law, international investment disputes, investment regulation, investor rights protection, private international law, national legislation, specialized jurisdictions, mediation procedures.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальность избранной темы обусловлена объективными процессами глобализации экономики и интенсивного расширения трансграничных финансовых потоков, что требует разработки эффективных инструментов защиты прав инвесторов в условиях противоречивого сосуществования национального и международного права. В результате возникает ряд юридических коллизий, связанных с конкуренцией между национальными регуляциями и обязательствами, вытекающими из участия государств в международных договорах и организациях.

Необходимость тщательного анализа специфики инвестиционных процессов в странах СНГ и Восточной Европы объясняется значительным потенциалом этих регионов в качестве объектов иностранного капитала, однако данная область отличается недостаточной разработанностью теоретических основ и наличием серьезных практических трудностей. Отсутствие единообразных подходов к обеспечению надлежащего уровня юридической защищенности инвесторов создает риски для предпринимательской активности и снижает привлекательность указанных территорий для долгосрочных вложений. Особенно остро эта проблема проявляется в тех случаях, когда инвесторы сталкиваются с различными режимами налогообложения, регулирования собственности и разрешений споров, установленными как национальными органами власти, так и наднациональными структурами [4].

Целью настоящего исследования выступает установление особенностей функционирования правовых механизмов защиты прав инвесторов в странах СНГ и Восточной Европы, выявление факторов, оказывающих влияние на эффективность существующих институтов, и выработка рекомендаций по улучшению регуляторной среды. Проведение комплексного анализа основано на применении методов компаративистики, формально-юридического и исторического подходов, направленного на углубленное изучение динамики изменений в правовом регулировании.

Обсуждение.

Термин «инвестиционное право» стал активно применяться в юридической науке лишь в конце XX века; ранее предпочтение отдавалось таким формулировкам, как «правовое регулирование инвестиционной деятельности» либо «правовое регулирование иностранных инвестиций».

Понятие «инвестиционное право» обозначает совокупность правовых норм, регулирующих сферу инвестиционных отношений, охватывая как национальные, так и международные правовые регуляторы. Эта область характеризуется тесным переплетением положений публичного и частного права, что вызывает дискуссии относительно места инвестиционного права в правовой системе России.

Некоторые ученые утверждают, что данное направление нельзя считать самостоятельной отраслью права, предлагая ограничиться понятием «инвестиционное законодательство».

Другие специалисты рассматривают «инвестиционное право» как комплексное правовое явление, объединяющее элементы разных правовых областей, ссылаясь на концепцию комплексного характера правового регулирования, предложенную известным исследователем С.С. Алексеевым.

Согласно одной из точек зрения, инвестиционное право предстает как межотраслевое правовое образование, интегрирующее нормы гражданско-правового, административно-правового и финансово-правового характера, что позволяет характеризовать его как особый механизм взаимодействия частноправовых и публично-правовых принципов, проявляющийся наиболее ярко именно в экономике [1].

Таким образом, несмотря на отсутствие единого мнения среди исследователей, представляется обоснованным утверждение, что инвестиционное право обладает признаками комплексной правовой категории, занимающей промежуточное положение между самостоятельными отраслями права и представляя собой институт финансового права, отражающего особенности реализации экономических процессов отечественными участниками рынка [2].

Международные стандарты защиты прав инвесторов представляют собой совокупность общепризнанных норм и правил, формируемых преимущественно в рамках международных договоров и соглашений, которые направлены на обеспечение стабильных и предсказуемых условий для иностранных капиталовложений [7].

Основа современной системы международной защиты инвестиций базируется на принципах справедливости и равенства в обращении с участниками экономических процессов, недопустимости дискриминации и обязанности возмещения вреда, причиненного в результате экспроприации, а также на обязательствах, касающихся добросовестности и стабильности режимов инвестирования.

Значительную роль играют двусторонние соглашения об инвестициях (Bilateral Investment Treaties, BITs), обеспечивающие согласование норм, направленных на охрану и поощрение инвестиций между странами-партнерами, а также многосторонние договоры, такие как соглашение о поддержке устойчивых инвестиций (Promotion of Sustainable Investments Agreement, PSI) и договор энергетической хартии (Treaty on Energy Charter, TEC), формирующие единый свод правил для большого числа участвующих государств [5].

Особое внимание уделено роли международного арбитража, выступающего важным механизмом

разрешения инвестиционных споров, применяющегося главным образом через процедуры Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (International Centre for Settlement of Investment Disputes, ICSID) и Комиссии ООН по праву международной торговли (United Nations Commission on International Trade Law, UNCITRAL) [3]. Эта процедура играет ключевую роль в поддержании установленных стандартов, обеспечивая реализацию права инвестора на получение справедливой компенсации и восстановление ущемленных прав посредством обязательного исполнения принимаемых решений.

Однако международная защита прав инвесторов сталкивается с рядом ограничений, вызванных особенностями внутренней правовой системы государств, отсутствием единого понимания некоторых общих принципов, разногласиями по поводу трактовки отдельных норм, что нередко ведет к затруднениям в процессе урегулирования инвестиционных споров. Эффективность защиты зависит не только от наличия качественных нормативных актов, но и от готовности государств соблюдать принятые ими обязательства, обеспечивать выполнение решений международных арбитражей и развивать механизм сотрудничества между сторонами конфликта.

Один из ярких примеров, отражающих недостаток единомыслия российских судов в деле исполнения решений международных арбитражей, касается корпоративного конфликта вокруг группы компаний «ЮКОС». Согласно постановлению Постоянной Палаты Третейского Суда (Permanent Court of Arbitration, PCA), Российская Федерация признана виновной в противоправных действиях, выразившихся в конфискации имущества вышеуказанной корпорации, что повлекло обязанность выплаты существенной суммы компенсации, оцениваемой в районе 50 миллиардов долларов США. Тем не менее, отечественное правосудие отвергло это решение, исходя из соображений о нарушении основополагающих начал публичного правопорядка и неприкосновенности государственного иммунитета. Окончательное подтверждение данной позиции было дано решением Верховного суда Российской Федерации, подтвердившим невозможность реализации соответствующего постановления третейского суда на территории страны. Данное обстоятельство продемонстрировало существенные барьеры на пути признания и исполнения решений международных арбитражей в России, серьезно влияя на восприятие юрисдикции страны зарубежными инвесторами и ставя под сомнение перспективность привлечения иностранного капитала [9].

Национальные правовые системы стран СНГ и Восточной Европы характеризуются многообразием подходов к построению инвестиционного режима, что обусловлено исторически сформировавшимися традициями, различиями в уровнях социально-экономического развития и сте-

пению открытости рынков для иностранных капиталовложений [8]. Несмотря на схожесть общей конструкции регулирования инвестиционной деятельности, каждое государство располагает собственной системой правовых инструментов, призванных привлечь инвестиции и защитить интересы инвесторов.

Анализ показывает, что большинство стран региона принимают активное участие в подписании международных договоров, гарантирующих защиту инвестиций, однако реализация принятых обязательств зачастую сопровождается серьезными трудностями. Например, Россия ратифицировала большое количество двусторонних инвестиционных соглашений, однако судебная практика демонстрирует отсутствие однозначного подхода к исполнению решений международных арбитражей, порождая дополнительные риски для инвесторов.

Примером успешной практики защиты прав инвесторов может служить Республика Казахстан, внедрившая специальный закон о гарантиях и компенсациях для иностранных инвесторов, созданный на основании принципов Всемирной торговой организации (ВТО) и признанный эффективным мировым сообществом. Напротив, Беларусь испытывает трудности в обеспечении должного уровня защиты инвесторов ввиду устаревших правовых норм и отсутствия адекватных механизмов предотвращения и разрешения инвестиционных споров [11].

Одним из наиболее показательных примеров успешного опыта выступают реформы, проведенные в Республике Узбекистан, направленные на либерализацию инвестиционного климата путём принятия новых кодифицированных актов и упрощения административных процедур. Противоположным примером являются случаи несоблюдения обязательств Украиной, где многочисленные внутренние конфликты привели к снижению уровня защиты иностранных инвесторов и оттоку капитала.

Отмеченная неоднородность правовых систем стран СНГ и Восточной Европы ставит перед учеными и практиками задачу выработки единых критериев оценки эффективности механизма защиты прав инвесторов, укрепления гарантий и создания общего пространства прозрачного и надежного хозяйственного оборота. Эти усилия необходимы для привлечения значительных объемов иностранных инвестиций, необходимых для ускоренной модернизации экономик региона и выхода на новый этап социально-экономического прогресса.

Говоря о феномене коллизии норм международного и национального права, возникающей в связи с защитой прав инвесторов, стоит отметить, что конфликтующие положения проявляются в ситуациях, когда внутреннее законодательство противоречит условиям международных договоров, создавая препятствия для полноценного осуществления гарантий.

Ярким примером подобного несоответствия служат события, произошедшие в ходе применения российского Федерального закона «Об иностранных инвестициях», допускавшего конфискацию активов иностранных компаний, несмотря на противоположные требования международного договора. Подобная ситуация вызывает значительные сомнения среди инвесторов и усиливает риск потери доверия к национальной экономике [10].

Рассматривая коллизии, возникающие между нормами международного и национального права, затрагивающих сферу защиты прав инвесторов. Стоит отметить, что подобные конфликты имеют глубокие корни в структуре взаимоотношений между государственными субъектами и международными организациями, а также влияют на стабильность и надежность правового поля для иностранных инвестиций.

Причина появления коллизий кроется в двойственности природы самих норм, так как международное право предполагает определенную свободу действий для государств, в то время как национальные законы могут содержать исключения или отклонения от общемировой практики. Этот феномен ярко иллюстрируется примерами ряда стран, где действует множество внутренних законодательных актов, прямо вступающих в противоречие с положениями международных соглашений.

Для разрешения коллизий возможно два пути решения инвестиционных споров: обращение в национальные суды и инициация разбирательств в международных арбитражах. Национальный судебный путь предоставляет преимущество знания местных обычаев и легкости в исполнении судебных решений, однако зачастую страдает низким уровнем независимости и подверженностью политическим факторам. Между тем, международные арбитражи предлагают независимость, профессионализм и строгую процедуру, повышающие вероятность справедливого исхода спора, хотя и сопряжены с большими временными и финансовыми издержками.

Практики судов Европейского Союза и Европейского Суда по правам человека призваны обеспечивать эффективную защиту интересов инвесторов в сложных случаях. Применяя универсальные подходы, указанные судебные органы формируют значительный объем юридически значимых прецедентов, поддерживающих обязательства государств соблюдать права инвесторов.

Высокая степень юридической ответственности и точность формулировок позволяют судебным решениям выступать весомым ориентиром для будущих постановлений и способствовать установлению общепринятых стандартов в сфере инвестирования.

Таким образом, отметим, что разрешение коллизий требует глубокого осмысления обеих право-

вых сфер и взвешенного подхода, сочетающего местные особенности и универсальные нормы. Такой подход обеспечит надежный фундамент для инвестирования и создаст необходимую атмосферу доверия, снижающую потенциальные риски и укрепляющую позицию иностранных инвесторов в странах региона.

Стоит уделить внимание наличию эффективных механизмов разрешения конфликтов в странах СНГ и Восточной Европы, возникших в связи с нарушениями прав инвесторов. Основной упор делается на опыте создания специализированных юрисдикций, специально разработанных для рассмотрения инвестиционных споров. Благодаря узкому профилю и высокому уровню профессионализма, подобные органы способны быстро реагировать на жалобы инвесторов и эффективно решать возникающие конфликты.

Вместе с тем, существует ограничение возможностей таких юрисдикций, заключающееся в неспособности полностью удовлетворить потребности всей массы инвесторов, особенно малых и средних предприятий, которым затруднительно обратиться в специализированные институты. Данный недостаток усиливается слабостью медиативных процедур, слабо развитых в большинстве стран региона. Альтернативные формы разрешения споров, такие как примирительные процедуры и медиация, оказываются полезными инструментами, позволяющими достигать компромиссных решений без длительного судебного процесса и высоких расходов. Недостаточная распространенность медиации в странах региона лишь подтверждает необходимость активного внедрения этого инструмента, облегчающего урегулирование конфликтов [6].

Формирование оптимальных условий для привлечения инвестиций возможно только при условии постоянного обновления и совершенствования национальной законодательной базы. Необходимость модернизации связана с изменениями в международной среде и усилением требований инвесторов к качеству правовой защиты. Важно предусмотреть изменение и дополнение текущих норм таким образом, чтобы они соответствовали новым вызовам и ожиданиям участников рынка.

Решение обозначенных проблем должно включать три аспекта.

Во-первых, модернизация законодательства должна учитывать мировой опыт, внедряя лучшие практики охраны прав инвесторов, такие как гарантия независимости судебных инстанций и доступность эффективных механизмов разрешения споров.

Во-вторых, необходимо ускорить процесс сближения национальных и международных подходов, чтобы устранить существующие коллизии и упростить применение международных стандартов в национальном масштабе.

Третье направление связано с разработкой и принятием программ поддержки и стимулирования инвестиций, таких как налоговые льготы, государственные субсидии и особые экономические зоны, предназначенные для привлечения стратегических партнеров. Все указанные меры формируют общую стратегию усиления конкурентоспособности и повышения привлекательности региона для крупных инвесторов.

Заключение.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что основными факторами, влияющими на качество правовой защиты инвесторов, являются характер национального законодательства, степень соответствия международному праву и наличие эф-

фективных механизмов разрешения споров. Среди важнейших результатов выделяется острая потребность в проведении глубоких реформ и модернизации законодательной базы, нацеленных на приведение её в соответствие с современными мировыми стандартами.

Предложенные меры по совершенствованию правовой регуляции включают улучшение условий разрешения конфликтов, поддержку и привлечение инвестиций, а также создание гармоничной системы охраны прав инвесторов. Только благодаря последовательной реализации перечисленных инициатив, можно ожидать реального увеличения объема привлечённого капитала и ускорения темпов экономического роста в регионе.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Норма, 2001. С. 66–68. ISBN: 5-89123-536-6 EDN: PSJCBE
2. Богатырев А.Г. Инвестиционное право. М. : Рос. право, 1992. С. 272.
3. Договор Организации Объединённых Наций о торговле услугами («General Agreement on Trade in Services», GATS). URL : <https://docs.cntd.ru/document/902340076?ysclid=mgkmgngq1ee31547030> (дата доступа 09.10.2025).
4. Инвестиционное право : учебник / Р.А. Курбанов [и др.]; Под редакцией доктора юридических наук, профессора Р.А. Курбанова, кандидата юридических наук, доцента Н.В. Свечниковой; Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова кафедра гражданско-правовых дисциплин. М. : Проспект, 2023. 368 с.
5. Конвенция Энергетической Хартии («Energy Charter Treaty»). URL : <https://docs.cntd.ru/document/901762613?ysclid=mgkmbx91n97714430> (дата доступа 09.10.2025).
6. Майфат А. В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 35–37.
7. Многостороннее Соглашение о защите инвестиций («Multilateral Agreement on Investment Protection»). URL : <https://mofaic.gov.ss/investment> (дата доступа 09.10.2025).
8. Налоговый кодекс Российской Федерации. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671 (дата доступа 09.10.2025).
9. Рачков И.В. Бывшие акционеры «ЮКОСа» против России. URL : <https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2021/10/MP3-11-2014-Rachkov.pdf?ysclid=mgkjzwdmhd180019488%20> (дата доступа 09.10.2025).
10. Федеральный закон № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 09 июля 1999 года. URL : <https://www.consultant.ru/document> (дата доступа 09.10.2025).
11. Финансовые и денежно-кредитные методы регулирования экономики. Теория и практика : учебник для магистратуры / Под ред. М.А. Абрамовой, Л.И. Гончаренко, Е.В. Маркиной. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018. 486 с.

References:

1. Alekseev S.S. Ascension to the law. Searches and solutions. M. : Norma, 2001. P. 66–68. ISBN: 5-89123-536-6 EDN: PSJCBE
2. Bogatyrev A. G. Investment Law. M. : Russian Law, 1992. P. 272.
3. United Nations Treaty on Trade in Services («General Agreement on Trade in Services», GATS). URL : <https://docs.cntd.ru/document/902340076?ysclid=mgkmgngq1ee31547030> (date of application 09.10.2025).
4. Investment law : textbook / R.A. Kurbanov [et al.]; edited by Doctor of Law, Professor R.A. Kurbanov, Candidate of Law, Associate Professor N.V. Svechnikova; Plekhanov Russian University of Economics Department of Civil Law Disciplines. M. : Prospekt, 2023. 368 p.

5. The Energy Charter Convention. URL : <https://docs.cntd.ru/document/901762613?ysclid=mgkmbxx91n97714430> (date of application 09.10.2025).
6. Mayfat A.V. Civil law structures of investment. M. : Volters Kluwer, 2006. P. 35–37.
7. Multilateral Agreement on Investment Protection («Multilateral Agreement on Investment Protection»). URL : <https://mofaic.gov.ss/investment> (date of application 09.10.2025).
8. Tax Code of the Russian Federation. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671 (date of application 09.10.2025).
9. Rachkov I.V. Former Yukos shareholders against Russia. URL : <https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2021/10/MP3-11-2014-Rachkov.pdf?ysclid=mgkjzwdmhd180019488%20> (date of application 09.10.2025).
10. Federal Law № 160-FZ «On Foreign Investments in the Russian Federation» dated July 09, 1999. URL : <https://www.consultant.ru/document> (date of application 09.10.2025).
11. Financial and monetary methods of economic regulation. Theory and practice : textbook for graduate studies / Edited by M.A. Abramova, L.I. Goncharenko, E.V. Markina. 2nd ed., ispr. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2018. 486 p.

Информация об авторе

Гуляев Тимур Николаевич
аспирант,
Московский университет «Синергия»
regina.yafizova@mail.ru

Timur N. Gulyaev
Graduate Student,
Moscow University «Synergy»
regina.yafizova@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-11>

УДК 342.725

Attribution

cc by

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ

Жаде З.А., Имгрунт С.И., Удычак Ф.Н.

Адыгейский государственный университет

Аннотация. В статье на примере Республики Адыгея проанализированы особенности нормативно-правового регулирования языковой политики, которая представляет собой комплексную систему правовых норм, включающую как федеральные, так и региональные акты. Рассматриваются конституционные положения, федеральное законодательство и законы республики, обеспечивающие сохранение и развитие языков народов Адыгеи. Конституция Республики Адыгея и Закон «О языках народов Республики Адыгея» устанавливают правовые основы функционирования языков народов, проживающих в регионе. Особое внимание уделяется мерам, направленным на сохранение и развитие адыгского языка. Перспективы развития нормативно-правового обеспечения языковой политики в Республике Адыгея связаны с совершенствованием законодательной базы с учетом лучших практик других регионов и изменяющихся социально-демографических условий; разработкой эффективных механизмов реализации существующих законов и программ, включая мониторинг и оценку их эффективности; усилением роли гражданского общества в разработке и реализации языковой политики, включая диалог с национально-культурными объединениями; использованием современных технологий для сохранения и популяризации адыгского языка, включая цифровые образовательные ресурсы и онлайн-курсы. Авторами делается вывод о том, что нормативно-правовое обеспечение языковой политики в Адыгее представляет собой сложную систему, требующую постоянного мониторинга и адаптации к изменяющимся условиям. Эффективное функционирование данной системы возможно при условии комплексного подхода, включающего как законодательные инициативы, так и практические меры по поддержке и развитию языков народов Адыгеи.

Ключевые слова: нормативно-правовое регулирование языковой сферы, языковое законодательство, языковая политика, Республика Адыгея, государственный язык, русский язык, адыгский язык, межэтнические отношения, полиэтнический регион.

Финансирование: инициативная работа.

NORMATIVE AND LEGAL SUPPORT OF LANGUAGE POLICY IN THE REPUBLIC OF ADYGEA

Zuriet A. Zhade, Svetlana I. Imgrunt, Fatima N. Udychak

Adygea State University

Abstract. Using the Republic of Adygea as an example, this article analyzes the legal framework for language policy, which represents a comprehensive system of legal norms encompassing both federal and regional acts. The article examines constitutional provisions, federal legislation, and republican laws that ensure the preservation and development of the languages of the peoples of Adygea. The Constitution of the Republic of Adygea and the Law «On the Languages of the Peoples of the Republic of Adygea» establish the legal basis for the functioning of the languages of the peoples living in the region. Particular attention is paid to measures aimed at preserving and developing the Adyghe language. Prospects for developing the legal framework for language policy in the Republic of Adygea include improving the legislative framework, taking into account best practices from other regions and changing socio-demographic conditions; developing effective mechanisms for implementing existing laws and programs, including monitoring and evaluating their effectiveness; strengthening the role of civil society in the development and implementation of language policy, including dialogue with national and cultural associations; and using modern technologies to preserve and promote the Adyghe language, including digital educational resources and online courses. The authors conclude that the legal framework for language policy in Adygea is a complex system that requires constant monitoring and adaptation to changing conditions. The effective functioning of this system is possible only through a comprehensive approach, including both legislative initiatives and practical measures to support and develop the languages of the peoples of Adygea.

© Жаде З.А., Имгрунт С.И., Удычак Ф.Н.

Keywords: legal regulation of language, language legislation, language policy, Republic of Adygea, state language, Russian language, Adyghe language, interethnic relations, multiethnic region.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях динамичных социально-политических и социокультурных изменений, происходящих в современном российском обществе, особое значение приобретает анализ языковой политики, направленной на сохранение и развитие этнокультурного многообразия страны. Следует согласиться с коллегами в том, что «в полиэтническом государстве, где представлены многие народы, языки и культуры, политика в сфере языка является и по сути, и по форме, составляющей государственной социальной политики и такой ее отрасли, как национальная политика. Это в полной мере относится к РФ, которая характеризуется существенным этнокультурным разнообразием, наличием множества народов и культур, а также и множества языков» [1, с. 142].

Актуальность обозначенной темы вызвана решениями органов власти в языковой сфере, принятыми в последние годы. Главным стратегическим документом является Концепция государственной языковой политики Российской Федерации, в которой сформулированы ее цели, задачи и основные направления¹. Указом Президента России от 11 июля 2025 г. № 474 утверждены Основы государственной языковой политики Российской Федерации, в соответствии с которым «государственная языковая политика представляет собой совокупность мер нормативно-правового, организационно-управленческого, финансово-экономического, научного, кадрового и иного характера, реализуемых федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами и органами местного самоуправления при участии институтов гражданского общества в целях обеспечения конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации в языковой сфере, формирования общероссийской гражданской идентичности, сохранения, развития и поддержки русского языка как государственного языка Российской Федерации, государственных языков республик Российской Федерации и других языков народов Российской Федерации»².

Появление данной правовой доктрины в нынешних условиях, характеризующихся геополитической турбулентностью, эпохально, поскольку язык является символом национального единства, носителем традиционных духовно-

нравственных ценностей и выражением исторической памяти.

Для реализации государственной языковой политики представляется важным, что 05 июня 2025 г. на заседании Совета по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов России Глава государства внес предложение учредить День языков народов России и отмечать его ежегодно 8 сентября – в день рождения Расула Гамзатова.

Республика Адыгея, являясь полиэтническим регионом, представляет собой уникальный кейс для изучения обозначенной проблематики. Регион характеризуется сложной этнолингвистической ситуацией (на территории проживает более 100 национальностей), что актуализирует необходимость нормативно-правового регулирования языковой сферы, которая представляет собой комплексную систему правовых норм, закрепленных в Конституции Республики Адыгея, Законе «О языках народов Республики Адыгея», а также в государственных программах и нормативных актах, регламентирующих ответственность за нарушения в данной сфере.

Обсуждение.

В полиэтнической и поликультурной Адыгее языковая политика, являясь составной частью государственной национальной политики, приобретает особую значимость как инструмент гармонизации межэтнических отношений и обеспечения социокультурного равновесия. Мы рассматриваем языковую политику как одно из направлений политики идентичности [2].

Следует обозначить, что нормативно-правовое обеспечение языковой политики включает ряд законов и актов, которые регулируют использование языков в стране [3, с. 74–75]. Нормативно-правовая база, регулирующая языковую политику в республике, представляет собой многоуровневую систему, включающую как федеральные, так и региональные акты. Федеральная нормативная база служит основой для развития регионального законодательства в языковой сфере. Юристы справедливо подчеркивают, что «общее число федеральных и региональных нормативных актов, в которых реализованы отдельные решения в рамках общей государственной языковой политики в Российской Федерации, в настоящее время велико ...» [4, с. 60].

Как известно, «языковое законодательство Российской Федерации включает в себя совокупность актов различной юридической силы, принятых органами государственной власти федерального и регионального уровней, наделенных специальной компетенцией по разработке и принятию данных актов, в целях сохранения и поддержки одного языка, группы языков или в целом языкового многообразия РФ с учетом положений основного закона государства» [5, с. 40].

¹ Концепция государственной языковой политики Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 12.06.2024 г. № 1481-р. // Собрание законодательства Российской Федерации № 25 от 17 июня 2024 г. Статья 3537.

² Указ Президента РФ от 11.07.2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации № 28 от 14 июля 2025 г. Статья 3958.

Нормативно-правовое обеспечение языковой политики в Республике Адыгея – это многоуровневая система, основанная на принципе **двуязычия (билингвизма)**, направленная на сохранение и развитие как русского, так и адыгского языков. Языковая политика в Адыгее, как и в любом субъекте РФ, строится в рамках общероссийского законодательства. Основу нормативно-правового обеспечения языковой политики составляют положения Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Адыгея. Согласно статье 68 Конституции РФ, русский язык является государственным языком на всей территории страны, при этом субъекты РФ вправе устанавливать свои государственные языки.

На региональном уровне ключевую роль играет Конституция Республики Адыгея, которая, являясь основным правовым документом, устанавливает правовые основы функционирования языков народов, проживающих на территории республики, и гарантирует их равноправие. Статья 5 Основного закона гласит: «Равноправными государственными языками в Республике Адыгея являются русский и адыгейский языки»¹. При этом каждый гражданин имеет право на пользование родным языком и свободный выбор языка общения.

Это положение подкрепляется рядом законодательных актов, направленных на поддержку и развитие языков. В частности, Закон Республики Адыгея «О языках народов Республики Адыгея» направлен на создание условий для равноправного и самобытного развития языков народов Адыгеи². Данный закон является **основным специализированным законом**, детализирующим языковую политику и регулирующим использование государственных языков в различных сферах:

- в органах государственной власти и местного самоуправления используются оба государственных языка, документы и вывески дублируются;
- судопроизводство ведется на русском языке, но участники процесса имеют право выступать на адыгском с обеспечением перевода;
- Закон закрепляет право граждан на выбор языка воспитания и обучения, определяет необходимость создания условий для изучения адыгского и русского языков;
- гарантирует поддержку изданий, теле- и радиопередач на адыгском языке;
- конкретизирует положения федерального и республиканского законодательства в сфере образования;

¹ Конституция Республики Адыгея. URL : <https://docs.cntd.ru/document/8049321222> (дата обращения 24.06.2025).

² Закон Республики Адыгея от 31.03.1994 г. № 74-1 «О языках народов Республики Адыгея». URL : <http://www.adygea.narod.ru/docsms/language.htm> (дата обращения: 24.06.2025).

– предусматривает изучение адыгского языка как обязательного предмета в школах республики (для определенных категорий учащихся) и разработку образовательных программ и учебников по адыгскому языку и литературе. На территории республики гарантируется и охраняется языковой суверенитет личности и каждого народа.

Законом предусматривается принятие программ по сохранению и развитию языков. Так, Государственная программа Республики Адыгея «Укрепление межнациональных отношений, формирование общероссийской гражданской идентичности»³ направлена на сохранение этнокультурной идентичности, что отражает стремление республики к укреплению единства ее полиэтнического общества. **Государственная программа Республики Адыгея «Развитие образования»** включает подпрограммы и мероприятия, направленные на развитие кадрового потенциала (подготовка учителей адыгского языка); издание учебно-методической литературы; проведение олимпиад, конкурсов и научных конференций по адыгскому языку и культуре; поддержку национальных СМИ⁴.

Результаты.

Важным аспектом конституционного регулирования является принцип равноправия народов и их права на сохранение и развитие родного языка. Этот принцип создает основу для разработки специальных программ и мероприятий, направленных на поддержку не только адыгского языка, но и других языков, представленных в республике.

Как нами ранее было обозначено, «вопросы сохранения и изучения адыгского языка, который обеспечивает преемственность и связь поколений, находятся в фокусе внимания руководства региона и широкой общественности» [6, с. 261]. Так, контент-анализ отчета Главы Республики Адыгея Государственному Совету – Хасэ Республики Адыгея от 19 мая 2025 г. позволяет утверждать, что в регионе проводится целенаправленная работа по продвижению адыгского языка⁵.

Основным нормативным актом, регулирующим функционирование языков в образовательных учреждениях, является Закон «Об образовании в

³ О государственной программе Республики Адыгея «Укрепление межнациональных отношений, формирование общероссийской гражданской идентичности»: Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 24 декабря 2019 г. № 316 (ред. от 04.12.2024 г.) // Собрание законодательства Республики Адыгея. 2019. № 12.

⁴ Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 29.11.2019 № 286 О государственной программе Республики Адыгея «Развитие образования». URL : <https://adygea-gov.ru/doc/34464?ysclid=mg40xmtf3099849165> (дата обращения 24.06.2025).

⁵ Отчет Главы Республики Адыгея перед депутатами Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея о результатах деятельности Кабинета Министров Республики Адыгея в 2024 году. URL : [Отчет_Главы_PA_по_итогу_работы_Кабмина_PA_в_2024_g_.docx&nosw=1](#) (дата обращения 24.06.2025).

Республике Адыгея», предусматривающий возможность получения образования на адыгском языке, что способствует сохранению и развитию языковых традиций¹.

В 2021–2024 гг. осуществлена государственная программа Республики Адыгея «Сохранение, изучение и развитие языков народов Республики Адыгея», в результате чего были созданы условия для реализации языковых прав и увеличена доля владеющих родным языком. Так, в республике существуют специальные образовательные учреждения, где обучение ведется исключительно на адыгском языке, что является важным фактором в контексте языковой политики. Реализуется пилотный проект, в рамках которого в 144 группах 36 пилотных детских садов проводятся занятия по адыгскому языку. В настоящее время адыгскому языку в республике обучают в 51 детском саду. Наблюдается рост числа школьников, изучающих адыгский язык и литературу (36315 учащихся разной национальности, что составляет 60 % от общего числа школьников республики). В образовательном процессе используются новые учебники по адыгскому языку и литературе. Однако на практике существует ряд проблем, включая нехватку квалифицированных учителей, недостаточное количество современных учебных материалов и низкую мотивацию части учащихся к изучению адыгского языка.

Ежегодно в регионе проводятся десятки научно-практических конференций, конкурсов и олимпиад, направленных на сохранение адыгского языка². Более того, об актуализации региональной языковой политики свидетельствует и тот факт, что научная общественность успешно реализует психолингвистические проекты, связанные с изучением теории билингвизма³.

Республиканское законодательство детализирует и конкретизирует положения федеральных нормативных актов применительно к специфике Адыгеи. Основными документами в этой области являются: Закон Республики Адыгея «О государственных языках Республики Адыгея и иных языках в Республике Адыгея», который регулирует использование адыгского и русского языков в официальной сфере, образовании и культуре; Закон Республики Адыгея «Об образовании», конкретизирующий положения федерального и республиканского законодательства в сфере

образования и содержащий положения о языках обучения и изучения родных языков в образовательных учреждениях; программы по сохранению и развитию адыгского языка, которые принимаются на правительственном уровне и включают конкретные мероприятия и финансирование.

В соответствии с законодательством, адыгский язык используется в работе органов государственной власти наряду с русским языком, что предполагает ведение делопроизводства на двух языках, изготовление печатей и бланков с текстом на двух языках, а также возможность обращения граждан в государственные органы на любом из государственных языков.

Значимый вклад в популяризацию адыгского языка вносят летний этноязыковой лагерь «Адыгленд» для школьников, действующий на базе Адыгейского государственного университета, и молодежный этнокультурный лагерь «Адыгэ хабзэ», организованный Проектным офисом Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований.

В настоящее время органы государственной власти и общественные организации Адыгеи проводят постоянный мониторинг и совершенствование законодательства для эффективной реализации прав граждан в языковой сфере; с целью популяризации и повышения престижа языка проводят фестивали, дни адыгского языка, литературные конкурсы среди молодежи. Кроме того, в регионе создаются мобильные приложения, онлайн-словари, образовательные платформы и цифровой контент на адыгском языке.

Одной из дискуссионных проблем в языковой политике Адыгеи является вопрос о лингвонимах – наименованиях языков. В научной и общественной дискуссии предлагаются различные варианты: «адыгейский язык» (принятый в официальных документах), «адыгский язык» (используемый некоторыми исследователями) или «черкесский язык» (распространенный в диаспоре). Этот вопрос имеет не только терминологическое, но и символическое значение, так как связан с вопросами этнической идентичности. Аналогичные проблемы наблюдаются и в других регионах России. Например, в Республике Крым существует сложная языковая ситуация с крымско-татарским, украинским и русским языками. В Марий Эл и Мордовии также ведутся дискуссии о статусе различных языков и диалектов.

Языковая политика в Адыгее развивается в условиях сложной языковой ситуации. Несмотря на официальный статус адыгского языка, его реальное использование в различных сферах жизни ограничено. Русский язык доминирует в деловой, образовательной и повседневной коммуникации, в то время как адыгский язык преимущественно используется в бытовом общении и на некоторых культурных мероприятиях.

В регионе ведутся активные дискуссии о путях развития языковой политики. Часть обществен-

¹ Закон Республики Адыгея от 27.12.2013 г. № 264 «Об образовании в Республике Адыгея». URL : <https://base.garant.ru/32353086/?ysclid=mdbra6bn50372374428> (дата обращения 24.06.2025).

² Международная научно-практическая конференция АГУ: адыгейский язык объединяет мировое научное сообщество. URL : <https://www.adygnet.ru/media/news/1261> (дата обращения 11.08.2025).

³ Адыгейском государственном университете начала работу научная лаборатория экспериментальной лингвистики. URL : https://www.adygnet.ru/media/news/5149/?sphrase_id=193878 (дата обращения 11.08.2025).

ности выступает за усиление мер по поддержке адыгского языка, включая расширение сфер его официального использования. Другие подчеркивают важность интеграции в общероссийское пространство и приоритет русского языка как языка межнационального общения.

Несмотря на развитую нормативную базу, на практике существует ряд сложностей в реализации языковой политики в Адыгее:

- **диспропорция в реальном использовании:** русский язык является доминирующим в деловой, научной и повседневной коммуникации. Сфера активного использования адыгского языка сужена (бытовое общение в адыгских семьях, часть культурных мероприятий);
- **проблемы в системе образования:** нехватка квалифицированных кадров – учителей адыгского языка;
- **мотивация учащихся:** для многих школьников, особенно не-адыгов, изучение адыгского языка не является практической необходимостью, что снижает мотивацию;
- **языковая среда:** создание полноценной двуязычной информационной и культурной среды остается задачей, хотя есть газеты, радио- и ТВ-передачи на адыгском, их объем несопоставим с русскоязычным контентом.

На наш взгляд, для сохранения адыгского языка необходимо разработать механизмы, направленные на повышение мотивации населения к его изучению, особенно среди молодежи. Также следует уделить внимание вопросам подготовки квалифицированных кадров, способных эффективно осуществлять языковую политику и обеспечивать ее реализацию на практике. Эти вопросы стали предметом обсуждения последнего заседания Совета по адыгейскому языку при Главе Республики Адыгея¹.

Анализ опыта республики позволяет выделить ключевые аспекты языковой политики.

Во-первых, это формирование нормативно-правовой базы, регулирующей использование языков в различных сферах общественной жизни.

Во-вторых, это создание условий для изучения и использования адыгского языка в образовательных учреждениях, что способствует сохранению этнокультурной идентичности адыгского народа.

В-третьих, это реализация программ поддержки билингвизма, обеспечивающих эффективное взаимодействие представителей различных этнических групп.

Нормативно-правовое обеспечение языковой политики в Республике Адыгея представляет собой многоуровневую систему, включающую федеральные и региональные правовые акты, программы и конкретные мероприятия. Несмотря на существующую законодательную базу, наблюдается некоторый разрыв между положениями законов и их практической реализацией. Дальнейшее развитие языковой политики требует комплексного подхода, учитывающего как необходимость сохранения языкового разнообразия, так и интеграционные процессы в общероссийском пространстве.

Заключение.

Языковая политика в субъектах Российской Федерации представляет собой сложный многомерный процесс, направленный на сохранение языкового разнообразия при одновременном укреплении позиций русского языка как государственного. В Республике Адыгея этот процесс имеет особое значение благодаря уникальному этнолингвистическому составу населения и наличию богатого культурного наследия коренных народов. Нормативно-правовое обеспечение языковой политики в Адыгее формируется на стыке федерального и регионального законодательства, что создает как возможности для реализации языковых прав граждан.

Языковая политика в Адыгее представляет собой комплексный механизм, включающий нормативно-правовую базу, институциональные меры и социокультурные инициативы, направленные на обеспечение функционирования и развития русского и адыгского языков.

Перспективы развития нормативно-правового обеспечения языковой политики в Республике Адыгея связаны с несколькими направлениями: совершенствование законодательной базы с учетом лучших практик других регионов и изменяющихся социально-демографических условий; разработка эффективных механизмов реализации существующих законов и программ, включая мониторинг и оценку их эффективности; усиление роли гражданского общества в разработке и реализации языковой политики, включая диалог с национально-культурными объединениями; использование современных технологий для сохранения и популяризации адыгского языка, включая цифровые образовательные ресурсы и онлайн-курсы.

Успешная реализация языковой политики в Адыгее возможна только при условии диалога между органами власти, экспертами и представителями гражданского общества, а также при учете опыта других регионов России, сталкивающихся с аналогичными вызовами. Реализация эффективной языковой политики способствует сохранению культурного наследия, укреплению социальной сплоченности и гармонизации межэтнических отношений, что является важным фактором устойчивого развития региона.

¹ Состоялось заседание Совета по адыгейскому языку при Главе Республики Адыгея. URL : <http://adygheya.ru/about/news/sostoyalos-zasedanie-...> (дата обращения 11.08.2025).

Таким образом, нормативно-правовое обеспечение языковой политики в Адыгее представляет собой сложную систему, требующую постоянного мониторинга и адаптации к изменяющимся условиям. Эффективное функционирование данной

системы возможно при условии комплексного подхода, включающего как законодательные инициативы, так и практические меры по поддержке и развитию языков.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Аствацатурова М.А. К некоторым проблемам правового обеспечения языковой политики в полиэтничной Российской Федерации / М.А. Аствацатурова, А.М. Кадиева // Гуманитарные исследования. 2022. № 2(82). С. 142–146. DOI: 10.54398/18184936_2022_2_142 EDN: ATRJTH
2. Жаде З.А. Политика идентичности в региональном измерении: кейс Республики Адыгея / З.А. Жаде // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 8. С. 13–18. DOI: 10.24158/pep.2022.8.1 EDN: JOLQFI
3. Каменская Е.В. Языковая политика в Российской Федерации: правовое регулирование, состояние, проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 1. С. 74–84. DOI: 10.24412/1608-8794-2025-1-74-84 EDN: VODAWR
4. Белов С.А. Разработка концепции и нормативно-правовое обеспечение государственной языковой политики Российской Федерации / С.А. Белов, Н.М. Кропачев, А.А. Соловьев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2017. № 1. С. 42–61. DOI: 10.21638/11701/spbu.14.2017.103 EDN: YNTSUP
5. Валиуллина И.Ф. Языки в правовом аспекте в Российской Федерации: статус и функции. М. : Мир науки, 2022. URL : <https://izdmn.com/PDF/45MNNPM22.pdf> (дата обращения 11.08.2025). ISBN: 978-5-907603-40-0 EDN: BISIHS
6. Хунагов Р.Д. Язык как маркер этнокультурной идентичности в Республике Адыгея / Р.Д. Хунагов, З.А. Жаде, С.А. Ляусева // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 259–264. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-259-264 EDN: DZKSTA

References:

1. Astvatsaturova M.A. On Some Problems of Legal Support for Language Policy in the Multiethnic Russian Federation / M.A. Astvatsaturova, A.M. Kazieva // Humanitarian Studies. 2022. № 2(82). P. 142–146. DOI: 10.54398/18184936_2022_2_142 EDN: ATRJTH
2. Zhade Z.A. Identity politics in the regional dimension: the case of the Republic of Adygea // Society: politics, economics, law. 2022. № 8. P. 13–18. DOI: 10.24158/pep.2022.8.1 EDN: JOLQFI
3. Kamenskaya E.V. Language policy in the Russian Federation: legal regulation, status, problems // Legal policy and legal life. 2025. № 1. P. 74–84. DOI: 10.24412/1608-8794-2025-1-74-84 EDN: VODAWR
4. Belov S.A. Development of the concept and regulatory support of the state language policy of the Russian Federation / S.A. Belov, N.M. Kropachev, A.A. Solovyov // Bulletin of St. Petersburg University. Episode 14. Right. 2017. № 1. P. 42–61. DOI: 10.21638/11701/spbu.14.2017.103 EDN: YNTSUP
5. Valiullina I.F. Languages in the legal aspect in the Russian Federation: status and functions / I.F. Valiullina. M. : Mir Nauki, 2022. URL : <https://izdmn.com/PDF/45MNNPM22.pdf> (date of application 08/11/2025). ISBN: 978-5-907603-40-0 EDN: BISIHS
6. Hunagov R.D. Language as a marker of ethnocultural identity in the Republic of Adygea / R.D. Hunagov, Z.A. Zhade, S.A. Lyausheva // State and municipal administration. Scientific notes. 2022. № 2. P. 259–264. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-259-264 EDN: DZKSTA

Информация об авторах

Жаде Зуриет Анзауровна

доктор политических наук,
профессор,
заведующая кафедрой теории
и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет
zhadezura@yandex.ru

Zuriet A. Zhade

Doctor of Political Science,
Professor,
Head of the Department of Theory
and History of State, Constitutional Engineering
and Law and Political Science,
Adygea State University
zhadezura@yandex.ru

Имгрунт Светлана Ивановна

доктор философских наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет
sveddy@mail.ru

Удычак Фатима Нурбиевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет
f.udychack@yandex.ru

Svetlana I. Imgrunt

Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory
and History of State, Constitutional Engineering
and Law and Political Science,
Adygea State University
sveddy@mail.ru

Fatima N. Udychak

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory
and History of State, Constitutional Engineering
and Law and Political Science,
Adygea State University
f.udychack@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-12>

УДК 343.2

Attribution

cc by

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ И ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Козина О.А.

Северо-Кавказский филиал Российского университета правосудия им. В.М. Лебедева

Аннотация. Статья посвящена особенностям применения положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности и уголовного наказания в связи с призывом на военную службу. Наиболее важной в настоящее время является конституционно-правовая обязанность граждан Российской Федерации проходить военную службу. Ее реализация способствует обеспечению обороноспособности государства. Как показывает история, период военных кризисов служит катализатором для поправок в законодательство. В 2022 г. поводом для изменения законодательства стала Специальная военная операция на территории Украины. Как показывает история российского государства, необходимость укрепления обороноспособности государства влекла за собой пересмотр отдельных положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Например, в 1941 г. был принят ряд указов, в соответствии с которыми осужденные подлежали освобождению от отбывания наказания, в том числе, в виде лишения свободы, в случае прохождения военной службы и участия в боевых действиях. Положения соответствующий указов постепенно получали все более широкое распространение. Их действие распространялось на все большее количество регионов, а среди освобожденных от наказаний были категории, осужденных к лишению свободы. Одновременно был расширен перечень категорий осужденных, в отношении которых действовала амнистия. Это говорит о том, что в сложных исторических ситуациях от государства требуется принятие сложных решений. Освобождение от наказания осужденных было направлено на обеспечение защиты интересов государства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, наказание, военнослужащий, государственная награда, судебное рассмотрение, прекращение уголовного дела.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SPECIFICS OF THE APPLICATION OF NORMS ON EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT OF MILITARY PERSONNEL DURING THE PERIOD OF MOBILIZATION AND MARTIAL LAW

Oksana A. Kozina

North Caucasian branch of the Russian State University of Justice named After V.M. Lebedev

Abstract. The article is devoted to the specifics of the application of the provisions of criminal and criminal procedure legislation regulating exemption from criminal liability and criminal punishment in connection with conscription. The most important at present is the constitutional and legal obligation of citizens of the Russian Federation to perform military service. Its implementation contributes to ensuring the state's defense capability. As history shows, the period of military crises serves as a catalyst for legislative amendments. In 2022 The reason for the change in legislation was a special military operation on the territory of Ukraine. As the history of the Russian state shows, the need to strengthen the state's defense capability led to a revision of certain provisions of criminal and criminal procedure legislation. For example, in 1941, a number of regulations were adopted, according to which convicts were subject to release from serving their sentences, including in the form of imprisonment, in case of military service and participation in hostilities. The provisions of the relevant decrees gradually became more widespread. Their effect extended to an increasing number of regions, and among those

released from punishment there were categories of those sentenced to imprisonment. At the same time, the list of categories of convicts subject to amnesty was expanded. This suggests that in difficult historical situations, the State is required to make difficult decisions. The release of convicts from punishment was aimed at ensuring the protection of the interests of the State.

Keywords: criminal liability, exemption from criminal liability, punishment, soldier, state award, judicial review, termination of a criminal case.

Funding: Independent work.

Введение.

Уголовное преследование в отношении того, кто нарушил закон – это закономерная реакция государства. В данном случае, действуют принципы неотвратимости наказания и уголовной ответственности. Они предусматривают, что лицо подвергается государственному принуждению и несет заслуженное наказание.

Достижение целей уголовного наказания обеспечивается действием принципа неотвратимости ответственности.

Освобождение от уголовной ответственности предусматривает, что государство отказывается от преследования и негативных последствий в отношении виновного. Это скорее нетипичная реакция государственных органов на общественно опасное поведение.

Уголовное законодательство детально регламентирует основания освобождения от ответственности и наказания.

Цель исследования – проведение анализа особенностей применения норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания военнослужащих в период мобилизации и военного положения.

Задачи исследования связаны с изучением уголовно-правовой и уголовно-процессуальной регламентации освобождения от уголовной ответственности и наказания военнослужащих в период мобилизации и военного положения

Обсуждение.

Увеличение оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания говорит о гуманизации уголовной политики. Как правило, право на освобождение от наказания возникает в связи положительным постпреступным поведением. Оно указывает на утрату общественной опасности. В 2024 г. перечень оснований освобождения от уголовной ответственности и наказаний был дополнен обстоятельствами, связанными с призывом на военную службу, ее прохождением, заключением контракта в период мобилизации или военного положения. Принятые законодательные положения способствовали внесению ясности в правовой статус лиц, которые приняли участие в специальной военной операции [5].

В современный период развития российского государства, в связи с проведением Специаль-

ной военной операции и появлением новых задач, связанных с укреплением боеспособности российской армии, статус некоторых осужденных был изменен путем принятия Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». Однако в настоящее время данный закон утратил силу в связи с принятием поправок к Уголовному кодексу РФ (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуальному кодексу (далее – УПК РФ).

Указанные законодательные изменения выразились в принятии ст. 78.1 и 80.2 УК РФ. Принятые нормы устанавливали новые основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания. Речь шла о прохождении военной службы по мобилизации, получении государственной награды, а также увольнение в соответствии с пп. «а», «в», «о» п. 1 ст. 52 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». Согласно ст. 78.1 УК РФ, в качестве своей цели поощрение законопослушного поведения военнослужащего, а также придание значимости военной службы в глазах общества. В результате, осужденные получили шанс на исправление и искупление вины перед обществом.

Далее, следует уделить внимание анализу уголовно-правовых и уголовно-процессуальных положений. Установленный законодателем правовой механизм освобождения от военнослужащих от наказания предусматривает несколько этапов реализации.

Прежде всего, командование воинской части, где проходит военную службу лицо, которому ранее было назначено наказание, представляет следователю или суду ходатайство о приостановлении производства по уголовному делу. После принятия соответствующего процессуального решения о приостановлении производства по делу, военнослужащий приступает к выполнению боевых задач в зоне проведения специальной военной операции. Соответствующие сведения должны быть предоставлены командованием войсковой части следователю или суду.

Освобождение от уголовной ответственности предусматривает прекращение производства по уголовному делу. Момент прекращения уголовного дела определяется моментом получения государственной награды в период службы, либо днем издания приказа об увольнении в связи с достижением предельного возраста, признанием негодным для прохождения службы, либо в свя-

зи с завершением мобилизации. Важная роль в данном процессе отведена командованию войсковой части [1, с. 154].

Установленный законодателем порядок освобождения, осужденного от наказания связан с определенными трудностями, поскольку введение в действие положений, предусмотренных ст. 80.2 УК РФ вызывает сложности, поскольку не были приняты соответствующие изменения уголовно-процессуального законодательства.

Среди особенностей применения положений ст. 78.1 и 80.2 УК РФ следует выделить следующие.

Командование войсковой части направляет в суд ходатайство о приостановлении производства по делу. В нем командир указывает о необходимости направить подсудимого в зону проведения специальной военной операции. Суд выносит постановление о приостановлении производства по делу.

Если после приостановления производства по делу командование сообщает суду сведения о том, что подсудимый уклоняется от прохождения службы и выполнения боевых задач, суд возобновляет производство по делу. При возобновлении суд разрешает вопрос об изменении меры пресечения. После этого суд переходит к рассмотрению дела по существу с того момента, когда оно было приостановлено. Принятое ранее постановление о приостановлении не обжалуется в апелляционном или кассационном порядке. Суд первой инстанции, вправе возобновить рассмотрение дела по собственной инициативе.

Если подсудимый убыл в зону проведения специальной военной операции, то при возникновении оснований, предусмотренных в ст. 78.1 УК РФ, соответствующее ходатайство может быть представлено суду как командованием воинской части, так и самим подсудимым. Правила рассмотрения такого ходатайства в обоих случаях едины.

Прежде всего, суд проверяет наличие оснований для освобождения от уголовной ответственности, изучает соответствующие документы. Суду следует удостоверить получение государственной награды путем истребования у командования наградных документов. Помимо этого, следует запросить приказы об увольнении по основаниям, предусмотренным пп. «а», «в», «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». Если наличие оснований для освобождения от уголовной ответственности не установлено, то производство по делу не возобновляется. Суд отказывает в удовлетворении ходатайства.

Подтверждение оснований освобождения от уголовной ответственности, влечет за собой возобновление производства по делу. В заседании судья должен разъяснить подсудимому основания и последствия прекращения производства

по делу. В судебном заседании, назначенном для рассмотрения ходатайства, исследование доказательств обвинения не проводится [2, с. 500].

По результатам рассмотрения ходатайства суд выносит постановление. В резолютивной части постановления указано прекращении производства по основаниям, предусмотренным ст. 78.1 УК РФ. В случае, когда в суде установлены иные основания для увольнения подсудимого с военной службы, нежели предусмотрены пп. «а», «в», «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», проводится судебное разбирательство дела в общем порядке. Эффективность уголовного судопроизводства оценивается путем сопоставления полученного результата и понесенных затрат.

В рассматриваемой ситуации эффективность обеспечивается посредством укрепления обороноспособности государства. Повышение эффективности и модернизации уголовного судопроизводства предусматривает выбор оптимальных средств для приведения системы в необходимом состоянии. В течение всего существования уголовного судопроизводства ведутся поиски наиболее эффективных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов. Прекращение уголовного дела представляет собой форму разрешения уголовно-правового конфликта. При соблюдении условий она является наиболее эффективной, поскольку сочетает частные и публичные интересы.

Производство по уголовному делу изначально может быть приостановлено судом по основаниям, не связанным с убытием подсудимого в зону проведения специальной военной операции. Но суд обязан рассмотреть ходатайство об освобождении от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 78.1 УК РФ. Ведь обвиняемый мог заключить контракт о прохождении военной службы после направления уголовного дела в суд. Затем получить государственную награду, либо стать уволенным по основаниям, предусмотренным законом. Поэтому суд в таких случаях не вправе оставить без удовлетворения ходатайство об освобождении от уголовной ответственности согласно ч. 1 ст. 78 УК РФ.

Если после возобновления производства по делу подсудимый возражает против его прекращения, то судебное разбирательство проводится в общем порядке. Однако здесь следует учитывать положения ч. 3 ст. 282 УПК РФ, которая предусматривает, что уголовное преследование может быть прекращено и без согласия лица, в отношении которого оно осуществляется [3, с. 113].

Если в судебном заседании не установлены основания для прекращения производства по делу, то суд признает подсудимого виновным, постановляет обвинительный приговор, где указывает, что подсудимый подлежит освобождению по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 78.1 УК РФ.

В случае, когда судом первой инстанции постановлен обвинительный приговор, уголовное дело направлено в суд апелляционной инстанции, где производство приостановлено в связи с получением от командования или осужденного ходатайства об освобождении от наказания на основании ч. 2 ст. 80.2 УК РФ, то производство по делу возобновляется.

Когда обвинительный приговор не обжалован, не вступил в законную силу, то получение ходатайства предусматривает приостановление процессуальных сроков на обжалование. При удовлетворении ходатайства суд, обращая приговор к исполнению, в распоряжении указывает о том, что осужденный считается освобожденным от основного и дополнительного наказания в момент награждения государственной наградой [4, с. 14].

Если ходатайство об освобождении от наказания поступает на стадии апелляционного пересмотра приговора, то суд апелляционной инстанции, установив основания, предусмотренные ч. 2 ст. 80.2 УК РФ, вносит в обвинительный приговор изменения, в соответствии с которыми осужденный подлежит освобождению от основного и дополнительного наказания. Принятие дополнительного судебного решения не требуется, если осужденный был освобожден от наказания условно, на основании положений ч. 1 ст. 80.2 УК РФ, а затем командование ходатайствует перед судом о полном освобождении от наказания. Данный законодательный порядок определяется тем, что введение в УК РФ ст. 80.2 произошло без соответствующих изменений УПК РФ. Поэтому, согласно ч. 2 ст. 80.2 УК РФ, момент освобождения осужденного от наказания обусловлен моментом награждения государственной наградой, а не датой вынесения судебного решения.

Если обвинительный приговор вступил в законную силу, то решение об освобождении от наказания уполномочен принять начальник исправительного учреждения. Принятие дополнительного судебного решения не требуется.

Когда осужденному назначено наказание, не связанное с лишением свободы, либо лишение свободы суд постановил отбывать в колонии-поселения, а осужденный после вступления приговора в законную силу, но до постановки на

учет или получения предписания, заключает контракт о прохождении военной службы, он вправе самостоятельно представить в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы ходатайство об освобождении от отбывания наказания.

Важно в данном случае правильно определить, какой именно орган уполномочен рассматривать ходатайство. Если осужденный не встал на учет, то начальник уголовно-исполнительной инспекции не вправе рассматривать ходатайство. В связи с тем, что в такой ситуации важно учесть интересы поддержания обороноспособности государства, а также уточнить правовое положение осужденного, соответствующее ходатайство должен рассматривать суд, вынесший приговор в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 389 УПК РФ.

Результаты.

Таким образом, проведенный анализ положений ст. 78.1 УК РФ, регламентирующий условия освобождения от уголовной ответственности, предусматривает, что реализация связана с приостановлением производства по уголовному делу в связи с прохождением военной службы в особый период времени. В данном случае, важно понимать цели, поставленные законодателем, связанные с пополнением личного состава Вооруженных Сил РФ, обеспечением реализации конституционно-правовой обязанности по защите Отечества. Несмотря на обвинительный приговор, осужденный остается гражданином своей страны, его нельзя лишать возможности защитить свою Родину от внешней угрозы. Как показывает опыт Великой Отечественной войны, участие в боевых действиях – это важная составляющая воспитания, ведь при выполнении боевых задач осужденным получают возможность показать свое исправление.

Заключение.

Сегодня необходим ряд решений, которые позволят восполнить правовую неопределенность, уточнят порядок возобновления производства по делу. В законодательной регламентации нуждается порядок рассмотрения вопросов о наличии или отсутствии оснований для прекращения уголовного дела, освобождения от ответственности и наказания с учетом характеристик с места службы.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бодаевский В.П. Отсрочка отбывания наказания в связи с прохождением военной службы (приравненной службы) в особые периоды времени: исторический опыт, современный подход, проблемы регламентации // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6. № 4. С. 151–160. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.151-170 EDN: ORSYVJ
2. Бондаренко С.В. Правовые аспекты освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с призывом на военную службу / С.В. Бондаренко, В.В. Иванов // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 499–502. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_9_499 EDN: HVAQVI
3. Каминский Э.С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 111–122. EDN: JJQQSD
4. Даровских О.И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022. С. 12–20. EDN: KRSJFR
5. Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

References:

1. Bodaevsky V.P. Postponement of serving a sentence in connection with military service (equivalent service) in special periods of time: historical experience, modern approach, problems of regulation // Justice/Justice. 2024. Vol. 6. № 4. P. 151–160. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.151-170 EDN: ORSYVJ
2. Bondarenko S.V. Legal aspects of exemption from criminal liability and punishment in connection with conscription / S.V. Bondarenko, V.V. Ivanov // Law and the State: theory and practice. 2024. № 9(237). P. 499–502. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_9_499 EDN: HVAQVI
3. Kaminsky E.S. Ensuring public legal interests in the application of alternative methods of resolving criminal law conflicts in pre-trial proceedings : dis. ... cand. jurid. nauk. M., 2021. P. 111–122. EDN: JJQQSD
4. Darovskikh O.I. Theoretical, legal and organizational foundations of ensuring the effectiveness of criminal procedural activities : abstract of the dis. ... of Dr. yurid. sciences'. Chelyabinsk, 2022. P. 12–20. EDN: KRSJFR
5. Federal Law № 64-FZ of March 23, 2024 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

Козина Оксана Александровна
преподаватель кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал
Российского университета правосудия
им. В.М. Лебедева, г. Краснодар
oksana_k_135@mail.ru

Oksana A. Kozina
Lecturer at the Department of Criminal Law,
North Caucasian branch of the Russian State University
of Justice named After V.M. Lebedev, Krasnodar
oksana_k_135@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 30.09.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-13>

УДК 347.971

Attribution

cc by

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРИЗНАНИЯ ЗАВЕЩАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ, СОСТАВЛЕННОГО ЛИЦОМ, НЕ СПОСОБНЫМ ПОНИМАТЬ ЗНАЧЕНИЯ СВОИХ ДЕЙСТВИЙ

Куемжиева Я.Н.

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т.Трубилина

Аннотация. Цель: В статье ставились цели исследовать процессуальный порядок признания судом общей юрисдикции завещания недействительным. Обращение истца в суд по делам о признании завещания недействительным возможно по различным основаниям, связанным как с нарушением формы завещания, так и других оснований, связанных с его фиктивностью, введением в заблуждение наследодателя или вовсе неспособности наследодателя понимать значение своих действий, последнее основание и будет исследоваться в данной статье. По этому основанию признания завещания недействительным существует свой особый предмет доказывания и перечень доказательств. В связи с этим, необходимо было ознакомиться с процессуальным порядком подачи искового заявления по делу об оспаривании завещания, рассмотреть подробно процесс доказывания и рассмотрения дела судом, состав лиц, участвующих в деле. Методы: при написании работы использовались методы: анализа данных, сравнения, метод восхождения от абстрактного к конкретному, обобщение, синтез, аналогия. Результаты: при анализе судебной статистики были получены результаты, позволяющие исключить злоупотребления при оспаривании завещаний со стороны недостойных наследников по основанию неспособности понимания значения своих действий лицом, обратившимся к нотариусу для заверения завещания.

Выводы: в заключении автор предлагает рекомендации по подтверждению своего здравого психического состояния в день составления завещания, получением соответствующей справки от специалистов. Такое условие не является на сегодняшний день обязательным, но могло бы предотвратить множество судебных длительных сложных тяжб.

Ключевые слова: гражданский процесс, завещание, недействительность завещания, оспаривание завещания, наследники, нотариус, суд общей юрисдикции, суд первой инстанции.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE PROCEDURAL PROCEDURE FOR INVALIDATING A WILL DRAWN UP BY A PERSON WHO IS UNABLE TO UNDERSTAND THE MEANING OF HIS ACTIONS

Yana N. Kuemzhieva

Kuban State Agrarian University named After I. T. Trubilin

Abstract. The purpose of the article was to investigate the procedural procedure for declaring a will invalid by a court of general jurisdiction. The plaintiff's appeal to the court in cases of invalidation of the will is possible on various grounds related to both violation of the form of the will and other grounds related to its fictitiousness, misleading the testator or even the testator's inability to understand the meaning of his actions, the latter reason will be investigated in this article. On this basis, the recognition of a will as invalid has its own special subject of proof and a list of proofs. In this regard, it was necessary to get acquainted with the procedural procedure for filing a statement of claim in a case of contesting a will, to consider in detail the process of proving and considering the case by the court, the composition of the persons involved in the case.

Methods: when writing the work, the following methods were used: data analysis, comparison, method of ascent from the abstract to the concrete, generalization, synthesis, analogy. Results: When analyzing judicial statistics, the results were obtained that make it possible to exclude abuse when challenging wills by unworthy heirs on the grounds of inability to understand the meaning of their ac-

© Куемжиева Я.Н.

tions by a person who turned to a notary to certify the will. Conclusions: In conclusion, the author offers recommendations on how to confirm his sound mental state on the day of making the will, by obtaining an appropriate certificate from specialists. Such a condition is not mandatory today, but it could prevent a lot of lengthy and complex litigation.

Keywords: civil procedure, will, invalidity of a will, contesting a will, heirs, notary, court of general jurisdiction, court of first instance.

Funding: Independent work.

Введение.

Споры из-за наследства — достаточно избитый сюжет, в основе многих литературных произведений — это конфликт и борьба наследников, их готовность идти на хитрости в достижении своих целей.

Одним из оснований возникновения права наследования является наследование по завещанию. Лица, права которых были нарушены завещанием, вправе обратиться в суд с исковым заявлением об оспаривании такого завещания. Завещание могут оспорить как наследники по закону (входящие в очередь, призываемую к наследованию), так и наследники по завещанию, как те, кто указан в нем и призывается к наследованию, так и наследники по ранее составленному завещанию, которое как раз было отменено оспариваемым завещанием.

Право оспаривания завещания возможно реализовать только после открытия наследства, которое связано со смертью наследодателя, это закреплено в ст. 1114 ГК РФ [1]. Поэтому свидетельство о смерти наследодателя является тем необходимым важным документом и доказательством, которое должно прилагаться к исковому заявлению при обращении в суд и исследоваться судом. И не важно какие основания находятся в основе обращения, связанные с обманом или угрозами, пока завещатель жив, разговаривать надо с ним, пытаться разрешить проблему не путем оспаривания завещания, такой путь при жизни завещателя не реализуем, лишь только совместное завещание супругов, один из супругов может признать недействительным в любое время.

Для того чтобы разобраться в истине, наследники обращаются в суд общей юрисдикции, в порядке искового производства о признании завещания недействительным. Статистика судебных дел свидетельствует о том, что многие истцы, обращаясь в суд, в защиту своих наследственных прав, ссылаются на факты, которые не имеют значения в процессе доказывания оспаривания завещания. Также многие граждане не знают, например, в какой суд им нужно обращаться, какие документы необходимы для разрешения данного вопроса, сведения о сроках обращения и многое другое. Для разрешения этой проблемы, как нам кажется, нужно изучить четко установленный порядок, который полно и ясно бы отражал действия, необходимые для процесса оспаривания завещаний. Как справедливо отмечено автором «отдельного внимания заслужи-

вают случаи злоупотребления правом на судебную защиту, представляющие собой по существу и содержанию одну из разновидностей как злоупотребления материальным правом» [2], и в этой категории дел возможны такие злоупотребления, когда истец знает о необоснованности своих требований, отсутствии доказательственной базы, но все равно предпримет попытку оспорить завещание по данному основанию. Изучение процессуального порядка оспаривания завещаний в первую очередь позволит сформулировать предложения для облегчения использования гражданами процедуры оспаривания в целях защиты своих прав, а также позволит суду в свою очередь сократить время на разъяснения. Отсутствие достаточных методологических и терминологических оснований по оспариванию завещаний приводит к судебным ошибкам на наиболее ответственной стадии судопроизводства, а точнее, когда судом принимается решение по делу.

Обсуждение.

Из вышесказанного следует, что, рассматриваемые судами дела об оспаривании завещаний, являются делами искового производства. И только судебный порядок. Как правило, чаще всего, оспаривание завещания происходит наследниками первой очереди — супругами, родителями, детьми. Для того, чтобы понять есть ли у лица, желающего оспорить завещание, право на оспаривание, нужно знать были ли его права нарушены этим завещанием? К примеру, лицо находилось на полном иждивении у наследодателя или являлось нетрудоспособным родителем умершего, но не было указано в завещании в качестве наследника. Данный пример иллюстрирует отсутствие обязательной доли в завещании, которая причитается таким наследникам независимо от содержания завещания. Обязательная доля является необходимой, а ее не включение в завещание будет нарушать права данных наследников. Примером также может послужить, тот случай, когда завещатель включил лицо в завещание, но оно не знало об этом.

Однако имелись бы место случаи, когда ответчиком указывали нотариусов, которые удостоверяли завещание. Нотариусов ошибочно истцы указывают в качестве ответчиков, поскольку суд привлекает нотариусов в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования. Такие промахи в трактовке истцами и выборе ответчика связаны с тем, что сам завещатель не может быть ответчиком в этом деле, хотя имен-

но он и составлял завещание, поскольку его правоспособность и дееспособность прекратились со смертью, он не может быть стороной в судебном процессе. Суд отказывает в принятии искового заявления, в котором завещатель указан в качестве ответчика, вынося соответствующее определение [3].

Признание завещания недействительным осуществляется по различным основаниям. Законодатель предусмотрел множество правовых гарантий в механизме осуществления завещателем права на распоряжение своим имуществом посредством завещания.

К таким гарантиям, по нашему мнению, можно отнести требования, а именно:

- 1) завещание, должно быть совершено гражданином лично;
- 2) гражданин должен обладать полной дееспособностью;
- 3) завещание может содержать распоряжение только одного гражданина.

Завещание заверяется нотариусом при личном контакте (встрече) с наследодателем, несмотря на быстрое внедрение информационных технологий, дистанционных сделок, относительно завещания эти правила не применимы. «Кроме того, нельзя исключать и ситуацию, когда при использовании современных устройств подписантом может оказаться совершенно иное лицо» [4]. Именно поэтому нормы российского законодательства устанавливают требование о личном совершении завещания наследодателем, заверении завещания нотариусом после разъяснения всех прав и последствий наследодателю. В части, касающейся содержания завещания, говоря простыми словами, содержание завещание – это что, кому и в каком объеме завещал наследодатель. То есть, это – информация, содержащаяся в завещании по поводу передачи наследственного имущества наследодателя к наследникам.

Необходимо понимать, что содержание завещания может носить самый разнообразный характер. Отметим, что наследодатель в праве распорядится своим имуществом самостоятельно, по своему желанию. В каком объеме, кому и что завещать решает только сам завещатель. Он может, как завещать своим детям дом, квартиру, автомобиль, так и отдать все это, например, государству или в благотворительный фонд или даже соседу, поскольку это будет последней волей наследодателя, ее необходимо будет исполнить. Некоторые любители своих домашних питомцев готовы завещать свое наследство своим питомцам, но, с позиции гражданского законодательства, животные являются вещью и относятся к объектам наследования.

Таким образом, завещать имущество животным нельзя, а их в качестве наследуемого имущества

можно. Особенным является и то, что в завещании нельзя указать, что одному наследнику причитается все имущество, нельзя ограничивать свободу наследника, ставить его перед выбором, к примеру, если до тридцатилетия сын не женится, то лишится своей доли наследства и др.

Напомним, что строго установленных оснований для признания недействительным завещания не установлено, однако, согласно статистике, в 80% случаев наследники, пытаясь оспорить завещание, ссылаются на недееспособность наследодателя. Это является самым распространенным основанием признания завещания недействительным, на которые ссылаются истцы.

Проблемным является вопрос определения дееспособности гражданина после его смерти в момент составления и заверения завещания. В обоснование своих исковых требований истцы приводят такие доказательства, как заключение эксперта, справки из психоневрологических диспансеров и лечебниц, свидетельские показания, а также видео или аудиозаписи, которые подтверждают недееспособность наследодателя. Однако суд назначит посмертную судебно-психиатрическую экспертизу. Эксперту будут переданы все доказательства, собранные в период рассмотрения дела, в особенности, медицинские справки, выписки, карты стационарного или амбулаторного больного. Эксперт анализирует все действия умершего, все справки, истории болезней, препараты которые назначались докторами и их влияние на сознание и психику человека. Изучаются особенности обстоятельств, при которых совершалось завещание, например, могло ли лицо составить завещание в состоянии аффекта или под действием стресса от тяжелых новостей о неизлечимой болезни или смерти близкого. Эксперт может установить психопатологические расстройства у завещателя на фоне длительного приема алкоголя или запрещенных веществ, которые привели к нарушению критических, прогностических способностей, эмоционально – волевым расстройствам, лишили завещателя способности адекватно воспринимать происходящее, анализировать последствия своих действий, прогнозировать и оценивать правовые и социально-бытовые последствия своего решения, когда завещатель не адекватно оценивает реальность и юридическую значимость всей ситуации, его свободное волеизъявление нарушено вследствие пагубной зависимости и влияния веществ и препаратов на психику и сознание, что свидетельствует о том, что завещатель не мог понимать значения своих действий и руководить ими в момент подписания завещания. В этом случае, на основе имеющихся доказательств, в том числе и заключения посмертной судебной психиатрической экспертизы, суд придет к обоснованному выводу об имеющихся основаниях для признания завещания недействительным.

Еще одно основание признания завещания недействительным – нарушение его формы, кото-

рое должно быть составлено в письменной форме, подписано лично завещателем (за исключением подписания рукоприкладчиком, но там тоже установлены законом основания и порядок), и наконец удостоверены у нотариуса. Исключение составляют завещания, составленные при чрезвычайных обстоятельствах или удостоверенные лицами, которые наделены такими полномочиями в силу закона, например, завещания, удостоверяемые начальниками экспедиций, составленные гражданами, находящимися в разведочных, антарктических арктических или других подобных экспедициях.

На сегодняшний день, завещание не может совершаться в устной форме. Если завещатель напишет закрытое завещание не полностью от руки, а напечатает его на компьютере, распечатает и поставит подпись, такой документ будет считаться ничтожным, т.к. нарушена форма, предписанная законом. Ещё пример по форме документа – завещание написано полностью собственноручно, но не подписано завещателем. В данном случае такой документ тоже не будет иметь юридическую силу. Кстати, именно соблюдение письменной формы завещания обеспечивает истцу предъявления такого важного доказательства в суд, как сам текст завещания, из содержания которого, например, можно установить что завещатель описывает имущество которого у него нет или путается в характеристиках имущества, в перечислении родства наследников по завещанию, другие неточности, которые в совокупности с другими доказательствами так же могут характеризовать мыслительные способности завещателя в момент составления завещания, его память и ясность или спутанность сознания.

Оспорить завещание можно написав исковое заявление в районный суд Общей юрисдикции по месту жительства ответчика. Перед составлением искового заявления важно проверить вид завещания, является ли оно оспоримым или ничтожным, потому как от этого будет зависеть срок исковой давности.

Рассмотрим требования к исковому заявлению, которое должны составить вышеуказанные нами лица, в соответствии требованиями ст. 131 ГПК РФ [5]. Важность в правильном и обоснованном искомом заявлении велика, от того как будет написано исковое заявление зависит примет ли суд данное заявление на рассмотрение. Истцу также необходимо собрать все имеющиеся доказательства по делу, на которые он будет ссылаться, чтобы подтвердить свои доводы. Указали наименование суда, написали данные об истце, данные об ответчике, не забываем про контактный телефон и адрес проживания ответчика. Оплачиваем госпошлину и прикладываем квитанцию об оплате. Затем, ставим в конце дату и подпись. Если иск подается представителем, прикладываем доверенность, из которой суд поймет, какими полномочиями наделен представитель. Прикладываем заверенную копию исто-

рии болезни, амбулаторную карту, документы, отражающие факты обращения за медицинской помощью, диагноз заболевания и иные сведения, полученные при обследовании и лечении наследодателя. Также, кроме медицинских справок о недееспособности, необходимо наличие свидетельских показаний. Это делается для более полного, справедливого, обоснованного вынесения судом решения.

Предметом доказывания в гражданском процессе является сведения о фактах, где фактом выступают обстоятельства, то есть та юридически значимая информация имеющая существенное значения для дела. Исходя из указанного нами выше понятия, можем сделать следующее заключение: в суде важны только те сведения, которые относятся непосредственно к делу и имеют для него важное значение, все остальные сведения, не имеющие значения для дела способствуют затягиванию процесса. Поэтому суд при рассмотрении дела принимает только доказательства, имеющие отношение к рассматриваемому вопросу, а все доводы наследников, желающих оспорить завещание, рассматриваются и изучаются судом очень тщательно.

К фактам, входящих в предмет доказывания по этому делу, прежде всего, относится наличие завещания, как мы и оговаривали выше. Потому могут быть такие случаи, когда наследники думают, что завещание существует, а его на самом деле нет. К примеру, наследодатель сказал одному из своих наследников, что включит его в завещание, а сам не успел составить его до своей смерти. Поэтому наследник думал, что завещание есть, а его нет. Или наследников самих ввели в заблуждение другие наследники о существовании завещания, что бы незаконно завладеть имуществом, исполняя якобы последнюю волю наследодателя. Тем не менее, прежде чем обращаться в суд, необходимо обратиться к нотариусу с запросом о наличии завещания. К иску об оспаривании завещания должно в обязательном порядке прилагаться само оспариваемое завещание, которое так же исследуется судом.

Рассматривание судами дел об оспаривании завещаний согласно статистике являются самыми распространенными делами из всех наследственных дел. Такие дела должны рассматриваться судами по общим правилам рассмотрения гражданских дел, то есть не более двух месяцев с момента принятия искового заявления к производству. Тем не менее, на практике дела об оспаривании завещаний рассматриваются судом. Это связано с необходимостью истребования большого объема документации, опроса свидетелей, нотариуса и проведения экспертиз, исследования медицинских выписок и назначений. Как правило, очень сложно доказать, что наследодатель был недееспособным, особенно если отсутствуют медицинские документы о его состоянии. Ведь, сами по себе, заболевания, даже тяжелые или прием препаратов, не означают, что наследодатель утратил способность понимать значение своих действий.

Правильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела, включает наличие завещания, составленного с требованиями закона, смерть наследодателя, открытие наследства, доказательства состояния наследодателя при которых он не способен был понимать значения своих действий из-за состояния памяти, психики, мышления, последствия действия медицинских препаратов на способность оценивать значение своих действий или воздействие запрещенных веществ, алкоголя, составляют предмет доказывания по делам об оспаривании завещания.

Оспаривание завещаний очень сложный, долгий и трудно доказуемый процесс для всех субъектов гражданского судопроизводства. Подтверждением этого является то, что множество дел об оспаривании завещаний проходили не только апелляцию, но и кассацию. Завещатели, предполагая, что такой спор может возникнуть в будущем из-за сложившихся неприязненных отношений между наследниками, других существующих разногласий, могут предварительно получить за день до составления завещания или в день составления завещания справки от психиатра о состоянии своего здоровья, для подтверждения своей дееспособности и пресечения возможных судебных исков по этому основанию.

Результаты.

Нами был сформулирован вывод об ошибочности предъявления исковых требований об оспаривании завещания к нотариусу. Поскольку сам наследодатель (завещатель) уже не обладает процессуальной право и дееспособностью, которые прекратились со смертью, истцы ошибочно избирают ответчиком нотариуса, удостоверившего завещание. Но нотариус будет ненадлежащим ответчиком по таким искам, правильно предъявлять иск к другим наследникам.

Также нами было выдвинуто предложение о предварительном получении за день до составления завещания или в день составления завещания справки от психиатра завещателем о со-

стоянии своего здоровья, для подтверждения дееспособности завещателя, потому что нотариус не обладает профессиональными знаниями в области медицины, кроме того, подобные документы, подтверждающие здоровье, пребывание в своем уме и при памяти наследодателя, пресекут возможные оспаривания завещания по этому основанию в дальнейшем. Тем более это актуально, если завещатель, исходя из сложившихся уже взаимоотношений между наследниками может предположить возможные споры. Данные положения могут быть внесены в п. 1.7.1 «Методических рекомендаций по удостоверению завещаний и наследственных договоров» [6] и разъясняться нотариусом при совершении этого нотариального действия.

Заключение.

Процесс оспаривания завещаний является очень сложным и трудно доказуемым. Обобщение статистики показывает, что чаще всего истцы ссылаются на недееспособность завещателя, не способность им понимать значение своих действий при составлении завещания. Тем не менее, множество таких исков суд не удовлетворяет, так как старается выполнить последнюю волю наследодателя и потому проверяет все доказательства, приведенные истцами тщательнейшим образом. Оспорить завещание вправе только те лица, чьи права и законные интересы были нарушены этим завещанием. Следовательно, истец должен собрать обязательные документы и письменные доказательства, подтверждающие утрату способности завещателем понимать значение своих действий. Важным необходимым доказательством по таким делам является посмертная психолого-психиатрическая экспертиза, которая позволяет установить находился ли завещатель в состоянии аффекта, были ли причины, влияющие на способность его мышления и критической оценки последствий своих действий. Отрицательный результат такой экспертизы тоже результат, он подтверждает, как аз действительность завещания.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Зеленская Л.А. Некоторые аспекты злоупотребления процессуальными правами участниками судопроизводства // Сборник статей по материалам ежегодной научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2024 год. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2025. С. 871–872. EDN: XCNAJT

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // БВС РФ.2012. №7.
4. Гавриков С.Д. Размышления о введении дистанционных и удаленных нотариальных сделок / С.Д. Гавриков, П.Д. Шкурова // Поколение будущего: Сборник избранных статей Международной студенческой научной конференции, Санкт-Петербург, 31 января 2020 года. СПб. : ГНИИ «Нацразвитие», 2020. С. 206–210.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
6. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров: утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 02 марта 2021 г., протокол № 03/21 // СПС «Гарант».

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994, № 51-FZ // SZ RF. 1994. № 32. Art. 3301.
2. Zelenskaya L.A. Some aspects of abuse of procedural rights by participants in legal proceedings // Collection of articles based on the materials of the annual scientific and practical conference of teachers on the results of research for 2024. Krasnodar : I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, 2025. P. 871–872. EDN: XCNAJT
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 29, 2012 № 9 «On judicial practice in inheritance cases» // BVS RF.2012. № 7.
4. Gavrikov S.D. Reflections on the introduction of remote and remote notary transactions / S.D. Gavrikov, P.D. Shkurova // Generation of the future: Collection of selected articles of the International Student Scientific Conference, St. Petersburg, January 31, 2020. SPb. : GNII «National Development», 2020. P. 206–210.
5. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 11/14/2002 № 138-FZ // SZ RF. 2002. № 46. Art. 4532.
6. Methodological recommendations on the certification of wills and inheritance agreements : approved by the decision of the Board of the Federal Notary Chamber dated March 2, 2021, Protocol № 03/21 // SPS «Garant».

Информация об авторе

Куемжиева Яна Николаевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина,
kuemzhieva.ya@edu.kubsau.ru

Yana N. Kuemzhieva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Civil Procedure,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trublin
kuemzhieva.ya@edu.kubsau.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-15>

УДК 343.98.068

Attribution

cc by

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СВОЙСТВ МИКРОБИОМА ЧЕЛОВЕКА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: СУДЕБНАЯ МИКРОБИОМНАЯ ЭКСПЕРТИЗА; ГОСУДАРСТВЕННАЯ МИКРОБИОМНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ

Лозинский О.И.

*Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*

Аннотация. В статье анализируются потенциальные возможности использования свойств микробиома человека в борьбе с преступностью в рамках реализации профильной криминалистической биометрической технологии. В ходе исследования обосновывается авторская позиция о том, что исследуемая потенциальная биометрическая технология позволяет эффективно решать задачи уголовного судопроизводства, в том числе и посредством, в перспективе, производства судебной микробиомной экспертизы и реализации программы государственной микробиомной регистрации. Цель: определить и обосновать потенциальные возможности использования свойств микробиома человека в борьбе с преступностью. Методы: диалектический; деятельностный, системный и ситуационный подходы; методика научно-тематического анализа Дж. Холтона. Результаты: обоснованы потенциальные возможности использования биометрической технологии на основе свойств микробиома человека для эффективного решения задач отечественного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: микробиом человека, криминалистическая биометрическая технология, борьба с преступностью, судебная микробиомная экспертиза, государственная микробиомная регистрация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

USING THE PROPERTIES OF THE HUMAN MICROBIOME IN THE FIGHT AGAINST CRIME: FORENSIC MICROBIOME EXAMINATION; STATE MICROBIOME REGISTRATION

Oleg I. Lozinsky

*South Russian Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

Abstract. The article analyzes the potential possibilities of using the properties of the human microbiome in the fight against crime, as part of the implementation of specialized forensic biometric technology. The research substantiates the author's position that the potential biometric technology under study makes it possible to effectively solve the problems of criminal proceedings, including through, in the future, the production of forensic microbiome expertise and the implementation of the state microbiome registration program. Objective: to identify and substantiate the potential use of the properties of the human microbiome in the fight against crime. Methods: dialectical; activity-based, systemic and situational approaches; methodology of scientific and thematic analysis of J. Holton. Results: The potential possibilities of using biometric technology based on the properties of the human microbiome to effectively solve the problems of domestic criminal proceedings are substantiated.

Keywords: human microbiome; forensic biometric technology; crime control; forensic microbiome examination; state microbiome registration.

Funding: Independent work.

Введение.

С учетом сложившейся следственной и судебной практики в рамках действующего отечественного

уголовно-процессуального законодательства, основной формой использования специальных знаний в профильной сфере является назначе-

© Лозинский О.И.

ние различного рода судебных экспертиз и получение по ним заключений, являющихся объективными доказательствами по уголовным делам. При этом широко используется производство судебных экспертиз на основе биотехнологий, связанных с возможностью установления и распознавания личности определенного человека по индивидуальным чертам (признакам, свойствам и т.п.), например: дактилоскопических, ольфакторных, молекулярно-генетических и др.

На современном этапе, одной из наиболее перспективных судебных экспертиз названного профиля может стать судебная микробиомная экспертиза, основанная на инновационной биометрической технологии исследования свойств микробиома, использующая для этого углубленные специальные знания в области медицины, микробиологии, генетики и др. При этом под микробиомом человека, в контексте настоящего исследования, предлагается понимать совокупность геномов сообщества самостоятельных биологических объектов (форм жизни) — микробиоты бактерий, археев, эукариот, нематод, вирусов, грибов, простейших микроорганизмов и др., обобщенно называемых *virome*, населяющей организм (биологическое, генетически обусловленное, тело) человека, находящейся с ним в неразрывном симбиозе (но не являющейся его генетической составляющей), имеющей ряд индивидуализирующих ее признаков и свойств, позволяющих использовать ее для решения криминалистических задач по идентификации (отождествлению) личности в процессе уголовного судопроизводства и иной профильной деятельности.

Все локусы и органы тела человека населены микроорганизмами, образующими сложносоставную, вариативную, межвидовую систему обобщенного метаболизма (человеческий микробиом состоит из более чем 5 тыс. видов различных микроорганизмов, имеющих более 10 млн аутентичных генов, не являющихся генами человеческого тела; масса микробиома организма взрослого человека составляет от 1,3 до 3,5 кг). При этом у микробиома имеются все необходимые идентификационные свойства:

- всеобщность;
- индивидуальная уникальность;
- относительная устойчивость;
- взаимная отражаемость;
- измеримость и др., что позволило научно обосновать возможность криминалистического распознавания конкретного человека по его индивидуальному микробиомному следу.

Указанное, обосновало потенциальную эмпирическую возможность для разработки (формирования, адаптации имеющихся методик) методологической базы для производства судебной микробиомной экспертизы и реализации, в ходе

дальнейшей «эволюции» метода, программы государственной микробиомной регистрации отдельных категорий граждан (лиц) в интересах (для достижения целей и выполнения задач) уголовного судопроизводства, оперативно-розыскной деятельности и других профильных государственных сфер.

Обсуждение.

Представляется, что потенциал судебной микробиомной экспертизы, в перспективе, преимущественно, будет служить для решения идентификационных задач.

Ситуация, имеющаяся на настоящее время вокруг микробиомной биометрической технологии и судебной микробиомной экспертизы, в значительной мере напоминает ситуацию, имевшуюся в свое время вокруг биометрической технологии на основе ДНК-анализа и судебной молекулярно-генетической экспертизы.

В то время, судебная молекулярно-генетическая экспертиза, в силу ее высокой стоимости, отсутствия в необходимых объемах высокотехнологичного профильного оборудования, больших трудозатрат на ее производство, значительных сроков производства и малого числа экспертных учреждений ее производивших, считалась в уголовном судопроизводстве чем-то «экзотическим».

Однако в настоящее время, в связи с расширением экспертной базы, снижением себестоимости и временных сроков производства, по причине автоматизации основных процессов ее проведения, (по статистическим данным за последние пять лет) в экспертных лабораториях, расположенных на территории 73 субъектов РФ, ежегодно производится 125–140 тыс. профильных экспертиз, результаты которых в 70–85 % случаев, способствуют раскрытию преступления [5, с. 703–711].

Для создания и развития методологической базы и эмпирических наработок в области потенциальной судебной микробиомной экспертизы наиболее приемлемы адаптация знаний, прикладных навыков, аппаратно-программного обеспечения, привлечение специалистов из сфер биометрических технологий на основании ДНК-анализа (молекулярно-генетическая экспертиза) и одорологии (исследование запахов; ольфакторная экспертиза; в данном случае, целесообразно адаптировать технологии определения, фиксации, изъятия и хранения биологических образцов).

С момента «создания теории» и по настоящее время с наибольшей интенсивностью и эффективностью исследуемая научная деятельность проводится:

- профильными консорциумами (в Европе — Metagenome of Human Intestinal Tract (MetaHIT); в США — Human Microbiome Project (HMP));

– Национальным институтом здравоохранения США (проект «Human Microbiome Project» (HMP <http://hmpdacc.org/>) – «Микробиом человека»);

– по программе MetaHIT (<http://www.metahit.eu/>) совместно учеными США и Китая (Beijing Genomics Institute (BGI)) и др.

Профильная научная деятельность в России на современном этапе также стала вызывать повышенный интерес, в связи с перспективностью внедрения ее результатов [9, с. 1027–1031].

При изучении свойств микробиома активно используются инновационные инструменты, математические модели, языки программирования, электронные базы данных и др. (для примера, инструменты:

– RAPSearch2, Boulder Alignment Editor (ALE), DNACLUSt;

– модульные программы (AMOS);

– языки программирования: R, Python;

– базы (CharProtDB, Integrated Microbial Genomes (IMG), Genomes OnLine (GOLD).

Основными методами исследования микробиома являются: метатаксономика, метагеномика, метатранскриптомика, метаболомика, позволяющие производить идентификацию с точностью установления идентичности – 97 %, которая близка к показателю ДНК-анализа – 99 % [7, с. 1052–1054].

Результаты названных профильных исследований уже на настоящее время фактически нарабатывали базу и даже частично заложили методологическую основу таких фундаментальных сфер использования идентификационных свойств микробиома человека, как судебная микробиомная экспертиза и микробиомная регистрация. В профильной сфере, первое, нередко, влечет второе (для примера, исследование папиллярных узоров пальцев и ладоней рук – дактилоскопические экспертизы – дактилоскопическая регистрация (учеты, в т.ч. оцифрованные по дактилоскопическим картам); ДНК-анализ – молекулярно-генетические экспертизы – геномная регистрация).

В данном случае, (потенциальная) система внедрения результатов исследуемой биометрической технологии может выглядеть следующим образом: исследования в области микробиома вообще и микробиома человека в частности – судебные микробиомные экспертизы – создание микробиомных архивов и оцифрованных электронных баз данных с микробиомными шаблонами физических лиц – микробиомная регистрация.

В сфере уголовного судопроизводства (потенциально) микробиомная регистрация, преимущественно, будет служить для решения задач

идентификационного характера и подразумевать под собой деятельность, реализуемую уполномоченными государственными органами и учреждениями по получению, учету, хранению, использованию, передаче и уничтожению микробиомного (биологического) материала, а также по обработке микробиологической и геномной информации относительно микробиома человека.

Под микробиомным (биологическим) материалом автором (потенциально) предлагается понимать содержащие структурно-системную и геномную информацию образцы микробиома из различных локусов, органов и с поверхности человеческого тела (в некоторых случаях от тела (останков) умершего человека, до того как трупные изменения и процессы разложения радикальным образом повлияют на состав микробиома, ранее свойственного конкретному живому человеку; представляется, что после смерти (гибели) человека, в связи с прекращением биологических процессов жизнедеятельности и динамики процесса разложения и распада тканей организма, микробиом очень быстро структурно, качественно и объемно видоизменяется, утрачивая идентификационные свойства присущие ранее живому человеку) [6, с. 761–767].

Исследование микробиомного материала реализуется для получения микробиомной информации, под которой (потенциально) предлагается понимать биометрические персональные данные, включающие кодированную структурно-системную, геномную и другую характеризующую информацию (в зависимости от конкретной направленности и метода исследования) относительно микробиома физического лица (в определенных ситуациях и до определенных пределов, также, неопознанного трупа).

Для получения конечного идентификационного результата, микробиомную информацию необходимо обработать в рамках соответствующих целевых алгоритмов. Конечным результатом обработки микробиомной информации является либо полностью описанный по критериям биологический образец (помещенный на хранение в микробиомный архив), либо оцифрованный результат изучения биологического образца в виде шаблона, загруженный в профильную электронную цифровую информационную базу данных (позволяющую производить сравнительный анализ между предъявляемым шаблоном и шаблонами, находящимися в базе) [10, с. 723–733].

Интересным обстоятельством является тот факт, что микробиомная регистрация близких родственников лица, пропавшего без вести, и неопознанных трупов, в отличие от их геномной регистрации, представляется нецелесообразной, так как микробиом, даже у близких родственников, совершенно различен (за счет отличий: гендерных, возрастных, в пристрастиях к еде, в регионе проживания и т.п.). За счет результатов (потенциальной) судебной микробиомной экс-

пертизы, в отличие от судебной молекулярно-генетической экспертизы (на основе ДНК-анализа), невозможно достоверно определить не близкое родство, ни отцовство. Объясняется это тем, что, если геномный анализ производится непосредственно по образцам (жидкости, ткани) самого биологического (генетически обусловленного) тела человека, то микробиом, это не часть человека, а живущий на нем (в нем) симбиотичный субстант, геном которого никак не связан с геномом человека (носителя) и сам по себе, полностью от него отличен. Мало того, у совершенно посторонних людей, проживающих в одном регионе и имеющих схожие рационы питания и др., микробиом может быть гораздо более схожим, чем у близких родственников, проживающих в разных местах (например, в городе и сельской местности) [3, с. 45–56].

Зарегистрированная личностная микробиомная информация (шаблон) (потенциально) может быть использована для:

- выявления и установления лиц, причастных к совершению преступлений (иной неправомерной деятельности) (и тем самым способствовать их раскрытию и расследованию);
- розыска лиц, пропавших без вести и установления личности человека по не опознанному трупу (с ранее обозначенными и обоснованными ограничениями);
- установления личности человека (не могущего или не желающего сообщить данные о себе) [12, с. 21–25].

С учетом изложенного, (потенциальным) правом на использование микробиомной информации должны обладать только профильные государственные структуры в рамках нормативно закрепленной их компетенции: суды и органы (предварительного расследования; дознания; реализующие оперативно-разыскную деятельность).

Нормативно правовое оформление реализации процесса государственной микробиомной регистрации может быть различным. Необходимо еще раз отметить, что рассмотрение указанного проекта станет возможным лишь после того, когда судебная микробиомная экспертиза получит процессуальное признание и ее заключение обретет статус объективного доказательства по уголовному делу. И даже после этого, пройдет значительный период времени, за который названная экспертиза войдет в статус «обыденной» и доступной в «массовом» порядке экспертизы (лишь только при наличии широких экспертных возможностей исследования биологических образцов и их электронных цифровых шаблонов, станет возможным и целесообразным создание соответствующих микробиомных биологических архивов и электронных цифровых баз). После указанного, на первоначальном этапе, процесс нормативного оформления проекта

реализация государственной микробиомной регистрации может выразиться в форме профильного ведомственного приказа (положения, инструкции и т.п.) МВД РФ (других заинтересованных государственных структур). И лишь затем, когда полностью оправдает себя как на методологическом, так и на правоприменительном уровне, государственная микробиомная регистрация может быть нормативно закреплена в форме федерального закона (в качестве акта окончательного признания).

Фактическая реализация обязательной государственной микробиомной регистрации, с учетом профиля деятельности, может быть возложена на:

- подразделения МВД РФ (профильные, полицию);
- учреждения ФСИН;
- органы предварительного расследования и дознания;
- структурные подразделения Следственного комитета РФ и др.

Результаты.

В ходе проведенного исследования, связанного с изучением теоретической базы, микробиологической основы метода, имеющихся эмпирических результатов профильных научных изысканий, обоснованно установлено, что микробиом человека в полной мере обладает свойствами, достаточными для уверенной (со степенью достоверности, порядка 97%) биометрической идентификации человека на прикладном, экспертном уровне.

Указанное, позволяет предполагать, что уже в ближайшей исторической перспективе, при наличии методологических, организационных, нормотворческих и иных необходимых усилий, будут реализованы (по инициативе профильных научных кругов и заинтересованных в эмпирических результатах государственных ведомств и структур; в рамках и для достижения целей, реализации задач отечественного уголовного судопроизводства) проекты (идентификационного характера) о судебной микробиомной экспертизе и государственной микробиомной регистрации.

Заключение.

Развитие и всестороннее оформление криминалистической микробиомной биометрической технологии (как источника новых криминалистических знаний и доказательств в уголовном процессе), в прикладном плане, выразившееся в эмпирической реализации проектов судебной микробиомной экспертизы и государственной микробиомной регистрации, по мнению автора, безусловно, положительно скажется на повышении эффективности и результативности отечественного уголовного судопроизводства.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Regulation of adipokine production in human adipose tissue by propionic acid / S.H. Al-Lahham [et al.] // European Journal of Clinical Investigation. 2010. Vol. 40. № 5. P. 401–407. DOI: 10.1111/j.1365-2362.2010.02278.x
2. Fecal microbiota transplantation for Clostridium difficile infection: back to the future / G. Borgia [et al.] // Expert Opinion on Biological Therapy. 2015. Vol. 15. № 7. P. 1001–1014. DOI: 10.1517/14712598.2015.1045872
3. de Vos W.M. Role of the intestinal microbiome in health and disease: from correlation to causation / W.M. de Vos, E.A.J. de Vos // Nutrition Reviews. 2012. Vol. 70. Suppl 1. P. S45–S56. DOI: 10.1111/j.1753-4887.2012.00505.x
4. Lawani M.B. The respiratory microbiome of HIV-infected individuals / M.B. Lawani, A. Morris // Expert Review of Anti-Infective Therapy. 2016. Vol. 14. № 8. P. 719–729. DOI: 10.1080/14787210.2016.1206469
5. Respiratory microbiota and lower respiratory tract disease / M. Lanaspa [et al.] // Expert Review of Anti-Infective Therapy. 2017. Vol. 15. № 7. P. 703–711. DOI: 10.1080/14787210.2017.1349609
6. Standardized frozen preparation for transplantation of fecal microbiota for recurrent Clostridium difficile infection / M.J. Hamilton [et al.] // The American Journal of Gastroenterology. 2012. Vol. 107. № 5. P. 761–767. DOI: 10.1038/ajg.2011.482
7. McCroskey L.M. Laboratory findings in four cases of adult botulism suggest colonization of the intestinal tract / L.M. McCroskey, C.L. Hatheway // Journal of Clinical Microbiology. 1988. Vol. 26. № 5. P. 1052–1054. DOI: 10.1128/jcm.26.5.1052-1054.1988
8. Nasopharyngeal Microbiome Diversity Changes over Time in Children with Asthma / M. Perez-Losada [et al.] // PloS One. 2017. Vol. 12. № 1. P. E0170543.
9. An obesity-associated gut microbiome with increased capacity for energy harvest / P.J. Turnbaugh [et al.] // Nature. 2006. Vol. 444. № 7122. P. 1027–1031. DOI: 10.1038/nature05414
10. Incontinence medication response relates to the female urinary microbiota / K.J. Thomas-White [et al.] // International Urogynecology Journal. 2016. Vol. 27. № 5. P. 723–733. DOI: 10.1007/s00192-015-2847-x EDN: FHINRC
11. Андреев А.С. Обзор зарубежного опыта использования криминалистических средств, приемов и методов собирания, исследования, использования микробиома в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник алтайской академии экономики и права. 2018. № 4. С. 130–134. EDN: YRIQXJ
12. О возможности идентификации личности путем анализа микробиома кожи человека / А.А. Куцева [et al.] // Вопросы экспертизы и качества медицинской помощи. 2023. № 8. С. 21–25. EDN: HLOYIT
13. Сравнительный анализ показателей микробиома пациентов с психическими расстройствами и здоровых добровольцев / И.Ю. Торшин [et al.] // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. 2022. № 204(8). С. 92–105. DOI: 10.31146/1682-8658-ecg-204-8-92-105 EDN: QFITML
14. Использование масштабного параллельного секвенирования в криминалистике: сравнительный анализ платформ для секвенирования / Т.В. Тяжелова [et al.] // Генетика. 2021. том 57. № 12. С. 1423–1437. DOI: 10.31857/S0016675821120122 EDN: DBIICL

References:

1. Regulation of adipokine production in human adipose tissue by propionic acid / S.H. Al-Lahham [et al.] // European Journal of Clinical Investigation. 2010. Vol. 40. № 5. P. 401–407. DOI: 10.1111/j.1365-2362.2010.02278.x
2. Fecal microbiota transplantation for Clostridium difficile infection: back to the future / G. Borgia [et al.] // Expert Opinion on Biological Therapy. 2015. Vol. 15. № 7. P. 1001–1014. DOI: 10.1517/14712598.2015.1045872
3. de Vos W.M. Role of the intestinal microbiome in health and disease: from correlation to causation / W.M. de Vos, E.A.J. de Vos // Nutrition Reviews. 2012. Vol. 70. Suppl 1. P. S45–S56. DOI: 10.1111/j.1753-4887.2012.00505.x
4. Lawani M.B. The respiratory microbiome of HIV-infected individuals / M.B. Lawani, A. Morris // Expert Review of Anti-Infective Therapy. 2016. Vol. 14. № 8. P. 719–729. DOI: 10.1080/14787210.2016.1206469
5. Respiratory microbiota and lower respiratory tract disease / M. Lanaspa [et al.] // Expert Review of Anti-Infective Therapy. 2017. Vol. 15. № 7. P. 703–711. DOI: 10.1080/14787210.2017.1349609
6. Standardized frozen preparation for transplantation of fecal microbiota for recurrent Clostridium difficile infection / M.J. Hamilton [et al.] // The American Journal of Gastroenterology. 2012. Vol. 107. № 5. P. 761–767. DOI: 10.1038/ajg.2011.482

7. McCroskey L.M. Laboratory findings in four cases of adult botulism suggest colonization of the intestinal tract / L.M. McCroskey, C.L. Hatheway // Journal of Clinical Microbiology. 1988. Vol. 26. № 5. P. 1052–1054. DOI: 10.1128/jcm.26.5.1052-1054.1988
8. Nasopharyngeal Microbiome Diversity Changes over Time in Children with Asthma / M. Perez-Losada [et al.] // PloS One. 2017. Vol. 12. № 1. P. E0170543.
9. An obesity-associated gut microbiome with increased capacity for energy harvest / P.J. Turnbaugh [et al.] // Nature. 2006. Vol. 444. № 7122. P. 1027–1031. DOI: 10.1038/nature05414
10. Incontinence medication response relates to the female urinary microbiota / K.J. Thomas-White [et al.] // International Urogynecology Journal. 2016. Vol. 27. № 5. P. 723–733. DOI: 10.1007/s00192-015-2847-x EDN: FHINRC
11. Andreev A.S. Review of foreign experience in the use of forensic tools, techniques and methods of collecting, researching, and using the microbiome in the detection and investigation of crimes // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2018. № 4. P. 130–134. EDN: YRIQXJ
12. On the possibility of identifying a person by analyzing the human skin microbiome / A.A. Kutseva [et al.] // Issues of expertise and quality of medical care. 2023. No. 8. PP. 21-25. EDN: HLOYIT
13. Comparative analysis of microbiome parameters of patients with mental disorders and healthy volunteers / I.Yu. Torshin [et al.] // Experimental and clinical gastroenterology. 2022. № 204 (8). P. 92–105. DOI: 10.31146/1682-8658-ecg-204-8-92-105 EDN: QFITML
14. The use of large-scale parallel sequencing in criminalistics: a comparative analysis of platforms for sequencing / T.V. Tyazhova [et al.] // Genetics. 2021. Vol. 57. № 12. P. 1423–1437. DOI: 10.31857/S0016675821120122 EDN: DBIICL

Информация об авторе

Лозинский Олег Иванович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры процессуального права,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
oleg.lozz@yandex.ru

Oleg I. Lozinsky

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Procedural Law,
South Russian Institute of Management
is a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
oleg.lozz@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-16>

УДК 340.1

Attribution

cc by

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Никитина А.П.¹, Юшкина Т.В.², Пилюгина Т.В.³

^{1, 2}Кубанский государственный университет,

³Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

Аннотация. Актуальность. Искусственный интеллект продолжает трансформировать правовое регулирование, создавая сложные задачи и открывая новые возможности. Формирование сбалансированного регуляторного подхода требует тесного взаимодействия законодателей, разработчиков, правоприменителей и гражданского общества. Цель и задачи. Провести комплексный анализ воздействия технологий искусственного интеллекта на современные правовые системы через исследование ключевых вызовов, включая проблемы определения правосубъектности ИИ, распределения ответственности, защиты персональных данных и интеллектуальной собственности. Результаты. В статье подробно рассмотрены сравнительные подходы к регулированию ИИ в различных юрисдикциях, с особым акцентом на российские экспериментальные правовые режимы; проанализированы перспективы развития правового регулирования в контексте технологической сингулярности и необходимости международной гармонизации стандартов. Предложены концептуальные подходы к модернизации правовых систем в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовая система, норма права, правосубъектность, правовые режимы.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON LEGAL REGULATION: CHALLENGES, TRENDS, AND PROSPECTS FOR THE TRANSFORMATION OF LEGAL SYSTEMS

Alina P. Nikitina¹, Tatyana V. Yushkina², Tatyana V. Pilyugina³

^{1, 2}Kuban State University,

³Krasnodar Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation

Abstract. Relevance. Artificial intelligence continues to transform legal regulation, creating complex challenges and opening up new opportunities. Forming a balanced regulatory approach requires close cooperation between lawmakers, developers, law enforcement agencies, and civil society. Purpose and objectives. To conduct a comprehensive analysis of the impact of artificial intelligence technologies on modern legal systems by examining key challenges, including the issues of defining AI's legal personality, distributing responsibility, and protecting personal data and intellectual property. Results. The article provides a detailed analysis of comparative approaches to AI regulation in various jurisdictions, with a particular focus on Russia's experimental legal regimes. It also examines the prospects for developing legal regulation in the context of technological singularity and the need for international harmonization of standards. Conceptual approaches to the modernization of legal systems in the context of digital transformation are proposed.

Keywords: artificial intelligence, legal system, legal norm, legal personality, legal regimes.

Funding: Independent work.

Введение.

Технологии искусственного интеллекта стали катализатором фундаментальных преобразова-

ний в современном правовом регулировании [3]. Глобальный характер распространения ИИ-технологий и их проникновение во все сферы общественной жизни требуют переосмысления

© Никитина А.П., Юшкина Т.В., Пилюгина Т.В.

традиционных правовых институтов и создания новых регуляторных моделей [4]. Особую актуальность приобретает разработка сбалансированного подхода, позволяющего одновременно стимулировать технологические инновации и обеспечивать эффективную защиту прав и законных интересов граждан [5].

В Российской Федерации развитие искусственного интеллекта признано стратегическим приоритетом [6], что нашло отражение в национальной стратегии развития искусственного интеллекта и концепции регулирования технологий ИИ. Создание экспериментальных правовых режимов стало важным шагом в формировании адаптивной регуляторной среды [7], позволяющей тестировать инновационные решения в контролируемых условиях.

Обсуждение.

1. Теоретико-правовые основы регулирования искусственного интеллекта

Правовое регулирование технологий искусственного интеллекта требует предварительного решения фундаментальных теоретических вопросов. Центральной проблемой остается определение понятия «искусственный интеллект» в правовом поле. Отсутствие единого общепризнанного определения создает существенные сложности для законодателей и правоприменителей.

В теоретическом плане можно выделить три основных подхода к пониманию ИИ в правовом контексте: инструментальный, функциональный и субъектный [8].

Инструментальный подход рассматривает ИИ как сложный инструмент или технологию, созданную человеком для решения определенных задач [10].

Функциональный подход акцентирует внимание на способности системы к автономному принятию решений и самообучению.

Субъектный подход, наиболее дискуссионный, предполагает признание элементов правосубъектности.

Правовая природа искусственного интеллекта проявляется через несколько ключевых характеристик:

- автономность;
- способность к обучению;
- адаптивность и возможность функционирования в условиях неопределенности.

Эти характеристики существенно отличают ИИ от традиционных компьютерных систем и программного обеспечения, что требует разработки специальных регуляторных подходов.

Важным теоретическим вопросом является соотношение искусственного интеллекта и смежных понятий:

- больших данных;
- машинного обучения;
- нейронных сетей.

Правовое регулирование должно учитывать, как технические особенности этих технологий, так и их социально-экономическое значение.

2. Сравнительный анализ регуляторных подходов к ИИ в зарубежных странах.

Мировая практика регулирования искусственного интеллекта демонстрирует разнообразие подходов, отражающих национальные особенности правовых систем и приоритеты технологического развития.

Европейский союз разработал комплексный регуляторный подход, основанный на концепции «доверенного ИИ». Регулирование в ЕС строится на принципах оценки рисков, прозрачности и подотчетности.

Предлагаемое регулирование искусственного интеллекта устанавливает четыре уровня риска:

- неприемлемый риск;
- высокий риск;
- ограниченный риск;
- минимальный риск.

Для систем с высоким риском предусматриваются строгие требования к качеству данных, документированию, человеческому надзору и кибербезопасности.

Соединенные Штаты Америки придерживаются децентрализованного подхода к регулированию ИИ. Федеральное законодательство фокусируется на отраслевом регулировании, в то время как отдельные штаты принимают собственные нормативные акты. Особое внимание уделяется вопросам конкуренции и предотвращению монополизации рынков ИИ-технологий. В 2023 году была опубликована Стратегия развития ИИ, акцентирующая инвестиции в исследования и разработки, подготовку кадров и международное сотрудничество.

Китай реализует активную государственную политику развития искусственного интеллекта. Регуляторный подход сочетает стимулирование инноваций с жестким контролем за использованием технологий в социально значимых сферах. Принятые нормативные акты регулируют рекомендательные алгоритмы, генеративный ИИ и использование искусственного интеллекта в государственном управлении.

Страны БРИКС демонстрируют растущий интерес к разработке совместных подходов к регулированию ИИ. В 2023 году была принята Декларация о сотрудничестве в области искусственного интеллекта, предусматривающая создание рабочей группы по выработке общих принципов регулирования.

Сравнительный анализ показывает, что, несмотря на различия в подходах, прослеживаются общие тенденции:

- фокус на управление рисками;
- важность этических принципов;
- необходимость международной координации.

3. Правосубъектность искусственного интеллекта: теоретические и практические аспекты.

Вопрос о признании искусственного интеллекта субъектом права является одним из наиболее дискуссионных в современной юридической науке.

Традиционная правовая доктрина исходит из того, что субъектами права могут быть только физические лица (люди) и искусственные образования (юридические лица), созданные людьми и действующие через свои органы.

Однако AI систем, способных к автономному принятию решений и самостоятельным действиям, ставит под сомнение эту дихотомию.

В юридической литературе обсуждаются несколько возможных моделей правосубъектности ИИ:

1. Модель электронной личности – предоставление AI системам специального статуса «электронного лица» с ограниченной правосубъектностью. Эта модель предполагает, что такие системы могли бы иметь имущество для покрытия возможной ответственности, заключать сделки в определенных пределах, но не обладали бы политическими правами.

2. Агентская модель – рассмотрение ИИ как инструмента или агента своего создателя или владельца. В этой модели все права и обязанности, возникающие в результате действий ИИ, относятся к человеку или организации, которые его контролируют.

3. Гибридная модель – сочетание элементов первых двух подходов с созданием системы распределенной ответственности между разработчиком, владельцем и самим ИИ.

Практические аспекты правосубъектности ИИ проявляются в различных отраслях права. В гражданском праве это вопросы заключения сделок с участием ИИ, в административном – возможность привлечения к ответственности, в интеллектуальном праве – вопросы авторства

произведений, созданных искусственным интеллектом.

Особую сложность представляет проблема установления вины и ответственности при причинении вреда автономными системами.

Традиционные конструкции вины (умысел, неосторожность) плохо применимы к действиям ИИ, что требует разработки новых подходов к ответственности, основанных на оценке рисков и распределении бремени компенсации.

4. Экспериментальные правовые режимы как инструмент адаптации права к технологическим вызовам.

Экспериментальные правовые режимы (ЭПР) становятся ключевым инструментом адаптации правового регулирования к быстро меняющимся технологическим реалиям.

В Российской Федерации правовая основа для создания ЭПР была заложена Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций" [1].

Сущность экспериментальных правовых режимов заключается во временном умалении от действия отдельных норм законодательства на ограниченной территории или в определенной сфере с целью тестирования инновационных решений. Это позволяет оценить эффективность новых регуляторных подходов до их масштабного внедрения.

В контексте регулирования искусственного интеллекта, ЭПР выполняют несколько важных функций:

- тестировочная функция – позволяет апробировать новые регуляторные подходы в контролируемых условиях;
- информационная функция – обеспечивает сбор данных о воздействии регулирования на развитие технологий;
- адаптационная функция – способствует постепенной адаптации правовой системы к новым технологическим реалиям;
- инновационная функция – стимулирует разработку и внедрение перспективных технологических решений.

По состоянию на 2024 год, в России действовало 14 экспериментальных правовых режимов в сфере искусственного интеллекта, охватывающих такие области как:

- беспилотный транспорт и логистика;
- цифровое здравоохранение и медицинская диагностика;
- финансовые технологии и регулирование рынков;

- умный город и государственное управление;
- промышленность и сельское хозяйство.

Анализ практики применения ЭПР показывает их эффективность в снижении регуляторных барьеров для внедрения инноваций.

Вместе с тем, выявляются и проблемы, включая проблемы масштабирования успешных экспериментов, обеспечения правовой определенности и защиты прав участников.

5. Защита персональных данных и приватности в эпоху искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект представляет значительные риски для приватности и защиты персональных данных. Способность ИИ-систем к анализу больших объемов данных, выявлению корреляций и прогнозированию поведения создает возможности для масштабного наблюдения и манипулирования.

Правовое регулирование защиты данных в контексте ИИ должно учитывать несколько ключевых аспектов:

1. Принцип конфиденциальности по замыслу – интеграция требований защиты данных на этапе проектирования ИИ-систем. Этот принцип предполагает, что меры защиты приватности должны быть встроены в архитектуру системы, а не добавляться постфактум.

2. Обеспечение прозрачностью и объяснимостью – право субъектов данных на получение понятного объяснения решений, принятых с использованием ИИ. Это особенно важно в случаях, когда решения оказывают значительное влияние на права и интересы лица.

3. Минимизация данных и ограничение целей – сбор и обработка только тех данных, которые строго необходимо для заявленных целей. ИИ-системы часто склонны к чрезмерному сбору данных «на всякий случай».

4. Защита от дискриминации и предвзятость – предотвращение использования данных, которые могут вести к дискриминационным последствиям для определенных групп.

Европейский регламент GDPR устанавливает специальные правила для автоматизированное индивидуальное принятие решений, включая право на вмешательство человека и право на объяснение.

В Российской Федерации Федеральный закон «О персональных данных» также содержит положения, соответствующий для регулирования ИИ, однако, они требуют дальнейшего развития и конкретизации [5].

Особую озабоченность вызывают технологии распознавания лиц и биометрической идентификации. Многие эксперты призывают к введению мораторий или строгие правила на использование этих технологий в публичном пространстве.

6. Перспективы развития правового регулирования искусственного интеллекта.

Развитие правового регулирования искусственного интеллекта будет определяться несколькими ключевыми тенденциями:

1. От реактивного к проактивному регулированию – переход от реагирования на уже возникшие проблемы к упреждающему регулированию, предвосхищающему потенциальные риски.

2. Развитие основанный на риске подхода – дифференциация регулирования в зависимости от уровня риска, связанного с конкретным применением ИИ. Высокорисковые применения (медицина, транспорт, правосудие) будут при условии строгим требованиям, в то время как приложения с низким уровнем риска получают более либеральный режим.

3. Интеграция этических принципов в правовое регулирование – воплощение этических принципов (справедливость, прозрачность, подотчетность) в конкретных правовых нормах и механизмах.

4. Развитие технических стандартов и сертификации – создание систем сертификации ИИ-систем на соответствие требованиям безопасности, надежности и этичности.

5. Формирование специализированной судебной системы и экспертных институтов – создание специализированных судебных составов и экспертных организаций, способных компетентно рассматривать споры, связанные с ИИ.

В Российской Федерации перспективы развития регулирования ИИ связаны с реализацией Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, совершенствованием экспериментальных правовых режимов и развитием международного сотрудничества.

Заключение.

Ключевыми условиями успешного регулирования являются гибкость, адаптивность и способность к обучению.

Экспериментальные правовые режимы, подходы и итеративное нормотворчество становятся существенными инструментами современного регулятора.

Международное сотрудничество и гармонизация стандартов имеют критическую важность для создания единого правового пространства, способствующего инновациям при обеспечении защиты прав и интересов человека. Будущее правового регулирования искусственного интеллекта будет определяться способностью правовых систем к эволюции и адаптации к технологическим изменениям, сохраняя при этом фундаментальные ценности и принципы правового государства.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru
2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru
4. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru
5. Regulation (EU) 2024/... of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). URL : <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (date of application 01.09.2025).
6. UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. 2021. URL : https://ai.gov.ru/knowledge-base/dokumenty-mezhdunarodnykh-organizatsiy/2021_rekomendaciya_ob_etike_iskusstvennogo_intellekta_recommendation_on_the_ethics_of_artificial_intelligence_unesco (date of application 01.09.2025).
7. Convention on Artificial Intelligence, Human Rights, Democracy and the Rule of Law (Council of Europe, 2024). URL : <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (date of application 01.09.2025).
8. Вайпан В.А. Цифровое право : учебник для вузов / В.А. Вайпан, А.Ю. Гусев. М. : Юстиция, 2023.
9. European Commission. «White Paper on Artificial Intelligence: A European approach to excellence and trust». 2020. URL : https://commission.europa.eu/system/files/2020-02/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (date of application 10.09.2025).
10. Атабек Р.А. Анализ регулятивных подходов в области обеспечения защиты интеллектуальных прав искусственного интеллекта: опыт зарубежных стран и перспективы публичного права России // Теория и практика общественного развития. 2023. № 5. С.111–118. DOI: 10.24158/tipor.2023.5.15 EDN: MKWABF

References:

1. On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation: Federal Law № 258-FZ of July 31, 2020 (as amended on July 31, 2025) // Official Internet Portal of Legal Information. URL : www.pravo.gov.ru
2. On the development of artificial intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 No. 490 (as amended on 02/15/2025) // The official Internet portal of legal information. URL : www.pravo.gov.ru
3. On Information, information Technologies and information Protection: Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 (as amended on 31.07.2025) // Official Internet Portal of Legal Information. URL : www.pravo.gov.ru
4. On personal data: Federal Law № 152-FZ of 27.07.2006 (as amended on 07.07.2025) // Official Internet-legal information portal. URL : www.pravo.gov.ru
5. Regulation (EU) 2024/... of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). URL : <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (date of application 01.09.2025).
6. UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. 2021. URL : https://ai.gov.ru/knowledge-base/dokumenty-mezhdunarodnykh-organizatsiy/2021_rekomendaciya_ob_etike_iskusstvennogo_intellekta_recommendation_on_the_ethics_of_artificial_intelligence_unesco (date of application 01.09.2025).
7. Convention on Artificial Intelligence, Human Rights, Democracy and the Rule of Law (Council of Europe, 2024). URL : <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (date of application 01.09.2025).
8. Vaipan V.A., Gusev A.Yu. Digital law: textbook for universities / Vaipan V.A., Gusev A.Yu. - M.: Justice, 2023.
9. European Commission. «White Paper on Artificial Intelligence: A European approach to excellence and trust». 2020. URL : https://commission.europa.eu/system/files/2020-02/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (date of application 10.09.2025).
10. Atabek R.A. Analysis of regulatory approaches in the field of ensuring the protection of intellectual rights of artificial intelligence: the experience of foreign countries and the prospects of public law in Russia // Theory and practice of social development. 2023. № 5. P. 111–118. DOI: 10.24158/tipor.2023.5.15 EDN: MKWABF

Информация об авторах

Никитина Алина Петровна

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Кубанский государственный университет
SPIN-код: 1730-6410
AuthorID: 822953
ORCID: 0000-0002-3745-2946
akilina7777@bk.ru

Юшкина Татьяна Викторовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Кубанский государственный университет
SPIN-код: 1104-3371
AuthorID: 642561
ORCID: 0000-0002-5657-9950
3838888@rambler.ru

Пилюгина Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации
SPIN-код: 6882-2637
AuthorID: 677260
ORCID: 0000-0003-4521-3141
pilyugina_tv@mail.ru

Alina P. Nikitina

Doctor of Law,
Professor of the Department of Theory
and History of State and Law,
Kuban State University
SPIN code: 1730-6410
AuthorID: 822953
ORCID: 0000-0002-3745-2946
akilina7777@bk.ru

Tatyana V. Yushkina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Theory
and History of State and Law,
Kuban State University
SPIN code: 1104-3371
AuthorID: 642561
ORCID: 0000-0002-5657-9950
3838888@rambler.ru

Tatyana V. Pilyugina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Jurisprudence,
Krasnodar Cooperative Institute (branch)
Russian University of Cooperation
SPIN code: 6882-2637
AuthorID: 677260
ORCID: 0000-0003-4521-3141
pilyugina_tv@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-16>

УДК 340

Attribution

cc by

К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТЛИЧИЯХ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Никитина А.П.¹, Юшкина Т.В.², Чагин В.С.³

^{1, 2}Кубанский государственный университет,

³Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

Аннотация. Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения эффективности государственного управления, невозможное без учета социокультурного контекста конкретных территорий. Игнорирование региональной специфики ведет к формальному принятию правовых норм при их фактическом отторжении на уровне правовой психологии населения. Несмотря на многочисленные исследования, в изучении проблематики правовой культуры на сегодняшний день имеется много неразрешенных вопросов. Цель. Анализ природы и проявлений региональных различий правовой культуры в современной России и выработка на этой основе научно обоснованных предложений по их учету в правовой политике государства. Задачи: комплексно охарактеризовать взаимосвязанные факторы, определяющие региональную специфику правовой культуры. Методы исследования. Методологическую основу статьи составил диалектический подход, позволивший рассмотреть российскую правовую культуру как единство общего, особенного и единичного. В работе использовались методы: системный, сравнительно-правовой, историко-культурный и социологический. Результаты. Региональные различия в правовой культуре России детерминированы комплексом взаимосвязанных факторов. Ключевыми из них выступают исторический (преимущество правового плюрализма и гибридных институтов), этноконфессиональный (влияние православия, ислама, традиционных обычаев), социально-экономический (корреляция уровня развития с правовым нигилизмом) и институциональный (качество работы местных органов власти и судов). Выводы. Проведенный анализ убедительно доказывает, что игнорирование региональной специфики ведет к росту отчуждения права и его низкой эффективности. Устойчивость системы возможна лишь через гармонизацию общенациональных стандартов с легитимным региональным плюрализмом, а не унификацию. Стратегическим вектором развития должна стать «евразийская» модель, основанная на собственной идентичности и балансе между единством правового пространства и признанием регионального разнообразия.

Ключевые слова: правовая культура, региональные различия, правовой менталитет, правовой нигилизм, традиционные правовые системы, правовое пространство, субъект Российской Федерации, унификация права, юридическая аккультурация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

REGIONAL DIFFERENCES IN THE LEGAL CULTURE OF RUSSIA

Alina P. Nikitina¹, Tatyana V. Yushkina², Vladimir S. Chagin³

^{1, 2}Kuban State University,

³Krasnodar Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation

Abstract. The relevance of the topic is due to the need to improve the effectiveness of public administration, which is impossible without taking into account the socio-cultural context of specific territories. Ignoring regional specifics leads to the formal adoption of legal norms with their actual rejection at the level of legal psychology of the population. Despite numerous studies, there are many unresolved issues in the study of legal culture today. Research objectives. The analysis of the nature and manifestations of regional differences in legal culture in modern Russia and the development on this basis of scientifically sound proposals for their consideration in the legal policy of the state; to comprehensively characterize the interrelated factors determining the regional specifics of legal culture. Research methods. The methodological basis of the article was a dialectical approach, which allowed us to consider the Russian legal culture as a unity of the general, special and singular. The

© Никитина А.П., Юшкина Т.В., Чагин В.С.

following methods were used in the work: systematic, comparative-legal, historical-cultural and sociological. Findings. Regional differences in the legal culture of Russia are determined by a complex of interrelated factors. The key ones are historical (continuity of legal pluralism and hybrid institutions), ethno-confessional (influence of Orthodoxy, Islam, traditional customs), socio-economic (correlation of the level of development with legal nihilism) and institutional (quality of work of local authorities and courts). Conclusions. The analysis convincingly proves that ignoring regional specifics leads to an increase in the alienation of law and its low effectiveness. The stability of the system is possible only through the harmonization of federal standards with legitimate regional pluralism, rather than unification. The strategic vector of development should be the «Eurasian» model, based on its own identity and a balance between the unity of the legal space and the recognition of regional diversity.

Keywords: legal culture, regional differences, legal mentality, legal nihilism, traditional legal systems, legal space, subject of the Russian Federation, unification of law, legal acculturation.

Funding: Independent work.

Введение.

Правовая культура является достаточно важным элементом жизни современного общества. Проблема единства и дифференциации правовой культуры в федеративном государстве имеет фундаментальное значение.

Российская Федерация, будучи крупнейшим по территории государством мира, объединяет регионы с чрезвычайно разнообразными историческими судьбами, этнокультурным составом, экономическим укладом и вероисповеданием. Это объективно предопределяет неизбежность существования региональных особенностей в таком комплексном явлении, как правовая культура. Несмотря на провозглашенное Конституцией РФ единство правового пространства (ст. 4, ч. 2; ст. 15, ч. 1; ст. 76, ч. 5), реальная практика правоприменения и, что важнее, правосознания граждан демонстрирует значительную вариативность [1].

Обсуждение.

Региональные различия в правовой культуре России детерминированы рядом взаимосвязанных факторов. Исторический контекст, включая политику интеграции местных правовых систем (адат, шариат) и советское наследие, заложило основу правового плюрализма. Этноконфессиональное разнообразие, выраженное во влиянии православия, ислама и буддизма, формирует ценностные ориентиры правосознания, такие как коллективизм и приоритет традиции над формальным законом.

Социально-экономические условия, особенно в ресурсодобывающих и «депрессивных» регионах, напрямую влияют на уровень правового нигилизма и доверия к органам власти. Наконец, качество работы местных органов власти и судов (институциональный фактор) определяет степень реализации правовых норм на практике. Игнорирование этой сложной детерминации ведет к росту социальной напряженности, поэтому устойчивое развитие правовой системы требует гармонизации общегосударственных стандартов с региональной спецификой, а не унификации.

Исторический фактор. А.А. Бекишиев и М.А. Мирзаев в своей работе предстают как ключевые исследователи, обосновывающие историческую преемственность правового плюрализма в России. Они акцентируют внимание на том, что имперская власть целенаправленно интегрировала местные правовые системы (адат, шариат) в общегосударственное правовое поле, создавая гибридные институты вроде «трехзвенного суда» на Кавказе. Это доказывает, что учет региональной специфики – не новшество, а историческая традиция российской государственности, направленная на обеспечение стабильности и лояльности разнородных регионов [2].

З.Н. Каландаришвили и Д.П. Гезенко делают акцент на религиозно-духовном факторе как основе правового менталитета. Они оспаривают, что правовая культура России сформирована на православной эстетике с ее коллективизмом, этатизмом и приматом «правды» над «правом». Этот ценностный фундамент, по их мнению, определяет неприятие чисто западных индивидуалистических правовых моделей и объясняет устойчивость традиционных укладов в регионах, исторически связанных с исламом или буддизмом [3].

Ю.В. Загайнова и И.А. Крыгина анализируют исторический фактор через призму трансформации правосознания, показывая, что советский период, несмотря на унификацию, не искоренил местные правовые обычаи, которые «ушли в тень», а в 1990-е годы мощно заявили о себе. Их вывод: игнорирование исторически сложившегося правосознания ведет к дестабилизации, а его учет – ключ к устойчивости правовой системы [4].

В.Г. Балковская и А.С. Торчило завершают эту картину, анализируя историческую эволюцию формально-юридического компонента. Они прослеживают путь от рецепции римского права и Соборного уложения к советской правовой системе и далее, доказывая, что, несмотря на все изменения, глубинные структуры права (например, общинный коллективизм, особая роль государства) остаются постоянными, определяя специфику региональных правовых культур в рамках единого пространства [5].

Таким образом, представленные авторы единодушно подтверждают, что исторический фактор является не фоном, а системообразующим элементом регионального разнообразия правовой культуры России, представляя собой сложный синтез формального права и глубоких пластов традиционных правовых культур, сформированных под влиянием православия, ислама, обычного права (адата) и коллективистского правосознания. Унифицированные попытки трансплантации западных правовых моделей (романо-германской семьи) без учета этой специфики приводят к отчуждению права, росту правового нигилизма и снижению социальной эффективности правового регулирования.

По сути, авторы единодушно утверждают, что устойчивость и стабильность правовой системы России зависит не от механического заимствования иностранных институтов, а от гармонизации общегосударственных правовых стандартов с региональным правовым плюрализмом, что предполагает легитимацию элементов традиционного и религиозного права (шариата, адата) в строго оговоренных пределах — прежде всего, в сфере досудебного примирения и разрешения гражданско-правовых споров по взаимному согласию сторон, при безусловном верховенстве федеральной Конституции и уголовного законодательства.

В итоге, стратегическим вектором развития должна стать «евразийская» модель правовой системы, основанная на собственной идентичности, балансе между единством правового пространства и признанием регионального разнообразия, а также активном использовании потенциала традиционных ценностей и правовых обычаев в построении современного правового государства. Игнорирование этого пути чревато системной дестабилизацией и дальнейшей эрозией правовой культуры.

Этноконфессиональный фактор. Этноконфессиональный фактор проявляется в синтезе духовных традиций, местного правосознания и региональных правовых норм, что создает уникальные правовые микросистемы в рамках общероссийского правового поля. Этот диалог между традиционным обычным правом, конфессиональными нормами и позитивным законодательством обеспечивает гибкость и устойчивость правовой системы, позволяя ей адаптироваться к многообразию культурных ландшафтов страны. Именно государство, выступая арбитром и гарантом, обеспечивает баланс между единством правового пространства и сохранением этнокультурной самобытности, превращая многообразие в источник силы, а не раскола.

Так, Юн Л.В. рассматривает правовую культуру как органический компонент национальной правовой системы, подчеркивая ее связь с духовно-нравственными ценностями, исторически сформированными под влиянием православия и общинного сознания [6].

В.А. Тихонова акцентирует внимание на роли политической культуры, основанной на концепции «сильной власти» — гаранта безопасности и справедливости, что исторически восходит к православной традиции соборности и жертвенности во имя общего блага [7].

С.А. Жинкин и С.В. Саликова непосредственно анализируют принцип этнокультурной самореализации, доказывая его закрепление в федеральном и региональном законодательстве как основу для сохранения правовой идентичности народов России в рамках единого правового поля [8].

В.В. Савельев через анализ понятий «национально-культурный» и «культурно-национальный» в законодательстве раскрывает механизм экстерриториального самоопределения этнических групп через национально-культурные автономии, что позволяет интегрировать региональное этноконфессиональное многообразие в общероссийскую правовую культуру [9].

Таким образом, авторы единодушно видят в этноконфессиональном факторе не угрозу, а ресурс для укрепления общероссийской гражданской идентичности и правовой системы через диалог и правовую защиту уникальных региональных моделей.

Ключевой вывод из анализа статей заключается в том, что правовая, политическая и этнокультурная сферы представляют собой взаимосвязанные элементы единой культурно-цивилизационной системы России, определяющие специфику ее государственности. Кроме того, авторы подчеркивают, что культура (в ее правовом, политическом и этническом измерениях) не является второстепенным фактором, а выступает фундаментальной основой формирования и эволюции российской правовой и политической систем. Правовая культура рассматривается ими как «юридическое богатство» и условие построения правового государства, в то время как политическая культура, с акцентом внимания на сильном государстве как гаранте безопасности и справедливости, отражает исторически сложившиеся коллективные представления о власти и обществе.

Особое внимание уделяется принципу этнокультурной самореализации, который, хотя и не всегда четко доктринально оформлен, широко закреплён в законодательстве и является существенным для сохранения единства многонационального российского народа. Статьи демонстрируют парадигмальный сдвиг: от чисто нормативного понимания права и политики к их глубокой культурной и ценностной обусловленности. Успешное развитие российской государственности видится в синтезе правовых норм, сильной власти, укорененной в национальной идее, и уважения к культурному разнообразию, что в совокупности формирует уникальную модель, отличную от западных либеральных образцов.

Социально-экономический фактор. Уровень экономического развития региона напрямую коррелирует с такими показателями правовой культуры, как уважение к частной собственности, доверие к судебной системе, готовность решать споры в правовом поле. В депрессивных моногородах выше уровень правового нигилизма и привычка решать вопросы через неформальные связи. Исследователи обращают взор на социально-экономический подход к анализу преступности и пониманию ее причин.

Коллектив авторов (Рябенко, Исаев, Захарцев и др.) представляет комплексный анализ социально-экономических факторов формирования региональной правовой культуры России.

Сам П.С. Рябенко выступает как теоретик, связывающий генезис культурных прав с эволюцией свободы и суверенитета. Его анализ показывает, как экономическое развитие и становление государственности формируют правовые механизмы культурной автономии [10].

И.В. Башмаков на примере ХМАО-Югры раскрывает ключевую роль ресурсной экономики (нефтегазовый сектор) как двойственного фактора: с одной стороны, он обеспечивает финансовую базу для поддержки культур коренных народов, с другой – создает угрозы их традиционному укладу и экологии [13].

С.И. Захарцев, Д.В. Кривоносова и В.П. Сальников акцентируют внимание на ментальных и духовных основаниях правовой культуры, подчеркивая значение коллективных ценностей (общинность, приоритет традиции над законом) как барьера на пути рецепции западных правовых моделей [12].

Д.А. Исаев, анализируя содержание принципа самоопределения, показывает его экономическое измерение – право народов на контроль над природными ресурсами на своих территориях как основу их культурного развития [11].

В совокупности, авторы демонстрируют, что региональная правовая культура России формируется в точке напряжения между модернизацией, диктуемой экономическими интересами (освоение ресурсов) и традиционными социальными укладами, защищаемыми через механизмы культурного суверенитета и самоопределения.

Исследуемые работы объединяет общая тема: сложное взаимодействие между коллективными правами народов (на самоопределение, культурное развитие, сохранение идентичности) и государственным суверенитетом. Авторы единодушно признают, что права на национально-культурное развитие и самоопределение носят дуалистический характер, сочетая индивидуальные и коллективные начала. Их генезис неразрывно связан с эволюцией ключевых философско-правовых категорий – свободы и суверенитета.

В то же время, анализ выявляет глубокое противоречие. С одной стороны, эти права признаны естественными и фундаментальными, уходящими корнями в догосударственную эпоху. С другой, их практическая реализация напрямую зависит от государства, которое через законодательство и политику определяет их рамки и механизмы. Это порождает ключевую проблему: разрыв между международными принципами и национальным правоприменением. Ярким примером является ситуация с коренными малочисленными народами России, чьи права часто носят декларативный и локальный характер из-за отсутствия единых и эффективных процедур реализации.

Таким образом, центральным выводом является необходимость системного подхода. Он должен включать:

- 1) четкое конституционное закрепление данных прав;
- 2) создание унифицированных международных и национальных процедур их осуществления (во избежание конфликтов);
- 3) учет ментальных и историко-культурных особенностей конкретных народов при построении правовой системы.

Только так можно достичь баланса между универсальными ценностями прав человека, коллективной идентичностью и государственным суверенитетом.

Институциональный фактор. Качество работы региональных органов власти, судов, правоохранительных структур формирует локальное правовое поле. В регионах с высокой коррупцией и низким профессионализмом чиновничества правовая культура населения деформируется, приобретая черты оборонительного и приспособленческого характера.

В.В. Косова выступает как представитель историко-правового и информационного институтов, акцентирует роль исторических традиций (идея «правды», самодержавие, советский этап) и современных государственных программ правовой информатизации, которые создают уникальную среду для восприятия права гражданами в разных регионах [14].

Ф.Ш. Ямбушев и Е.С. Келейникова олицетворяют образовательный и судебный институты, видя решение проблемы правового нигилизма в совершенствовании системы правового просвещения и повышении авторитета независимой судебной власти, что является ключевым фактором для формирования универсальных правовых установок в разнородных регионах [15].

Д.А. Худобина представляет структурно-нормативный институт. Её анализ компонентов

правовой культуры (правосознание, мораль, традиции) подчёркивает, что её формирование как сложный процесс взаимодействия формальных норм и неформальных практик, которые варьируются в зависимости от социального и этноконфессионального контекста каждого региона [16].

В.В. Беденков выступает от лица духовно-нравственного и идеологического институтов, которые напрямую связывают правовую культуру с религиозными (православие) и консервативными ценностями, утверждая, что именно они, а не только правовые механизмы, формируют внутренние регуляторы поведения и определяют самобытность российской правовой культуры в целом и её региональных проявлений [17].

Результаты.

Таким образом, вместе эти авторы демонстрируют, что региональная специфика формируется под влиянием не только закона, но и глубоко укоренённых исторических, образовательных, судебных и духовно-нравственных институтов.

Основной вывод заключается в том, что формирование правовой культуры в России является комплексной, многогранной проблемой, напрямую связанной с построением правового государства. Авторы солидарно определяют правовую культуру как системное явление, включающее правосознание, правовые знания, ценности, установки и модели поведения. Ключевым препятствием на этом пути признаётся глубоко укоренённый правовой нигилизм, историческими причинами которого являются традиции авторитаризма, восприятие права как инструмента власти, а не защиты прав, и нестабильность законодательства.

Решение видится не в одном отдельном действии, а в системе взаимодополняющих мер:

- совершенствования правового образования и просвещения с раннего возраста;
- повышения качества и непротиворечивости законодательства;
- укрепления независимости и авторитета судебной системы;
- обеспечения реальной защищённости прав граждан.

Особо подчеркивается необходимость учета российской специфики, включая духовно-нравственные ориентиры, ценности справедливости и соборности, а также роль религии в формировании внутренних регуляторов правомерного поведения.

Таким образом, успех зависит от синхронных усилий как государства по созданию эффективных правовых институтов, так и общества по усвоению правовых ценностей и формированию активной гражданской позиции.

Заключение.

Представленный анализ убедительно демонстрирует, что региональные различия в правовой культуре России не являются случайным или поверхностным феноменом. Они представляют собой результат сложного, многомерного и системного взаимодействия четырех ключевых групп факторов: исторического, этноконфессионального, социально-экономического и институционального.

Исторический фактор, обоснованный трудами Бекишиева, Мирзаева и других, выступает в роли фундамента, формирующего саму возможность правового плюрализма, доказывая, что учет региональной специфики — не угроза, а традиционный для российской государственности механизм обеспечения стабильности.

Этноконфессиональный фактор, рассмотренный Юн, Тихоновой и Савельевым, наполняет этот плюрализм конкретным содержанием, выступая ресурсом, а не вызовом для общероссийской идентичности.

Социально-экономический дисбаланс, по мнению Башмакова, Исаева и иных, создает область напряженности между модернизацией и традиционными укладами, напрямую влияя на уровень правового нигилизма.

Наконец, институциональный фактор, проанализированный Косовой, Ямбушевым и Беденковым, показывает, как качество работы местных органов власти, судов и эффективность правового просвещения непосредственно деформируют или, напротив, укрепляют правовое поле на местах.

Синтез этих факторов приводит к центральному выводу: устойчивость правовой системы России зависит не от унификации и механической трансплантации западных моделей, но от сознательной и взвешенной гармонизации общедеревянных стандартов с легитимным региональным правовым плюрализмом.

Стратегическим вектором развития должна стать «евразийская» модель, основанная на собственной культурно-правовой идентичности, балансе единства и разнообразия, а также активном использовании потенциала традиционных ценностей и правовых обычаев в строгих рамках верховенства федеральной Конституции. Игнорирование этой глубокой детерминации чревато дальнейшей эрозией правовой культуры и системной дестабилизацией.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. URL : <http://consultant.ru>
2. Бекишиев А.А. Культурно-исторические факторы в развитии правовой системы России / А.А. Бекишиев, М.А. Мирзаев // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: общественные науки. 2016. Т. 31. № 1. С. 32–37. EDN: WVOLLF
3. Каландаришвили З.Н. Влияние религиозных и духовных элементов на особенности формирования российской правовой культуры / З.Н. Каландаришвили, Д.П. Гезенко // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 5А. С. 25–30. DOI: 10.34670/AR.2022.61.49.003 EDN: JVZHXV
4. Загайнова Ю.В. Трансформация правокультурных ценностей в правосознании россиян как фактор стабилизации российской правовой системы / Ю.В. Загайнова, И.А. Крыгина // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 3(142). С. 73–76. EDN: ZFQIAV
5. Балковая В.Г. Теоретико-правовой анализ правовой системы современной России / В.Г. Балковая, А.С. Торчило // Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 22 августа 2024 года. Чебоксары : ООО «Издательский дом «Среда», 2024. С. 265–270. EDN: DGDQOG
6. Юн Л.В. Правовая культура как элемент российской правовой системы: общетеоретические аспекты / Л.В. Юн; Под ред. Р.Ф. Степаненко, С.Н. Тагаевой // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (с Международным участием), Казань, 06–07 февраля 2020 года. Казань : Университет управления «ТИСБИ», 2020. С. 163–166. EDN: LOGKAB
7. Тихонова В.А. Политическая культура Российского общества: концептуальный аспект // Науки о культуре: теория и практика : колл. монография. М. : Московский государственный институт культуры, 2023. С. 131–139. EDN: ZWXQDU
8. Жинкин С.А. Принцип этнокультурной самореализации и защиты этнической и культурной самобытности в современном российском законодательстве / С.А. Жинкин, С.В. Саликова // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 2. С. 2–6. EDN: SSYGCX
9. Савельев В.В. Понятия «культурно-национальный» и «национально-культурный» в российском законодательстве // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 6(180). С. 9–20. EDN: JLSZZS
10. Рябченко П.С. Генезис права на национально-культурное развитие // Юрист-Правоведъ. 2021. № 1 (96). С. 221–227. EDN: NVERJO
11. Исаев Д.А. Эволюция содержания права на самоопределение народов // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 8-1. С. 63–69. EDN: VATCFM
12. Захарцев С.И. Ментальность народа и правовое развитие государства / С.И. Захарцев, Д.В. Кривоносова, В.П. Сальников // Теория государства и права. 2024. № 1(35). С. 100–115. DOI: 10.47905/MATGIP_2024_1_35_100 EDN: FUGQUS
13. Башмакова И.В. Исторические и социальные факторы формирования прав коренных малочисленных народов Западной Сибири // Обеспечение охраны интересов коренных малочисленных народов в современном мире: Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 02 апреля 2024 года. Ханты-Мансийск : Сектор редакционно-издательской работы Научной библиотеки ЮГУ, 2024. С. 47–56. EDN: MBWXHN
14. Косова В.В. О развитии правосознания и правовой культуры в процессе формирования правового государства в России // Эпомен. 2021. № 62. С. 71–77. EDN: EAKKMZ
15. Ямбушев Ф.Ш. Роль правовой культуры в формировании правового государства в Российской Федерации / Ф.Ш. Ямбушев, Е.С. Келейникова // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития: Материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 23–24 апреля 2024 года. Саранск : РИЦ МГПУ, 2024. С. 221–224. EDN: IYZWTK
16. Худобина Д.А. Особенности современной правовой культуры и ее структурных компонентов // Эпомен. 2022. № 72. С. 338–344. EDN: FCSNOM
17. Беденков В.В. Особенности формирования правовой культуры в России // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2(34). С. 17–20. EDN: BMVJCU

References:

1. The Constitution of the Russian Federation. URL : <http://consultant.ru>

© Никитина А.П., Юшкина Т.В., Чагин В.С.

2. Bekishiev A.A. Cultural and historical factors in the development of the Russian legal system / A.A. Bekishiev, M.A. Mirzaev // Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. 2016. Vol. 31. № 1. P. 32–37. EDN: WVOLLF
3. Kalandarishvili Z.N. The influence of religious and spiritual elements on the formation of Russian legal culture / Z.N. Kalandarishvili, D.P. Gezenko // Issues of Russian and international law. 2022. Vol. 12. № 5A. P. 25–30. DOI: 10.34670/AR.2022.61.49.003 EDN: JVZHXV
4. Zagainova Yu.V. Transformation of legal and cultural values in the legal consciousness of Russians as a factor in the stabilization of the Russian legal system / Yu.V. Zagainova, I.A. Krygina // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2022. № 3(142). P. 73–76. EDN: ZFQIAV
5. Balkova V.G. Theoretical and legal analysis of the legal system of modern Russia / V.G. Balkova, A.S. Torchilo // Law, economics and management: status, problems and prospects: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Cheboksary, August 22, 2024. Cheboksary : Limited Liability Company Publishing House Wednesday, 2024. P. 265–270. EDN: DGDQOG
6. Yun L.V. Legal culture as an element of the Russian legal system: general theoretical aspects / L.V. Yun; Edited by R.F. Stepanenko, S.N. Tagaeva // Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation), Kazan, 06–07 February 2020. Kazan : University of Management «TISBI», 2020. P. 163–166. EDN: LOGKAB
7. Tikhonova V.A. The political culture of Russian society: a conceptual aspect // Cultural sciences: theory and practice : collective monograph. M. : Moscow State Institute of Culture, 2023. P. 131–139. EDN: ZWXQDU
8. Zhinkin S.A. The principle of ethnocultural self-realization and protection of ethnic and cultural identity in modern Russian legislation / S.A. Zhinkin, S.V. Salikova // Law Bulletin of Kuban State University. 2020. № 2. P. 2–6. EDN: SSGYCX
9. Savelyev V.V. The concepts of «cultural-national» and «national-cultural» in Russian legislation // Ethnosocium and interethnic culture. 2023. № 6(180). P. 9–20. EDN: JLSZZS
10. Ryabchenko P.S. The genesis of the right to national and cultural development // Lawyer-Jurist. 2021. № 1 (96). P. 221–227. EDN: NVEPJO
11. Isaev D.A. The evolution of the content of the right to self-determination of peoples // Issues of Russian and international law. 2024. Vol. 14. № 8-1. P. 63–69. EDN: VATCFM
12. Zakhartsev S.I. The mentality of the people and the legal development of the state / S.I. Zakhartsev, D.V. Krivonosova, V.P. Salnikov // Theory of the state and law. 2024. № 1(35). P. 100–115. DOI: 10.47905/MATGIP_2024_1_35_100 EDN: FUGQUS
13. Bashmakova I.V. Historical and social factors of the formation of the rights of indigenous small-numbered peoples of Western Siberia // Ensuring the protection of the interests of indigenous small-numbered peoples in the modern world: A collection of scientific articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Khanty-Mansiysk, April 02, 2024. Khanty-Mansiysk : Sector of editorial and publishing work of the Scientific Library of the SOUTH, 2024. P. 47–56. EDN: MBWXHN
14. Kosova V.V. On the development of legal awareness and legal culture in the process of forming a rule-of-law state in Russia // Epom. 2021. № 62. P. 71–77. EDN: EAKKMZ
15. Yambushev F.S. The role of legal culture in the formation of the rule of law in the Russian Federation / F.S. Yambushev, E.S. Keleynikova // Cooperation of science and society as a tool for modernization of innovative development: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Saransk, April 23–24, 2024. Saransk : RIC MGPU, 2024. P. 221–224. EDN: IYZWTK
16. Khudobina D.A. Features of modern legal culture and its structural components // Epom. 2022. № 72. P. 338–344. EDN: FCSNOM
17. Bedenkov V.V. Features of the formation of legal culture in Russia // Altaisky yuridicheskiy vestnik. 2021. № 2 (34). P. 17–20. EDN: BMVJCU

Информация об авторах

Никитина Алина Петровна

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Кубанский государственный университет
SPIN-код: 1730-6410
AuthorID: 822953
ORCID: 0000-0002-3745-2946
akilina7777@bk.ru

Alina P. Nikitina

Doctor of Law,
Professor of the Department of Theory
and History of State and Law,
Kuban State University
SPIN-код: 1730-6410
AuthorID: 822953
ORCID: 0000-0002-3745-2946
akilina7777@bk.ru

Юшкина Татьяна Викторовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,

Tatyana V. Yushkina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Theory
and History of State and Law,

Кубанский государственный университет
SPIN-код: 1104-3371
AuthorID: 642561
ORCID: 0000-0002-5657-9950
3838888@rambler.ru

Чагин Владимир Сергеевич
преподаватель кафедры юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт (филиал),
Российский университет кооперации
SPIN-код: 6006-9510
AuthorID: 998994
ORCID: 0009-0003-8000-6874
chagin-vs@yandex.ru

Kuban State University
SPIN code: 1104-3371
AuthorID: 642561
ORCID: 0000-0002-5657-9950
3838888@rambler.ru

Vladimir S. Chagin
Lecturer in the Department of Jurisprudence,
Krasnodar Cooperative Institute (branch),
Russian University of Cooperation
SPIN code: 6006-9510
AuthorID: 998994
ORCID: 0009-0003-8000-6874
chagin-vs@yandex.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 26.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-18>

УДК 340.12

Attribution

cc by

ДИНАМИКА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Орфаниди Н.И., Чагин В.С.

Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

Аннотация. Актуальность. В статье анализируется трансформация правовой культуры России с 1990-х годов. Выделены ключевые этапы: дезинтеграция советской системы (1990-е), этатистская стабилизация (2000-е), рост правовой активности (2010-е) и курс на правовой суверенитет в текущий период. Выявлено ключевое противоречие – разрыв между формальными институтами и массовым правосознанием. Сделан вывод о гибридном характере этой культуры, сочетающей элементы разных традиций и находящейся в состоянии динамики. Данная статья ставит своей задачей проследить основные веки этого сложного, нелинейного процесса, выявив его специфику на каждом из ключевых этапов: 1990-е, 2000-е, 2010-е годы и современный период. Объект исследования: правовая культура российского общества как комплексное социально-правовое явление. Цель научной работы: проанализировать этапность и содержательные изменения правовой культуры России в демократический период её истории. Методологией выступили: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и социологический методы. Выводы: правовая культура концептуализируется как органический продукт взаимодействия государства и общества, призванный обеспечить внутреннюю целостность и внешний суверенитет России.

Ключевые слова: правовая культура, региональные различия, правовой менталитет, правовой нигилизм, традиционные правовые системы, правовое пространство, субъект Российской Федерации, унификация права, юридическая аккультурация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE DYNAMICS OF THE LEGAL CULTURE IN MODERN RUSSIA

Nellya I. Orfanidi, Vladimir S. Chagin

Krasnodar Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation

Abstract. Relevance. The article analyzes the transformation of Russia's legal culture since the 1990s. Key stages are identified: the disintegration of the Soviet system (1990s), statist stabilization (2000s), the growth of legal activity (2010s), and the current course towards legal sovereignty. A key contradiction is revealed: the gap between formal institutions and mass legal consciousness. A conclusion is made about the hybrid nature of this culture, combining elements of different traditions and being in a state of dynamics. This article aims to trace the main centuries of this complex, non-linear process, identifying its specifics at each of the key stages: the 1990s, 2000s, 2010s, and the modern period. The object of the study is the legal culture of Russian society as a complex socio-legal phenomenon. The purpose of the scientific work: to analyze the stages and substantive changes in the legal culture of Russia during the democratic period of its history. The methodology used was: historical-legal, comparative-legal, formal-legal and sociological methods. Conclusions: Legal culture is conceptualized as an organic product of the interaction between the state and society, designed to ensure Russia's internal integrity and external sovereignty.

Keywords: legal culture, regional differences, legal mentality, legal nihilism, traditional legal systems, legal space, constituent entity of the Russian Federation, legal unification, legal acculturation.

Funding: Independent work.

Введение.

Правовая культура является барометром состояния общества и государства, отражая степень усвоения правовых ценностей, уважения к закону и готовности действовать в его рамках.

Для современной России, пережившей в конце XX века кардинальную смену политико-правовой парадигмы, анализ динамики правовой культуры представляет особый научный и практический интерес. Распад СССР и начало демократических реформ ознаменовали собой точку отсчёта для формирования новой правовой системы и, что более сложно, новой правовой культуры.

В контексте историко-правового анализа 1990-х годов, в России наблюдается парадоксальная дихотомия общественного правосознания; период, последовавший за распадом СССР, характеризуется сочетанием правового романтизма, связанного с надеждами на демократические преобразования, и глубокого институционального кризиса.

Анализ научных работ (И.В. Упоров, М.М. Османов, О.А. Артюхин, А.А. Крицкая, А.В. Гаврилова) позволяет выявить ключевые векторы трансформации правовой культуры.

И.В. Упоров демонстрирует устойчивость исторических паттернов правосознания – нигилистических установок, государствоцентричности и патернализма [2].

М.М. Османов связывает системный характер правового нигилизма с ослаблением государственных механизмов [4].

О.А. Артюхин и А.А. Крицкая описывают разрушение старых и формирование новых идентификационных моделей [5].

А.В. Гаврилова анализирует институт юридической помощи как маркер продвижения к правовому государству [3].

Принятие Декларации о суверенитете и Конституции 1993 года, создание новых органов власти вызвали надежды на установление демократических принципов. Однако в реальности наблюдался серьезный кризис: пренебрежение законами, распространение коррупции, невыполнение судебных решений. Это обостряло социальное неравенство и провоцировало углубляющийся разрыв между прогрессивным законодательством и массовым правосознанием, сохранявшим прежние установки.

В 2000-е годы в России сформировалась новая правовая парадигма, основанная на усилении регулирующей роли государства. Анализ научных работ (В.Н. Карташов, И.Б. Ломакина, М.Ю. Рудь и др.) показывает, что исследователи сосредоточились на проблемах трансформации правовой культуры после кризиса 1990-х годов.

Ученые отмечают различные аспекты этой трансформации: разрушение прежней ценностной системы (О.Н. Репина), синтез традиций и современности (Ф.Х. Галлиев), неразрывную связь правовой и нравственной культуры (Р.Н. Галиахметова). А.С. Бондарев предлагает дихотомию «живой» правовой культуры и её «продуктов», а М.Ю. Рудь анализирует российскую правовую культуру как эклектичный феномен с характерными патернализмом и двойными стандартами [6; 7; 8; 9; 10].

Этатистский поворот был направлен на преодоление кризиса правовой культуры через укрепление государственной власти и правопорядка, что способствовало экономической стабильности и усилению роли правовых механизмов в урегулировании споров. Однако формальные институты продолжали сталкиваться с противоречиями реальных практик и правового сознания, результате произошла централизация правовой культуры с приоритетом ценностей порядка и государственного суверенитета над индивидуальными правами и свободами.

Цифровизация и новый запрос на справедливость – 2010–2020 годы.

Период 2010–2020 гг. характеризуется фундаментальной трансформацией правовой системы под влиянием цифровизации. Сформировалась новая нормативно-правовая парадигма, отражающая изменение восприятия справедливости в условиях цифровой эволюции. Имплементация технологий в юридическое пространство потребовала реконцептуализации традиционных правовых механизмов и интенсифицировала дискурс об аксиологических аспектах цифровизации. Данный процесс обусловил генезис новой парадигмы справедливости, требующей дальнейшего теоретико-правового осмысления.

Исследователи (С.Ю. Дегелев в соавторстве с Г.И. Петровой, В.О. Сижук, А.М. Фатхутдинова, П.Д. Лежелеков) единодушно констатируют устойчивую воспроизводящуюся природу правового нигилизма как системной характеристики российского правового менталитета [11; 12; 13; 14]. Исследователи интерпретируют его не как маргинальный феномен, а как массовое, институционализированное явление, пронизывающее все уровни социума – от рядовых граждан до государственного аппарата.

В динамике изучаемого периода отмечается трансформация его форм: на смену или в дополнение к традиционным бытовым нарушениям приходят сложные проявления, связанные с цифровой средой (киберпреступность, распространение противоправного контента), а также усиление его взаимосвязи с коррупцией и организованной преступностью.

Анализируя период 2010-х годов, авторы отмечают двойственную роль цифровизации. С одной стороны, она предоставляет инструменты для правового просвещения, с другой – усугубляет

проблему, поскольку население часто использует технологии для поиска правовых «лазеек» или потребления фрагментарной, искаженной информации.

Фиксируемый социологией новый запрос на справедливость интерпретируется не как вера в право, а как требование к государству обеспечить жёсткую реализацию законов, что свидетельствует о деформации правосознания, тяготеющего к силовым методам.

Правовой нигилизм оценивается как ключевой фактор, тормозящий формирование цифрового правового государства. Его преодоление видится в системном реформировании:

- в правовом просвещении;
- в повышении качества законодательства;
- в восстановлении доверия к институтам через гарантии верховенства закона.

Одновременно этот период времени ознаменовался технологическим развитием правовой системы (электронное правосудие, «Госуслуги»), повысившим формальную доступность права. Однако ключевой характеристикой стал рост общественной правовой активности, стимулируемой резонансными делами.

Сформировался общественный запрос на справедливость, часто вступающий в противоречие с официальной трактовкой закона. Правовая культура стала полем публичной борьбы, что сопровождалось ужесточением законодательства и растущей поляризацией правосознания.

Современный этап развития правовой культуры России проходит под знаком глубокой трансформации, вызванной изменением геополитической обстановки и курсом государства на правовой суверенитет.

В условиях трансформации глобального правопорядка актуализируется проблематика национального суверенитета как основополагающего принципа.

Диалектика взаимоотношений между внутригосударственными правовыми императивами и международно-правовыми обязательствами приобретает особую значимость в контексте усиливающейся геополитической конкуренции.

Принятие поправок к Конституции 2020 года, включая приоритет национального права над решениями межгосударственных органов, знаменует новый этап.

В условиях санкционного давления и Специальной военной операции происходит интенсивное изменение законодательства, направленное на обеспечение национальной безопасности.

Юрисдикционный иммунитет государства как доктринальный элемент суверенитета претерпевает существенные модификации под воздействием экстерриториального применения национальных правовых норм иностранных государств.

Анализ научных трудов (В.В. Беденков, Г.М. Барыкин, Э.Р. Айвазова, В.Б. Дрюпин) позволяет выявить ключевые векторы осмысления правовой культуры в контексте суверенного развития.

В современной российской юридической науке доминирует подход, интерпретирующий правовую культуру как ключевой элемент суверенной правовой системы, формирующийся в условиях геополитического и цивилизационного самоопределения.

Исследователи едины в критике механического трансплантирования западных правовых моделей и обосновывают необходимость формирования аутентичной правовой культуры, синтезирующей следующие компоненты: сильную регулируемую роль государства; опору на традиционные духовно-нравственные ценности; учет правового плюрализма многонационального общества; преодоление системных деформаций правосознания через правовое воспитание [15; 16; 17; 18].

Таким образом, правовая культура концептуализируется как органический продукт взаимодействия государства и общества, призванный обеспечить внутреннюю целостность и внешний суверенитет России. В ней усиливаются тенденции приоритета коллективных ценностей безопасности и суверенитета над индивидуальными свободами, а также дальнейшая централизация правового регулирования, что отражает адаптацию к логике «осажденной крепости».

Заключение.

Подводя итоги нашего анализа, следует отметить, что динамика правовой культуры демократического периода России демонстрирует сложный путь от революционного романтизма и нигилизма 1990-х через элитарную стабилизацию 2000-х и публичную поляризацию 2010-х к текущему этапу суверенизации и мобилизации.

Несмотря на все трансформации, сохраняется ключевая проблема – разрыв между формально-правовыми установлениями, часто вполне современными, и их реальным воплощением в практиках власти и сознании граждан.

Современная правовая культура России остается гибридной, сочетая элементы либерально-демократической правовой традиции с сильными элитарными и коллективистскими началами. Её дальнейшее развитие будет определяться как внутренними социально-политическими процессами, так и внешнеполитическими факторами.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.
Литература: 1. Конституция Российской Федерации. URL : http://consultant.ru 2. Упоров, И. В. Отношение к праву россиян в динамике исторического процесса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 7-3(94). С. 132–136. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-7-3-132-136 EDN: NZCCQM 3. Гаврилова А.В. Развитие института квалифицированной юридической помощи в России и на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 2. С. 410–437. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-410-437 EDN: LVKDBL 4. Османов М.М. Проблемы борьбы с правовым нигилизмом в России // Образование и право. 2021. № 3. С. 398–401. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-3-398-401 EDN: PDTYLW 5. Артюхин О.А. Политико-правовые элементы национальной идентичности российских граждан / О.А. Артюхин, А.А. Крицкая // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2(80). С. 107–112. EDN: HEFNED 6. Галиев Ф.Х. Изменяющийся мир и правовая культура // Право и образование. 2009. № 12. С. 64–71. EDN: KXWGHV 7. Бондарев А.С. Правовая культура и продукты правовой культуры в их соотношении // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 2(8). С. 8–15. EDN: MNLDJB 8. Галиахметова Р.Н. Нравственно-правовая культура как элемент социально-профессиональной культуры // Новые педагогические исследования. 2007. № 1. С. 35–39. EDN: MCAIBL 9. Репина О.Н. Правовая культура личности: к определению понятия // Инновации в образовании. 2008. № 11. С. 43–50. EDN: JVNGB 10. Рудь М.Ю. Правовая культура в современной России (социально-философский анализ) // Общество и право. 2007. № 4(18). С. 286–289. EDN: QARMOF 11. Лежепев П.Д. Правовой нигилизм // Трансформация права: Материалы VII Всероссийского научно-практического Форума студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 03–06 декабря 2024 года. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2025. С. 1034–1042. EDN: CQZRMF 12. Сижук В.О. Последствия правового нигилизма // Ценности права: Сборник статей I всероссийской научно-практической конференции первокурсников, Екатеринбург, 11–12 мая 2022 года. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2022. С. 248–255. EDN: CMPCLX 13. Фатхутдинова А.М. Правовой нигилизм в современном обществе: проблемы теории и практики // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 4(39). С. 32–34. EDN: UZEWKX 14. Дегелев С.Ю. Правовой нигилизм современного российского общества / С.Ю. Дегелев, Г.И. Петрова; Под общей ред. Е.С. Щеплякова, В.В. Сафронова; Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева // Основные тенденции развития российского законодательства : Сборник материалов по итогам XIII Региональной научно-практической конференции, Красноярск, 28 ноября 2018 года. Красноярск : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2019. С. 38–41. EDN: GHEJOP 15. Ayvazova E.R. The essence of legal culture as a factor of security of society and the individual in modern Russia. March 15, 2024. 2024. P. 914–921. 16. Барыкинский Г.М. Правовая культура и догматизм в России // Устойчивое развитие науки и образования. 2023. № 2(77). С. 6–16. EDN: TKIJD 17. Беденков В.В. Особенности формирования правовой культуры в России // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2(34). С. 17–20. EDN: BMVJCU 18. Дрюпина В.Б. Между теорией и реальностью: правовая культура России в поисках баланса // Нет ничего практичнее хорошей теории: соотношение юридической науки и практики: Материалы круглого стола, Екатеринбург, 24 апреля 2025 года. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2025. С. 89–95. EDN: ILTSQQ	

References:

1. The Constitution of the Russian Federation. URL : <http://consultant.ru>
2. Uporov I.V. Attitude to the law of Russians in the dynamics of the historical process // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 7-3(94). P. 132–136. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-7-3-132-136 EDN: NZCCQM

3. Gavrilova A.V. Development of the institute of qualified legal aid in Russia and the post-Soviet space // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2020. Vol. 24. № 2. P. 410–437. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-410-437 EDN: LVKDBL
4. Osmanov M.M. Problems of combating legal nihilism in Russia // Education and Law. 2021. № 3. P. 398–401. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-3-398-401 EDN: PDTYLW
5. Artyukhin O.A. Political and legal elements of the national identity of Russian citizens / O.A. Artyukhin, A.A. Kritskaya // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2(80). P. 107–112. EDN: HEFNED
6. Galiev F.H. The changing world and legal culture // Law and education. 2009. № 12. P. 64–71. EDN: KXWGHV
7. Bondarev A.S. Legal culture and products of legal culture in their relationship // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2010. № 2(8). P. 8–15. EDN: MNLDJB
8. Galiakhmetova R.N. Moral and legal culture as an element of socio-professional culture // New pedagogical research. 2007. № 1. P. 35–39. EDN: MCAIBL
9. Repina O.N. Legal culture of personality: towards the definition of the concept // Innovations in education. 2008. № 11. P. 43–50. EDN: JVNEGB
10. Rud M.Y. Legal culture in modern Russia (socio-philosophical analysis) // Society and Law. 2007. № 4(18). P. 286–289. EDN: QARMOF
11. Lezhepekov P.D. Legal nihilism // Transformation of law : Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Forum of Students and Young Scientists, Yekaterinburg, December 03–06, 2024. Yekaterinburg : Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 2025. P. 1034–1042. EDN: CQZRMF
12. Sizhuk, V. O. Consequences of legal nihilism // Values of law: Collection of articles of the I All-Russian scientific and practical conference of freshmen, Yekaterinburg, May 11–12, 2022. Yekaterinburg : V.F. Yakovlev Ural State Law University, 2022. P. 248–255. EDN: CMPCLX
13. Fatkhutdinova A.M. Legal nihilism in modern society: problems of theory and practice // Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate. 2015. № 4(39). P. 32–34. EDN: UZEWKX
14. Degelev S.Y. Legal nihilism of modern Russian society / S.Y. Degelev, G.I. Petrova; Ed. by E.S. Shcheblyakov, V.V. Safronov; Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev // Main trends in the development of Russian legislation: Collection of materials on the results of the XIII Regional Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, November 28, 2018. Krasnoyarsk : Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetneva», 2019. P. 38–41. EDN: GHEJOP
15. Ayvazova E.R. The essence of legal culture as a factor of security of society and the individual in modern Russia. March 15, 2024. 2024. P. 914–921.
16. Baryinsky G.M. Legal culture and dogmatism in Russia // Sustainable development of science and education. 2023. № 2(77). P. 6–16. EDN: TKIJDS
17. Bedenkov V.V. Features of the formation of legal culture in Russia // Altaisky yuridicheskiy vestnik. 2021. № 2 (34). P. 17–20. EDN: BMVJCU
18. Drupina V.B. Between theory and reality: the legal culture of Russia in search of balance // There is nothing more practical than a good theory: the relationship between legal science and practice : Materials of the round table, Yekaterinburg, April 24, 2025. Yekaterinburg : Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 2025. P. 89–95. EDN: ILTSQQ

Информация об авторах

Орфаниди Нелля Ильдусовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры юриспруденции,
Краснодарского кооперативного института (филиал),
Российский университет кооперации
SPIN-код: 3400-7411
AuthorID: 1008373
ORCID: 0000-0002-2956-3232
zaevani@mail.ru

Nellya I. Orfanidi

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
Krasnodar Cooperative Institute (branch),
Russian University of Cooperation
SPIN code: 3400-7411
AuthorID: 1008373
ORCID: 0000-0002-2956-3232
zaevani@mail.ru

Чагин Владимир Сергеевич

преподаватель кафедры юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт (филиал),
Российского университета кооперации
SPIN-код: 6006-9510
AuthorID: 998994
ORCID: 0009-0003-8000-6874
chagin-vs@yandex.ru

Vladimir S. Chagin

Lecturer in the Department of Jurisprudence,
Krasnodar Cooperative Institute (branch),
of the Russian University of Cooperation
SPIN code: 6006-9510
AuthorID: 998994
ORCID: 0009-0003-8000-6874
chagin-vs@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-20>

УДК 340.1

Attribution

cc by

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ ОПАСНОСТИ АТАКИ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Плахтий Н.А.

Пензенский государственный университет

Аннотация. В статье анализируются факторы, которые можно положить в основу формирования нового специального правового режима опасности атаки беспилотных летательных аппаратов. Для этого автор исследует нормативную базу, регламентирующую ряд аспектов, связанных с использованием беспилотных летательных аппаратов и механизмов им противодействия при противоправном применении в чрезвычайных ситуациях, диверсиях, террористических актах, терактах. Отмечается опережающее региональное правотворчество в части правовой регуляции защиты от неправомерного использования БПЛА. Указываются предпосылки для создания нового специального режима опасности атаки беспилотных летательных аппаратов. Определяются шаги по возможному установлению специального правового режима опасности атаки беспилотных летательных аппаратов. В заключение делается вывод о том, что синтез существующих практических знаний и общетеоретических представлений детерминирует образование данного специального правового режима.

Ключевые слова: безопасность государства, правовой режим, специальный правовой режим, особый режим, чрезвычайная ситуация, БПЛА, беспилотные летательные аппараты, диверсия, теракт.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SPECIAL REGIME OF DANGER OF ATTACK BY UNMANNED AERIAL VEHICLES: THEORETICAL AND LEGAL JUSTIFICATION

Nikolay A. Plakhtiy

Penza State University

Abstract. The article analyzes the factors that can form the basis for the formation of a new special legal regime of the danger of attack by unmanned aerial vehicles. To do this, the author examines the regulatory framework governing a number of aspects related to the use of unmanned aerial vehicles and mechanisms to counter them in case of illegal use in emergency situations, sabotage, terrorist attacks, and terrorist attacks. The advanced regional lawmaking is noted in terms of legal regulation of protection against illegal use of UAVs. The prerequisites for the creation of a new special regime of the danger of attack by unmanned aerial vehicles are indicated. The steps for the possible establishment of a special legal regime of the danger of attack by unmanned aerial vehicles are determined. In conclusion, it is concluded that the synthesis of existing practical knowledge and general theoretical ideas determines the formation of this special legal regime.

Keywords: state security, legal regime, special legal regime, especial legal regime, emergency situation, UAV, unmanned aerial vehicles, sabotage, terrorist attack.

Funding: Independent work.

Введение.

Российское государство в последнее время столкнулось с беспрецедентной чередой чрезвычайных ситуаций, вызванных не только природными и техногенными событиями, но и диверсионными, террористическими атаками, которые были совершены при помощи беспилотных летательных аппаратов. Только за прошед-

ший год (с августа 2024 г. по июнь 2025 г.) подобных случаев, связанных с гражданскими объектами вне зоны СВО зафиксировано свыше девяноста. Были затронуты г. Казань, г. Москва, Белгородская, Брянская, Курская, Московская, Ростовская, Саратовская, Тамбовская область, равно как Краснодарский край, Республика Татарстан и т.д. [1].

© Плахтий Н.А.

Массовость, чрезвычайность и тяжесть последствий таких происшествий, как для государства, так и для юридических и физических лиц детерминирует необходимость поиска правовых механизмов и инструментов, которые в полной мере смогут обеспечить государственную и общественную безопасность России. Как думается, для нашей страны – это своеобразный вызов, на который должен быть дан разумный юридический «ответ». Охрана общества и государства от внешних угроз является одной из целей правоохранительной деятельности российского государства [2, с. 29].

В этой связи, последствия игнорирования подобных событий приведут к подрыву стабильности и безопасности граждан, невозможности эффективного функционирования ряда заводов, предприятий, учреждений.

Одним из предлагаемых нововведений, в этом случае, является повсеместное внедрение специальных правовых режимов для противодействия одиночным и массовым атакам беспилотных летательных аппаратов. Установление данного вида особого порядка урегулирования общественных, экономических, социальных и юридических аспектов действительности будет способствовать решению задач в обеспечении безопасности российского общества и государства при угрозах террористических актов, диверсий и терактов.

Обсуждение. Результаты.

На сегодняшний день среди всего перечня особых юридических порядков действуют административные режимы [3], чрезвычайные режимы [4], правовой режим военного положения [5], правовой режим повышенной готовности [6], правовой режим контртеррористической операции [7] и др.

Формально режим опасности атаки беспилотных летательных аппаратов уже используется в ряде областей России (Воронежской, Курской, Липецкой и т.д.) [8]. Однако любой специальный правовой режим должен основываться на двух базисах: фактическом и юридическом [9, с. 288–289]. В этом аспекте, правовой режим опасности атаки беспилотных летательных аппаратов является исключением, так как он применяется и объявляется (к примеру, губернаторами области), но не имеет юридического оформления в нормативных источниках.

Считаем, что такое положение вещей не совсем правильно, поэтому проведение научных исследований в этой плоскости необходимо, важно и перспективно. Это обусловлено не только существующими пробелами в этой теме, но и чередой диверсионных, террористических атак, напрямую связанных с использованием беспилотных летательных аппаратов.

Кроме этого, отсутствие реально эффективных юридических методик, ограничивающих факто-

ров, принципов и правовых инструментов оперативного обеспечения защиты государства и общества является одной из причин, когда беспилотные летательные аппараты могут использоваться с умышленной целью совершить противоправные действия, направленных на гибель или устрашение людей, причинение значительного материального ущерба либо наступления аварий, катастрофы или иных особо тяжких, чрезвычайных и исключительных последствий.

Как нам представляется, решение данной концептуальной проблемы заключается в разработке теоретических и правовых основ нового специального правового режима опасности атаки беспилотных летательных аппаратов на территории Российской Федерации. Широкое, повсеместное и неконтролируемое распространение беспилотных летательных аппаратов в воздушном пространстве нашей страны создаёт опасность их применения в противоправных и противозаконных целях.

Правовое регулирование деятельности беспилотных летательных аппаратов на территории Российской Федерации находится только в процессе становления.

Существует большой комплекс общих норм, упорядочивающих подобные моменты, но практически отсутствуют специальные или (и) исключительные нормы, которые необходимы для учета разнообразия подходов по взаимодействию с данным видом материального объекта [10, с. 337–338].

Основные аспекты, связанные с использованием таких малых воздушных судов регламентированы Воздушным кодексом РФ от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ и Федеральными правилами использования воздушного пространства РФ (утв. Постановлением Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138). Помимо этого, есть ряд других нормативных источников, к примеру, ФЗ от 14 марта 2009 г. № 31-ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними», Постановление Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 658 «Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, ввезенных в РФ или произведенных в РФ». Однако ни в этих правовых документах, ни в других нигде прямо не обговариваются и не устанавливаются предупредительные режимы, связанные с ограничением полета беспилотных летательных аппаратов при вероятной угрозе совершения террористических или диверсионных атак. Лишь в Постановлении Правительства РФ от 30 апреля 2025 г. № 588 «Об особенностях защиты от актов незаконного вмешательства с использованием беспилотных аппаратов объектов транспортной инфраструктуры и (или) групп объектов транспортной инфраструктуры, вокруг которых устанавливаются зоны безопасности» регулируются некоторые вопросы, направленные на

ограничение работы БПЛА на объектах стратегического значения.

Если обратиться к существующим специальным правовым режимам, направленным на регуляцию чрезвычайных и исключительных ситуаций, случаев и событий (к примеру, террористические акты, диверсии, теракты) то следует констатировать аналогичную ситуацию [11].

В таких нормативных актах, как ФКЗ от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», ФКЗ от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении», ФЗ от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», ФЗ от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» указанные положения не предусмотрены. Даже режим повышенной готовности не предусматривает введения ограничений на использование БПЛА, а только предполагает принятие общих оперативных мер по предупреждению возникновения и развития чрезвычайных ситуаций, снижению размеров ущерба и потерь в случае их возникновения (п. 28 Постановления Правительства РФ от 30.12.2003 № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»).

Именно поэтому, в некоторых субъектах РФ (Саратовская область, Нижегородская область и другие), сразу после ряда диверсионных атак, проводимых при помощи беспилотных летательных аппаратов, губернаторы области для защиты своего региона самостоятельно принимали решение об ограничении использования беспилотных воздушных судов на их территории (Постановление Губернатора Саратовской области от 24.10.2022 № 392 «О реализации Указа Президента РФ от 19 октября 2022 года № 757»; Указ Губернатора Нижегородской области от 28.10.2022 № 231 «О реализации Указа Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах РФ в связи с Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756») [12]. Руководители этих регионов, опираясь в своих решениях на Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757, вводили запрет на использование гражданами беспилотных летательных аппаратов. При этом Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 прямо не делегирует полномочия и не дает никаких указаний (оснований) для введения моратория на использование БПЛА. В результате подобного решения формально происходило ограничение законных прав граждан. Впрочем, восполнение юридического пробела федерального законодательства на региональном уровне с определенными оговорками вполне допустимо [13].

В данном случае, можно говорить об опережающем региональном правотворчестве, в соответствии с которым высшие должностные лица принимали решения о запрете на использование беспилотных летательных аппаратов [14].

В то же время, как нам представляется, принятие таких региональных инициатив на территории отдельных субъектов РФ не решает полностью существующей проблемы. Отсутствие специального правового механизма в этой области невозможно восполнить отдельными юридическими «заплатками» регионального масштаба. Постоянная череда террористических и диверсионных актов, осуществляемых с помощью беспилотных летательных аппаратов на территории Российской Федерации является тому доказательством (только в 2024 году над 35 регионами вне зоны СВО было сбито около 7345 БПЛА) [15].

В российской научной среде и в мировой науке вопросы использования специального правового режима для противодействия террористическим, диверсионным атакам при помощи беспилотных летательных аппаратов мало изучены.

Исследовательский фундамент по данной проблеме формируется прежде всего на основе источников общего плана по таким темам как «специальные правовые режимы», «особые правовые режимы», «правовые режимы». К примеру, можно привести перечень следующих авторов, которые посвятили свои работы указанной проблематике: Ф.С. Агузарова, С.В. Баринов, М.М. Бринчук, М.В. Демченко, Н.А. Дмитрик, В.Н. Власенко, С.И. Захарцев, А.В. Кудашкин, А.П. Лиманская, А.А. Максуров, А.В. Мелехин, А.А. Мохов, Д.Н. Рачев, Г.Ф. Ручкина, В.А. Симонов, В.Н. Синельникова, С.Ю. Суменков.

В зарубежной литературе отдельные аспекты использования различных правовых режимов в качестве юридического механизма аналогичным образом детально исследуются. Преимущественно зарубежные исследователи обращают внимание на особые разновидности специальных правовых режимов. В частности, можно привести по этой теме работы таких ученых Белоруссии, Великобритании, Италии, Израиля, как Ю. Гаврильченко, В.Г. Стаценко, Ю. Хватик, Т. Giladi Shtub., W. Hurst, F. Marongiu Buonaiuti.

Исходя из анализа существующей литературы как в трудах отечественных, так и зарубежных ученых, задача необходимости создания и введения специального правового режима опасности для защиты от атак беспилотных летательных аппаратов в полной мере не разрешена.

Недостаток действенных решений о том, как и каким образом, следует обеспечить безопасность государства и общества от террористических и диверсионных атак, проводимых при помощи БПЛА, детерминирует потребность выведения комплексного предложения о создании нового правового режима.

Считаем, что для нашей страны в сфере вышеназванных обстоятельств дилемма по разрешению указанной проблематики стоит более чем остро.

В качестве основных предпосылок формирования специального правового режима опасности для защиты от атак беспилотных летательных аппаратов можно определить следующие факторы:

- 1) обеспечение безопасности общества и государства;
- 2) восполнение юридического пробела на федеральном уровне;
- 3) обобщение практического опыта различных регионов по борьбе с атаками БПЛА;
- 4) поиск эффективного решения по принятию мер предупреждения и защиты от атак БПЛА;
- 5) необходимость создания концептуальных моделей поведения для органов публичной власти, граждан, учреждений и т.д. при атаках БПЛА.

Как думается, первоначально для обеспечения безопасности государства и общества от постоянных террористических и диверсионных актов с помощью атак беспилотных летательных аппаратов нужно сформировать единый базис юридического механизма по противодействию террористическим актам и диверсиям, осуществляемых посредством малых воздушных судов.

Обратим внимание на то, что похожее предложение уже обсуждалось ранее. Так, рассматривалось введение специального нормативного правового акта, где будет прописан порядок работы с БПЛА [16, 275–276]. Однако указанная инициатива не учитывала, как практический опыт последних лет, так и то, насколько подобные летательные средства могут стать серьезной потенциальной угрозой при террористических и диверсионных атаках.

В этой связи, предлагается предпринять несколько шагов для образования специального правового режима опасности для защиты от атак беспилотных летательных аппаратов следующего плана:

- а) разработать теоретическую концепцию специального правового режима опасности атаки беспилотных летательных аппаратов с учетом анализа существующей практики;
- б) установить и обобщить перечень нормативных правовых актов с целью формирования единой правовой системы по предупреждению и противодействию атакам беспилотных летательных аппаратов;
- в) выявить и устранить системные пробелы в российской правовой системе в части противоправного использования беспилотных летательных аппаратов для осуществления террористических, диверсионных актов, терактов;
- г) провести мониторинг и анализ зарубежного законодательства для заимствования положи-

тельного опыта о работе специальных правовых режимах при террористических актах, диверсиях, терактах или (и) специальных правовых режимах эксплуатации беспилотных летательных аппаратов.

Деятельность подобного рода позволит снизить противоречивость и лакуарность российской правовой системы в рамках борьбы с незаконным использованием беспилотных летательных аппаратов при террористических, диверсионных актах, терактах.

В порядке обоснования создания нового специального правового режима опасности атак БПЛА следует обратить внимание на диалектическое противоречие между наличием у физических и юридических лиц прав на использование беспилотных летательных аппаратов и существующими основаниями (условиями) их ограничений в порядке действующего законодательства.

Кроме этого, вполне разумным решением в контексте такого специального режима видится разработка аналитической записки для государственных и муниципальных органов о методах и способах борьбы с террористическими атаками, диверсиями, терактами, осуществляемых при помощи беспилотных летательных аппаратов.

Заключение.

На сегодняшний день действие обширного перечня специальных режимов не могут в полной мере обеспечить безопасность государства и общества от одиночных и массовых атак беспилотных летательных аппаратов. Для защиты от потенциальной угрозы подобного плана и направлена идея формирования нового специального режима опасности атаки БПЛА.

Предполагается, что ожидаемые результаты данной инициативы позволят образовать благодатную почву для внедрения предложений и рекомендаций по созданию юридических механизмов обеспечения безопасности граждан и государства от атак беспилотных летательных аппаратов в результате террористических актов, диверсий, терактов.

Заметим, что подобное нововведение не должно быть реализуемо без привлечения органов государственной и муниципальной власти, представителей общественности. Как мы полагаем, именно их опыт должен быть заложен при поиске разрешения проблем эффективности борьбы с незаконным использованием малых воздушных судов. Это обусловлено еще тем обстоятельством, что в силу последних тенденций по ограничению прав и свобод граждан, в части эксплуатации БПЛА, возникают коллизии, по юридическому урегулированию указанных отношений.

Разработка правовой модели специального правового режима опасности атаки беспилотных летательных аппаратов должна учитывать подобные нюансы и предполагать варианты выход-

да из сложных и противоречивых ситуаций, складывающихся в правовой действительности.

Логика, предлагаемого специального правового режима обязана интегрировать практические знания и теоретические основания в работу подобного рода инструментария.

На данное обстоятельство важно обратить более чем пристальное внимание, так как именно российский опыт будет являться краеугольным камнем для выработки эффективного юридического механизма по противодействию диверсионным и террористическим атакам, связанных с использованием беспилотных летательных аппаратов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Удары Вооруженных сил Украины по гражданским целям на территории Российской Федерации // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL : <http://duma.gov.ru/news/61588> (дата обращения 11.09.2025).
2. Свечников Н.И. Сущность правоохранительной деятельности // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 7 (116). С. 28–37. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.028-037 EDN: RXNHJ
3. Благоев А.Д. Сущность и особенности административно-правового режима // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2007. № 2. С. 125–131. EDN: JJZGTV
4. Громов М.А. Понятие «чрезвычайные правовые режимы»: их виды, характеризующие признаки, классификация // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 3(27). С. 129–132. EDN: SHQXP
5. Советов И.К. Правовой режим военного положения в системе обеспечения национальной безопасности России // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 3(93). С. 8–17. EDN: TPVAMN
6. Фахрутдинова Г.Р. Режим повышенной готовности: особенности функционирования органов управления / Г.Р. Фахрутдинова, А.Р. Хасанова, А.А. Кадикова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 1–3(52). С. 164–167. DOI: 10.24411/2500-1000-2021-1153 EDN: GEUADP
7. Киреев М.П. Контртеррористическая операция, ее правовой режим: теоретико-правовой аспект / М.П. Киреев, А.А. Беляев // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3(43). С. 36–40. EDN: ZGZPLR
8. В Воронежской области сработала тревога об угрозе удара БПЛА // Официальный сайт Информационного агентства URA.RU. URL : <https://ura.news/news/1052993768?ysclid= mff17ptkwb958206136> (дата обращения 11.09.2025).
9. Беляева Г.С. Правовой режим: понятие и признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 281–293. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-281-293 EDN: BHEVED
10. Суменков С.Ю. Специальные и исключительные нормы как компонент специального правового статуса: особенности соотношения и формы объективирования // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47. № 2. С. 334–341. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-334-341 EDN: GREYTG
11. Плахтий Н.А. Исключительный случай в правовом режиме исключений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2(151). С. 60–66. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-2-60-66 EDN: XEPAYR
12. Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 11.09.2025).
13. Лушников П.В. Пробелы в праве и способы их восполнения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2020. № 3. С. 396–405. DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-3-396-405 EDN: UUMMGL
14. Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 20–29. DOI: 10.12737/jrl.2019.9.2 EDN: SFJMHY
15. Официальный сайт информационного агентства ТАСС. URL : <https://tass.ru/armiya-i-opk/22862037?ysclid= mffjxrf4m5392263903> (дата обращения 14.09.2025).
16. Кузьмищев Р.И. Теоретико-правовые основы установления правового режима беспилотных летательных аппаратов на территории РФ / Р.И. Кузьмищев, Е.В. Евсикова // Modern Science. 2021. № 4–3. С. 273–277. EDN: JKCLUG

References:

1. Strikes by the Ukrainian Armed Forces against civilian targets on the territory of the Russian Federation // Official website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL : <http://duma.gov.ru/news/61588> (date of application 11.09.2025).

2. Svechnikov N.I. The essence of law enforcement activity // Lex Russica (Russian law). 2016. № 7(116). P. 28–37. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.028-037 EDN: RXNHNJ
3. Blagov A.D. The Essence and Features of the Administrative-Legal Regime // Bulletin of the Irkutsk State University of Economics. 2007. № 2. P. 125–131. EDN: JJZGTV
4. Gromov M.A. The Concept of «Emergency Legal Regimes»: Their Types, Characteristic Features, and Classification // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 3(27). P. 129–132. EDN: SHQUXP
5. Sovetov I.K. The Legal Regime of Martial Law in the System of Ensuring National Security of Russia // Bulletin of the Kama Social Institute. 2022. № 3(93). P. 8–17. EDN: TPVAMN
6. Fakhrutdinova G.R. High alert mode: features of the functioning of governance bodies / G.R. Fakhrutdinova, A.R. Khasanova, A.A. Kadikova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 1–3 (52). P. 164–167. DOI: 10.24411/2500-1000-2021-1153 EDN: GEUADP
7. Kireev M.P. Counter-terrorism operation, its legal regime: theoretical and legal aspect / M.P. Kireev, A.A. Belyaev // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3(43). P. 36–40. EDN: ZGZPLR
8. A drone strike threat alarm was sounded in the Voronezh Region // Official website of the URA.RU Information Agency. URL : <https://ura.news/news/1052993768?ysclid= mff17ptkwb958206136> (date of application 11.09.2025).
9. Belyaeva G.S. Legal regime: concept and characteristics // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2021. Vol. 25. № 1. P. 281–293. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-281-293 EDN: BHEVED
10. Sumenkov S.Yu. Special and exceptional norms as a component of special legal status: features of the relationship and forms of objectification // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. 2022. Vol. 47. № 2. P. 334–341. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-334-341 EDN: GREYTG
11. Plakhtiy N.A. Exceptional Case in the Legal Regime of Exceptions // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. № 2(151). P. 60–66. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-2-60-66 EDN: XEPAYR
12. Official Internet Portal of Legal Information. URL : <http://pravo.gov.ru> (date of application 11.09.2025).
13. Lushnikov P.V. Gaps in the Law and Ways to Fill Them // Bulletin of Udmurt University. Series «Economics and Law». 2020. № 3. P. 396–405. DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-3-396-405 EDN: UUMMGL
14. Zaloilo M.V. The anticipatory nature of lawmaking and the problem of synchronization of legal regulation // Journal of Russian Law. 2019. № 9. P. 20–29. DOI: 10.12737/jrl.2019.9.2 EDN: SFJMHY
15. Official website of the information agency TASS. URL : <https://tass.ru/armiya-i-opk/22862037?ysclid=apo semantic45392263903> (date of application 14.09.2025).
16. Kuzmishchev R.I. Theoretical and Legal Foundations for Establishing the Legal Regime for Unmanned Aerial Vehicles on the Territory of the Russian Federation / R.I. Kuzmishchev, E.V. Evsikova // Modern Science. 2021. № 4–3. P. 273–277. EDN: JKCLUG

Информация об авторе

Плахтий Николай Алексеевич
кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры государственно-правовых дисциплин
Юридического института,
Пензенский государственный университет
ORCID: 0000-0003-3178-3442
nikolas-plakhtii@yandex.ru

Nikolay A. Plakhtiy
Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer Department
of State and Legal Disciplines
Law Institute,
Penza State University
ORCID: 0000-0003-3178-3442
nikolas-plakhtii@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-22>

УДК 340.12

Attribution

cc by

ФЕНОМЕН ЗАКОННОСТИ: СУЩНОСТЬ И СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Савенков А.А.

АО «НАСК»

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу законности как ключевого, но методологически проблемного понятия в современной юриспруденции. Автор подчеркивает, что, несмотря на многовековую эволюцию правовой мысли, целостное понимание этого многогранного феномена остается не выработанным. Отмечается недостаточность его междисциплинарного исследования в истории политико-правовых учений, философии и теории права. В работе критически рассматриваются основные научные подходы: от классических концепций, разделяющих легальность и легитимность (с опорой на философию Канта), до современных редукционистских течений, в частности «нового правового реализма». Показано, что последний, растворяя право в политических, экономических и социальных контекстах, элиминирует саму проблему законности, что ведет к ее инструментализации и правовому нигилизму. На примере резонансных судебных дел о финансовых преступлениях в Германии иллюстрируются практические сложности обеспечения законности. Делается вывод о необходимости поиска сбалансированной формулы законности, учитывающей как нормативный идеал, так и национальную правовую специфику, и преодолевающей крайности нормативизма и социологического редукционизма.

Ключевые слова: законность, правопорядок, легитимность, философия права, новый правовой реализм, правосознание, верховенство права, методология правовых исследований.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE PHENOMENON OF LEGALITY: THE ESSENCE AND SEMANTIC CHARACTERISTICS

Artyom A. Savenkov

NASK JSC

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of legality as a key but methodologically problematic concept in modern jurisprudence. The author emphasizes that, despite the centuries-old evolution of legal thought, a holistic understanding of this multifaceted phenomenon remains undeveloped. The insufficiency of his interdisciplinary research in the history of political and legal doctrines, philosophy and theory of law is noted. The paper critically examines the main scientific approaches: from classical concepts separating legality and legitimacy (based on Kant's philosophy) to modern reductionist trends, in particular, the «new legal realism». It is shown that the latter, by dissolving law in political, economic and social contexts, eliminates the very problem of legality, which leads to its instrumentalization and legal nihilism. The high-profile court cases of financial crimes in Germany illustrate the practical difficulties of ensuring legality. The author concludes that it is necessary to find a balanced formula of legality that takes into account both the normative ideal and national legal specifics, and overcomes the extremes of normativism and sociological reductionism.

Keywords: legality, law and order, legitimacy, philosophy of law, new legal realism, legal awareness, rule of law, methodology of legal research.

Funding: Independent work.

Введение.

Современные концепции законности представляют собой результат многовековой эволюции юридической мысли, в ходе которой ученые

стремились выработать точные и эффективные дефиниции её сущности и функциональной роли.

Историческое развитие представлений о законности характеризуется динамикой и преемствен-

ностью, что позволяет рассматривать её как сложный и многогранный феномен, подвергающийся постоянным трансформациям [4, с. 41].

Несмотря на то, что отдельные аспекты законности изучались на протяжении длительного времени, её комплексное историко-правовое исследование остается недостаточно разработанной проблематикой в рамках юридической науки [5, с. 31].

Анализ ключевых аспектов законности, таких как верховенство права, равенство всех субъектов перед законом, справедливость и легитимность, является центральным направлением в трудах множества выдающихся мыслителей. Однако, несмотря на обширную научную литературу по данной проблематике, до сих пор отсутствует целостное и системное осмысление феномена законности как комплексного правового явления. Многие аспекты данного феномена трактуются неоднозначно, что порождает интенсивные дискуссии среди представителей научного сообщества [1; 2; 5; 7; 11].

Одни исследователи связывают законность с деятельностью государственных органов, акцентируя внимание на её институциональном аспекте, тогда как другие акцентируют внимание на правосознании и социальной природе законности, рассматривая её как феномен, имманентно присущий правовому порядку.

Таким образом, проблема законности остается актуальной и многогранной, требующей междисциплинарного подхода для формирования целостного представления о её сущности и роли в правовом государстве.

Вопросы законности на протяжении многих десятилетий рассматривались преимущественно в рамках отраслевых и институциональных контекстов. Тем не менее, её общетеоретическое и сравнительно-историческое осмысление, особенно на фоне досоветского и постсоветского периодов, до сих пор остается недостаточно изученной. Многие исследования, посвященные законности в постсоветский период, склонны к упрощению её интерпретации, что во многом обусловлено логикой «антибуржуазной критики», переданной из прошлого. Эта логика трансформировалась в тенденцию к политическому самобичеванию, основанному на утопических исторических моделях, а не на эмпирических данных.

Законность является ключевым элементом конституционной организации общества и играет центральную роль в формировании юридической науки. Однако её значение как интегративного элемента мировоззрения и движущей силы правомерного поведения часто недооценивается.

Для анализа легальности необходимо рассмотреть два ключевых компонента: внешний порядок государственного и социального взаимодействия, характерный для западноевропейской правовой традиции, и внутренний аспект, свя-

занный с правосознанием, включая когнитивные, мотивационные и волевые составляющие правомерного поведения.

Формирование теоретических и прикладных аспектов законности нередко сопровождалось некритическим заимствованием иностранных правовых моделей, что приводило к использованию чужеродных критериев оценки законности и мотивации правомерного поведения. Это искажало традиционное представление о нормальной организации государства и создавало терминологическую путаницу между понятиями «легальность», «законность» и «легитимность».

Попытки разграничения этих категорий в XX–XXI веках часто имели дестабилизирующий эффект, поскольку анализ законности как обобщения успешных правовых практик, например, официальной криминальной статистики в России и Германии, подменял реальное положение вещей желаемым и не учитывал специфику национальной правовой системы. Так, в 2018 году суд в Германии рассмотрел резонансное дело, связанное с руководством финансового учреждения «Инфинус» в Дрездене. Данный процесс привел к вынесению приговоров, предусматривающих сроки лишения свободы от 8 до 5,4 лет для осужденных. Они были признаны виновными в создании финансовой пирамиды, основанной на принципе «снежного кома», что заключалось в систематическом введении в заблуждение вкладчиков. В результате мошеннической схемы пострадали 22000 человек, а общий ущерб оценивается в 312 миллионов евро¹.

Участники преступной группы заключали фиктивные сделки между 22 различными организациями, что создавало иллюзию прибылей, не имеющих под собой реальной экономической основы. Вкладчикам и брокерам была предложена мнимая экономическая модель, которая на практике не существовала. Долговые обязательства, которые должны были быть погашены, продавались с обещанием высоких процентных ставок, которые могли быть выплачены исключительно за счет средств новых инвесторов.

Расследование данного дела было инициировано в 2012 году по инициативе центрального банка ФРГ и Службы по финансовому надзору. В 2013 году, в ходе масштабного полицейского рейда, были изъяты значительные активы, включая виллы, дорогие автомобили и другие предметы роскоши. Тем не менее, с осени 2016 года все осужденные были освобождены под залог или другие меры пресечения, что вызвало критику со стороны правозащитников и экспертов в области финансового права.

Другим значимым примером является дело о мошенничестве компании «Феникс», которое привело к ущербу в размере 500 миллионов ев-

¹ См.: Ex-Infinus-Manager zu Haftstrafen verurteilt. URL : <https://www.n-tv.de/wirtschaft/Ex-Infinus-Manager-zu-Haftstrafen-verurteilt-article20520903.html>

ро и затронуло 30000 вкладчиков. Немецкие медиа продолжают сообщать о том, что жертвы мошенничества, несмотря на наличие правовых механизмов, фактически лишены возможности получения компенсации.

Наконец, следует обратить внимание на уголовное дело против группы компаний P&R, специализировавшейся на аренде контейнеров¹. Данное дело находится на стадии рассмотрения в суде. С 2010 года P&R поддерживала свою деятельность за счет мошеннических схем, привлекая средства вкладчиков. Из общего числа 1,6 миллиона контейнеров, в которые было вложено 3,5 миллиарда евро, лишь 600000 контейнеров фактически существовали. Большинство вкладчиков данной группы компаний не имеют реальных шансов на возмещение ущерба, что подчеркивает масштаб и сложность проблемы финансовых преступлений в Германии.

Суть проблемы законности можно раскрыть через несколько ключевых тезисов.

Во-первых, законность как правовая идея претерпела значительные трансформации в контексте современного понимания права. В отличие от традиционного подхода, где законность рассматривалась как абстрактная категория, в современном правоведении она интерпретируется как отношение субъектов права к ней. Этот подход соответствует установкам прагматизма и нормативизма, представленного в трудах Ганса Кельзена, который рассматривал законность как нормативную основу правовой системы.

Во-вторых, законность остаётся важным идеологическим фактором. В советский период её восприятие было обусловлено политической идеологией, а на Западе — политическими стандартами. Анализ законности часто экстраполировался на другие правовые системы, что приводило к замене реальных фактов желаемыми и создавало иллюзию универсальности правовых моделей.

В-третьих, недостаточное внимание к правосознанию является серьёзным препятствием для обеспечения законности. Анализ законодательных актов выявляет упущения в этой сфере, что создаёт впечатление неуверенности в их обязательности. Хотя процессуальные кодексы детально регламентируют порядок отправления правосудия, сама идея законности должна быть внутренне присуща праву и отражаться в правосознании граждан. Например, судебное решение не может быть незаконным, если оно соответствует действующему законодательству. Проблема

заключается в том, что понимание законности должно соответствовать способу регулирования общественных отношений, а избыточность и неуверенность формулировок в законодательстве свидетельствуют о недостатках правосознания.

Поиск оптимальной формулы законности, учитывающей региональные особенности и специфику правовой культуры, остается актуальной задачей для современной юридической науки и практики.

Исследования проблемы законности сталкиваются с очевидным дефицитом принципов, укорененных в философских традициях картезианства и кантианства, которые подчеркивают необходимость критической саморефлексии в процессе познания. В многочисленных работах, посвященных конкретным аспектам законности, часто игнорируются фундаментальные и нерешенные вопросы, хотя и признается важность обновления методологических подходов в юридических науках. В результате, проблема законности, хотя и признана значимой, воспринимается как устаревшая, что порождает серьезные методологические сомнения и вызывает необходимость критического пересмотра существующих подходов.

Этот методологический пробел особенно заметен в попытках интегрировать понятие «легитимность» в юридическую теорию. Легитимность, как термин, не является новым и тесно связана с понятием законности. Тем не менее, легитимность предполагает существование более высокой формы законности по сравнению с формальной и традиционной легальностью. Различие между легальностью и легитимностью активно обсуждается в современной правовой науке, что свидетельствует о сложности и многогранности данного вопроса [8, с. 9].

Вопрос о разграничении легальности и моральности права, впервые поднятый И. Кантом в конце XVIII века, остается одной из центральных тем правовой теории на протяжении двух столетий.

В кантианской философии понятие «легитимность» стремится найти теоретическую основу, хотя Кант не стремился всесторонне разъяснить проблему легальности. В своей философской системе он сосредоточился на анализе мотивов социальных поступков, рассматривая их через призму категорического императива.

Кант утверждал, что поступок является правомерным, если он совместим со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом [6, с. 223]. Он также подчеркивал, что если целью является не обучение добродетели, а только демонстрация правовых принципов, всеобщий правовой закон не должен быть мотивом поступка [6, с. 254], что указывает на различие между легальностью и моральностью.

¹ См.: Staatsanwaltschaft plant Anklage im P&R-Skandal bis März 2019. Die Behörde rechnet mit einer Anklage. P&R hatte jahrelang ein Schneeballsystem betrieben, der Großteil der vermieteten Container existierte nie. URL : <https://www.handelsblatt.com/unternehmen/handel-konsumgueter/container-vermieter-staatsanwaltschaft-plant-anklage-im-pund-r-skandal-bis-maerz-2019/23700028.html?ticket=ST-567463-D9TXorwDmdnYHzbVKmck-ap2>

Всеобщий правовой закон, по Канту, гласит: «Поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произволения было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом; этот правовой закон, хотя и налагает на меня обязанность, вовсе не ожидает и еще в меньшей мере требует, чтобы я ради одной только этой обязанности ограничил свою свободу...», «делать правые поступки своей максимой — это требование, предъявляемое мне этикой» [6, с. 254].

Кант четко отделял сферу морали от правовой сферы, утверждая, что делать правые поступки своей максимой — требование этики.

Таким образом, кантовское разграничение легальности и моральности было направлено на решение конкретной задачи внутри его философской системы, а не на создание теоретической основы для противопоставления двух типов законности.

В современном правоведении принцип законности подвергается критическому анализу с позиции многозначной модели, акцентирующей внимание на взаимодействии правовых норм с политическими, экономическими и культурными факторами. Данная модель предполагает, что содержание законности определяется сложным комплексом внешних детерминант, которые могут доминировать над правовыми принципами, что приводит к редукционистским подходам. Эти подходы, в свою очередь, позволяют интегрировать методологические инструменты из смежных общественных наук, что зачастую размывает специфику изучения легальности как юридического понятия.

Ярким примером является позиция, доминирующая в западной правовой доктрине, особенно в англо-американской традиции, которая постулирует приоритет политической «этики свободы и демократии» над требованиями законности [3, с. 79]. Данная парадигма приводит к тому, что в юридических исследованиях доминируют политические подходы и категории, что может привести к ситуации, когда право, как инструмент политики, отвергается в случае несоответствия политическим задачам.

Эта тенденция достигла своего апогея в концепции «нового правового реализма» [10; 11], которая приобрела значительное влияние в последние два десятилетия. Представители данного направления предлагают элиминировать из понятия права любые нормативные элементы, рассматривая ключевые категории юриспруденции, такие как верховенство права и юридическая сила, как анахронизмы. По мнению «новых реалистов», эти концепты препятствуют созданию юриспруденции будущего, которая должна представлять собой симбиоз права, политики, экономики и социологии. Методологическая основа данного подхода, базирующаяся на «эмпиризме, критическом прагматизме и проблемно-ориентированном подходе», фактически отрицает автономию права как нормативного порядка.

Несмотря на заявления о «месте для концептуального и теоретического анализа», концепция «нового правового реализма» остается внутренне противоречивой и методологически эклектичной [12, р. 831].

Подход «новых правовых реалистов» к проблеме легальности позволяет сделать некоторые критические замечания относительно возможности его применения.

Во-первых, упрощение права до совокупности его внешних функций — политических, экономических, социальных — игнорирует его глубинную сущность. Право представляет собой автономный нормативный порядок, главная ценность которого заключается в обеспечении стабильности, предсказуемости и формального равенства. Именно эта автономия служит гарантией против произвола. В случае же её утраты и растворения права в иных социальных регуляторах, оно лишается своей фундаментальной защитной роли по отношению к человеку и обществу.

Во-вторых, непосредственно с редукционизмом связана проблема инструментализации права. Когда право начинает рассматриваться исключительно как инструмент для достижения сиюминутных политических или идеологических целей, его предписания теряют безусловный характер. Такой подход закономерно порождает правовой нигилизм со стороны самих властных структур, которые начинают воспринимать правовые нормы не как обязательную основу деятельности, а как препятствие, которое можно игнорировать или обойти.

В-третьих, обозначенные проблемы имеют глубокие методологические корни, проявляясь в остром конфликте внутри современной юриспруденции. Противостояние между классической теорией верховенства права и такими направлениями, как «новый правовой реализм», отражает более фундаментальное противоречие между нормативно-догматическим и социологически-реалистическим подходами к пониманию права. Опасность последнего заключается в том, что, отказываясь от нормативного идеала — эталона должного правового порядка — он лишает юридическую науку критерия для критической оценки правовой действительности. Без такого идеала критика вырождается в простое описание существующих практик, теряя свой преобразующий потенциал.

В рамках парадигмы «нового правового реализма», проблема законности утрачивает свою аналитическую значимость и элиминируется как избыточный элемент правовой реальности. Данная концепция фокусируется не на предписанном нормами должном порядке, а исключительно на эмпирически наблюдаемых поведенческих паттернах, с одной стороны, и их случайных или тенденциозных отклонениях — с другой.

Следовательно, если юриметрический и бихевиористский анализ выявляют изменения в дея-

тельности судей, отклоняющиеся от устоявшихся стандартов, это воспринимается не как угроза правовой стабильности (*status quo*), а как потенциальный источник формирования новой поведенческой модели.

Аналогичным образом, для анализируемого подхода, получившего широкое распространение в американской, британской и австралийской междисциплинарной литературе (юридической, политологической, социологической и экономической), снимается и проблема легитимности. Последняя, понимаемая как специфическая форма законности, основанная на общественном признании права, теряет свою актуальность. Более того, в парадигме «нового правового реализма» не является существенным и критерий признания со стороны «нормального судьи» — концепт, унаследованный от школы «свободного права», который выступает условным выражением коллективного мнения судейского корпуса. Основное значение придается исключительно фактическому поведению правовых акторов и детерминирующим его факторам. При этом как демонстрирует анализ американской правовой системы, ключевыми детерминантами зачастую выступают внеправовые аспекты, такие как партийная принадлежность, влияние экономических интересов или социальное происхождение. Именно эти факторы и формируют, с точки зрения сторонников подхода, предметное поле юридической науки.

Таким образом, центральным тезисом «нового правового реализма» является радикальный пересмотр предмета юридического познания: акцент смещается с нормативно-должного на эмпирически-сущее. Критерии законности и легитимности замещаются анализом реальных поведенческих практик и их детерминант, среди которых первостепенная роль отводится социально-экономическим и политическим факторам.

Заключение.

Проблема законности остается одной из наиболее сложных и методологически противоречивых в современной юриспруденции. Проведенный анализ демонстрирует, что ни классические подходы, разделяющие легальность и легитимность, ни радикальные концепции «нового правового реализма», растворяющие право в социально-политических контекстах, не предлагают исчерпывающего решения. Утрата нормативного идеала законности ведет к ее инструментализации и правовому нигилизму, что подтверждается практикой.

Перспективным направлением нам представляется поиск сбалансированной модели, которая, сохраняя автономию права как нормативного порядка, интегрирует понимание его взаимосвязи с правосознанием и спецификой национальной правовой культуры.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юридическая литература, 1966. 187 с. EDN: SIFYFJ
2. Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права / Н.Н. Вопленко; Под ред. М.И. Байтина. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1983. 184 с.
3. Горбань В.С. Историография психологических теорий права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 4. С. 79–104. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-4-5 EDN: CDVYQL
4. Горбань В.С. О важности и методологических аспектах историографических исследований политических и правовых учений // Государство и право. 2024. № 8. С. 41–54. DOI: 10.31857/S1026945224080048 EDN: KWYQDL
5. Графский В.Г. Власть законов: история идеи и современность // Политико-правовые ценности: история и современность / В.Г. Графский; Отв. ред. В.С. Нерсисянц; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 31–95.
6. Кант И. Метафизика нравов // Собрание сочинений : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 6. С. 223–543.
7. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М. : Юридическая литература, 1973. 344 с.
8. Плигин В.Н. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2021. 51 с.
9. The new legal realism. Translating law-and-society for today's legal practice / Ed. by E. Mertz, S. Macaulay, T.W. Mitchell. New-York : Cambridge University Press, 2016. Vol. I. 303 p.
10. The new legal realism. Volume II, Studying law globally / Ed. by H. Klug, S.E. Merry. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 563 p.

11. Shapiro S.J. *Legality*. Cambridge, Mass.; London : Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 472 p.
12. Sunstein C., Miles T. The New Legal Realism // *University of Chicago Public Law & Legal Theory Working Paper*. 2007. No. 191. P. 831–851.

References:

1. Alekseev S.S. The mechanism of legal regulation in the socialist state. M. : Legal literature, 1966. 187 p. EDN: SIFYFJ
2. Voplenko N. N. Socialist legality and the application of law / Edited by M.I. Baytin. Saratov : Publishing house of Saratov University, 1983. 184 p.
3. Gorban V.S. Historiography of psychological theories of law // *Bulletin of the Moscow University. Episode 11: Law*. 2024. № 4. P. 79–104. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-4-5 EMAIL ADDRESS: CDVYQL
4. Gorban V.S. On the importance and methodological aspects of historiographical studies of political and legal doctrines // *State and Law*. 2024. № 8. P. 41–54. DOI: 10.31857/S1026945224080048 EDITED number: KWYQDL
5. Gafsky V.G. The power of laws: the history of ideas and modernity // *Political and legal values: history and modernity* / V.G. Gafsky; Ed. by V.S. Nersesyants; Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law. M. : Editorial URSS, 2000. P. 31–95.
6. Kant I. *Metaphysics of morals* // *Collected works* : in 8 vol. M. : Choro, 1994. Vol. 6. P. 223–543.
7. Lukasheva E. A. Socialist legal awareness and legality. M. : Yuridicheskaya literatura, 1973. 344 p.
8. Pligin V.N. The problem of legitimacy in modern political and legal doctrines : abstract of the dis. ... of Dr. Yurid. sciences': 12.00.01. M., 2021. 51 p.
9. The new legal realism. Translating law-and-society for today's legal practice / Ed. by E. Mertz, S. Macaulay, T.W. Mitchell. New-York : Cambridge University Press, 2016. Vol. I. 303 p.
10. The new legal realism. Volume II, Studying law globally / Ed. by H. Klug, S.E. Merry. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 563 p.
11. Shapiro S.J. *Legality*. Cambridge, Mass.; London : Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 472 p.
12. Sunstein C., Miles T. The New Legal Realism // *University of Chicago Public Law & Legal Theory Working Paper*. 2007. No. 191. P. 831–851.

Информация об авторе

Савенков Артем Александрович
кандидат юридических наук,
директор правового и корпоративного развития
АО «НАСК»
artyomhabil@yandex.ru

Artyom A. Savenkov
Candidate of Legal Sciences,
Director of Legal and Corporate Development
NASK JSC
artyomhabil@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.09.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.10.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-25>

УДК 340

Attribution

cc by

КОНСТИТУЦИОННАЯ ИСТОРИЯ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Упоров И.В.¹, Попов М.Ю.², Чапурко Т.М.³

¹Российская академия естествознания,

²Российская академия гуманитарных наук,

³Краснодарский университет МВД РФ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности конституционного регулирования федеративных отношений в Советской России, которая в течение всего советского периода своей истории именовалась как РСФСР; то есть, в названии прямо указывалась федеративность государственного устройства этой республики. Соответственно, авторами данной публикации представлен анализ конституционных норм применительно к РСФСР в течение всей советской истории, показываются также точки зрения авторов ряда научных трудов по данной проблематике. Отмечается, в частности, что, в отличие от Российской империи, сразу же после Октябрьской революции 1917 г. большевики, формируя новую государственность, сразу же взяли курс на федерацию, основанную на национальном признаке, что находило отражение во всех союзных и российских конституциях (Конституции СССР 1924, 1936, 1977 гг., Конституции РСФСР 1918, 1925, 1936, 1978 гг.). Такой подход порождал много сложностей и противоречий, например, в советских российских конституциях так и не было четкого понимания того, какие территории являлись субъектами Федерации, а на союзном уровне национальных признаков формирования федеративных отношений во многом явился катализатором распада СССР 1991 г.; не находил решения и статус государствообразующего русского этноса. В постсоветской России национальный признак был, в основном, преодолен, что видно по содержанию Конституции России 1993 г., однако, еще имеется ряд проблем, требующих своего решения.

Ключевые слова: федеративные отношения, конституция, народ, национальный признак, субъект Федерации, государство, автономия.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CONSTITUTIONAL HISTORY OF FEDERAL RELATIONS IN SOVIET RUSSIA: MAIN TRENDS AND PROBLEMS

Ivan V. Uporov¹, Mikhail Y. Popov², Tatyana M. Chapurko³

¹Russian Academy of Humanities,

²Russian Academy of Natural Sciences,

³Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Abstract. The article examines the features of constitutional regulation of federal relations in Soviet Russia, which throughout the Soviet period was called the RSFSR, that is, the name directly indicated the federal nature of the state structure of this republic. Accordingly, an analysis of constitutional norms is presented in relation to the RSFSR throughout Soviet history, and the points of view of the authors of a number of scientific works on this issue are also shown. It is noted, in particular, that, unlike the Russian Empire, immediately after the October Revolution of 1917, the Bolsheviks, while forming a new statehood, immediately took a course towards a federation based on national characteristics, which was reflected in all union and Russian constitutions (the USSR Constitutions of 1924, 1936, 1977, the RSFSR Constitutions of 1918, 1925, 1936, 1978). However, this approach gave rise to many difficulties and contradictions, for example, in the Soviet Russian constitutions there was never a clear understanding of which territories were subjects of the Federation, and at the union level, the national characteristic of the formation of federal relations was in many ways a catalyst for the collapse of the USSR in 1991; the status of the state-forming Russian ethnic group was also not resolved. In post-Soviet Russia, the national characteristic has been largely overcome, which is evident

from the content of the Russian Constitution of 1993, but there are still a number of problems that require solutions.

Keywords: federal relations, constitution, people, national characteristic, subject of the Federation, state, autonomy.

Funding: Independent work.

Введение.

Длительное время Российская империя, исходя из современных представлений о государственном устройстве, являла собой унитарное абсолютистское государство. При этом имелись, всё же, некоторые элементы федерализма, если иметь в виду, например, определенную автономность Польши или Финляндии, что, впрочем, не влияло на статус унитарности, да и слово «федерация» официально вообще не употреблялось (как и «республика», «демократия», «права человека» и т.д.).

В.И. Ленин и его соратники этот аспект кардинально изменили — из оценки царизма как «тюрьмы народов» и осуждения «русского шовинизма» следовало предоставление политической автономии входящим в состав России крупным нациям.

Соответственно, принцип федерализма стал важнейшим при государственном строительстве в Советской России после революции 1917 г., и он должен был способствовать решению стратегической задачи большевиков — установление диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в форме избираемой народом советской власти путем подавления класса буржуазии, уничтожении эксплуатации человека человеком и установления социалистического строя.

Уже на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г., наряду с главным документом (Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа), была принята резолюция «О федеральных учреждениях Российской Республики», где указывалось на то, что Советская Российская Федеративная Социалистическая Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик.

Обсуждение. Результаты.

В первой Конституции РСФСР 1918 г. [1] вопрос федерализма, разумеется, нашел соответствующее отражение, в том числе и в названии государства, которое оставалось таковым вплоть до конца существования СССР.

В Конституции указывалось на то, в частности, что для территорий-областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, предусматривалась возможность объединяться в автономные союзы, во главе которых должны стоять областные Съезды и их исполнительные органы; автономные областные союзы должны были входить на началах федерации в РСФСР,

а национальным республикам была предоставлена возможность самостоятельно решать, хотят ли они, и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в деятельности других федеральных советских учреждений.

Сразу нужно заметить, что в отношении «автономных союзов» положения Конституции РСФСР существенно расходились с реальностью, и «автономия» фактически предусматривалась лишь по национальному признаку, соответственно, в отношении «ненациональных» территорий (прежде всего — это были области и края с русскоязычным населением) вопрос об автономности не ставился. Как нам представляется, нерешенность этого вопроса и акцент в контексте политической автономности (федерализма) только на национальные территории стал «роковым» во всем последующем развитии советского государства, но не в масштабе РСФСР, а в масштабе СССР, который в 1991 г. распался при сильном центробежном движении лидеров национальных союзных республик (в литературе этот фактор именуется также как «бомба замедленного действия» [2, с. 105].

Что же касается РСФСР, то, как будет показано далее, национальный признак в развитии государственного устройства, все же, не стал роковым, возможно, потому, что автономизация национальностей проходила среди специалистов и общественности тщательную разработку (этот аспект подробно изложен в литературе [3]). О большой значимости такого рода проблемы писали уже современники, в частности, В.Н. Дурденевский [4; 5]. И в целом государственное устройство страны после революции 1917 г. обсуждалось активно, в острых дискуссиях; в т.ч. указывалось на необходимость учета религиозного фактора, предлагалась также т.н. «экстерриториальная национально-персональная (культурная) автономия». Были и другие предложения, общим вектором в которых стала мысль о том, чтобы защищать «интересы и нужды» каждой национальности [6, с. 49]. Этот подход отражал подход по данному вопросу правящей РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, откуда транслировались соответствующие указания и директивы государственным органам. Кстати, следует отдать должное И.В. Сталину с его концепцией строительства СССР на принципах автономизации; и хотя возобладала в этой дискуссии ленинская позиция, все же государственное строительство РСФСР, как мы видим, было выстроено в соответствии с его идеей.

Затем, в 1924 г. национальный признак стал также решающим в формировании союзного федеративного государства (при этом термин «федер-

рация» применительно в Конституции СССР 1924 г. [7] вообще не использовался, хотя, по сути, СССР являлся типичной федерацией). В развитие союзной Конституции были приняты республиканские конституции; при этом наибольшие сложности представляла РСФСР в силу обширности её территории, наличия множества этносов, нахождения в Москве союзных и российских властных структур, и других факторов. Не удивительно, что в Конституции РСФСР 1925 г. [8] федеративные отношения были отрегулированы противоречиво, что отчетливо видно сейчас, в год 100-летия этого Основного закона Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что четкая норма о федерализме в этой Конституции была только одна, и она содержится в ст.2: «Российская Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян, строящееся на основе федерации национальных советских республик» [8]. Других специальных «федеративных» норм, конкретизирующих особенности федерации, имея в виду всю территорию страны, в Основном законе нет, равно как нет и самого термина «субъект Федерации». Вместе с тем, есть нормы, которые позволяют прояснить основные позиции по статусу различных территорий. Так, в п. «б» ст. 17 упоминаются, помимо автономных республик, «и другие части Федерации». Этот пункт выглядит следующим образом: «установление границ автономных советских социалистических республик, входящих в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, утверждение конституций их, а также разрешение споров между автономными советскими социалистическими республиками и между ними и другими частями Федерации» [8]. О том, какие это «части», можно определить из п. «в» той же статьи, где указывается на то, что «общее административное разделение территории Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и утверждение краевых и областных объединений». Однако статус «краевых и областных объединений» не обозначается.

Но, в любом случае, статус автономных республик, по сравнению со всеми другими «частями Федерации», был намного выше, о чем свидетельствует, в частности, ст. 29 Конституции РСФСР, согласно которой чрезвычайные сессии ВЦИК могли созываться, помимо центральных органов власти, также «по требованию центральных исполнительных комитетов не менее 6 автономных советских социалистических республик» [8]. О воле населения всех иных «частей Федерации» ничего не говорится (при этом на всех территориях органы власти формировались на основе выборов депутатов в соответствующие Советы и делегатов в соответствующие съезды Советов).

Глава 4 Конституции РСФСР озаглавлена так: «Об автономных советских социалистических

республиках и областях». Из этой главы следует, что в автономных республиках и областях формируются «органы государственной власти». В автономных республиках при этом принимаются свои конституции, утверждаются свои ЦИК, СНК, принимаются свои законодательные акты и др. Что касается автономных областей, то их статус в Конституции РСФСР не определен, а примечании к ст. 44 указывается, что «Положения об автономных областях принимаются их съездами советов и утверждаются Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом» [8].

А что же другие территории – края, области, округа, уезды, районы и волости, общая территория которых и экономический потенциал намного превышал потенциал всех национальных автономных республик вместе взятых? Ответ дается в главе 5 – «О местной власти», из которой видно, что в этих территориях формировались не «органы государственной власти», а «органы местной власти». Соответственно, формировались не СНК, как в автономных республиках, а «исполнительные комитеты» и их президиумы; собственное законодательство не предусматривалось; разумеется, не было речи и о конституциях (уставах). При этом закреплялся принцип, согласно которому решения органов местной власти могли быть отменены решением вышестоящего органа советской власти. А из ст. 65 Конституции РСФСР 1925 г. следует, что задача органов местной власти состоит в основном в исполнении решений вышестоящих инстанций.

В следующей Конституции РСФСР 1937 г. [9] регулирование федеративных отношений не претерпело принципиальных изменений. Вместе с тем, А.Ю. Хованский, исследовавший этот акт, справедливо акцентирует внимание на том, что в этой Конституции, во-первых, отсутствует упоминание о федерации национальных республик и, во-вторых, в ст. 14 закрепляется перечень краев, областей, автономных республик и автономных областей, из которых состоит РСФСР. Однако, как отмечает данный автор, из текста данной статьи не ясно – какие из них являются субъектами Федерации – все перечисленные или только автономные республики, как это было закреплено в предыдущей Конституции [10, с. 69].

Очевидно, российский законодатель того времени находился в некотором смятении. Ведь по логике, все указанные территории с относительно соизмеримыми потенциалами должны были быть равноправными субъектами Федерации. Однако, как быть тогда с фундаментальным принципом государственного устройства (по национальному признаку) при формировании нового социалистического государства после революции 1917 г.? Отказаться от этого принципа, на котором настаивал сам Ленин? Вероятно, у создателей Конституции РСФСР 1937 г. не хватило духу посягнуть на «святое». И, в результате, появилась конституционная неопределен-

ность – какие же территории являются субъектами Федерации? Соответственно, нет и статьи Конституции, подобной указанной выше ст. 2 Конституции РСФСР 1925 г. При этом правовое неравенство автономных республик и краев (областей) в Конституции РСФСР 1937 г. сохранялось – так, органы власти автономных республик строились по образу центральных – Высшим органом являлся Верховный Совет АССР, являвшийся единственным законодательным органом АССР, избирающий Президиум и образующий СНК АССР – этого не было в краях и областях, где формировались властные структуры по прежнему порядку (исключая съезды Советов, которые Конституцией СССР 1936 г. были вообще везде упразднены). Вместе с тем, в краях (областях) и других территориях (районах, городах и др.) формировались не просто органы местной власти, а органы «местной государственной власти», но при этом края (области) также относились к «местным» органам; и у них, в отличие от автономных республик, так же, как и ранее, не предусматривались свой устав, ни свое законодательство.

В целом Конституция РСФСР 1937 г. сделала, образно выражаясь, некоторую политическую паузу, поскольку ее создатели не могли дать ответа на поставленные выше вопросы о фундаментальном принципе построения государственности в Российской Федерации.

В последней советско-российской Конституции РСФСР 1978 г. [11] вопросы федерализма как формы государственного устройства, целенаправленно также не были отрегулированы, несмотря на то, что в названии РСФСР однозначно указывалось на федеративность этого «суверенного советского социалистического государства» [11] (ст. 68 Конституции РСФСР). В тексте Основного закона термин «федерация» использовался всего один раз, причем, не в контексте политико-правовой характеристики, а как иной (замещающий) вариант наименования государства («Российская Федерация»). Не было также упоминаний о субъектах Федерации, их полномочиях и т.д. О том, что речь в Конституции РСФСР шла именно о федеративном, а не об унитарном государстве, можно было судить разве что по предметам ведения РСФСР как федерального центра, а также других публично-территориальных образований, которые в основном законе все же определялись. Очевидно, такой подход законодателя был обусловлен тем обстоятельством, что РСФСР, как союзная республика, сама была субъектом Федерации, но другого, более высокого уровня – речь идет о значении такой федерации, как СССР – «единого союзного многонационального государства, образованного на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик» [12], что определено в Конституции СССР 1977 г. [12]. И хотя в союзной Конституции указанное упоминание федерализма также было единственным, тем не менее,

этот акт содержал нормы, определявшие, по сути, федеративные отношения. В частности, довольно четко указывались субъекты союзной Федерации (союзные республики), их статус, полномочия как союзного центра, так и союзных республик (главы 8, 9 Конституции СССР).

Повторять такой же принцип конституционно-правового регулирования для РСФСР было, вероятно, вновь, как и ранее, сочтено нецелесообразным (получалась бы своеобразная конструкция «федеративной матрешки», априори обреченной на большие сложности взаимоотношений территориально-публичных образований).

Не менее важным обстоятельством (по мнению многих авторов – решающим) был, заложенный большевиками, начиная с 1917 г., национальный принцип создания советского федеративного государства, на что ранее уже обращалось внимание. В результате абсолютизации этого принципа, в последующие годы возникла ситуация, когда в РСФСР сформировалась чрезвычайно противоречивая система публично-территориальных образований. Так, согласно ст. 71 Конституции РСФСР 1978 г. в этой республике:

– «состояли»: автономные советские социалистические республики (АССР) в количестве 16 территориальных образований («Башкирская, Бурятская, Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Калмыцкая, Карельская, Коми, Марийская, Мордовская, Северо-Осетинская, Татарская, Тувинская, Удмуртская, Чечено-Ингушская, Чувашская, Якутская» [11];

– «имелись»:

а) края – в количестве 6 территориальных образований («Алтайский, Краснодарский, Красноярский, Приморский, Ставропольский, Хабаровский» [1]);

б) области – в количестве 49 территориальных образований («Амурская, Архангельская, Астраханская, Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Горьковская, Ивановская, Иркутская, Калининградская, Калининская, Калужская, Камчатская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Куйбышевская, Курганская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Магаданская, Московская, Мурманская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Саратовская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Томская, Тульская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская, Читинская, Ярославская» [1]);

в) города республиканского значения – в количестве 2 территориальных образований (Москва, Ленинград);

г) автономные области в составе краев – в количестве 5 территориальных образований («Адыгейская, Горно-Алтайская, Еврейская, Карачаево-Черкесская, Хакасская» [11]);

д) автономные округа в составе краев и областей в количестве 11 территориальных образований («Агинский Бурятский, Коми-Пермяцкий, Корякский, Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Усть-Ордынский Бурятский, Ханты-Мансийский, Чукотский, Эвенкийский, Ямало-Ненецкий» [11]).

Всего насчитывалось 99 публично-территориальных образований пяти (!) разновидностей. Из них только автономные республики имели признаки субъектов Федерации, то есть являлись «социалистическими государствами» в составе РСФСР (ст. 78 Конституции РСФСР) и, соответственно, имели свое законодательство, верховные советы народных депутатов, правительства.

Все остальные территориально-публичные образования – в количестве 83 – не являлись субъектами Федерации; их политико-правовой статус имел один общий признак – все они относились к местным Советам народных депутатов (глава 17 Конституции РСФСР). Соответственно, они, как и ранее, не имели своего законодательства, у них по-прежнему не было верховных советов (были просто краевые, областные, городские и т.д. Советы), не было правительства (были исполнительные комитеты Советов).

Между тем, автономные республики, в совокупности, значительно уступали по всем социально-экономическим показателям (размер территории, численность населения, развитие инфраструктуры, создание валового продукта и т.д.) остальным публично-территориальным образованиям. Поэтому сплошь и рядом «местные» Советы по своему потенциалу превосходили «республики» (например, Краснодарский край, Тувинская АССР и т.д.).

Нужно также иметь в виду, что в самих автономных республиках также формировались местные Советы, при этом все они без исключения (как в АССР, так и во всех других территориальных образованиях) обладали полномочиями, которые им делегировались из единой правовой основы – Конституции СССР, союзных законов, Конституции РСФСР и российскими законами. И, в этом смысле, атрибуты государственности (республиканства) в АССР были сугубо формальными, «титовыми», что видно, например, по тому факту, что законы АССР о местных Советах просто дублировали законы РСФСР (обновленные ввиду принятия Конституции РСФСР 1978 г.), в которых определялся статус местных Советов. Тем не менее, такое положение отвечало основным направлениям национальной политики советской власти.

Фактически, с политико-правовой и территориально-публичной точек зрения, РСФСР состояла в основном из местных Советов. Соответственно, национальная атрибутика (АССР, автономные области, национальные округа) была явно второстепенной, что, собственно, вытекало как из самого характера государственных отношений в СССР, так и из правоприменительной практи-

ки. В этой связи, в литературе отмечалось, что «главное звено формирующейся в СССР командно-административной системы, каким была коммунистическая партия, представленная как сила интернациональная, превращало декларируемое федеративное государство практически в унитарное. Поэтому не случайно во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов внимание к процессам государственного устройства РСФСР было существенно ослаблено, хотя следует отметить, что ряд автономий повысил свои государственный статус – стали союзными республиками.

В центр внимания правящей партии было поставлено укрепление СССР, что преподносилось как шедевр ленинско-сталинской национальной политики и который являлся, по существу, унитарным государством; его становым хребтом была административно-командная система власти» [13, с. 1152]. С такой позицией можно согласиться, но с существенной оговоркой, которая заключается в том, что унитарность государственного устройства на уровне СССР оказалась, на поверку, очень слабой, и известный «парад суверенитетов» союзных республик на рубеже 1990 г. очень наглядно это продемонстрировал.

И здесь мы можем выделить один из парадоксов исторического развития советской государственности, который, очевидно, следует учитывать нынешней правящей элите России. Речь идет о том, что союзная федерация (СССР), как мы отмечали выше, имела довольно четкое конституционно-правовое регулирование в Конституции СССР. Но именно такая, «правильно», непротиворечиво выстроенная федерация равноправных союзных республик развалилась, а внутриреспубликанская федерация (РСФСР), выстроенная, фактически, в виде нелогичной унитарно-федеративной территориально-публичной конструкции, осталась в целости. Разумеется, это произошло не вследствие юридических норм (таковые лишь отражают фактически складывающиеся отношения в государстве, где элита уверенно держит в своих руках рычаги управления), а в результате более глубоких процессов, которые еще не исследованы должным образом. Но и при такой противоречивости развития федеративных отношений следует констатировать, что в период СССР вплоть до его распада в 1991 г., ни верхушке правящей компартии, ни в целом советской власти так и не удалось гармонизировать федерализм, основанный на построении федерации по национальному признаку, что, как показывает история, являлся фатально ошибочным подходом (можно назвать и такие федерации, созданные по национальному признаку, как Югославия и Чехословакия, которые также распались). Фатальность при этом применительно к СССР и России существенно усиливается, если учесть, что в указанный период времени так и не был решен т.н. «русский вопрос», когда ведущий государствообразующий этнос (до 60 % населения в СССР были русскими), в отличие от иных этносов, не

имел своих организационных публичных атрибутов; этот вопрос не решен и в современной России, где русских относительно всего населения еще больше (порядка 78 %), и они также остаются ведущим государствообразующим этносом. Решение этого вопроса представляется очень сложным, на что обращается внимание в ряде научных исследований [14; 15; 16; 17 и др.].

В постсоветской России федеративные отношения развиваются также не без драматических и трагических событий, о чем свидетельствуют очень сложные и, в определенные периоды времени, политически напряженные отношения федерального центра с Татарстаном, Башкортостаном и особенно Чечней. Однако территориальное положение первых двух республик (находясь внутри страны) и ограниченный потенциал последней республики, наряду с оказавшимся эффективным (при всех издержках [18]) договорным методом решения такого рода проблем, который избрал федеральный центр, не позволили развиваться центробежным тенденциям в сфере национально-государственных отношений.

Заключение.

В завершение нашего исследования следует отметить, что в Конституции Российской Федерации 1993 г. концепция федерализма является, если не оптимальной, то приемлемой с учетом имеющихся реалий; во всяком случае, удалось, наконец, преодолеть, в основном, национальный

признак и сформировать классическую федерацию, конституционно определив ее принципы, четко показать все субъекты Федерации, взаимодействие с федеральным центром и др.

И хотя в Конституции Российской Федерации сохраняются различные наименования и некоторые статусные различия субъектов Федерации, но все они, как указывается в ч. 1 ст. 5 Конституции РФ, — «равноправны». Бывшие «местные» Советы на уровне краев и областей стали полноправными субъектами Федерации, и теперь они так же, как и когда-то автономные республики в советском государстве, получили полномочия осуществлять законодательную деятельность, чего ранее у них не было; у них имеются свои уставы, которых ранее также не было, и т.д.

И в современных условиях важно поддерживать сложившийся баланс федеративных отношений, вектор развития которых, в перспективе, как нам представляется, будет определяться дальнейшим сокращением субъектов Федерации путем их объединения, как это и имеет место, поскольку, на наш взгляд, эффективное государственное управление в федеративном государстве с почти девяносто субъектами Федерации на огромнейшей территории едва ли возможно. Но эту тенденцию, конечно, не следует искусственно убыстрять — такого рода процессы требуют внимательного исследования, вероятно, не один десяток лет и тщательной проработки приминаемых решений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
2. Михеева Ц.Ц. Путь России от унитарного к федеративному государству // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 3. С. 94–105. DOI: 10.24412/2309-152-2023-3-94-105 EDN: XSQSNR
3. Баркова О.Н. Правовая основа создания и развития РСФСР в 1920-е годы / О.Н. Баркова, Ю.С. Кукушкин // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 2. С. 80–109. EDN: OYZVOL
4. Дурденевский В.Н. Автономные республики в системе Союза ССР // Сб. тр. Иркутского Государственного университета. Правовое отделение. Иркутск, 1924. Т. 16. Вып. 1. С. 80–91.
5. Дурденевский В.Н. Автономные республики и области в системе советского федерализма // Советский федерализм. Л., 1930. С. 212–226.
6. Нам И.В. Национальный вопрос в программах установках сибирских областников, законотворческой и политической практике сибирской областной думы (1917 - январь 1918 г.) // Вестник Томского ГУ. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». 2004. № 281. С. 47–58. EDN: OJBXQB
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена резолюцией II-го Съезда Советов Союза ССР от 31.01.1924) // Образование СССР. 1917-1924: Сб. док. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949.
8. Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» (вместе с «Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики») // Собрание узаконений РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

9. Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (вместе с Конституцией) // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.
10. Хованский А.Ю. Принципы федерализма в Конституциях РСФСР 1925, 1937 и 1978 годов // Актуальные проблемы правоведения. 2005. № 3. С. 67–71.
11. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.
12. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
13. Смирнова В.В. К вопросу о развитии правовых основ российского федерализма и проблемы управления // Административное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 1142–1153. EDN: SZHWFH
14. Ачкасов В.А. Зачем русским статус «государствообразующего народа»? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18. № 2. С. 215–224. DOI: 10.21638/spbu23.2022.207 EDN: BWFYXS
15. Хоменко Д.П. Распад СССР в контексте раскола «Русского мира» // Клио. 2024. № 4. С. 209–214. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-4-209-214 EDN: DHNBWV
16. Яхшиян О.Ю. Русский народ как проблема государственной национальной политики Российской Федерации // Управление. № 1. С. 50–56.
17. Сулакшин С.С. Русский вопрос – вопрос политический // Здоровье - основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2018. № 1. С. 22–32. EDN: VRHXLV
18. Морозова А.С. Истоки федерализма в России. Становление современной модели государственного управления: историко-правовой анализ // Российская юстиция. 2015. № 8. С. 2–5. EDN: UBICQR

References:

1. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets on 07/10/1918) // SU RSFSR. 1918. № 51. Art. 582.
2. Mikheeva Ts.Ts. The path of Russia from a unitary to a federal state // Historical and legal problems: A new perspective. 2023. № 3. P. 94–105. DOI: 10.24412/2309-152-2023-3-94-105 EDN: XSQSNR
3. Barkova O.N. The legal basis for the creation and development of the RSFSR in the 1920s / O.N. Barkova, Kukushkin Yu.S. // Bulletin of the Moscow University. Ep. 8. History. 2012. № 2. P. 80–109. EDN: OYZVOL
4. Durdenevsky V.N. Autonomous republics in the system of the USSR // Collection of tr. Irkutsk State University. Legal department. Irkutsk, 1924. Vol. 16. Iss. 1. P. 80–91.
5. Durdenevsky V.N. Autonomous republics and regions in the system of Soviet federalism // Soviet Federalism. L., 1930. P. 212–226.
6. Nam I.V. The national question in the programmatic attitudes of Siberian regional officials, legislative and political practice of the Siberian Regional Duma (1917 – January 1918) // Bulletin of the Tomsk State University. The series «History. Local history. Ethnology. Archeology». 2004. № 281. P. 47–58. EDN: OJBXQB
7. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by resolution of the II-th Congress of Soviets of the USSR dated 01/31/1924) // Formation of the USSR. 1917–1924: Collection of doc. M.; L. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949.
8. Resolution of the XII All-Russian Congress of Soviets dated 05/11/1925 «On the approval of the text The Constitution (Basic Law) of the RSFSR» (together with the «Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic») // Collection of laws of the RSFSR. 1925. № 30. Art. 218.
9. Resolution of the Extraordinary XVII All-Russian Congress of Soviets dated 01/21/1937 «On approval of the Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic» (together with the Constitution) // SU RSFSR. 1937. № 2. Art. 11.
10. Khovansky A.Y. Principles of federalism in the Constitutions of the RSFSR 1925, 1937 and 1978 // Actual problems of jurisprudence. 2005. № 3. P. 67–71.
11. Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (adopted by the Supreme Soviet of the RSFSR on 04/12/1978) // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1978. № 15. Art. 407.
12. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted by the Supreme Council of the USSR on 07.10.1977) // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1977. № 41. Art. 617.
13. Smirnova V.V. On the development of the legal foundations of Russian federalism and management problems // Administrative and Municipal Law. 2014. № 11. P. 1142–1153. EDN: SZHWFH
14. Achkasov V.A. Why do Russians need the status of a «state-forming people»? // Political expertise: POLITEX. 2022. Vol. 18. № 2. P. 215–224. DOI: 10.21638/spbu23.2022.207 EDN: BWFYXS
15. Khomenko D.P. The collapse of the USSR in the context of the split of the «Russian World» // Klio. 2024. № 4. P. 209–214. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-4-209-214 EDN: DHNBWV
16. Russian Russian people as a problem of the state national policy of the Russian Federation // Management. № 1. P. 50–56.
17. Sulakshin S.S. The Russian question is a political question // Health is the basis of human potential: problems and ways to solve them. 2018. № 1. P. 22–32. EDN: VRHXLV
18. Morozova A.S. The origins of federalism in Russia. Formation of the modern model of public administration: historical and legal analysis // Russian Justice. 2015. № 8. P. 2–5. EDN: UBICQR

Информация об авторе

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
действительный член
Российской академии естествознания
uporov@list.ru

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор,
член-корреспондент
Российской академии гуманитарных наук,
ORCID: 0000-0002-2090-0933
popov-52@mail.ru

Чапурко Татьяна Михайловна

доктор политических наук,
профессор,
профессор кафедры социально-гуманитарных наук,
Краснодарский университет МВД РФ
tchapurko@mail.ru

Ivan V. Uporov

Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Full Member of the Russian Academy
of Natural Sciences
uporov@list.ru

Mikhail Yu. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Corresponding Member
of the Russian Academy of Humanities
ORCID: 0000-0002-2090-0933
popov-52@mail.ru

Tatyana M. Chapurko

Doctor of Political Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Social Sciences and Humanities,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
tchapurko@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-26>

УДК 343.2/7

Attribution

cc by

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Финкель М.В.

«Дубинин, Финкель и партнеры»

Аннотация. Цель. Существующая концепция теории криминологической безопасности как частной теории криминологии сыграла свою позитивную роль, поскольку уже привлекла к себе заслуженное внимание научного сообщества. В настоящей статье за основу берутся различные аспекты, касающиеся обеспечения криминологической безопасности, в том числе в сфере предпринимательской деятельности. В процессе изучения были использованы как общенаучные (анализ, синтез), так и частно-научные (уголовно-правовой, криминологический) методы познания. В ходе подготовки публикации использованы отечественные исследования в области криминологии. Произведенный анализ позволил сделать вывод о необходимости в эволюции указанной теории по двум направлениям – статусному и объемному, в результате чего она должна обрести реально-практический характер. Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы в целях оптимизации правоохранительной теории и практики, формирования и развития системы криминологической безопасности сферы предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: теория криминологической безопасности, криминологическая кибербезопасность, безопасность предпринимательской деятельности, цифровая экономика.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

EVOLUTION OF CRIMINOLOGICAL SECURITY THEORY OF BUSINESS ACTIVITIES

Marina V. Finkel

Dubinina, Finkel and Partners

Abstract. Goal. The existing concept of criminological security theory as a private theory of criminology has played a positive role, as it has already attracted the well-deserved attention of the scientific community. The article is based on various aspects related to ensuring criminological security against digital crime in the field of entrepreneurial activity. In the course of the study, both general scientific (analysis, synthesis) and private scientific (criminal law, criminological) methods of cognition were used. During the preparation of the publication, domestic research in the field of technology and criminology was used. The analysis made it possible to conclude that there is a need for the evolution of this theory in two directions – status and volume, as a result of which it should acquire a real-practical character. Conclusions and conclusions: the materials of the publication can be used in order to optimize law enforcement theory and practice, to form and develop a system of criminological security in the field of entrepreneurial activity.

Keywords: criminological security theory, criminological cybersecurity, business security, and digital economy.

Funding: Independent work.

Введение.

Как известно, в научный оборот достаточно давно введены понятия «криминологическая безопасность» и «обеспечение криминологической безопасности». В частности, В.А. Плешаков выделил в качестве отдельной частной научной

теории вопросы, касающиеся обеспечения состояния защищенности личности, общества и государства [1].

Обсуждение.

По мнению В.А. Плешакова, объектом познания теории криминологической безопасности вы-

© Финкель М.В.

ступают общественные отношения, которые складываются в процессе деятельности, направленной на обеспечение безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств.

Что касается *предмета рассматриваемой теории*, то в рамках него изучаются:

- преступность как явление, ее проявления как основная угроза криминологической безопасности;
- личность преступника как субъект криминальной угрозы;
- криминогенные факторы – основной источник угроз криминологической безопасности;
- процессы воздействия на криминальные угрозы (то есть предупреждение – профилактика, предотвращение и пресечение преступлений);
- выработанные защитные механизмы от преступных посягательств, а именно криминологическая защита объектов преступного посягательства;
- проблемы, связанные с жертвой преступлений, то есть виктимологическая профилактика [2].

Соглашаясь с точкой зрения В.А. Плешакова, отметим, что его понимание теории криминологической безопасности как частной теории криминологии и, соответственно, ее предмета, исходит из понимания предмета криминологической науки, изучающей преступность, ее причины и условия, личность преступника, преступное поведение, пути и средства предупреждения преступности.

Вместе с тем, теория криминологической безопасности, в том числе обеспечения безопасности сферы предпринимательской деятельности, как нам представляется, неизбежно эволюционирует, по крайней мере, по двум направлениям, которые мы обозначим как:

- статусное, связанное с повышением ее значения;
- объемное, заключающееся в специфике и структурированности цифровой преступности.

Несомненно, выдвинутая В.А. Плешаковым концепция теории криминологической безопасности как частной теории криминологии, сыграла свою позитивную роль, поскольку уже привлекла к себе заслуженное профессиональное внимание. Вместе с тем, как нам представляется, дальнейшее позиционирование криминологической безопасности в обозначенной В.А. Плешаковым плоскости возможно при условии ее дальнейшей модернизации и оптимизации. В особенности, это касается такой динамической системы, как цифровая экономика. Здесь следует отметить

© Финкель М.В.

точку зрения М.М. Бабаева, являющегося признанным научным авторитетом в данной области, которым в рамках научно-практической конференции «Обеспечение криминологической безопасности личности, общества, государства в современных условиях» (Москва, 2007 г.) было отмечено следующее: «Мы должны обсуждать тему криминологической безопасности до тех пор, пока ее не начнут воспринимать не только как научно-теоретическую, но и реально-практическую. Если эта идея будет реализована, она принципиально изменит многие аспекты борьбы с преступностью» [3].

Продолжая активно и целенаправленно развивать научно-практические достоинства теории криминологической безопасности, С.Я. Лебедев включил таковую в систему криминологического знания о защите личности, общества, государства, в частности, обосновав самостоятельную, до того момента отсутствующую в преподавании криминологии, наряду с ее общей и особенной частями, специальную часть, назвав ее обеспечением криминологической безопасности России. В ней он достаточно убедительно раскрыл практические направления системного обеспечения такой безопасности, в которой традиционное предупреждение преступлений стало одновременно приоритетной ее частью, а не просто завершающим предметным целевым этапом криминологического познания [4].

Таким образом, научно-практическая направленность теории криминологической безопасности задает вектор научной деятельности, делает ее более энергичной и целенаправленной. На самом деле, если о проблеме обеспечения криминологической безопасности регулярно убежденно и аргументированно говорить на различных научных площадках, она не может быть не услышанной теми, от кого действительно зависит правоохранительная активность, нацеленная на обеспечение реальной безопасности от преступности. Однако реальное обоснование ее социально-практической потребности всегда будет проявляться в развитии.

Любая теоретическая истина нуждается в практическом подтверждении. Вообще, на наш взгляд, невозможно охватить какой-либо единичной теорией всю систему общественных отношений, в том числе и социальный комплекс, включающий в себя совокупность сил и средств, направленных на обеспечение криминологической безопасности от любых преступных посягательств, в том числе нацеленных на предпринимательские отношения.

Специалистам-криминологам, посвятившим свою научную деятельность исследованию вопросов, касающихся криминологической безопасности и, соответственно, поиску путей и способов ее эффективного обеспечения, по нашему убеждению, необходимо сконцентрировать свои усилия на отдельных ее аспектах, вернее, на анализе конкретного вида преступно-

сти, в нашем случае в сфере предпринимательской деятельности, поскольку уже существующие и разработанные в криминологии предметные и методологические рамки применительно к теориям, направленным на противодействие той или иной преступности, фактически значительно различаются. Здесь можно отметить, что постоянная изменчивость и восприимчивость преступности в целом, а в сфере предпринимательства, в частности, к постоянно возникающим новациям естественным образом усложняет борьбу с ней, соответственно, требует от криминологов движения в двух направлениях, как в теоретическом (что вполне понятно), так и в постоянном анализе результатов научного познания и их соотносимостью с социальной полезностью и практической применимостью.

Научное криминологическое сообщество не может рассчитывать на благосклонность общества, если разрабатываемые им теории невняты и, по сути, не способны принести практическую пользу. Это очень важно, поскольку при простом анализе современной научной деятельности крайне редко встречаются по-настоящему актуальные и оригинальные идеи, а в подавляющем большинстве случаев происходит ненужное обществу интерпретирование давно установленных истин.

По нашему убеждению, для научного прорыва и выхода из состояния теоретической стагнации необходимы решительные шаги, создавать, развивать и одновременно обосновывать практическую значимость научных идей с оглядкой на бурлящую вокруг реальность, на социальную востребованность. И здесь трудно найти более актуальную сегодня сферу приложения творческих сил, нежели глобальную цифровизацию общественных отношений.

Современные цивилизационно-объединительные процессы характеризуются обязательным присутствием в них так называемой «глобализации негативных последствий», включающих в себя, в частности, глобализацию теневой экономики, политики, соответственно, преступности и терроризма. Помимо этого, идет формирование «глобальной информационной олигархии, асимметричности информации, информационной оккупации» [5].

Переходя к вопросу эволюции теории криминологической безопасности сферы предпринимательской деятельности, следует заметить, что предмет криминологической кибербезопасности в предпринимательской сфере уникален и включает в себя ряд обязательных элементов познания посягающей на нее преступности, ее специфических причин и условий, особенностей личности, главным образом, корыстного преступника, включая криминологическое изучение механизмов преступного поведения, виктимологических нюансов жертв таких преступных посягательств, а равно антикриминогенного потенциа-

ла законопослушного поведения предпринимателей или юридических лиц.

Безусловно, эволюция должна касаться совокупности мер, нацеленных на предупреждение криминальных проявлений в обозначенной сфере. Под ними следует понимать совокупность мер экономического, политического, правового, психологического, организационного, технического характера [6].

Учитывая инновационную специфику рассматриваемой категории преступности, следует отметить, что современные информационно-технологические средства в одинаковой степени доступны и преступникам, и правоохранителям. То есть, вполне вероятен вариант, при котором контроль за законной предпринимательской деятельностью может установить организованный криминалитет, чего допустить ни в коем случае нельзя. А это означает, что государство обязано предпринимать все возможные меры для нейтрализации эскалации инновационной преступности, тем самым обеспечивая состояние защищенности предпринимательских правоотношений.

Соответственно, теория криминологической безопасности в предпринимательской сфере просто обязана эволюционировать от частного научно-теоретического уровня до реально-практического, поскольку в своем нынешнем состоянии данная концепция незаметна, невзрачна и полностью растворяется в теории криминологии.

Вместе с тем, необходимо особо подчеркнуть: «Система криминологической кибербезопасности должна объединять в себе совокупность правовых, организационных, кадровых, этических и прочих мер, обеспечиваемых привлечением различных ресурсов, в числе которых криминологический, уголовно-правовой, уголовно-правоприменительный, международно-правовой, инновационный информационно-технологический, научно-практический, коммерческий, общественный, образовательный и другие ресурсы» [7]. Это в полной мере относится к практической реализации теории криминологической безопасности в сфере предпринимательской деятельности.

Результаты.

Произведенный анализ позволил определить сущность теории криминологической безопасности как частной теории криминологии, а также наметить пути ее эволюции в сторону обеспечения реальной защиты всех сфер жизнедеятельности, в том числе, предпринимательства.

Заключение.

Отмеченное выше позволяет оптимизировать теоретические положения о криминологической безопасности в той мере, чтобы они легли в основу практических действий, нацеленных на

охрану общественных отношений, в особенности таких чувствительных, как сфера производства и реализации товаров и услуг, где криминальная

активность развита в наибольшей степени, учитывая в целом приоритет корыстной мотивации при совершении преступлений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Плешаков В.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимодействия организованной преступности и преступности несовершеннолетних: дисс... д-ра юрид. наук. М., 1998. 323 с. EDN: NLNNWR
2. Плешаков В.А. Теория криминологической безопасности как частная теория криминологии // Человек: преступление и наказание. 2011. № 3(73). С. 75–79. EDN: PWIIBZ
3. Бабаев М.М. Обеспечение криминологической безопасности личности, общества, государства в современных условиях. URL : http://www.iile.ru/news_4528.html
4. Криминология : учебник / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, С.Я. Лебедев; Под ред. Г.А. Аванесова, 5-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 576 с.
5. Криминология : учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: Инфра-М, 2013. 800 с.
6. Джафарли В.Ф. Криминологическая кибербезопасность: теоретические, правовые и технологические основы : монография / Под ред. и с предисл. С.Я. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2024. 480 с. ISBN: 978-5-392-40599-2 EDN: AGHSHD

References:

1. Pleshakov V.A. Criminological security and its provision in the sphere of interaction between organized crime and juvenile delinquency : dis. ... by Dr. Yurid. nauk. M., 1998. 323 p. EDN: NLNNWR
2. Pleshakov V.A. Theory of criminological security as a private theory of criminology // Man: crime and punishment. 2011. № 3(73). P. 75–79. EDN: PWIIBZ
3. Babaev M.M. Ensuring criminological security of the individual, society, and the state in modern conditions. URL : http://www.iile.ru/news_4528.html
4. Criminology : textbook / G.A. Avanesov, S.M. Inshakov, S.Ya. Lebedev; Edited by G.A. Avanesov. 5th ed., reprint. and add. M. : UNITY-DANA, 2015. 576 p.
5. Criminology : textbook / Edited by V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov. 5th ed., revised and additional. M. : Norma: Infra-M, 2013. 800 p.
6. Jafarli V.F. Criminological cybersecurity: theoretical, legal and technological foundations : monograph / Ed. and with a preface by S.Y. Lebedev. 2nd ed., revised and add. M. : Prospekt, 2024. 480 p. ISBN: 978-5-392-40599-2 EDN: AGHSHD

Информация об авторе

Финкель Марина Вячеславовна
управляющий партнер,
адвокат адвокатского бюро г. Москвы
«Дубинин, Финкель и партнеры»
m.finkel@lawyerspro.ru

Marina V. Finkel
Managing partner,
lawyer of the Moscow law firm
«Dubinin, Finkel and Partners»
m.finkel@lawyerspro.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-31>
УДК 330.564.2

Attribution

cc by

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ

Аверин А.Н.¹, Понеделков А.В.², Вакула И.М.³

¹*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,*

²*Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,*

³*Ростовский юридический институт МВД России*

Аннотация. Повышение уровня денежных доходов российского населения в условиях рыночной экономики, перехода от социализма к капитализму является достаточно актуальной проблемой на протяжении многих лет.

Цель исследования состоит в анализе необходимости повышения уровня денежных доходов населения.

Объектом исследования являются денежные доходы населения в 2024 году и первом квартале 2025 года, методами изучения – статистический метод, анализ и синтез.

К полученным результатам относится использование статистических данных, рассмотрение структуры денежных доходов населения, неравномерное их распределение, анализ заработной платы, ее просроченной задолженности. Приведены данные о социальных выплатах за счет московского городского бюджета, о структуре денежных расходов населения, данные социологических исследований о запросах размера доходов населением и заработной платы молодыми рабочими. В качестве основного вывода можно отметить, что уровень денежных доходов населения повышается, но он по-прежнему остается недостаточным для роста благосостояния значительной части людей.

В большом количестве публикаций анализируются политика государства в сфере распределения доходов населения, политика доходов и заработной платы, доходы населения и социальная политика государства, уровень доходов и качества жизни населения, дифференциация доходов населения, доходы, расходы и сбережения населения, мотивация, стимулирование и оплата труда, оплата труда персонала в организациях и в отраслях экономики, пенсии, социальные выплаты как источники денежных доходов.

Ключевые слова: вид экономической деятельности, денежный доход, денежный расход, заработная плата, коэффициент, пенсия, просроченная задолженность, работник, регион, социальная выплата, федеральный округ.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

RAISING THE LEVEL OF MONETARY INCOME OF THE POPULATION

Alexander N. Averin¹, Alexander V. Ponedelkov², Ivan M. Vakula³

¹*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,*

²*South-Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,*

³*Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

Abstract. Raising the level of monetary income of the Russian population in a market economy, during the transition from socialism to capitalism, has been a relevant issue for many years. The aim of the research is to analyze the necessity of raising the level of monetary income of the population. The object of the study is the monetary income of the population in 2024 and the first quarter of 2025. The study methods used include statistical method, analysis, and synthesis.

The results obtained include the use of statistical data, consideration of the structure of monetary income of the population, their uneven distribution, and analysis of wages and overdue wage arrears. Data on social payments from the Moscow city budget, the structure of monetary expenditures of the population, and sociological research data on the income needs of the population and the wag-

es of young workers are presented. The main conclusion is that the level of monetary income of the population is increasing, but it remains insufficient for the welfare growth of a significant part of the people.

A large number of publications analyze the state's policy in the field of income distribution of the population, income and wage policy, income of the population and social policy of the state, level of income and quality of life of the population, differentiation of income of the population, income, expenses, and savings of the population, motivation, stimulation, and remuneration of labor, remuneration of personnel in organizations and industries of the economy, pensions, and social payments as sources of monetary income.

Keywords: monetary income, monetary expense, salary, coefficient, pension, overdue debt, employee, region, social payment, federal district.

Funding: Independent work.

Введение.

В первом квартале 2025 года по сравнению с 2024 годом сократились доходы от предпринимательской деятельности с 6,7 % до 6,6 %, социальные выплаты – с 16,8 % до 16,5 %, прочие денежные поступления – с 7,2 % до 4,5 %.

Произошло увеличение оплаты труда с 60,6 % до 63,4 %, в том числе заработной платы работников организаций – с 39,6 % до 44,1 %, доходов от собственности – с 8,7 % до 9 %.

Средний размер назначенных пенсий увеличился с 20964 до 23333 рублей, в процентах к среднему размеру заработной платы работников организаций – с 23,5 % до 23,6 % в мае [1]. Средняя пенсия может достигнуть в следующем году 27117 рублей.

Предполагается выделить в федеральном бюджете на ближайшие три года свыше 10 трлн рублей на поддержку семей с детьми – выплату единого пособия на детей нуждающимся семьям, продолжение программы материнского капитала с индексацией с учетом уровня инфляции, субсидирование семейной ипотеки, на ежегодную семейную выплату для возмещения части уплаченного НДФЛ родителям с двумя и более детьми [2].

Результаты. Обсуждение.

В 2024 году общий объем денежных доходов населения распределился по двадцатипроцентным группам: в первой группе – 5,4 %, в пятой – 46,7 %. Сравнительно с 2023 годом увеличился коэффициент Джини с 0,405 до 0,408, коэффициент фондов – с 14,8 до 15,1 раза. Произошло увеличение денежных доходов свыше 100 тыс. рублей с 11,4 % до 16,2 % общей численности населения [1].

В регионах предусмотрены социальные выплаты. Так, в Москве в 2024 году производились следующие выплаты. Минимальная пенсия с городской доплатой – 25500 руб., инвалидам и ветеранам Великой Отечественной войны – 2654 руб., ветеранам труда – 1328 руб., ветеранам труда за пользование телефоном – 275 руб., реабилитированным гражданам и пострадавшим

от репрессий – 2654 руб., инвалидам на ребенка до 18 лет – 15908 руб., детям войны, родившимся в период с 04 сентября 1927 г. по 03 сентября 1945 г. – 1990 руб., долгожителям, отметившим 100 лет – одновременно 33141 руб., к каждому следующему дню рождения – 19885 руб., Героям Советского Союза, Российской Федерации, Социалистического труда, России – компенсация 1990 руб., дополнительное обеспечение – 33141 руб., семьям, воспитывающим ребенка-инвалида – доплата к пенсии до 24500 руб., усыновителям, опекунам, попечителям, приемным семьям в зависимости от количества детей, взятых на воспитание, их возраста и здоровья – от 21873 до 36654 руб., труженикам тыла – 1990 руб., за уход за ребенком-инвалидом до 23 лет – 15908, детям-инвалидам, потерявшим кормильца – 1925 руб., детям-сиротам, оставшимся без попечения родителей от 0 до 12 лет – 21873 руб., детям-сиротам, оставшимся без попечения родителей от 12 до 18 лет – 29163 руб., детям-инвалидам из числа сирот, оставшимся без попечения родителей – 26247 руб., опекунам, попечителям на оплату жилья, коммунальные услуги и телефон в помещении, где проживает ребенок – 1232 руб. [3].

Структура денежных доходов населения свидетельствуют о том, что важным их источником является заработная плата. В первом полугодии 2025 года среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций составила 96216 рублей. В четырех федеральных округах она превысила среднероссийский показатель – Центральный (120832 руб.), Северо-Западный (102367 руб.), Уральский (100233 руб.), Дальневосточный (108062 руб.); в четырех округах она была ниже среднероссийского уровня – Южный (67888 руб.), Северо-Кавказский (53277 руб.), Приволжский (73788 руб.), Сибирский (84138 руб.) [4].

По сравнению с 2024 годом среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций увеличилась на 8264 рубля (была 87952 руб.); в федеральных округах – Центральный (была 111458 руб.), Северо-Западный (93256 руб.), Южный (62291 руб.), Северо-Кавказский (49285 руб.), Приволжский (66532 руб.), Уральский (91691 руб.), Сибирский (76941 руб.), Дальневосточный (96328 руб.) [5].

Различается среднемесячная заработная платы работников организаций в регионах [4]:

– в Центральном федеральном округе – Ивановская область (54234 руб.), Московская обл. (110 321 руб.), Москва (171467 руб.);

– в Северо-Западном федеральном округе – Псковская область (61206 руб.), Санкт-Петербург (117911 руб.), Мурманская область (121900 руб.), Ненецкий автономный округ (145390 руб.);

– в Южном федеральном округе – Калмыкия (54213 руб.), Крым (2954 руб.);

– в Северо-Кавказском федеральном округе – Ингушетия (44580 руб.), Чечня (45894 руб.), Дагестан (48417 руб.), Ставропольский край (60633 руб.);

– в Приволжском федеральном округе – Саратовская область (63575 руб.), Оренбургская (83956 руб.), Татарстан (84345 руб.);

– в Уральском федеральном округе – Курганская область (70643 руб.), Ямало-Ненецкий автономный округ (179874 руб.), Ханты-Мансийский, Югра (132857 руб.);

– в Сибирском федеральном округе – Алтайский край (61059 руб.), Красноярский край (101577 руб.);

– в Дальневосточном федеральном округе – Бурятия (79731 руб.), Магаданская область (164012 руб.), Чукотский автономный округ (210854 руб.).

При рассмотрении уровня заработной платы необходимо учитывать, что регионы находятся в различных географических зонах с различными природно-климатическими условиями, преобладанием добычи полезных ископаемых, развитием оборонных производств; Москва является крупным финансовым и промышленным центром. В 13 регионах среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций превышала 100 тыс. руб., в 9 регионах – меньше 60 тыс. руб. В 2024 году в 10 регионах среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций превышала 100 тыс. руб., в 8 регионах – меньше 50 тыс. руб.

Доля оплаты труда наемных работников во внутреннем валовом продукте в 2024 году составила 43,9 % [6]. Минимальный размер оплаты труда – 22440 рублей, в 2026 году планируется 27093 руб. Это означает увеличение заработной платы 4,5 млн работникам. Медианная заработная плата равна 66,7 тыс. За счет индексации увеличилась заработная плата врачей, учителей, работников культуры, социальных работников, государственных служащих и других бюджетников. Необходимо отметить, что молодые рабочие запрашивают более высокую заработную плату. Исследования показали, что молодые рабочие без стажа рассчитывают в среднем на 51,3 тыс. руб. в месяц, со стажем 1–3 года – 69,1

тыс. руб., 3–6 лет – 79 тыс. руб., 6–9 лет – 82,4 тыс. руб. [7].

Объем просроченной задолженности по заработной плате работников организаций небольшой, в июне 2025 года составил менее 1 % месячного фонда заработной платы; вместе с тем, произошло её увеличение с 892,6 млн до 947,2 млн рублей [4]. Просроченная задолженность по заработной плате составила в Центральном федеральном округе 759,1 млн руб., в Северо-Западном федеральном округе – 76 млн руб., в Южном федеральном округе – 22,9 млн руб., в Северо-Кавказском федеральном округе – 25 млн руб., в Приволжском федеральном округе – 15,5 млн руб., в Сибирском федеральном округе – 18 млн руб., в Дальневосточном федеральном округе – 30,5 млн руб.

Наибольшая просроченная задолженность была в Тверской области (579,2 млн руб.). Не было просроченной задолженности в Уральском федеральном округе, в 48 регионах. Просроченная задолженность возникла из-за отсутствия собственных средств (947,2 млн руб.), больше всего она была в строительстве (686 млн руб.). Численность работников, перед которыми имеется просроченная задолженность по заработной плате, была равна 4,1 тыс. чел.

По видам экономической деятельности заработная плата работников организаций различна. В январе – мае 2025 года она была выше общероссийского уровня среднемесячной заработной платы (94817 рублей) в 2,3 раза в производстве табачных изделий (218575 руб.), в 2,2 раза – в добыче нефти и природного газа (206630 руб.), в 2,1 раза – в воздушном и космическом транспорте (197410 руб.), в финансовой и страховой деятельности (201483 руб.).

Заработная плата составила свыше 150 % среднероссийского показателя в области информации и связи (176306 руб.), в деятельности трубопроводного транспорта (171988 руб.), в рыболовстве и рыбоводстве (170602 руб.), в деятельности экстерриториальных организаций и органов (162193 руб.), в добыче металлических руд (151810 руб.), в научных исследованиях и разработках (143478 руб.).

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что отношение к общероссийскому уровню среднемесячной заработной платы было низким в производстве одежды (46993 руб.), в деятельности почтовой связи и курьерской деятельности (52248 руб.), в производстве кожи и изделий из кожи (56297 руб.), мебели (56722 руб.).

Существуют высокие максимальные рыночные зарплаты в финансовой сфере – менеджер по продажам и финансовый аналитик (350 тыс. руб.), специалист по розничному кредитованию и менеджер по работе с клиентами (280 тыс. руб.), специалист по взысканию задолженности и финансовый менеджер (260 тыс. руб.), специалист службы экономической безопасности (175 тыс. руб.), средние и максимальные в IT-подразделе-

ниях банков – product-менеджер (320 тыс. и 600 тыс. руб.), программист-python (270 тыс. и 550 тыс. руб.), аналитик данных (250 тыс. и 400 тыс. руб.) [8].

Средняя заработная плата молодых специалистов достигла 72,5 тыс. руб., работников в возрасте 25–34 года – 98,7 тыс. руб., 35–44 года – 101,4 тыс. руб. [9].

ВЦИОМ провел опрос в июле 2025 года «Деньги для жизни» среди 1,6 человек. 49 % опрошенных считают, что средств на жизнь хватает, 50 % испытывает финансовые трудности. 56 % респондентов отметили, что хватает денег до заработной платы на продукты и товары первой необходимости, 15 % – что денег не хватает.

Денежные доходы населения составили 27 трлн 393,2 млрд руб., денежные расходы – 25 трлн 473,8 млрд руб. [4].

На покупку товаров и оплату услуг приходится 80,7 %, оплату обязательных платежей, взносов и прочие расходы – 12,3 %.

Прирост сбережений населения равен 1 трлн 919,4 млрд руб. – 7 %; из них, во вкладах на руб-

левых и валютных счетах банков в рублевом эквиваленте – 5 %, в наличных деньгах на руках в рублях и иностранной валюте в рублевом эквиваленте – уменьшение на 1 %.

Всего сбережений населения во вкладах и наличных деньгах насчитывалось 74 трлн 920,3 млрд руб. (апрель 2025 г.), в том числе остатки вкладов – 63 трлн 856,6 млрд руб.; из них, на рублевых счетах – 60 трлн 599,9 млрд руб., остатки наличных денег – 11 трлн 063,7 млрд руб.; из них, в рублях – 4 трлн 686,8 млрд руб. Снижаются ставки по вкладам в банки. Однако население продолжает делать сбережения для получения процентных доходов. Наличие сбережений позволяет выживать при потере работы, экономическом кризисе, болезни.

Заключение.

Проблема повышения уровня денежных доходов населения по-прежнему требует своего эффективного решения. Ее решение во многом зависит от деятельности государства и работодателей. Поддержка должна иметь такие приоритеты, как семьи с детьми, участники Специальной военной операции и их семьи.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Социально-экономическое положение России. 2025. № 6. URL : <http://ssl.rosstat.gov.ru>
2. Гончарук Д. Читать и считать // Российская газета. 2025. 30 сентября.
3. Пятилетова Л. Прибавка от города // Российская газета. 2024. 10 января.
4. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в I полугодии 2025 года // Российская газета. 2025. 10 сентября.
5. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2024 году // Российская газета. 2025. 03 апреля.
6. Исаев А. Повышение доли зарплат в ВВП // Российская газета. 2025. 14 мая.
7. Ефремова С. Отрываются с руками // Российская газета. 2025. 23 сентября.
8. Человеческий капитал // Российская газета. 2025. 11 августа.
9. Выжutowич В. Доходы растут, неравенство сохраняется // Российская газета. 2025. 19 сентября.

References:

1. Socio-economic situation of Russia. 2025. № 6. URL : <http://ssl.rosstat.gov.ru>
2. Goncharuk D. Read and count // Rossiyskaya Gazeta. 2025. September 30.
3. Pyatiletova L. Increment from the city // Rossiyskaya Gazeta. 2024. January 10.
4. Key indicators of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation in the first half of 2025 // Rossiyskaya Gazeta. 2025. September 10.
5. Key indicators of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation in 2024 // Rossiyskaya Gazeta. 2025. April 03.
6. Isaev A. Increasing the share of wages in GDP // Rossiyskaya Gazeta. 2025. May 14.
7. Efremova S. Selling like hotcakes // Rossiyskaya Gazeta. 2025. September 23.
8. Human capital // Rossiyskaya Gazeta. 2025. August 11.
9. Vyzhutovich V. Incomes are growing, inequality persists // Rossiyskaya Gazeta. 2025. September 19.

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ORCID: 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Вакула Иван Михайлович

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский юридический институт МВД России
ORCID: 0000-0002-5292-6978
imvakula@mail.ru

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
ORCID: 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Alexander V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
South-Russian Institute of Management,
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Ivan M. Vakula

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department
of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines,
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORCID: 0000-0002-5292-6978
imvakula@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-7>

УДК 334

Attribution

cc by

КОНВЕРГЕНТНО-ДИВЕРГЕНТНАЯ СИСТЕМА ГЕНЕРАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Гаранин М.А., Волов В.Т., Веляева К.С.

Приволжский государственный университет путей сообщения

Аннотация. Статья посвящена разработке конвергентно-дивергентной системы генерации и реализации инновационных проектов в научно-образовательных центрах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления структурного несоответствия между возможностями университетов, сфокусированных на ранних стадиях исследований и разработок (НИОКР), и запросами бизнеса, ориентированного на внедрение готовых технологий, что порождает «долину смерти». Цель работы – создание двухконтурной модели, дополненной рефлексивной дивергентной фазой для замыкания цикла обратной связи и генерации новых идей. Объектом исследования является научно-образовательная система, включающая вузы, научные организации и бизнес. Предметом исследования – институциональные условия развития инноваций. Практическая значимость исследования заключается в повышении эффективности коммерциализации университетских разработок за счет расширения входного потока идей, повышения конверсии на критических стадиях и создания системы непрерывного улучшения на основе анализа внедренных проектов. Настоящая публикация является частью комплексного научного исследования, посвященного совершенствованию системы отраслевого транспортного образования, проводимого на базе Приволжского государственного университета путей сообщения.

Ключевые слова: инновационные проекты, конвергентно-дивергентная система, уровень технологической готовности, коммерциализация технологий, открытые инновации, стратегическое управление, технологические инновации, кластерный подход.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE CONVERGENT-DIVERGENT SYSTEM GENERATION OF INNOVATIVE PROJECTS

Maxim A. Garanin, Vyacheslav T. Volov, Karina S. Velyaeva

Volga State University of Railway Transport

Abstract. The article is devoted to the development of a convergent-divergent system for generating and implementing innovative projects in scientific and educational centers. The relevance of the research is due to the need to overcome the structural discrepancy between the capabilities of universities focused on early-stage research and development (R&D) and the demands of businesses focused on the introduction of ready-made technologies, which generates a «valley of death». The aim of the work is to create a two-circuit model supplemented with a reflexive divergent phase to close the feedback loop and generate new ideas. The object of the research is the scientific and educational system, which includes universities, scientific organizations and businesses. The subject of the research is the institutional conditions of innovation development. The practical significance lies in increasing the efficiency of commercialization of university developments by expanding the input stream of ideas, increasing conversion at critical stages and creating a system of continuous improvement based on the analysis of implemented projects. The present study is part of a comprehensive scientific study devoted to improving the system of sectoral transport education conducted on the basis of the Volga State University of Railway Communications.

Keywords: innovative projects, convergent-divergent system, technological readiness level, technology commercialization, open innovation, strategic management, technological innovation, cluster approach.

Funding: Independent work.

Введение.

Формирование в университетах действенных инструментов развития инноваций требует опоры на процессную логику «от запроса к внедрению». В отечественной нормативной рамке инновационная деятельность трактуется как совокупность научных, технологических, организационных и финансово коммерческих действий по реализации проектов и созданию инфраструктуры; в университетском контуре этот процесс раскладывается на последовательность «НИР – ОКР – внедрение» и предваряется блоками «запросы бизнеса» и «портфель проектов», а завершается получением экономического эффекта. Параллельно учитываются ресурсы (кадры, лабораторная база) и индикаторы (публикации, прибыль), что обеспечивает сопоставимость с международными метриками.

Ключевым ограничением выступает структурное несоответствие ожиданий бизнеса и возможностей вузов: первые ориентированы на поздние стадии готовности технологий, тогда как вторые, как правило, концентрируются на уровне прототипов. Это порождает «долину смерти» – промежуток между TRL 4 и TRL 6, где университетские возможности уже сокращаются, а частное финансирование еще не возникает (*TRL – technology readiness levels*, уровни технологической готовности. Для ее преодоления необходимы институциональные механизмы «длинного дыхания»: бизнес инкубаторы (1–2 года), краткосрочные акселераторы (1–2 месяца), грантовая поддержка стартапов, технопарки, внутренние группы техноброкеров и развитие эндаумент финансирования, дополняемые межотраслевыми цифровыми (краудсорсинговыми) платформами как сервисной средой экспертизы и B2B взаимодействия.

Эффективная архитектура должна быть двухконтурной. Внутренний контур отвечает за доведение университетских разработок до требуемых уровней технологической готовности (TRL 7–9) – через последовательный цикл «*Research – Development – Introduction*» (процесс исследования новых процессов и технологий для создания новых продуктов, услуг) и целенаправленное развитие «зон роста». Внешний контур формирует устойчивые коллаборации на базе «центров компетенций» научных школ, выступающих единицами взаимодействия с рынком и источниками содержания для образовательных программ.

Содержательное наполнение инфраструктуры включает проектные офисы, «точки кипения», студенческие бизнес-центры, стартап студии, центры трансфера технологий и коллективного доступа; их координация строится на принципах стратегического управления, где университет целенаправленно конструирует конкурентные преимущества. При этом требуется институционализировать три сквозных блока: «Наука и инновации» (управление инновациями с допустимым риском ошибки), «Трансформация» (управления внутренними преобразованиями) и «Стратегия» (долгосрочная траектория на горизонте 15–20 лет).

Показатели результативности экосистемы разумно связывать с программами технологического предпринимательства, акселерационными треками и числом переданных проектов на региональные площадки, что отражает прогресс от научного задела к коммерциализации.

Исторические примеры демонстрируют мультипликативный территориальный эффект университетских инноваций (Кембриджский феномен), когда вокруг ядра университета складывается кластер высокотехнологичных компаний. В предельном случае, целевая модель «Университет 3.0» – центр пространства создания и коммерциализации инноваций – оформляется как системный источник новых рынков и предпринимательских инициатив, обеспечивая переход от исследовательской к инновационной парадигме.

Цель, задачи и методы исследования

Целью исследования является разработка системы генерации и развития инноваций на базе научно-образовательного центра.

Для достижения этой цели поставлены и решены следующие основные задачи:

- исследование институциональных условий научной и инновационной деятельности в современных университетах;
- описание недостающей рефлексивной части, зеркальной по отношению к воронке инноваций;
- описание комплексной системы генерации инновационных проектов.

Объектом исследования является научно-образовательная система, состоящая из сети научно-образовательных организаций (вузов), научных организаций и бизнеса.

Предметом исследования являются институциональные условия развития инноваций.

Настоящее исследование является частью комплексного научного исследования, посвященного совершенствованию системы отраслевого транспортного образования, проводимого на базе Приволжского государственного университета путей сообщения [1–8].

Методологической основой исследования являются: неoinституционализм (новая институциональная теории), теория трансакционных издержек, контрактный подход, под которым понимается вся сложная сеть явных и неявных контрактов, нормативный анализ в сравнительно-институциональной перспективе.

1. Воронка инновационных проектов и существующие противоречия.

Модель открытых инноваций позволяет преодолеть институциональные ограничения университетов, исторически ориентированных на автономное производство знаний и «внутренние»

разработки. Эмпирика 2000–2020 гг. показывает, что ставка лишь на собственные НИОКР отраслевых вузов дает единичные рыночные успехи, следовательно, требуется пересборка процесса разработки и внедрения инноваций на основе сетевого взаимодействия и притока внешних решений.

Эвристической опорой такой пересборки выступает формула Стивенса-Берли (рис. 1), описывающая «воронку инноваций»: в усредненном потоке 3000 идей трансформируются в 300 патентов, 125 бизнес-моделей, 9 опытных образцов, 4 промышленных образца, 2 серийных продукта и один рыночный успех. Из нее следует: при генерации порядка 500 идей в год вероятность быстрого появления успешного продукта статистически пренебрежимо мала, следовательно, необходимо либо расширять «вход»

(масштаб генерации идей), либо повышать конверсию между стадиями. Визуально эта логика соотносится с траекторией роста уровней технологической готовности (TRL 0–9), на которые укладываются переходы от идеи и патента к серийному продукту.

Ключевой разрыв («долина смерти») возникает из противозакономерности возможностей университета и интересов бизнеса: вузы сильны на TRL 1–3 (генерация и первичная верификация идей), тогда как точка входа предпринимательского финансирования обычно наступает после демонстрации на TRL 6–7. Соответственно, наиболее рискованные и капиталоемкие TRL 4–6 остаются без устойчивого источника ресурсной поддержки. Это структурно снижает вероятность прохождения проектов через узкое горло воронки к промышленным образцам и серийному выпуску.

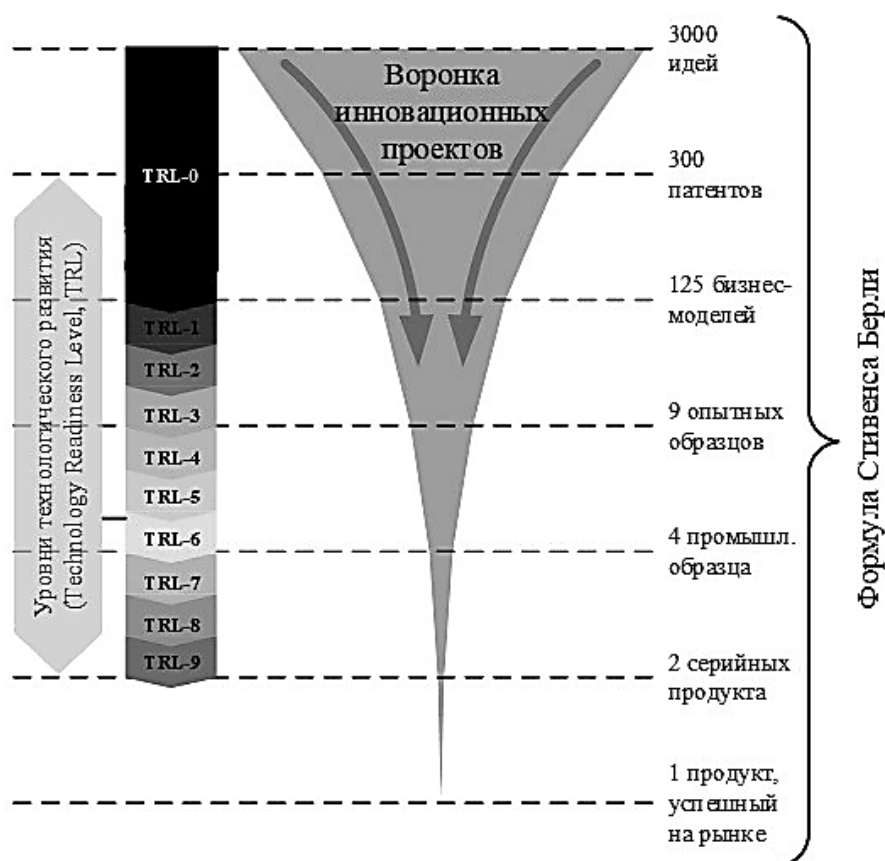

Рисунок 1 – Воронка инноваций (конвергентная система)

Открытые инновации отвечают на этот вызов за счет притока внешних заделов с более высокими TRL (патентов, бизнес-моделей, опытных образцов) и их трансфера в университетскую экосистему. Для этого требуются институционализированные роли и процессы: подразделения трансфера технологий, подготовка «техноброкеров», программы повышения квалификации («Трансфер инноваций», «Техноброкерство» и др.). Подобная архитектура повышает входной поток и одновременно улучшает конверсию, по-

скольку в воронку входят не только «сырые» идеи, но и решения, близкие к стадиям интереса бизнеса.

Технологическим каркасом служит цифровая платформа кооперации центров компетенций, обеспечивающая прозрачность проектного управления, распределение задач между лабораториями разных вузов, адресное финансирование и мониторинг реализации. Платформа снижает транзакционные издержки межвузовских

коллабораций, ускоряет достижение целевых TRL и позволяет «замкнуть» разрыв между академической наукой и промышленным внедрением; в том числе — через акселерацию, инкубирование, гранты, технопарки и механизмы «регуляторных песочниц».

В совокупности, формула Стивенса-Берли (рис. 1) задает количественную норму для управления воронкой (масштаб и требуемые коэффициенты перехода между стадиями), тогда как открытые инновации — организационно процессный механизм увеличения как ширины входа, так и эффективности прохождения критических стадий TRL 4–6. В результате, университет переходит к роли «центра инноваций», функционирующего как платформа притяжения внешних идей и рынков, где наука и инновации становятся двумя последовательными, но технологически сопряженными процессами.

Таким образом, возможность коммерческого успеха результатов инновационного процесса минимальна — около 0,33 %. Помимо низкой вероятности коммерческого успеха, описанная воронка инноваций имеет и другие противоречия:

1. Избыточность в инновационном процессе. Воронка предполагает, что в процессе генерации «сырых» идей, изобретений, результатов НИОКР и т.д. существует избыточность — они «конвертируются» в конечное единственное изделие, приобретающее статус рыночного товара.

2. Учёт только одного продукта. Формула не учитывает, что инновационные проекты могут влиять не только на один, но и на несколько ка-

чественных показателей достижения целей одновременно.

3. Для работы воронки инноваций требуется постоянная сила, поток идей, которые имеют ограничение во времени. Воронка инноваций — это не статический или линейный процесс, а динамический и итеративный, который требует постоянного тестирования, обучения и совершенствования

С учетом сказанного, возникает понимание ограниченности конвергентной воронки, требующей наличия инструментов, таких как платформы для краудсорсинга идей, программы внутреннего предпринимательства, корпоративные хакатоны и конкурсы инноваций, партнёрства и открытые инновации, коллаборации с технологическими стартапами.

2. Дивергентный поток и его параметры.

В работах А.М. Збарского [6, 8] впервые была описана рефлексивная система, зеркальная воронке инноваций. Когда новый продукт попадает в руки пользователя, это вызывает эмоции. Затем происходит процесс обратной связи, который включает в себя несколько этапов: определение (пользователь решает, будет ли он пользоваться продуктом и как), создание текста (описание продукта и его эффектов в виде статей, постов в социальных сетях и прочего), формирование мировоззрения (опыт использования продукта), развитие мышления (знания о продукте) и, наконец, появление новых идей. Так замыкается цикл. Этот процесс заряженности идеями можно условно разделить на 9 уровней, чтобы дифференцированно оценивать его (рис. 2).

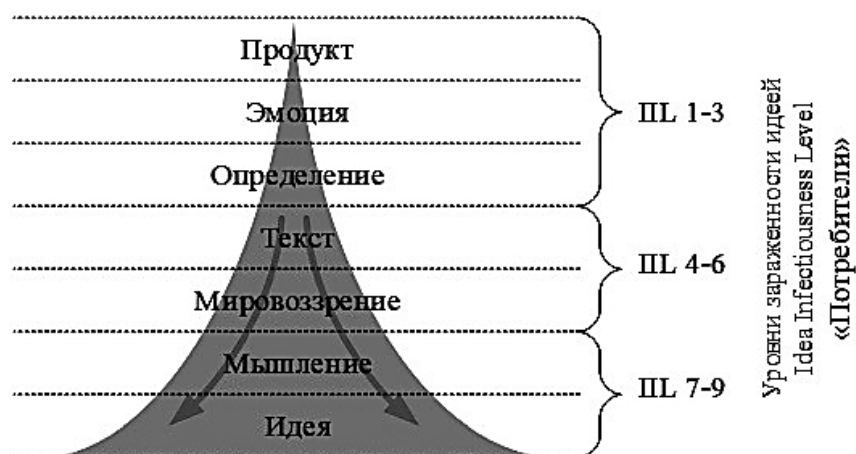

Рисунок 2 – Дивергентная рефлексивная система, зеркальная воронке инноваций

Дивергентная фаза предложенной модели инноваций описывает процесс социальной трансформации успешного продукта в новые идеи через последовательность качественно-количественных преобразований. Данный процесс подчиняется законам социальной психологии, теории диффузии инноваций. Каждый этап фазы может быть описан через понятие плотно-

сти преобразования — коэффициента, характеризующего эффективность перехода между качественно различными состояниями системы [9–12].

Первичный эмоциональный отклик пользователя на инновацию формируется на досознательном уровне и может быть классифицирован по ограниченному числу базовых аффективных измере-

ний. Теория базовых эмоций Плутчика [13] постулирует существование 8 первичных эмоциональных паттернов. Однако эмпирические исследования в нейромаркетинге показывают, что для большинства инновационных продуктов доминирующее восприятие формируется вокруг 2–4 ключевых эмоциональных кластеров [14]. Число «3» представляет собой репрезентативное значение медианной эмоциональной плотности (emotional density), выявленной в результате факторного анализа аффективных реакций.

Переход от эмоционального отклика к вербализации осуществляется через процесс когнитивного картографирования и категоризации. Согласно теории прототипов Элеоноры Рош [15], человеческое сознание оперирует ограниченным числом когнитивных прототипов для классификации новых объектов. Исследования в области менеджмента инноваций [16] демонстрируют, что успешные инновации порождают в среднем 3–7 устойчивых нарративных фреймов (narrative frames) в дискурсе ранних последователей. Число «5» отражает среднюю когнитивную плотность (cognitive density) данного преобразования.

Распространение нарративных фреймов в социальном пространстве подчиняется закону степенного распределения. Согласно теории диффузии инноваций Роджерса [17], каждый успешный нарратив привлекает внимание 2–4 лидеров мнений из числа «early adopters». Математическое моделирование информационных каскадов [18] показывает, что для достижения порога социальной значимости требуется порядка 10–15 публикаций в релевантных медиа-источниках. Число «12» представляет собой точку бифуркации, после которой процесс распространения приобретает самоподдерживающийся характер.

Переход от пассивного потребления контента к активному комментированию характеризуется крайне низкой конверсией. Эмпирическое правило «90-9-1» [19] постулирует, что только 1 % пользователей создают оригинальный контент. Исследования вовлеченности в цифровых экосистемах [20] показывают, что коэффициент преобразования просмотров публикаций в содержательные отзывы составляет примерно 0,1–0,3 %.

Таким образом, для генерации 100 отзывов требуется аудитория в 30000–50000 уникальных пользователей, что соответствует типичному охвату успешной инновации на стадии раннего роста.

Низкопороговые реакции (лайки, репосты) формируют основу пирамиды вовлеченности. Мета-анализ поведения в социальных сетях [21] выявляет устойчивое соотношение между высокопороговыми и низкопороговыми действиями в диапазоне 1:5 до 1:15. Консервативная оценка 750 соответствует нижней границе данного диапазона и характерна для профессиональных сообществ, где аудитория более сфокусирована.

3. Конвергентно-дивергентная система.

Представленный на рисунке 3 а, б процесс эволюции значительного числа идей, возможных проектов в один или несколько проектов, которые будут реализовываться. Идеи и проекты на начальном этапе эволюции представляют собой конечный объем информации, которая не упорядочена. На конечном этапе отбора проектов на основе экспертных оценок и обоснования остается один или несколько проектов, которые представляют собой упорядочивание информации.

По мнению авторов статьи, в процессе конвергенции информационной трубки (рис. 3), представляющий собой процесс самоорганизации и упорядочивания, направленный на минимизацию множества идей, проектов для решения поставленной задачи, имеет место уменьшение информационной энтропии – энтропии Шеннона [22].

Таким образом мы можем изучать процесс генерации идей и их реализации на основе энтропийного анализа.

Рассмотрим систему, которая может находиться в N_0 различных состояниях. Каждое состояние мы будем интерпретировать как один из возможных сценариев выполнения проекта. Для простоты мы предположим, что в начальный момент времени $t = 0$ все сценарии равновероятны. Тогда для нас вероятность выполнения проекта по i -му сценарию ($i = 1, 2, \dots, N_0$) равна:

$$p_i = \frac{1}{N_0}.$$

При этом информационная энтропия тесно связана с энтропией Шеннона, как её определил Клод Шеннон в своей основополагающей статье по теории информации [22]. Энтропия Шеннона описывает средний уровень неожиданности или неопределённости, присущий возможным результатам измерения и наблюдения за переменной. Фактор неожиданности – это мера информационного разрыва между фактическим информационным содержанием системы и ожиданиями наблюдателя для такой системы равна:

$$S_0 = -\sum_{i=1}^N p_i \log(p_i) = N_0 \cdot \frac{1}{N_0} \log \frac{1}{N_0} = \log N_0$$

Далее предположим, что в момент времени t_1 в результате изучения системы (процесс изучения мы назовем A_1) мы определили, что часть сценариев не реализуется, т.е. вероятность части сценариев равна нулю. В силу ограниченности нашего наблюдения оставшаяся часть сценариев остается равновероятной. Перенумеруем сценарии и не теряя общности будем считать,

что реализуются только первые $N_1 < N_0$ сценариев. Тогда условная вероятность реализации сценария i ($i = 1, 2, \dots, N_0$) равна:

$$p_i(A_1) = \begin{cases} \frac{1}{N_1}, & i = 1, 2, \dots, N_1, \\ 0, & i = N_1 + 1, \dots, N. \end{cases}$$

Условная энтропия системы (по условию A_1) теперь есть:

$$\begin{aligned} S_1 &= - \sum_{i=1}^{N_1} p_i(A_1) \log(p_i(A_1)) = \\ &= N_1 \cdot \frac{1}{N_1} \log \frac{1}{N_1} = \log N_1 < \log N_0 = S_0 \end{aligned}$$

Величина:

$$I_1 = S_0 - S_1 > 0$$

есть информация, полученная нами в результате изучения A_1 системы (или информационная энтропия нашего изучения A_1). В итоге, после ряда сокращений числа проектов за счет экспертной работы, мы получаем возрастающую последовательность информационных энтропий (информаций):

$$I_1 < I_2 < I_3 < \dots$$

и убывающую последовательность условных энтропий:

$$S_1 < S_2 < S_3 < \dots$$

при этом:

$$S_i + I_i = \text{const} = S_0$$

Если перейти к непрерывному времени, то:

$$dS_{\text{cond}} + dI = 0.$$

В контексте настоящего исследования, после этапа конвергенции информационной трубки следует этап дивергенции, что соответствует логике конвергентно-дивергентных законов философии: на этапе конвергенции система изолирована и уменьшение числа проектов до минимального уровня в процессе работы экспертов в системе приводит к уменьшению энтропии Шеннона до абсолютного минимума ($S_{\min}$).

Этап дивергенции (рис. 3 а, б) может интерпретироваться как процесс нарастания информационной неопределенности, обусловленной ростом выявленных недостатков реализованного проекта(проектов) за счет быстро изменяющихся условий в социуме.

Таким образом, этап дивергенции информационной трубки (рис. 3 а) можно охарактеризовать как процесс увеличения энтропии до S_0 .

В соответствии с диалектическими законами конвергентно-дивергентной информационной трубки, имеет вид, представленной на рисунке 1 а.

Такие конвергентно-дивергентные осцилляции информационной трубки можно объяснить следующим образом. На этапе дивергенции система открыта, и информационная энтропия растет за счет воздействия надсистемы. Если перейти к непрерывному времени получаем уравнение баланса информационных энтропий:

$$dS_{\text{cond}} + dI = dS_{\text{ext}}.$$

Изменение полной энтропии Шеннона на этапе эволюции от этапа начала отбора проектов до начала нового цикла соответствует второму началу термодинамики:

$$\Delta S = S_0' - S_0 \geq 0.$$

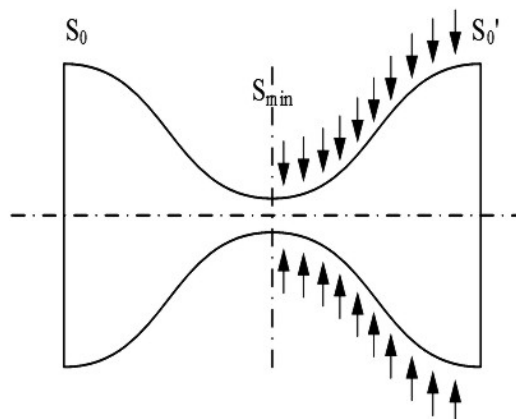

Рисунок 3 – Конвергентно-дивергентная информационная трубка генерации и реализации инновационных проектов, dS_{ext} – прирост энтропии из внешней системы

Анализ.

Для отбора и эффективного развития проектов в рамках предлагаемой модели нужна эффективная экспертная оценка. В отраслевых вузах это возможно сделать в виде экспертных советов, где отобранные эксперты регулярно оценивают проекты по заданным критериям и отбирают перспективные по разработанной методике. Кроме того, цифровая платформа, объединяющая экспертизу нескольких вузов, может обеспечить прозрачный отбор проектов на всех этапах инновационной воронки.

Помимо этого, требуется система рефлексивного анализа внедренных инноваций для оценки их успешности и определения дальнейшего развития. Такая система будет отслеживать проекты после внедрения, фиксируя достигнутые результаты, экономический эффект и степень достижения целей. Для этого требуется формирование база данных ключевых показателей и исходов проектов. На ее основе анализируются отклонения от плановых показателей, выявляются причины успехов и неудач, оценивается общая эффективность проектов.

В предлагаемой модели обратная связь от рефлексивного анализа замыкает контур управления инновациями. Данные об успехах и провалах возвращаются в систему управления, что позволяет корректировать стратегию и процессы на всех этапах воронки. Система развития, в свою очередь, генерирует новый опыт для анализа – таким образом формируется цикл непрерывного улучшения. Интеграция механизмов развития инноваций с постоянным аналитическим сопровождением значительно расширяет «воронку» идей и повышает эффективность внедрения новых разработок.

Синтез.

Непрерывный поток генерации и развития инноваций является ключевым фактором устойчивого экономического роста в современной экономике. Даже самые совершенные государственные механизмы поддержки инноваций не смогут обеспечить появление новых технологий без активного участия бизнеса и самих инноваторов.

Частный бизнес выступает основной движущей силой экономического развития, тогда как государство может лишь создать условия и стимулы, но не должно подменять собой активность предпринимателей. Другими словами, процесс генерации новых идей в бизнесе, образовательных и научных организациях не может осуществляться исключительно «сверху» – необходима предпринимательская инициатива, ориентированная на поиск прибыльных решений, которая одновременно соответствует стратегическим интересам экономики.

Как отмечал П.Г. Щедровицкий, ключевой проблемой инноваций является поиск новых идей и тех, кто готов их придумывать, причём очевидно,

что такими двигателями прогресса должна выступать молодёжь с предпринимательским мышлением. Поддержка подобных предпринимателей, способных генерировать новые решения, критически важна для инновационного развития страны, ведь в конце концов «новое не создается по приказу» – инновации рождаются из проактивной творческой деятельности, а не из бюрократических директив.

Известно, что новые идеи не возникают в пустоте – инновационное мышление нуждается в богатом фоне знаний, опыта и развитого воображения. Исследователи творчества подчёркивают, что одним из важнейших условий развития творческого воображения является целенаправленное накопление как научной информации, так и художественного опыта. Проще говоря, инженеру, стремящемуся создавать инновации, необходимо развивать своё образное мышление и творческую фантазию. В этом плане, показательно, что воображение очень трудно развить вне художественного текста – чтение качественной художественной литературы является тем самым способом тренировки воображения, который предоставляет нам культура. Это подтверждается и педагогическим опытом: любые жанры художественной литературы заставляют читателя достраивать мир произведения по отдельным описаниям, тем самым активно развивая фантазию и креативное мышление.

Таким образом, для инженеров и ученых, работающих над инновациями, обогащение внутреннего мира через художественную литературу и другие формы искусства – не прихоть, а необходимый элемент творческого развития, без которого трудно рассчитывать на появление настоящего оригинальных идей.

Заключение.

Научно-технологическое лидерство государства требует наличия системы профессионального образования, ядром которой является научно-инновационная деятельность, органично интегрированная в процесс обучения.

Предложенные в статье решения дополняют описанную ранее концепцию «университет – центр инноваций», которая отражает подход: современный вуз должен выступать центром инновационного развития, соединяя научные исследования с образовательным процессом. В этой модели исследования и инновации лежат в основе образовательного процесса: модель «наука – инновации – образование» подчёркивает, что постоянная научно-инновационная деятельность, организованная по принципу открытых инноваций и подпитываемая рефлексией от полученных идей и проектов, служит фундаментом реализуемых университетом образовательных программ. Такая интеграция формирует среду, в которой создание новых знаний и их практическое воплощение развиваются совместно с обучением.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.
Литература: 1. Гаранин М.А. Транспортное образование в мире // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 3. С. 61–71. DOI: 10.24411/2307-4264-2020-10309 EDN: AAFLOA 2. Гаранин М.А. Тренды в развитии транспортного образования / М. А. Гаранин // Техник транспорта: образование и практика. 2020. Т. 1. № 3. С. 157–164. DOI: 10.46684/2687-1033.2020.3.157-164 EDN: LVOODL 3. Гаранин М.А. Трансформация высшей школы / М.А. Гаранин, В.Т. Воллов // Вестник СамГУПС. 2022. № 2(56). С. 9–13. EDN: ULHFCR 4. Гаранин М.А. Модель управления университетом как центром развития компетенций // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 1. С. 183–194. DOI: 10.18334/ce.13.1.39667 EDN: YYFYDZ 5. Цифровые «кентавры» в образовании / М.А. Гаранин [и др.] // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 12. С. 7907–7926. DOI: 10.18334/epp.14.12.122225 EDN: BAUJEK 6. Збарский А.М. Модель региональной отраслевой транспортной экосистемы инновационного развития / А.М. Збарский, М.А. Гаранин, Д.В. Горбунов // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 5. С. 1927–1938. DOI: 10.18334/epp.14.5.120918 EDN: HRMDZQ 7. Гаранин М.А. Интеллектуальная система управления образовательной программой / М.А. Гаранин, А.Ю. Максименко // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 7. С. 3993–4010. DOI: 10.18334/epp.14.7.121201 EDN: KIAFAU 8. Збарский А.М. Адаптивные образовательные программы на базе эмерджентных технологий / А.М. Збарский, М.А. Гаранин, С.В. Горбатов // Лидерство и менеджмент. 2024. Т. 11. № 2. С. 771–786. DOI: 10.18334/lim.11.2.120904 EDN: KZQDVO 9. Shannon C.E. A mathematical theory of communication. The Bell System Technical Journal. 1948. № 27(3). P. 379–423. DOI: 10.1002/j.1538-7305.1948.tb01338.x 10. Shannon C.E. A mathematical theory of communication. The Bell System Technical Journal. 1948. № 2(4). P. 623–656. DOI: 10.1002/j.1538-7305.1948.tb00917.x 11. Бурдые Пьер Социология социального пространства / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии. СПб. : Алетейя, 2007. 288 с. (Серия «Gallicinium») ISBN: 978-5-903354-05-4 12. Л. фон Берталанфи. Общая теория систем: критический обзор. В сборнике переводов Исследования по общей теории систем. М. : Прогресс, 1969. 520 с. С. 23–82. 13. Плутчик Р. Природа эмоций: человеческие эмоции имеют глубокие эволюционные корни, что может объяснить их сложность и предоставить инструменты для клинической практики // American Scientist. 2001. Т. 89. № 4. С. 344–350. 14. Morin C. Neuromarketing: The New Science of Consumer Behavior // Society. 2011. Vol. 48. P. 131–135. DOI: 10.1007/s12115-010-9408-1 EDN: EBUMIK 15. Рош Э. Принципы категоризации / Э. Рош; Под ред. Э. Рош, Б.Б. Ллойд // Когнития и категоризация. Хиллсдейл, Н. Дж. Лоуренс Эрлбаум Ассошиэйтс, 1978. С. 27–48. 16. Кеннеди М.Т. Онтологический поворот в исследованиях категорий: от стандартов легитимности к доказательствам актуальности = An Ontological Turn in Categories Research: From Standards of Legitimacy to Evidence of Actuality / М.Т. Кеннеди, П.К. Фисс // Journal of Management Studies. 2013. Т. 50. № 6. С. 1138–1154. 17. Роджерс Э. Диффузия инноваций / Э. Роджерс; Пер. с англ. 5-е изд. Нью-Йорк : Free Press, 2003. 551 с. 18. Уоттс Д.Д. Влиятельные лица, сети и формирование общественного мнения / Д.Д. Уоттс, П.Ш. Доддс // Journal of Consumer Research. 2007. Т. 34. № 4. С. 441–458. 19. Неравенство участия и принцип 90-9-1 в открытом исходном коде / М. Гаспарини [и др.] // 16-й Международный симпозиум по открытому сотрудничеству (OpenSym 2020), 25–27 августа 2020 г., Виртуальная конференция, Испания : Труды конференции. Нью-Йорк : ACM, 2020. С. 1–7. 20. Ван Мьерло Т. The 1 % Rule in Four Digital Health Social Networks: An Observational Study // Journal of Medical Internet Research. 2014. Vol. 16. 21. Factors influencing popularity of branded content in Facebook fan pages / F. Sabate [et al.] // European Management Journal. 2014. Vol. 32. P. 1001–1011. DOI: 10.1016/j.emj.2014.05.001 22. Shannon, Claude E. (July 1948) «A Mathematical Theory of Communication» (PDF), Bell System Technical Journal. № 27 (3 & 4). P. 379–423. P. 623–656.	

References:

1. Garanin M.A. Transport education in the world // Vocational education and the labor market. 2020. № 3. P. 61–71. DOI: 10.24411/2307-4264-2020-10309 LEGAL address: AAFLOA
2. Garanin M.A. Trends in the development of transport education / M. A. Garanin // Transport technician: education and practice. 2020. Vol. 1. № 3. P. 157–164. DOI: 10.46684/2687-1033.2020.3.157-164 EDITED BY: LVOODL
3. Garanin M.A. Transformation of higher education / M.A. Garanin, V.T. Volov // Bulletin of SamGUPS. 2022. № 2(56). P. 9–13. EDN: ULHFCR
4. Garanin M.A. The university management model as a competence development center / M. A. Garanin // Creative Economy. 2019. Vol. 13. № 1. P. 183–194. DOI: 10.18334/ce.13.1.39667 ELECTRONIC number: YYFYDZ
5. Digital «centaurs» in education / M.A. Garanin [et al.] // Economics, entrepreneurship and law. 2024. Vol. 14. № 12. P. 7907–7926. DOI: 10.18334/epp.14.12.12225 Author: BAUJEK
6. Zbarsky A.M. Model of the regional industrial transport ecosystem of innovative development / A.M. Zbarsky, M.A. Garanin, D.V. Gorbunov // Economics, entrepreneurship and law. 2024. Vol. 14. № 5. P. 1927–1938. DOI: 10.18334/epp.14.5.120918 REGISTRATION number: HRMDZQ
7. Garanin M.A. Intelligent educational program management system / M.A. Garanin, A.Y. Maksimenko // Economics, entrepreneurship and law. 2024. Vol. 14. № 7. P. 3993–4010. DOI: 10.18334/epp.14.7.121201 REGISTRATION number: KIAFAU
8. Zbarsky A.M. Adaptive educational programs based on emerging technologies / A.M. Zbarsky, M.A. Garanin, S.V. Gorbunov // Leadership and management. 2024. Vol. 11. № 2. P. 771–786. DOI: 10.18334/lim.11.2.120904 PUBLICATION NUMBER: KZQDVO
9. Shannon C.E. A mathematical theory of communication. The Bell System Technical Journal. 1948. № 27(3). P. 379–423. DOI: 10.1002/j.1538-7305.1948.tb01338.x
10. Shannon C.E. A mathematical theory of communication. The Bell System Technical Journal. 1948. № 2(4). P. 623–656. DOI: 10.1002/j.1538-7305.1948.tb00917.x
11. Bourdieu, Pierre The Sociology of social space / Translated from French; ed. translated by N.A. Matko. M. : Institute of Experimental Biology; SPb. : Alethea, 2007. 288 p. (Series «Gallicinium») ISBN: 978-5-903354-05-4
12. L. von Bertalanffy. General theory of systems: a critical review. In the collection of translations of Research on the general theory of systems. M. : Progress, 1969. 520 p. P. 23–82.
13. Plutchik R. The nature of emotions: human emotions have deep evolutionary roots, which may explain their complexity and provide tools for clinical practice // American scientist. 2001. Vol. 89. № 4. P. 344–350.
14. Morin S. Neuromarketing: a new science of consumer behavior // Society. 2011. Vol. 48. P. 131–135. DOI: 10.1007/s12115-010-9408-1 EMAIL address: EBUMIK
15. Roche E. Principles of categorization / E. Roche; Edited by E. Roche, B.B. Lloyd // Cognition and categorization. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. pp. 27–48.
16. Kenedy M. T., Siss P. K. The ontological leader in category research: from state to statehood = An ontological turn in Category Research: from standards of legitimacy to evidence of relevance // Journal of Management Studies. 2013. Vol. 50. № 6. P. 1138–1154.
17. Rogers E. Diffusion of innovations / E. Rogers; Translated from English. 5th ed. New-York : Svobodnaya Pressa, 2003. 551 p.
18. Watts D.D. Influential people, networks and the formation of public opinion / D.D. Watts, P.E. Dodds // Journal of Consumer Research. 2007. Vol. 34. № 4. P. 441–458.
19. Inequality of participation and the 90-9-1 principle in open source / M. Gasparini [et al.] // 16th International Symposium on Open Collaboration (OpenSym 2020), August 25–27, 2020, Virtual Conference, Spain : Proceedings of the Conference. New-York : AFM, 2020. P. 1–7.
20. Van Mierlo T. The 1 % rule in four social networks of digital healthcare: an observational study // Journal of Medical Internet Research. 2014. Vol. 16.
21. Factors influencing popularity of branded content in Facebook fan pages / F. Sabate [et al.] // European Management Journal. 2014. Vol. 32. P. 1001–1011. DOI: 10.1016/j.emj.2014.05.001
22. Shannon, Claude E. (July 1948) «A Mathematical Theory of Communication» (PDF), Bell System Technical Journal. № 27 (3 & 4). P. 379–423. P. 623–656.

Информация об авторах

Гаранин Максим Алексеевич

доктор экономических наук,
доцент,
ректор Приволжского государственного
университета путей сообщения, г. Самара
garanin@samgups.ru

Maxim A. Garanin

Doctor of Economics,
Associate Professor,
Rector of the Volga State University
of Railway Transport, Samara
garanin@samgups.ru

Волов Вячеслав Теодорович

доктор экономических наук,
доктор социологических наук,

Vyacheslav T. Volov

Doctor of Economics,
Doctor of Sociological Sciences,

доктор педагогических наук,
доктор технических наук,
доктор физико-математических наук,
профессор,
научный руководитель
Приволжского государственного
университета путей сообщения, г. Самара
volovvt@mail.ru

Веляева Карина Сергеевна
аспирантка специальности 5.2.3.
«Региональная и отраслевая экономика»,
Приволжский государственный
университет путей сообщения, г. Самара
velyaeva.k@mail.ru

Doctor of Pedagogical Sciences,
Doctor of Technical Sciences,
Doctor of Physico-Mathematical Sciences,
Professor,
Scientific Supervisor,
Volga State University of Railway Transport, Samara
volovvt@mail.ru

Karina S. Velyaeva
Postgraduate Student
of specialty 5.2.3. Regional and Sectoral Economics,
Volga State Transport University, Samara
velyaeva.k@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-10>

УДК 336.01

Attribution

cc by

МНОГОУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ КРИПТОВАЛЮТНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ: КОМПЛЕКСНЫЙ ВЗГЛЯД ОТ L0 ДО L3

Дюдикова Е.И., Проказов И.И.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Многоуровневая архитектура распределенных реестров (L0-L3) формирует технологический базис криптовалютной экосистемы, обеспечивающий интеграцию гетерогенных блокчейн-систем в целостную социально-экономическую парадигму. В статье представлены результаты комплексного анализа функционального назначения каждого уровня: от протокола L0, отвечающего за обеспечение интероперабельности, до решений прикладного уровня L3, ориентированных на кастомизацию и пользовательские сценарии. Прослежена архитектурная эволюция от монолитных решений L1 к модульным стекам, где ключевую роль в разрешении «трилеммы блокчейна» играют решения L2. Особый акцент сделан на анализе системной взаимосвязи технологического дизайна с криптоэкономическими моделями. Несмотря на достигнутую технологическую зрелость, многоуровневая модель порождает комплекс правовых вызовов, интенсивность которых зависит от прикладной направленности уровня. В рамках предложенного подхода идентифицирована детерминированная функция каждого уровня в построении устойчивой экосистемы. Доказано, что дальнейшая эволюция блокчейн-ландшафта будет определяться динамическим взаимодействием технологических инноваций, экономических стимулов и формирования адаптивного правового поля. Этот симбиоз закладывает основу для перехода к цифровой экономике следующего поколения в рамках парадигмы Web3.

Ключевые слова: DeFi, Web3, Layer-модель, блокчейн, интероперабельность, крипто-экономика, масштабируемость, токенизация, правовое регулирование.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE MULTI-LAYER ARCHITECTURE OF THE CRYPTOCURRENCY ECOSYSTEM: A HOLISTIC VIEW FROM L0 TO L3

Ekaterina I. Dyudikova, Ilia I. Prokazov

Financial University

Abstract. The multi-layer architecture of distributed ledger technology (L1-L3) constitutes the technological foundation of the cryptocurrency ecosystem, enabling the integration of heterogeneous blockchain systems into a coherent socio-economic paradigm. This paper presents the results of a comprehensive analysis of the functional role of each layer—from the L0 protocol, responsible for interoperability, to the L3 application-layer solutions focused on customization and user-centric scenarios. The study traces the architectural evolution from monolithic L1 solutions to modular stacks, in which L2 solutions play a pivotal role in addressing the "blockchain trilemma." Particular emphasis is placed on analyzing the systemic interrelation between technological design and cryptoeconomic models. Despite the achieved technological maturity, the layered model generates a complex of legal challenges, the intensity of which correlates with the application-specific focus of a given layer. Within the proposed framework, a deterministic function for each level in building a sustainable ecosystem is identified. It is demonstrated that the future evolution of the blockchain landscape will be determined by the dynamic interplay of technological innovation, economic incentives, and the development of an adaptive regulatory framework. This symbiosis lays the groundwork for the transition to a next-generation digital economy under the Web3 paradigm.

Keywords: DeFi, Web3, Layer model, blockchain, interoperability, crypto-economics, scalability, tokenization, legal regulation.

Funding: Independent work.

Введение. Возникновение и последующая эволюция технологии распределенного реестра (DLT), наиболее известной своей реализацией в форме блокчейна, ознаменовали собой парадигмальный сдвиг не только в области распределенных вычислительных систем и криптографии, но и оказали сильное влияние на социально-экономические структуры. За последнее десятилетие произошла структурная консолидация данной технологии, результатом которой стало формирование сложной многоуровневой архитектуры (известной как «Layer»-модель). В рамках данной архитектуры каждый уровень выполняет детерминированную функцию, интегрирующую технологические и экономические аспекты. Ключевой характеристикой данной системы является симбиоз технологического базиса и экономического измерения: такие механизмы, как токенизация активов, стейкинг, модели комиссий за транзакции и децентрализованное управление (DAO), сформировали новые модели экономических стимулов. Это, в свою очередь, породило не только инновационные бизнес-модели, но и комплекс актуальных проблем, связанных с правовым регулированием и определением юридического статуса криптоактивов. Целью настоящего исследования является анализ многоуровневой модели криптовалютной экосистемы¹ для выявления системных взаимосвязей между технологическим дизайном уровня, его экономической моделью и возникающими правовыми вызовами.

Результаты исследования. Современная блокчейн-архитектура представляет сложный стек взаимосвязанных и комплементарных протоколов, организованных по многоуровневому принципу. Данный стек формирует технологическую иерархию, где базовый уровень L0 обеспечивает фундаментальную интероперабельность [1]. Над ним надстраиваются основные сети уровня L1, отвечающие за консенсус и базовую функциональность [2], которые, в свою очередь, масштабируются за счет решений L2 [3]. Завершает архитектуру уровень L3, предназначенный для развертывания специализированных децентрализованных приложений (dApps).

В рамках данной модели нулевой уровень выполняет роль базового протокольного слоя, формирующего инфраструктурную основу для безопасного взаимодействия и координации гетерогенных блокчейн-сетей. В отличие от уровня L1, который фокусируется на реализации консенсуса, исполнении транзакций и работе смарт-контрактов в рамках изолированного реестра, L0 функционирует как мета-протокол. Его ключевая

задача заключается в интеграции независимых блокчейнов в единую, масштабируемую и интероперабельную экосистему, тем самым преодолевая проблему фрагментации блокчейн-пространства.

С технологической точки зрения, инфраструктура L0 включает в себя следующие ключевые компоненты: межсетевой механизм консенсуса (обеспечивает безопасность и глобальную согласованность данных в рамках всей экосистемы, выходя за пределы безопасности отдельного блокчейна), децентрализованная сеть валидаторов (совокупность узлов, ответственных за поддержание работы основного протокола L0 и валидацию межсетевых операций), стандартизированные протоколы передачи данных и сообщений (определяют форматы и правила для безопасного и верифицируемого обмена информацией между независимыми сетями) [4], фреймворки для запуска специализированных сетей (предоставляют инструментарий для развертывания и координации суб-сетей, таких как парачейны, аппчейны и роллапы, которые могут иметь различную внутреннюю архитектуру, но использовать общую безопасность и коммуникационные каналы L0) [5]. Яркими примерами практической реализации концепции L0 являются протоколы Polkadot (с его архитектурой релей-чейна и парачейнов) и Cosmos (с его моделью Zones и Hub, соединенных через Inter-Blockchain Communication protocol). Данные платформы формируют основу для совместимого и масштабируемого блокчейн-ландшафта, выполняя роль, аналогичную роли маршрутизаторов и кабелей в физической инфраструктуре Интернет. С экономической точки зрения, L0 функционирует как центральный механизм распределения ресурсов и формирования системы стимулов в рамках экосистемы. Нативные токены платформ L0 (такие как DOT, ATOM, TIA) выполняют три ключевые функции: обеспечение безопасности сети через модель стейкинга, в рамках которой держатели токенов делегируют свои доли валидаторам, получая вознаграждение и тем самым гарантируя устойчивость протокола к сетевым атакам; управление протоколом, предоставляя владельцам токенов право участвовать в принятии решений относительно его развития через механизмы DAO; выполнение утилитарной роли, выступая в качестве расчетной единицы для оплаты транзакционных комиссий, межсетевого взаимодействия и обеспечения иных экономических операций внутри экосистемы. Экономическая модель L0 также предусматривает формализованные процедуры для развертывания новых блокчейн-сетей. Ключевым элементом данной архитектуры является система слотового аукциона (в терминологии экосистемы Polkadot), в рамках которой проекты-претенденты конкурируют за ограниченный ресурс — доступ к безопасности, предоставляемой основной цепью (релей-чейном). Участие в аукционе требует от проектов внесения возвратного залога в нативных токенах протокола L0, что

¹ Многоуровневая модель криптовалютной экосистемы представляет собой архитектурную парадигму, основанную на функциональной декомпозиции. В ее рамках инфраструктура распределенных реестров структурируется в иерархию специализированных протокольных уровней или слоев (условно обозначаемых L0-L3), где каждый уровень инкапсулирует строго детерминированную функцию, обеспечивая тем самым модульность и разделение глобальных системных задач.

служит механизмом согласования экономических стимулов и обеспечения долгосрочной добросовестности участников. Данный подход, базирующийся на принципах модульности и унификации базовой инфраструктуры, способствует значительному снижению затрат для новых проектов. Это, в свою очередь, стимулирует развитие специализированных и оптимизированных под конкретные задачи решений, что ведет к формированию более устойчивой, интероперабельной и скоординированной экосистеме.

В российском правовом поле протоколы уровня L0 находятся вне сферы прямого регулирования. Данный правовой вакуум обусловлен их высокоуровневой технической абстрактностью и отсутствием непосредственного контакта с конечными пользователями, чьи операции опосредуются приложениями более высоких уровней. Однако по мере эволюции и усложнения функционала данных инфраструктурных решений, которые по своей сути являются платформами для передачи и верификации данных, может возникнуть правовая необходимость в их формальном признании. В перспективе такие платформы с учетом их критической роли в обеспечении связи между системами могут быть классифицированы либо как операторы критической информационной инфраструктуры, либо как поставщики доверенных сервисов. Наиболее вероятным подобный сценарий представляется в контексте тесной интеграции блокчейн-платформ L0 с государственными информационными системами и цифровыми сервисами.

В архитектуре распределенных реестров блокчейны первого уровня функционируют в качестве базового (основного) протокольного слоя, на котором реализуется функциональность сети. Данный слой формирует инфраструктурный фундамент, обеспечивающий непосредственное исполнение транзакций, верификацию смарт-контрактов и достижение распределенного консенсуса между узлами сети. С архитектурной точки зрения, L1-блокчейны часто характеризуются как монолитные системы, интегрирующие в единый протокол три критически важные функции: исполнение (обработка и верификация транзакций и смарт-контрактов), консенсус (достижение согласия между децентрализованными узлами о текущем состоянии реестра) и доступность данных (гарантия доступности всех данных транзакций и блоков для проверки всеми участниками сети). К каноническим примерам реализации L1-архитектуры относятся Bitcoin, Ethereum и Solana. Каждый из этих протоколов формирует автономную экосистему с уникальным механизмом консенсуса, экономической моделью и условиями для развертывания dApps. На архитектурном уровне они обеспечивают базовую безопасность сети через механизмы, такие как PoW или PoS, и непосредственно определяют ее фундаментальные параметры, включая масштабируемость, степень децентрализации и пропускную способность.

Ключевым вызовом при проектировании L1-решений является т.н. «трилемма блокчейн», постулирующая, что ни одна система не может одновременно оптимизировать три фундаментальных свойства – безопасность, децентрализацию и масштабируемость – без компромиссов в отношении одного или двух других параметров. Так, Bitcoin делает приоритет на безопасности и неизменности данных, жертвуя высокой пропускной способностью. Ethereum, после перехода на модель PoS, развивается в сторону модульной архитектуры, делегируя часть функций масштабирования решениям второго уровня в рамках «rollup-centric» подхода, что позволяет улучшить масштабируемость без прямого ущерба для децентрализации. Solana, в свою очередь, акцентирует внимание на масштабируемости и высокой пропускной способности, достигаемых за счет параллельного исполнения транзакций и иных оптимизаций, что может потенциально ограничивать степень децентрализации сети.

Экономическая модель L1-блокчейна строится вокруг эмиссии нативного токена, который выполняет несколько взаимосвязанных функций: расчетная единица и средство для оплаты сетевых комиссий (газа); стимул для валидаторов / майнеров, обеспечивающий экономическую безопасность сети; инструмент управления в процессах DAO. Так, BTC в сети Bitcoin функционирует преимущественно как «цифровое золото» – средство «сбережения» и расчетная единица. В то время как ETH в экосистеме Ethereum обладает более широкой утилитарной нагрузкой, выступая не только как средство для оплаты комиссий, но и как ключевой актив для стейкинга и обеспечения ликвидности в децентрализованных финансах (DeFi).

Эмпирические данные подтверждают асимметричное распределение ликвидности и доминирующее положение ограниченного числа решений первого уровня. Согласно статистике аналитической платформы DeFiLlama [<https://defillama.com/>], распределение общего объема заблокированных средств (Total Value Locked, TVL) в сегменте DeFi демонстрирует значительную концентрацию на платформе Ethereum. На долю данной сети приходится свыше 65 млрд долл. США, что примерно шестикратно превышает показатель следующей по величине сети – Solana (10 млрд долл. США). В первую пятерку также входят BNB Chain (6,5 млрд долл.), Bitcoin (6 млрд долл. США) и Tron (4,7 млрд долл. США), что иллюстрирует высокий уровень фрагментации и интенсивную конкурентную динамику в данном сегменте.

Параллельно с доминированием L1-платформ наблюдается рост значимости решений второго уровня. Протоколы, такие как Base (TVL 3,7 млрд долл. США) и Arbitrum (TVL 2,6 млрд долл. США), аккумулируют растущую долю ликвидности и пользовательской активности. Стремим-

тельное развитие L2-сегмента является прямым следствием системных ограничений, присущих платформам L1, в частности, проблем масштабируемости и высокой стоимости транзакций. Например, пропускная способность сети Ethereum в периоды пиковой нагрузки не превышает 15-20 транзакций в секунду, а комиссии за обработку операций могут достигать экстремальных значений. Таким образом, L2-решения позиционируются как технологический ответ на эти вызовы, предлагая более высокую пропускную способность и снижение операционных издержек при сохранении безопасности базового блокчейна.

Решения второго уровня представляют собой протоколы, функционирующие поверх базовых блокчейн-сетей первого уровня. Данные решения образуют технологический и экономический симбиоз с L1, обеспечивая обработку транзакций вне основной цепи (офф-чейн) с последующей фиксацией итоговых данных или криптографических доказательств их корректности на основном реестре. Эта модель позволяет достичь значительного прироста в масштабируемости и снижении стоимости операций, наследуя при этом ключевые характеристики базового уровня, такие как безопасность и децентрализация. Таким образом, L2-решения выступают в роли инфраструктурного акселератора, смягчая системные ограничения L1, выраженные в низкой пропускной способности, высокой волатильности комиссий и перегрузке сети.

В настоящее время доминирующей архитектурной парадигмой для решений L2 являются роллапы – класс протоколов, обеспечивающих обработку транзакций вне основной цепи (L1). Данный подход позволяет достичь высокой пропускной способности и снижения комиссий, при этом гарантия безопасности обеспечивается за счет обязательной публикации данных или криптографических доказательств обратно в основную сеть. Существуют две основные реализации:

1) Optimistic Rollups (например, Arbitrum, Optimism, Base), использующие криптоэкономические механизмы безопасности, основанные на периоде оспаривания и системе доказательств мошенничества;

2) ZK-Rollups (такие как zkSync Era, StarkNet, Polygon zkEVM), применяющие доказательства с нулевым разглашением (zk-SNARKs, zk-STARKs) для верификации корректности выполнения пакетов транзакций. Каждая из архитектур предлагает уникальный компромисс между производительностью, скоростью вывода средств, уровнем безопасности и сложностью реализации.

Экономическая значимость данных решений подтверждается метрикой совокупной обеспеченной стоимости (Total Value Secured, TVS). Согласно данным аналитического ресурса L2Beat [<https://l2beat.com/scaling/summary>], совокупный TVS в экосистеме L2 Ethereum превышает

36 млрд долл. США. Наблюдается ярко выраженная концентрация рынка: на два ведущих протокола – Base (~14,3 млрд долл. США) и Arbitrum (~13,7 млрд долл. США) – в совокупности приходится свыше 75 % от общего TVS, что свидетельствует о формировании сильных сетевых эффектов.

Ключевым следствием внедрения решений L2 является значительное снижение операционных издержек, что преодолевает одно из основных препятствий для массовой адаптации блокчейн-технологий. Это открывает путь для их применения в высокочастотных и экономически чувствительных сценариях, таких как микроплатежи, игровые и социальные децентрализованные приложения. Для дальнейшей специализации и кастомизации базового протокола под конкретные прикладные задачи была предложена концепция третьего уровня. Его функциональное назначение заключается в реализации специализированных сервисов, обеспечении гибкого межсетевых взаимодействия и размещении масштабируемых приложений с усовершенствованной пользовательской логикой (UX). Таким образом, L3 решает задачи не столько базового масштабирования, сколько кастомизации блокчейна для узкоспециализированных областей, включая децентрализованные социальные сети, сложные игровые экономики, корпоративные цепочки поставок и кастомизированные бизнес-протоколы.

С архитектурной точки зрения, термин «третий уровень» не имеет универсального и строго формализованного определения. Тем не менее, в профессиональном дискурсе за ним закреплена концепция аппчейнов – специализированных блокчейн-приложений, которые развертываются поверх инфраструктуры L2, но обладают собственной исполнительной логикой, токеномикой и правилами взаимодействия. К реализациям данной модели относятся такие решения, как Orbit (экосистема StarkNet), RollApp (на базе Celestia) и zkSync Hyperchain.

Третий уровень обеспечивает формирование высокоспециализированных ниш с повышенной капиталоемкостью. Его ключевой особенностью является абстрагирование пользователя от базовой блокчейн-инфраструктуры, что позволяет взаимодействовать с децентрализованными сервисами без необходимости понимания их технической реализации. Данный подход создает предпосылки для развития новых сегментов цифровой экономики, включая Web3-стартапы, корпоративные интеграции и игровые метавселенные. Экономические модели протоколов L3, как правило, базируются на эмиссии нативных токенов, которые выполняют полифункциональную роль: средство осуществления микроплатежей, механизм распределения вознаграждений и инструмент управления через системы голосования. Иллюстрацией данной модели служат конкретные кейсы: в децентрализованной социальной платформе Lens Protocol экономическая

деятельность выстроена на основе NFT-профилей, развернутых на уровне L3, в то время как в игровой инфраструктуре XAI применяются специализированные игровые токены, обладающие расширенной утилитарной функциональностью.

Анализ правового регулирования блокчейн-инфраструктуры целесообразно проводить через призму ее многоуровневой организации, где каждый уровень выполняет определенную функцию в формирующейся цифровой экосистеме, что обуславливает дифференцированный подход регулятора. Базовый уровень (L1) в международной правовой доктрине рассматривается как нейтральная технологическая инфраструктура цифровой экономики [6]. Ключевым критерием, освобождающим протоколы L1 от лицензирования, является их неделимый и децентрализованный характер. В России, в отличие от ряда зарубежных юрисдикций, официальное определение уровня L1 на текущий момент отсутствует. Однако в контексте разрабатываемых экспериментальных правовых режимов (ЭПР) допускается тестирование инвестиционных инструментов, основанных на сетях L1, с ограничением круга участников квалифицированными инвесторами. Уровень второго порядка (L2), не являющийся в строгом смысле автономной сетью, тем не менее становится объектом правового внимания. Регуляторный интерес к L2 фокусируется преимущественно на вопросах защиты прав потребителей и контроля за оборотом цифровых активов, поскольку именно на этом уровне обеспечивается масштабируемость базовых блокчейнов и концентрируется значительный объем массовых операций. Прикладной уровень (L3) на сегодняшний день остается наименее урегулированным сегментом. Его функциональная гибкость, выражающаяся в возможности создания пользовательских интерфейсов, игровых экономик, корпоративных сервисов и кастомизированных приложений, формирует значительный потенциал для будущей правоприменительной практики. В рамках ЭПР возможна апробация решений уровня L3 для ограниченного спектра бизнес-моделей, таких как программы лояльности, системы цифровой идентификации или логистические токены.

В контексте эволюции концепции Web3 и перехода к этапу массовой адаптации децентрализованных технологий в научном дискурсе формируется концепция мета-уровня L4. Данный уровень не является техническим слоем в традиционном понимании, а представляет собой абстрактную надстройку, предназначенную для обеспечения семантической совместимости и комплексного взаимодействия между пользователями, приложениями, гетерогенными блокчейнами и данными. Его функциональный потенци-

ал может включать унифицированные пользовательские интерфейсы, сервисы децентрализованной идентификации, кросс-чейн протоколы и инструменты для абстракции технологической сложности сервисов Web3. Особо перспективным направлением представляется конвергенция систем искусственного интеллекта с архитектурными принципами L4. Подобная интеграция позволит реализовать интеллектуальную автоматизацию пользовательских сценариев, включая оптимизацию децентрализованных финансовых стратегий (такую как динамический подбор параметров стейкинга и ликвидности), фасилитацию участия в управлении DAO через анализ сложных предложений и моделирование их последствий, интеллектуальный мониторинг состояния сети для минимизации транзакционных издержек. Данный симбиоз знаменует переход к новой фазе развития — зре интеллектуальных и самооптимизирующихся блокчейн-экосистем.

Заключение. Проведенный анализ уровней архитектуры DLT в разрезе L0-L3 позволяет заключить, что она эволюционировала от узкотехнологического решения в целостную социально-экономическую парадигму, кристаллизовавшуюся в форме криптовалютной экосистемы. Данная архитектура представляет собой системный ответ на «трилемму блокчейна», где целевые функции распределены между специализированными уровнями: L0 (интероперабельность), L1 (безопасность и консенсус), L2 (масштабируемость), а L3 (кастомизация). Криптоэкономические механизмы оказались неразрывно интегрированы в технологический дизайн, обеспечивая его безопасность и устойчивое функционирование. Правовые вызовы, в свою очередь, демонстрируют прямую корреляцию с функциональной спецификой каждого уровня: в то время как L1 остается областью минимального прямого регулирования в силу его инфраструктурной природы, фокус контроля закономерно смещается на уровни L2 и L3, где реализуются конкретные пользовательские сервисы и бизнес-модели, требующие защиты прав потребителей и обеспечения правовой определенности. Доминирование роллапов на уровне L2 служит эмпирическим подтверждением эффективности модульного подхода к масштабированию. Таким образом, многоуровневая модель криптовалютной экосистемы предстает сложной системой динамической взаимозависимости технологического дизайна, экономических стимулов и формирующихся правовых рамок. Ее дальнейшая эволюция будет определяться способностью поддерживать динамический баланс между ключевыми принципами: децентрализацией, операционной эффективностью и адаптацией к регуляторному ландшафту.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. SoK: Communication Across Distributed Ledgers. Financial Cryptography / A. Zamyatin [et al.]. 2021. URL : <https://iohk.io/en/research/library/papers/sok-communication-across-distributed-ledgers/>
2. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. 2008. URL : <https://nakamotoinstitute.org/library/bitcoin>
3. An Incomplete Guide to Rollups. 2021. URL : <https://vitalik.eth.limo/general/2021/01/05/rollup.html>
4. Комплексный анализ Toncoin: Глубокое исследование от технологии до рынка. URL : <https://www.gate.com/ru/learn/articles/comprehensive-analysis-of-toncoin-an-in-depth-study-from-technology-to-market/7311>
5. Wood G. POLKADOT: Vision for a Heterogeneous Multi-Chain Framework. Polkadot Whitepaper. 2016. URL : <https://assets.polkadot.network/Polkadot-whitepaper.pdf>
6. Reyes C. Ready Layer One: Functional Regulation for Blockchain Infrastructure / C. Reyes, J. Cutler // SMU Dedman School of Law Legal Studies Research Paper № 678. 2025. 39 p. URL : <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5145302>. DOI: 10.2139/ssrn.5145302

References:

1. SoK: Communication Across Distributed Ledgers. Financial Cryptography / A. Zamyatin [et al.]. 2021. URL : <https://iohk.io/en/research/library/papers/sok-communication-across-distributed-ledgers/>
2. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. 2008. URL : <https://nakamotoinstitute.org/library/bitcoin>
3. An Incomplete Guide to Rollups. 2021. URL : <https://vitalik.eth.limo/general/2021/01/05/rollup.html>
4. Toncoin Comprehensive Analysis: In-Depth Research from Technology to Market. URL: <https://www.gate.com/ru/learn/articles/comprehensive-analysis-of-toncoin-an-in-depth-study-from-technology-to-market/7311>
5. Wood G. POLKADOT: Vision for a Heterogeneous Multi-Chain Framework. Polkadot Whitepaper. 2016. URL : <https://assets.polkadot.network/Polkadot-whitepaper.pdf>
6. Reyes C. Ready Layer One: Functional Regulation for Blockchain Infrastructure / C. Reyes, J. Cutler // SMU Dedman School of Law Legal Studies Research Paper № 678. 2025. 39 p. URL : <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5145302>. DOI: 10.2139/ssrn.5145302

Информация об авторах

Дюдикова Екатерина Ивановна

доктор экономических наук,
доцент кафедры банковского дела
и монетарного регулирования
финансового факультета,
старший научный сотрудник
Института финансовых исследований
Финансового факультета,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
ORCID: 0000-0001-8126-6529
ekidyudikova@fa.ru

Проказов Илья Иванович

стажер-исследователь
Института финансовых исследований
финансового факультета,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
226305@edu.fa.ru

Ekaterina I. Dyudikova

Doctor of Economics,
Associate Professor of the Department
of Banking and Monetary Regulation,
Faculty of Finance,
Senior Researcher
at the Institute of Financial Research,
Faculty of Finance,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8126-6529
ekidyudikova@fa.ru

Ilya I. Prokazov

Intern Researcher
at the Institute of Financial Research,
Faculty of Finance,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
226305@edu.fa.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.10.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-19>

УДК 339.97

Attribution

cc by

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ЛАНДШАФТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕЖЕГОДНОГО ОТЧЕТА «2025 WORLD INVESTMENT REPORT»)

Платонова Е.Д.

Московский педагогический государственный университет

Аннотация. Цель исследования – определить основные количественные параметры, динамику и направления прямых иностранных инвестиций в реальный сектор мировой экономики. Исследование охватывает макрорегионы, представляющие интерес со стороны субъектов инвестиционной сферы, среди которых выделены транснациональные компании (ТНК), занимающие лидирующие позиции в рейтинговом списке 2025 Fortune Global 500. Эмпирическую базу исследования составили материалы ежегодного отчета Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) «2025 World Investment Report: International investment in the digital economy», отчеты международных организаций, статистические данные о корпоративных инвестициях, опубликованных на официальных сайтах ТНК в мировой сети Интернет и в периодической печати. В качестве общетеоретических методов исследования применялись анализ и синтез, генерализация, аналогия, сравнение, а также системный подход, экономико-статистические методы, библиографический метод, графический метод визуализации данных. Сделан вывод о том, что в 2024 году при общей негативной динамике прямого инвестирования в мировую экономику рост объемов корпоративных инвестиций мировых ТНК в форме прямых иностранных инвестиций в цифровые отрасли отражает процессы перехода мировой экономики на качественно новый технико-технологический уклад, что обостряет конкурентное противостояние североамериканских корпораций с корпорациями из Китая. Трансформационные процессы, охватывающие под влиянием технико-технологических факторов всю систему международных экономических отношений, сопровождаются неопределенностью и турбулентностью, порождая геополитические и геоэкономические риски.

Ключевые слова: мировая экономика, международный бизнес, транснациональные корпорации, инвестирование, прямые иностранные инвестиции, корпоративные инвестиции, цифровая экономика, риски.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

INVESTMENT LANDSCAPE OF THE WORLD ECONOMY BASED ON «2025 WORLD INVESTMENT REPORT»

Elena D. Platonova

Moscow Pedagogical State University

Abstract. The purpose of the study is to determine the main quantitative parameters, dynamics and directions of the foreign direct investment in the real sector of the world economy. The study covers macro-regions of interest of the transnational companies (TNCs) that occupy leading positions in the 2025 Fortune Global 500 rating list. The empirical basis of the study was formed by the materials of the annual report of the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) «2025 World Investment Report: International investment in the digital economy», reports of international organizations, statistical data on corporate investments published on the official websites of TNCs on the World Wide Web and in the periodical press. The general theoretical research methods used were analysis and synthesis, generalization, analogy, comparison, as well as a systems approach, economic and statistical methods, and a graphical method of data visualization. The general theoretical research methods used were analysis and synthesis, generalization, analogy, comparison, as well as a systems approach, economic and statistical methods, a bibliographic method, and a graphical method of data visualization. It is concluded that in 2024 with the overall negative dynamics of direct invest-

© Платонова Е.Д.

ment in the global economy the growth in the volume of corporate investment by global TNCs in the form of foreign direct investment in digital industries reflects the processes of transition of the global economy to a qualitatively new technical and technological structure. These circumstances are intensifying the competitive confrontation between North American corporations and corporations from China. The transformational processes, which under the influence of technical and technological factors encompass the entire system of international economic relations, are accompanied by uncertainty and turbulence, giving rise to geopolitical and geoeconomic risks.

Keywords: world economy, international business, transnational corporations, investment, foreign direct investment, corporate investment, digital economy, risks.

Funding: Independent work.

Введение.

Инвестиционная сфера во многом предопределяет будущее развитие мировой экономики, темпы экономического роста и уровень благосостояния населения всех государств, вовлеченных в мирохозяйственные связи. В настоящее время актуализируются исследования ее текущего состояния и основных трендов, характеризующих процессы прямого инвестирования в реальный сектор мировой экономики, а также определения основных факторов, оказывающих непосредственное влияние на объем и динамику прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику отдельных стран и макрорегионов.

В этой связи, закономерен интерес к данной проблематике со стороны международных организаций, в частности, ЮНКТАД, предоставляющей исследователем добротный эмпирический материал в ежегодных отчетах «World Investment Report», начиная с 1991 года. Несмотря на преувеличение авторами роли ПИИ в цифровой трансформации мировой экономики, анализ статистических данных, содержащихся в отчете за 2025 год «2025 World Investment Report: International investment in the digital economy» (WIR2025), позволяет сделать вывод о том, что мировая экономика находится на новом этапе технико-технологического развития, который будет определять ее движение в ближайшем будущем.

Реконфигурация мировой экономики под воздействием технико-технологических факторов усиливает конкуренцию между мировыми ТНК, инкорпорированными в Северной Америке и Китае, определяя объемы, динамику и направления внутренних корпоративных инвестиций, а также ПИИ в экономику других стран и макрорегионов.

Трансформационные процессы в современной мировой экономике усиливают неопределенность и турбулентность, порождая геополитические и геэкономические риски, отчасти выражающиеся в санкционных и тарифных войнах коллективного Запада против стран БРИКС и других государств.

Материалы и методы. Для достижения исследовательской цели использовались материалы отчетов ЮНКТАД за 2024 год и 2025 год, корпоративная информация мировых ТНК, данные

рейтингового списка 2025 Fortune Global 500 ТНК, отчеты международных организаций, публикации, размещенные на официальных сайтах организаций и компаний в сети Интернет, научные статьи и монографии в российской и зарубежной печати.

В статье применялись общетеоретические методы (анализ и синтез, генерализация, аналогия, сравнение), а также системный подход, экономико-статистические методы, библиографический метод, графический метод визуализация данных.

Исследованию инвестиционных процессов в мировой экономике уделяется значительное внимание со стороны международных организаций по линии ООН [1; 2], Всемирного банка [3], Международного валютного фонда [4], Всемирного экономического форума [5], в которых содержится статистический материал и представлен его анализ, исходя из концептуальных позиций международных экспертов.

В историческом аспекте, среди монографических изданий выделяются труды российских экономистов С.И. Абрамова [6], И.А. Бланка [7], М.Е. Елизаветина [8], Л.Л. Игониной [9], М.А. Лимитовского [10], Н.Н. Цветковой [11], Б.Н. Кузика и Ю.В. Яковца [12], в которых заложены теоретико-методологические основы исследования вклада прямого иностранного инвестирования в экономический рост мировой экономики.

Развитию практических подходов к прямому инвестированию способствовали работы зарубежных экономистов Э. Багг-Левина и Дж. Эмерсона [13] Д. Норкотта [14], П. Фишера [15], У. Шарпа, А.Дж. Гордона, Дж. В. Бэйли [16].

Современные исследования инвестиционного ландшафта мировой экономики содержатся в трудах отечественных экономистов Н.А. Будариной [17], В.Л. Уланова и В.П. Корсаковой [18], а также в коллективной работе ученых ИМЭМО РАН [19].

В связи со значимостью для будущего развития мировой экономики цифровой трансформации мирохозяйственной системы, автором представлены результаты проведенного анализа объемов, динамики ПИИ и основных трендов прямого инвестирования конкурирующими мировыми ТНК в отдельные сегменты цифровой экономики с

учетом регионального фактора в условиях усиления неопределенности и турбулентности мировой экономической системы, а также нарастания геополитических и геоэкономических рисков.

Сделан вывод о том, что мировая экономика находится на этапе перехода к новому технико-технологическому уровню, который сопровождается усилением недобросовестной конкуренции коллективного Запада с глобальным большинством в виде санкционных и тарифных войн, а также обострением конкурентной борьбы ведущих мировых ТНК за лидерство в сфере цифровых технологий.

Обсуждение. Результаты.

Во вступительном слове к WIR2025 Генеральный секретарь ООН указал на тревожные сигналы, характеризующие состояние мировой экономической системы по итогам 2024 года, выделив основные факторы, негативно влияющие на инвестиционный ландшафт мировой экономики: деглобализацию, политическую неопределенность, геополитические разногласия, торговую напряженность [1, с. 3]. Действие этих факторов, в совокупности с другими геоэкономическими факторами, во многом обусловили негативные процессы, приведшие к общему падению мировых ПИИ на 11 % – с 1,67 трлн долл. США в 2023 году до 1,49 трлн долл. США в 2024 году [1, с. 5], или на 9 % [20, с. 25].

Вместе с тем, указание на цифровую экономику как на «светлое пятно» в экономическом развитии, можно расценивать как признание роли технико-технологических факторов и наличия цифрового разрыва, преодоление которого требует увеличение объема международных инвестиций в отрасли цифровой экономики стран с развивающимися рынками.

Действительно, в инвестиционной сфере мировой экономики наблюдаются сложные процессы, которые обусловлены наложением действия как дестабилизирующих глобальных факторов, так и технико-технологических факторов, отражающих объективное движение мировой экономики к более высокому технико-технологическому укладу [21]. При этом обостряется конкурентная борьба мировых ТНК и представляющих их государств за лидерские позиции в новой технико-технологической системе мировой экономики, что приводит к геополитической и геоэкономической нестабильности и турбулентности, применению методов недобросовестной конкуренции в форме санкционных и тарифных войн.

В 2024 году при общем негативном тренде падения ПИИ в мировую экономику наблюдалась неравномерная их динамика в основных макро-регионах. Наибольшее падение ПИИ ощутила Европа: уменьшение потока ПИИ составило (–58 %) по сравнению с 2023 годом, а величина ПИИ в новые проекты «с нуля» (greenfield projects) сократилась на 6 %, что показывает некоторую утрату интереса инвесторов к европейской экономике в виду влияния геополитических факто-

ров, в частности, введения санкционных ограничений.

Страны Латинской Америки и Карибского бассейна не получили 12 % ПИИ при увеличении объемов инвестирования проектов «с нуля» (greenfield projects) на 2 % по сравнению с 2023 годом. Поток ПИИ в экономики всех азиатских стран с развивающимися рынками и сократился на 3 %, но выросли на 5 % объемы вложений в проекты «с нуля» (greenfield projects) [1, с. 4]. Это сокращение отражает падение ПИИ в экономику Китая, поскольку их приток сократился на 29 %, и Южную Америку, где приток ПИИ упал на 18 % по отношению к 2023 году [1, с. 7].

В 2024 году бенефициарами ПИИ стала Африка – иностранные инвесторы нарастили объем прямого инвестирования на 75 % по сравнению с предыдущим годом, но при падении на 5 % величины ПИИ в проекты «с нуля» (greenfield projects). Однако такой инвестиционный успех этого макрорегиона обязан реализацией Арабскими Эмиратами одного мегапроекта в Египте, стоимость которого оценивается в 35 млрд. долл. США.

Увеличился поток ПИИ в Северную Америку – США и Канаду – на 23 % при росте вложений в проекты «с нуля» (greenfield projects) на 22 % [1, с. 4]. Данный приток сформировался главным образом за счет удвоения объемов продаж в сфере слияний и поглощений, а также крупных инвестиций в секторы высоких технологий и «зеленой» энергетики.

В целом макрорегиональная динамика ПИИ показывает тенденцию к снижению потока ПИИ в развитые страны на 22 %, главным образом за счет близкой к рецессии Европы, при стагнации прямых вложений в страны с развивающимися рынками. По прогнозам международных экспертов ЮНКТАД, снижение инвестиций в мировую экономику закономерно приведет к ее торможению и замедлению темпов роста мирового ВВП, начиная с 2025 года [1, с. 12]. Однако более детальный анализ показывает значительную инвестиционную активность компаний из США, которые выделили более 60 % от общей стоимости своих проектов «с нуля» (greenfield projects) на внутренние инвестиции. Этот повышенный уровень внутреннего инвестирования американских ТНК можно рассматривать как результат государственной политики, направленной на стимулирование внутренних инвестиций, частичный отказ от международного аутсорсинга, перенос высокотехнологических производств, а также более строгий санкционный контроль за исходящими инвестициями в экономику Китая и других стран БРИКС.

Несмотря на общий нисходящий тренд ПИИ в мировой экономике, в 2024 году несколько активизировались трансграничные сделки по слиянию и поглощению (сделки М & А), хотя по объемам вложений иностранные инвесторы отдавали предпочтение вложениям в проекты «с нуля» (greenfield projects) (рис. 1) [1, с. 16].

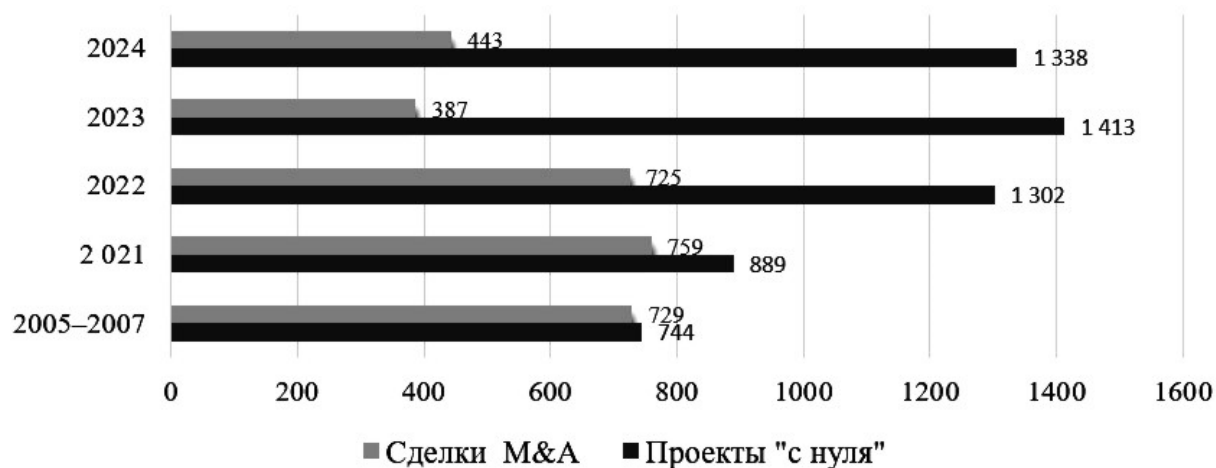

Рисунок 1 – Объёмы сделок по слиянию и поглощению (сделки M&A) и вложений в проекты «с нуля» (в млрд долл. США)

В отраслевом разрезе, основные субъекты инвестирования – мировые ТНК, в том числе из рейтингового списка 2025 Fortune Global 500 [22], активно инвестировали в ускорение цифровой трансформации мирового хозяйства и развитие глобальной цифровой экономики.

В настоящее время американские и китайские ТНК, внесенные в рейтинговый список 2025 Fortune Global 500, лидируют в ведущих сегментах цифровой экономики:

- в сегменте цифровых платформ и сервисов, включая социальные сети, поисковые системы, облачные сервисы, на первых местах расположились американские Alphabet и Meta (США) и ByteDance (Китай);

- в сегменте цифровых решений, охватывающих корпоративное программное обеспечение, ИКТ-услуги, кибербезопасность, приложения искусственного интеллекта (ИИ) и цифровые финансовые платформы, явные лидеры – это IBM, Microsoft, Salesforce (США), но и китайские Huawei, Baidu и Xiaomi предлагают конкурентоспособные решения, но ограничены санкционными мерами со стороны США;

- в сегменте электронной коммерции лидируют Alibaba, JD.com (Китай) и Amazon (США);

- в сегменте цифрового контента, предоставляющего стриминговые сервисы, игры и цифровые публикации, ведущими игроками выступают Netflix (США), Spotify (Люксембург), Tencent (Китай).

Благодаря инвестиционной и инновационной активности лидеров глобальной цифровой экономики, достаточно быстро растет число инвестиционных проектов «с нуля» (greenfield projects) во всех ее сегментах: в 2024 году их стоимость достигла 360 млрд долл. США, или 28 % всех мировых инвестиций в новые проекты [1, с.193]. При этом в 2020–2024 годах на долю

всех американских ТНК, инвестирующих в цифровую экономику в развивающихся регионах, приходилось 36 % анонсированных цифровых инвестиционных проектов. По этому показателю конкуренцию американским ТНК составляли компании из Большого Китая (КНР, Гонконг, Тайвань), на долю которых приходилось 22 % цифровых проекта вопреки санкциям США, которые можно рассматривать как проявление недобросовестной конкуренции [1, с. 194]. Однако данные инвестиционные проекты относились к различным сегментам глобальной цифровой экономики.

В связи с этим, международные эксперты справедливо отмечают: «Цифровая экономика охватывает широкий спектр отраслей от производства оборудования до предоставления услуг ... , и движущие силы и детерминанты международных инвестиций в каждой отрасли различны» [1, с. 206].

Рассмотрение инвестиционного ландшафта мировой экономики должно включать определение параметров ПИИ в сферу, направленную на достижение целей устойчивого развития (ЦУР). Экономический спад в период пандемии COVID-19, геополитическое напряжение, санкционные ограничения и замедление экономик развитых стран отрицательно сказались на выполнении странами обязательств по инвестированию программ по достижению ЦУР.

В 2024 году негативные тренды в сфере прямого инвестирования ЦУР в страны с развивающимися рынками не были преодолены: финансирование сократилось на 26 % по отношению к 2023 году. Если в период с 2015 год по 2024 годы только потоки ПИИ в инфраструктуру, обеспечивающую достижение ЦУР, показывали отрицательные значения, то в 2024 году все сектора экономики стран с развивающимися рынками недополучили ПИИ, кроме здравоохранения и образования (рис. 2) [1, с. 49].

Как следует из данных диаграммы, в 2024 году наблюдалось падение ПИИ в жизненно важные сектора экономик развивающихся стран, но при

приросте инвестиций в здравоохранение и образование, что должно положительно сказаться на уровне жизни населения этих стран.

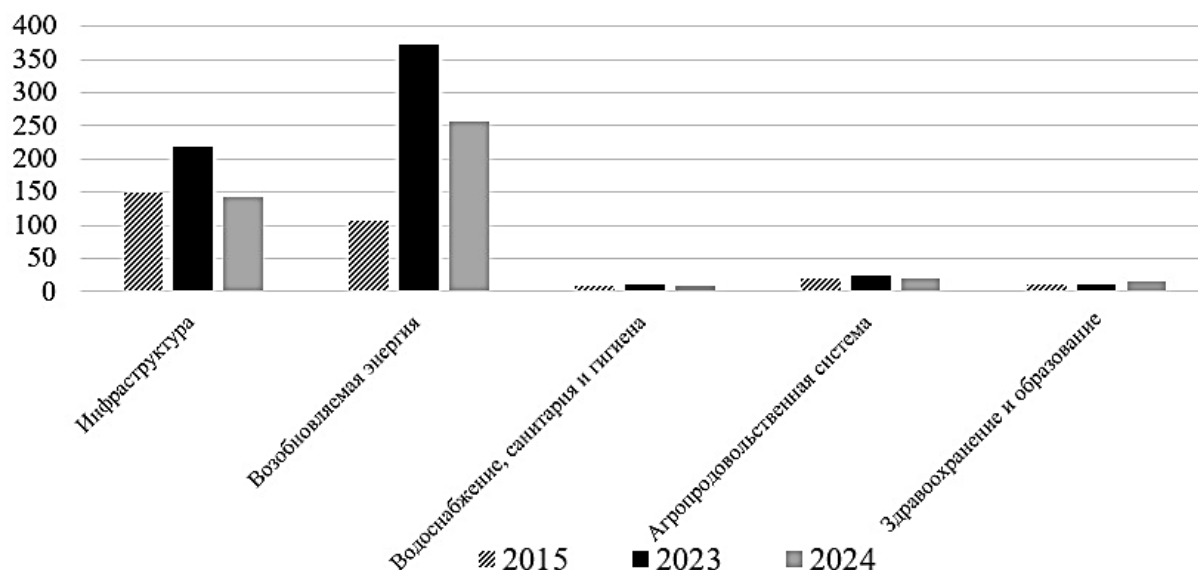

Рисунок 2 – ПИИ в сектора развивающихся стран, обеспечивающие достижение ЦУР (млрд долл. США)

Заключение.

В настоящее время ПИИ в форме цифровых инвестиций имеют решающее значение для перехода мировой экономики на новый технико-технологический уклад. Конкурентная борьба мировых высокотехнологических ТНК за лидерство в области ИИ, аналитики данных, Интернет вещей (IoT), блокчейна задает новые технологические стандарты, стимулирует изменения в мировой экономике, ускоряет цифровую трансформацию и имплементацию технико-технологических инноваций. Однако применение методов недобросовестной конкуренции в виде санкционных и

тарифных войн приводит к негативным последствиям для всех участников мирового инвестиционного процесса, порождая неопределенность и усиливая турбулентность мировой экономики.

Выход на восходящий тренд ПИИ в секторы экономик развивающихся стран, обеспечивающих достижение ЦУР к 2030 году, требует нивелирования острых геополитических разногласий и создания «справедливого, равноправного и представительного многополярного мироустройства, открывающего новые перспективы для развития государств и взаимовыгодного международного сотрудничества» [23].

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. World Investment Report 2025: International investment in the digital economy. URL : https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (date of application 20.08.2025).
2. 2025 Technology and Innovation Report: Inclusive Artificial Intelligence for Development. URL : https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025overview_en.pdf (date of application 30.07.2025).
3. World Development Indicators: Countries and Economies. URL : <https://data.worldbank.org/html> (date of application 31.07.2025).
4. Перспективы развития мировой экономики. Адаптация к расхождениям в мировой экономике. 2023. URL : <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023> (дата обращения 31.07.2025).

5. The Global Risks Report 2025. URL : https://reports.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2025.pdf html (date of application 31.07.2025).
6. Абрамов С.И. Инвестирование. М. : Центр экономики и маркетинга, 2000. 440 с.
7. Бланк И. Инвестиционный менеджмент. М. : Ника-Центр, 2001. 448 с.
8. Елизаветин М.Е. Иностраный капитал в экономике России. М. : Международные отношения, 2004. 263 с. ISBN: 5-7133-1225-9 EDN: QQIXXX
9. Игонина Л.Л. Рынок инвестиций в современной экономике. Краснодар : Изд-во Юж. ин-та менеджмента, 2003. 196 с. ISBN: 5-93926-023-3 EDN: TAXQLP
10. Лимитовский М.А. Инвестиции на развивающихся рынках. М. : ДеКА, 2002. 464 с.
11. Цветкова Н.Н. Прямые иностранные инвестиции в Азии и в России: опыт сравн. анализа. М. : ИВ РАН, 2004. 195 с.
12. Кузык Б.Н. Россия-2050. Стратегия инновационного прорыва / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец. М. : Экономика, 2004. 627 с. ISBN: 5-282-02385-7 EDN: QQFANT
13. Багг-Левин Энтони. Социально-преобразующие инвестиции. Как мы меняем мир и зарабатываем деньги / Багг-Левин Энтони, Эмерсон Джед. М. : Политическая энциклопедия, 2017. 271 с.
14. Норкотт Д. Принятие инвестиционных решений / Д. Норкотт; Пер. с англ.; Под ред. А.Н.Шохина. М. : Банки и биржи; ЮНИТИ, 1997. 247 с.
15. Фишер П. Прямые иностранные инвестиции для России: Стратегия возрождения промышленности. М. : Финансы и статистика, 1999. 510 с.
16. Шарп Уильям Ф. Инвестиции / Уильям Ф. Шарп, Гордон Дж. Александре, Джефффри В. Бэйли. М. : Инфра-М, 1997. 1024 с.
17. Бударина Н.А. Мировой рынок инвестиций в условиях трансформации мировой экономики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 7-1(94). С. 160–164. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-7-1-160-163 EDN: CWUFJJ
18. Уланов В.Л. Оценка влияния инвестиционных программ на социально-экономические показатели по устойчивому развитию / В.Л. Уланов, В.П. Корсакова // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2025. № 5. С. 235–243. DOI: 10.26118/2782-4586.2025.97.16.089 EDN: CMTMSF
19. Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; Отв. ред. И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани. М. : ИМЭМО РАН, 2024. 213 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0633-5 ISBN: 978-5-9535-0633-5
20. Платонова Е.Д. Иностранные инвестиции в мировой экономике: по материалам доклада ООН о мировых инвестициях за 2024 год // Трансформации современного общества: теоретические и практические аспекты: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Москва, 24–25 апреля 2025 года. М. : Московский институт экономики, политики и права, 2025. С. 25–28. EDN: ROWJMM
21. Платонова Е.Д. Высокотехнологичный транснациональный бизнес: укрепление финансовых позиций в мировой экономике // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 8. С. 211–217. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-8-19 EDN: MTOFMI
22. Fortune Announces 2025 Fortune Global 500 List. URL : <https://finance.yahoo.com/news/fortune-announces-2025-fortune-global-100000284.html> (date of application 31.08.2025).
23. Тяньцзиньская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. URL : <http://www.kremlin.ru/supplement/6376> html (дата обращения 31.08.2025).

References:

1. World Investment Report 2025: International investment in the digital economy. URL : https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (date of application 20.08.2025).
2. 2025 Technology and Innovation Report: Inclusive Artificial Intelligence for Development. URL : https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025overview_en.pdf (date of application 30.07.2025).
3. World Development Indicators: Countries and Economies. URL : <https://data.worldbank.org/> html (date of application 31.07.2025).
4. Prospects for the development of the global economy. Adapting to the divergences in the global economy. Oct.2023.URL : <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023> (date of application 07/31/2025).
5. The Global Risks Report 2025. URL : https://reports.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2025.pdf html (date of application 07/31/2025).
6. Abramov S.I. Investing. M. : Center for Economics and Marketing, 2000. 440 p.
7. Blank I. Investment management. M. : Nika-Center, 2001. 448 p.
8. Elizavetin M.E. Foreign capital in the Russian economy. M. : International Relations, 2004. 263 p. ISBN: 5-7133-1225-9 EDN: QQIXXX
9. Igonina L.L. The investment market in the modern economy. Krasnodar : Publishing House of the Southern Institute of Management, 2003. 196 p. ISBN: 5-93926-023-3 EDN: TAXQLP
10. Limitovsky M.A. Investments in emerging markets. M. : DeCA, 2002. 464 p.
11. Tsvetkova N.N. Foreign direct investment in Asia and Russia: the experience is comparable. analysis. M. : IV RAS, 2004. 195 p.
12. Kuzyk B.N. Russia-2050. The strategy of an innovative breakthrough / B.N. Kuzyk, Yu.V. Yakovets. M. : Economics, 2004. 627 p. ISBN: 5-282-02385-7 EDN: QQFANT

13. Bugg-Levin Anthony, Emerson Jed. Socially transformative investments. How we change the world and make money. M. : Political Encyclopedia, 2017. 271 p.
14. Norcott D. Making investment decisions / Transl. from English; Edited by A.N. Shokhin. M. : Banks and Stock Exchanges; UNITY, 1997, 247 p.
15. Fischer P. Foreign direct investment for Russia: The Strategy of industrial Revival. M. : Finance and Statistics, 1999. 510 p.
16. Sharpe William F. Investments / William F. Sharpe, Gordon J. Alexandre, Jeffrey W. Bailey. M. : Infra-M, 1997. 1024 p.
17. Budarina N.A. The global investment market in the context of the transformation of the global economy // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 7-1(94). P. 160–164. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-7-1-160-163 EDN: CWUFJJ
18. Ulanov V.L. Assessment of the impact of investment programs on socio-economic indicators for sustainable development / V.L. Ulanov, V.P. Korsakova // Journal of Monetary Economics and Management. 2025. № 5. P. 235–243. DOI: 10.26118/2782-4586.2025.97.16.089 EDN: CMTMSF
19. Russia and the world: 2025. Economics and foreign policy. Annual forecast / Hand. project A.A. Dynkin, V.G. Baranovsky; Editors I.Ya. Kobrinskaya, G.I. Machavariani. M. : IMEMO RAS, 2024. 213 p. DOI: 10.20542/978-5-9535-0633-5 ISBN: 978-5-9535-0633-5
20. Platonova E.D. Foreign investments in the global economy: based on the materials of the UN World Investment Report for 2024 // Transformations of modern society: theoretical and practical aspects: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 24–25, 2025. M. : Moscow Institute of Economics, Politics and Law, 2025. P. 25–28. EDN: ROWJJM
21. Platonova E.D. High-tech transnational business: strengthening financial positions in the global economy // Humanities, socio-economic and social sciences. 2025. № 8. P. 211–217. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-8-19 EDN: MTOFMI
22. Fortune Announces 2025 Fortune Global 500 List. URL : <https://finance.yahoo.com/news/fortune-announces-2025-fortune-global-100000284.html> (date of application 08/31/2025).
23. The Tianjin Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization. URL : <http://www.kremlin.ru/supplement/6376.html> (date of application 08/31/2025).

Информация об авторе

Платонова Елена Дмитриевна
доктор экономических наук,
профессор,
заведующая кафедрой
экономической теории и менеджмента,
Институт социально-гуманитарного образования,
Московский педагогический
государственный университет
Researcher ID A-6742-2016,
ORCID: 0000-0003-2077-6108
ed.platonova@mpgu.edu

Elena D. Platonova
Doctor of Economics,
Professor,
Head of the Department
of Economic Theory and Management,
Department of Economic Theory and Management,
Institute of Social and Humanitarian Education,
Moscow Pedagogical State University
Researcher ID A-6742-2016,
ORCID: 0000-0003-2077-6108
ed.platonova@mpgu.edu

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-30>

УДК 338.24

Attribution

cc by

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ

Полякова Л.П.¹, Пичко Н.С.², Сухарев В.И.³

¹Ухтинский государственный технический университет, Воркутинский филиал,

^{2, 3}Ухтинский государственный технический университет, Усинский филиал

Аннотация. Исследование посвящено изучению аспектов и особенностей трансформации внешнеэкономических связей России в период перехода к многополярному миру. Детально проанализированы категории однополярного и многополярного мира, а также их актуальность на сегодняшний день. Рассмотрены особенности России как экономического центра в условиях перехода к многополярному миру. Выявлены возможные риски. В работе подробно рассматривается институциональный подход к мироустройству, основные закономерности мировой экономики, актуальные на сегодняшний день. Рассмотрены и противопоставлены Вашингтонский и Пекинский консенсус мироустройства. Выявлены особенности однополярного и многополярного мира. Проанализировано взаимодействие России со странами-партнерами, предложены варианты для расширения возможностей дальнейшего сотрудничества в условиях перехода к многополярному миру. Результатами исследования и его практической значимостью выступает систематизация знаний об основных концепциях мироустройства и трансформации международных отношений России при переходе к многополярному миру. Научная новизна исследования представлена в заключении о мероприятиях и методах минимизации рисков при переходе к многополярному миру.

Ключевые слова: многополярный мир, международные отношения, хозяйственный уклад, институциональная среда, интегральный уклад, Пекинский консенсус, Вашингтонский консенсус.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

TRANSFORMATION OF RUSSIA'S FOREIGN ECONOMIC RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION TO A MULTIPOLAR WORLD

Larisa P. Polyakova¹, Natalya S. Pichko², Vladimir I. Sukharev³

¹Ukhta State Technical University, Vorkuta branch,

^{2, 3}Ukhta State Technical University, Usinsk branch

Abstract. The research is devoted to the study of aspects and features of the transformation of Russia's foreign economic relations during the transition to a multipolar world. The categories of the unipolar and multipolar world are analyzed in detail, as well as their relevance today. The features of Russia as an economic center in the context of the transition to a multipolar world are considered. Possible risks have been identified. The paper examines in detail the institutional approach to the world order, the main patterns of the global economy that are relevant today. The Washington and Beijing consensus of the world order are considered and contrasted. The features of the unipolar and multipolar world are revealed. Russia's interaction with partner countries is analyzed, and options are proposed to expand the possibilities for further cooperation in the context of the transition to a multipolar world. The results of the research and its practical significance are the systematization of knowledge about the basic concepts of the world order and the transformation of international relations in Russia during the transition to a multipolar world. The scientific novelty of the study is the measures and methods presented in the conclusion to minimize risks during the transition to a multipolar world.

Keywords: multipolar world, international relations, economic structure, institutional environment, integral structure, Beijing Consensus. Washington Consensus.

Funding: Independent work.

Введение.

На сегодняшний день, в условиях социально-экономической неопределенности, геополитической напряженности, актуальным является вопрос поиска концепций развития мировой экономики, в том числе внешнеэкономических связей.

Многие отечественные ученые сходятся во мнении о том, что развитие внешнеполитических связей в мировой экономике имеет нелинейный характер, что определяется постоянной трансформацией мироустройства, появлением новых противоречий. Так, трансформация проявляется в ограничении торговых отношений, вызванных санкционным режимом, а также нарушением прав частной собственности. В 2024 году к странам БРИКС (BRICS-Бразилия, Россия, Индия, Китай, Северная Африка) присоединилось 6 новых государств, что свидетельствует о расширении экономической мощи союза. В связи с произошедшими изменениями, на долю рассматриваемого блока стран приходится около 29 % [12] мирового ВВП. Лидирующие позиции в мире по мировому ВВП занимает США- представитель групп развитых стран G7 (США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия, Канада). Следует отметить, что ВВП стран БРИКС отличается стремительным ростом за счет развития секторов промышленности и услуг. К особенностям развития экономики G7 стоит отнести преимущество развитие за счет технологий, IT, науки и финансов. Несмотря на это, страны БРИКС демонстрируют высокий темп роста мирового ВВП – 3–6 % [12] в год против 1–2 % [12] G7 (данные за 2024 год, опубликованные Всемирным банком).

Исследование направлено на изучение социально-экономических процессов в условиях перехода к многополярному миру, а также на выявление позиций России как экономико-политического центра мироустройства, в виду чего, в исследовании реализовано осмысление происходящих изменений через междисциплинарный подход. Так, кризис мироустройства следует рассматривать через концепции многополярного и однополярного мира. Необходимо отметить, что представленные концепции, их так называемый дуализм, как отечественные, так и зарубежные ученые рассматривают в контексте моделей мироустройства в международных отношениях.

Суть концепции многополярного мира заключается в стремлении распределения ресурсов, власти между несколькими так называемыми центрами или полюсами – государствами, группами стран, любыми другими союзами государств, особенностью которых является равные возможности в экономической, военной, политической, культурной сферах общества.

Необходимо отметить, что Россия стремится к многополярному миру. Об этом неоднократно сообщал Президент страны – В.В. Путин. Он отмечал, что многополярный мир отвечает инте-

ресам большинства стран. Помимо этого, союзные государства совместными усилиями могли бы разрабатывать инструменты по урегулированию экономико-политических отношений.

К ключевым характеристикам многополярного мира следует отнести равноправие сторон; решение принимается только с учетом интересов всех сторон; за счет того, что экономика каждой страны уникальна, формирование новых подходов способствует появлению новых инструментов регулирования глобальных социально-экономических проблем.

В свою очередь, концепция однополярного мира реализуется за счет преобладания сверхдержавы над другими государствами не только в экономической сфере, но и в военной, политической, культурной. В данной концепции при регулировании международных отношений, преимущество отдается сверхдержаве.

К особенностям концепции однополярного мира стоит отнести:

- на международной арене центром является сверхдержава;
- другие страны ограничены в ресурсах, вынуждены адаптироваться к условиям сверхдержавы на международной арене;
- сверхдержава оказывает воздействие на другие страны не только в экономическом отношении, но и в культурном;
- все решения принимаются в одностороннем порядке.

Необходимо отметить, что многие политологи пришли к мнению о том, что после распада СССР США стала центром однополярного или однополюсного мира. На сегодняшний день, как уже отмечалось ранее, страны БРИКС продолжают активно развиваться, что знаменует формирование нескольких полюсов силы, как переход к многополярному миру. Данное положение определяет актуальность выбранной проблематики на сегодняшний день.

Необходимо отметить, что многополярное мироустройство является междисциплинарной категорией.

Так, в контексте экономики, многополярность определяется как система международных отношений, направленных на эффективное функционирование сфер торговли, экономического развития стран, а также борьбу с неравенством.

В контексте политики, многополярный мир определяет установление мира между странами за счет дипломатии, переговоров и прекращения конфликтов.

С позиции философского знания, многополярный мир представляет собой концепцию как ответ на вопросы установления гармонии организации общества, справедливости.

© Полякова Л.П., Пичко Н.С., Сухарев В.И.

Трансформация внешнеэкономических связей России связана, прежде всего, с уходом от влияния западных стран и установления дипломатических отношений с Востоком, а конкретно с Китаем, Индией, Африканскими странами, странами Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. В отношении торговли, Китай остается главным партнером России. Также РФ поставляет в Китай не только нефтепродукты, но и зерновые культуры, уголь. Китай, в свою очередь, поставляет России технику, цифровое оборудование.

В связи с масштабными санкциями, которые были наложены на Россию, сократились торговые пути с Европейским союзом, в частности, с Германией, Польшей и Францией, с которыми Россия практически не ведет торговых отношений. Тем не менее, на сегодняшний день в вопросах налаживания логистических цепей и поставок возросла роль Турции, ОАЭ. В условиях трансформации внешнеэкономических связей России и стремлением к многополярному миру важно выявить потенциальные риски.

Задача исследования состоит в определении рисков экономического развития России.

Практическая значимость исследования в формировании мер по минимизации выявленных рисков.

Материалы и методы.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют труды отечественных ученых, в частности концепция социальной проблематики многополярного мира А.Г. Дугина [8], исследование Российской экономики в условиях перехода к многополярному миру Н.В. Василенко, А.Ю. Румянцев, [1] также классические концепции институционального и цивилизационного подходов в развитии общества, которые необходимы для детального рассмотрения концепции многополярного мира. Помимо перечисленного, концептуальными для исследования являются работы С.Ю. Глазьева [3; 4; 5; 6; 7] в вопросах рассмотрения мирового хозяйственного уклада.

Результаты.

Междисциплинарный подход позволяет выявить компоненты многополярного мироустройства, отражающие политический и экономический аспекты.

Таким образом, многополярный мир или мировой хозяйственный уклад является гарантом эффективного регулирования международных отношений, решения конфликтов, что определяется в следующих факторах:

- установления господствующими странами границ собственного влияния для поддержания мирового равновесия;
- регулирования международных отношений за счет установления международных соглашений и договоров;

— трансформации международных организаций, таких как ООН (Организация Объединенных Наций), ВТО (Всемирная торговая организация) и МВФ (Международный валютный фонд) в международные институты, которые призваны регулировать конфликты и поддерживать мир;

- формирования механизмов регулирования международных отношений, спорных ситуаций [9].

Для исследования важно рассмотреть другие существующие концепции мирового порядка. Так, на сегодняшний день представлены концепции [8] аполлярного мира, однополярного мира, биполярного мира, многополярного мира.

Аполлярный мир предполагает распределение власти и ресурсов среди нескольких государств, с разными интересами, при этом отсутствует конкретика баланса сил государств.

Концепция биполярного мира отражает распределение власти и ресурсов среди двух государств, контролирующих экономику и политику, что приводит к постоянной борьбе между двумя сверхдержавами.

Из изложенных положений можно сделать вывод о том, что на мировой уклад постоянно меняется за счет политических и экономических событий в мире.

Рассуждая о внешнеэкономических отношениях между странами и мировой экономикой, необходимо отметить, что именно данные категории определяют мировой хозяйственный уклад — систему взаимоотношений мировых институтов, обеспечивающих воспроизводство экономики и экономических отношений.

Трансформация внешнеэкономических связей определяет мировой хозяйственный уклад. Феномен мирового хозяйственного уклада включает в себя методы и способы организации мировой экономики [1].

К его элементам стоит отнести:

- способ организации производственных отношений; финансовые институты и валютные отношения; объемы международной торговли, ВВП;
- внешнеэкономические связи между странами;
- способы распределения ресурсов.

Таким образом, на мировой хозяйственный уклад оказывает влияние множество факторов, в том числе: политические решения, демография, глобальные кризисы, технико-технологический фактор, инновации. Из этого можно сделать вывод о том, что деятельность экономических субъектов и формирование торговых связей между государствами происходит в институциональной среде — системе политических, социальных, юридических норм, являющейся осно-

вой регулирования производственных отношений, распределения ресурсов. Поэтому исследование феномена институциональной среды представляет особый интерес в контексте мировой экономики и международных отношений.

Отечественные ученые выделяют особые элементы институциональной среды – формальные и неформальные институты.

Формальные институты – нормы и правила, имеющие юридическую силу. Они необходимы для регулирования экономических отношений. К формальным институтам относится Гражданский кодекс, закон о защите прав потребителей и т.д.

К неформальным институтам, в свою очередь, относятся традиции по ведению коммерческой деятельности, различные социальные нормы, трансформирующиеся в зависимости от региона.

Особенностью институциональной среды является взаимодействие формальных и неформальных институтов. Помимо этого, институциональная среда имеет несколько видов, различия состоят в функциональном и пространственном признаке.

Итак, выделяют такие виды институциональной среды, как [2]: макроинституциональную, микроинституциональную, мезоинституциональную, наноинституциональную.

В рамках исследования трансформации внешне-экономических связей в условиях перехода к многополярному миру, необходимо выявить роль институциональной среды и ее риски. Так, задачей институциональной среды выступает формирование экономических ориентиров и организация управленческих структур. В условиях перехода к многополярному миру важна эффективность взаимодействия формальных и неформальных институтов, достижение качественных изменений в социально-экономических отношениях регионов страны. Риски, которые характерны на сегодняшний день для институциональной среды определяются в «размытии» границ между неформальными и формальными институтами, что порождает появление мошеннических схем, коррупции, а также снижение потока инвестиций в реализацию новых национальных проектов. Как уже было отмечено ранее, тесное сотрудничество стран в условиях многополярного мира возможно, в том числе при создании общих экономических проектов.

Далее, необходимо систематизировать представленную информацию в следующих выводах:

- государство является источником формальных институтов в установлении экономических отношений, что закрепляет за государством ведущую роль в мироустройстве;
- столкновение традиционных и либеральных ценностей проявляется в ограничении функций ценностно-этических институтов;

– переход к многополярному миру возможен в условиях формирования сильного государства, выступающего актором в переговорах об установлении нового мироустройства.

Для России, в виду переориентации формирования экономических отношений со странами БРИКС, становится актуальным интегральный уклад мирохозяйствования.

В системе производственных отношений ученые выделяют торгово-мануфактурный, имперский, колониализм, торговый и интегральный способы мирохозяйственного уклада. Их необходимо рассмотреть.

Так, торгово-мануфактурный мирохозяйственный уклад характеризуется связью между торговым и промышленным капиталом, что было актуально для России в 19–20 веке. Рассуждая о колониализме, стоит отметить, что в данном случае власть и ресурсы сконцентрированы у группы развитых государств, особенности рассматриваемого мироуклада в том, что метрополии не только подчиняли покоренные страны, но также эксплуатировали население, происходило упразднение органов власти.

Таким образом, территория, ресурсы и население покоренных стран находились во власти развитых государств.

Торговый или торгово-монополистический мирохозяйственный уклад характеризуется ведущей ролью в мире не конкретной сверхдержавы, а корпорации, участвующей в формировании международных отношений. Многие ученые сходятся во мнении о том, что имперский мироуклад сформировался после Великой Отечественной войны. Далее, господствующими странами на мировой арене стали США и СССР. После распада СССР, по мнению ученых, США становится в центре мирохозяйственного уклада. На сегодняшний день, анализируя ситуацию развития международных отношений и мировой экономики в целом, можно сделать вывод о том, что экономическая система США перегружена, о чем свидетельствуют следующие факты [13]: стремительное падение ВВП США, о чем свидетельствует рост импорта и снижение экспорта; рост инфляции; сокращение числа рабочих мест; торговый дефицит, введение тарифов на импортные товары – новая стратегия администрации Трампа, что привело к дополнительным нагрузкам на производство США.

Следует отметить, что перечисленные факторы свидетельствуют не только о чрезмерной загруженности экономической системы США, но и о растущем кризисе экономики. Можно сделать вывод о том, что имперский мирохозяйственный уклад теряет свою актуальность в современной экономике. На смену ему приходит интегральный мирохозяйственный уклад – смещение экономических центров в сторону Восточной и Южной Азии, в основе которого находится так называемый

мое «ядро» международных отношений – Китай-Индия.

К особенностям интегрального мирохозяйственного уклада стоит отнести следующее [10]:

– экономико-социальные процессы регулируются народным благосостоянием;

– государство поддерживает предприятия и крупные организации в ведении коммерческой деятельности, что формирует конкурентоспособность национального хозяйствования, а также рост благосостояния населения; капитал государства преимущественно используется в целях создания новых экономических проектов;

– инвестиции в международные проекты, развитие сотрудничества между странами.

Таким образом, интегральный мирохозяйственный уклад способствует гармонизации отношений не только внутри страны, но также за ее пределами, минимизацию социального неравенства.

Переход к многополярному миру требует формирования союза сильных государств, которые способны претендовать на роль экономического центра на мировой арене.

Трансформация внешнеэкономических связей России является также причиной институциональной трансформации, определяющей следующие задачи России, как сильного государства на пути к переходу к многополярному миру:

– формирование социально-экономических связей с центрами геополитического влияния – Китаем и Индией;

– укрепление национального единства за счет традиционных ценностей, духовного суверенитета;

– формирование союзов и коалиций для поддержания экономических отношений.

Продолжая рассуждение о трансформации внешнеэкономических связей на пути к многополярному миру, необходимо рассмотреть принципы Пекинского и Вашингтонского консенсусов. Стоит отметить, что каждое государство имеет свои институциональные особенности, структуру власти. Ценности однополярного и многополярного мира представлены в Вашингтонском и Пекинском консенсусах. Многие ученые сходятся во мнении о том, что после Второй мировой войны многие государства взяли в основу собственного экономического развития Вашингтонский консенсус. Помимо этого, в конце 20 века ВМФ и Всемирный банк рекомендовали именно этот консенсус для преодоления экономических и финансовых кризисов.

Итак, в Вашингтонский консенсус. В него входят следующие принципы развития экономики страны:

– поддержание государством фискальной дисциплины на всех уровнях экономического взаимодействия;

– минимальные субсидии для коммерческих организаций и развития отраслей экономики, приоритет – развитие здравоохранения, образования и др.;

– поддержание кредитных ставок на положительном уровне;

– приватизация;

– защита прав собственности;

– сокращение государственного регулирования в конкуренции на рынке;

– снижение ограничений для внешних инвестиций; расширение системы налогообложения.

Стоит отметить, что в начале 1990-х годов многие государства, применяя Вашингтонский консенсус действительно смогли преодолеть инфляцию, ускорился экономический рост за счет притока внешних инвестиций. После 2010 года стало понятно, что Вашингтонский консенсус утратил свою актуальность. Многие ученые определяли его как идеологию рыночного фундаментализма.

На сегодняшний день, в условиях перехода к многополярному миру, актуальность приобретает Китайская модель экономического развития – Пекинский консенсус, который был разработан в 2004 году. Его суть заключается в поддержании исторических традиций страны и ее культурного наследия.

Задачи Пекинского консенсуса:

– постепенное внедрение реформ в устройство государства;

– стремление к развитию собственного производства;

– экспортно-ориентированные международные отношения;

– внедрение инноваций с опорой на поддержание традиционных ценностей;

– накопление валютного резерва - формирование условий для занижения валютного курса с целью развития экспорта.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что принципы Пекинского консенсуса выражаются:

– в стремлении к минимизации влияния государства на осуществление социально-экономических отношений;

– в стремлении к развитию духовной сферы общества, его культуры;

— в развитии экономики с упором на формирование долгосрочных торговых отношений, создании зон для взаимодействия стран, в стремлении к инновационному развитию экономики.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что многополярный и однополярный мир имеют разные ценности, структуру власти, принципы и подходы к выстраиванию экономических отношений между государствами.

Стремление к многополярному миру требует институционального подхода, то есть изменений, касающихся всех сфер жизнедеятельности общества: экономическую; политическую; культурную; социальную.

Обсуждение.

Для того, чтобы выявить потенциальные риски для России в условиях перехода к многополярному миру необходимо выделить факторы, которые оказывают наибольшее влияние на все сферы общества, исходя из положений, представленных в исследовании:

— снижение темпов экономического развития США, появление новых стремительно развивающихся экономических центров, с наибольшей вероятностью, приведет к формированию многополярного мира;

— стремительное распространение влияния экономических центров — Китая, Индии, Бразилии и т.д. на мировую логистику, укрепление собственного положения на мировой арене;

— объединение государств в союзы и альянсы, что, скорее всего, станет драйвером возникновения конфликтных ситуаций на мировой арене;

— развитие горизонтальных связей между государствами, которые уже входят в такие объединения, как БРИКС.

Таким образом, представленные факторы позволяют сделать вывод о том, что стремление к многополярному миру оказывает значительное влияние на мировое хозяйствование, в том числе на приоритеты государств в установлении экономических отношений, а также на ценности и идеологию.

Стоит отметить, что новое мироустройство является уникальным за счет стремления государств сотрудничать друг с другом. В связи с этим, необходимо рассмотреть переход к многополярному миру через призму цивилизационного подхода — изучение исторического развития государств со стороны их культурных, социальных, экономических и политических особенностей.

Итак, переход к многополярному миру предполагает следующие аспекты по цивилизационному подходу [9]:

— культурное многообразие в виду укрепления сотрудничества стран, появление общих традиций;

— гибкость стран-союзников в отношении культурных аспектов; развитие феномена «диалога культур» — обмен технологиями, знаниями, ценностями.

Согласно институциональному подходу, международные связи и способы их регулирования имеют важное значение для перехода к многополярному миру.

Таким образом, особое значение в рассматриваемом аспекте приобретают инструменты управления международными связями, они необходимы для регулирования взаимоотношений между странами в таких сферах, как политика, экономика и бизнес, культура, научная деятельность и др.

В политической сфере наиболее актуальным и широко используемым механизмом регулирования внешнеэкономических связей является дипломатия, которая представляет собой многосторонние или двусторонние переговоры. Инструментами, использующимися в дипломатии, являются дипломатические ноты и меморандумы — официальные документы, в которых государство излагает свою позицию по тому или иному вопросу.

К платформам по урегулированию спорных вопросов стоит отнести международные организации, такие как ООН, НАТО, ВТО и др., которые призваны для решения конфликтных вопросов и достижения общих целей. Отдельно стоит выделить глобальные форумы, такие как БРИК, G8, G20 и др., на которых происходит согласование позиций и интересов. В экономической сфере используются инструменты регулирования внешнеэкономических связей касательно импорта и экспорта.

Для регулирования упомянутых процессов используются тарифные и нетарифные меры.

К тарифным мерам относятся различные налоги и пошлины, за счет чего ограничивается объем продукции, транспортируемой на территории страны, что формирует здоровую конкуренцию импортных товаров с отечественными.

Нетарифные меры — установление обязательного контроля качества товаров, выдача разрешений на ввоз и вывоз товаров [11]. Стоит отметить касательно экспорта, что на сегодняшний день часто применяются инструменты оказания поддержки отечественным производителям в виде финансовых консультаций, которые помогают выйти на зарубежный рынок. В бизнесе применяются CRM-системы, которые представляют собой инструменты управления информацией о клиентах, а также оптимизацию процессов внешнего взаимодействия. В качестве платформ обмена международным опытом выступают различные ассоциации, участие в которых позволяет партнерам получать информацию о тенденциях, происходящих на рынке.

Таким образом, трансформация внешнеэкономических связей и стремление к многополярному миру основано на институциональном подходе, по которому изменения касаются каждой сферы жизни общества. Именно за счет интеграции социально-экономических, политических и культурных связей государств происходит обмен опытом и установление сотрудничества.

Заключение.

В исследовании рассмотрены общие принципы и подходы к стремлению государств, в частности блока БРИКС, к многополярному миру.

Для России, в качестве экономического центра, в условиях постоянных изменений необходимы новые подходы в рамках следующих направлений развития:

- геополитические изменения;
- сотрудничество с экономическими центрами;
- конкуренция на рынке;
- зависимость экономики страны в условиях глобализации.

Таким образом, необходимо рассмотреть риски, характерные для перечисленных направлений развития страны при переходе к многополярному миру:

- преимущественно сырьевой экспорт, который замедляет развитие национальной экономики страны;
- систему санкций;
- различия экономических интересов и ценностей стран-партнеров;
- перераспределение влияния стран.

Перечисленные риски оказывают существенное влияние на экономическое развитие России.

На основании вышеизложенных положений и выводов, стоит рассмотреть направления, мероприятия и предложения по минимизации выявленных рисков для экономики России в период перехода к многополярному миру:

- трансформация экономики за счет внедрения новейших технологий в коммерческие организации любого уровня, оказание поддержки предпринимательству, что позволит укрепить устойчивость экономики страны, снизить зависимость от экспорта сырья;
- расширение социально-экономических связей с Китаем и странами Африки за счет сотрудничества в энергетической, туристической и производственной сферах.

Формирование транспортной инфраструктуры позволит оптимизировать логистические цепи.

Создание свободных экономических зон также поможет выйти на новый уровень в торговых отношениях с Китаем и Африкой. Открытие торговых представительств России в Африке способствует существенной поддержке российского бизнеса.

Представленные мероприятия также способствуют развитию инфраструктуры стран, транспортных путей, так как процесс перехода к многополярному миру является не только длительным, но и противоречивым с точки зрения угрозы появления конфликтов между странами, для России важно укрепление не только своих позиций на мировой арене в сфере экономики и торговли, в частности, но также собственной обороноспособности и безопасности.

Консолидация общества на пути к переменам является также важнейшим критерием стабильности государства, особенно в условиях новой территориальности. Одним из факторов консолидации общества являются стратегические цели, которые стоят не только перед государством, но и его народом.

Следующим важным фактором является патриотизм. Важно, чтобы система образования строилась не только на получении знаний, но и на уважении к истории страны, ее культурному наследию.

Обеспечение населения качественными услугами здравоохранения, социальная поддержка малоимущих семей также являются факторами, обеспечивающими социальную консолидацию.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что для России переход к многополярному миру является процессом долгим и сложным. Несмотря на это, достижение многополярного мира предполагает новые возможности для развития национальной экономики за счет укрепления внешнеэкономических связей с новыми экономическими центрами. На сегодняшний день именно баланс сил государств, являющихся экономическими центрами, способен повысить устойчивость и справедливость мироустройства.

Однополярный мир, который соответствует Вашингтонскому консенсусу теряет свою актуальность в виду того, что появляются вызовы и глобальные изменения, на которые однополярный мир ответить не может.

На смену ему приходит Пекинский консенсус или Пекинская модель экономического развития. Ключевой особенностью модели является качественный экономический рост, заключающийся во внедрении инноваций, сотрудничестве между странами, защите суверенитета стран. Стоит отметить, что Пекинский консенсус включает в себя институциональный подход, так как изменения или реформы вводятся постепенно в сфе-

ры жизни общества. Помимо этого, рассматриваемая экономическая модель предполагает экспортно-ориентированное экономическое развитие, что схоже с тем, к чему на данный момент стремится российская экономика. Таким образом, Пекинская модель экономического развития является привлекательной для многих развивающихся стран, стремящихся к многополярному миру.

Таким образом, в исследовании детально рассмотрены концепции многополярного и однополярного мира, особенности трансформации внешнеэкономических связей России, выявлены риски на пути к многополярному миру, а также предложены мероприятия по их минимизации. Рассмотрен мировой ВВП и выявлены факты, по которым однополярный мир на сегодняшний день потерял свою актуальность.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Василенко Н.В. Российская экономика в условиях институциональной трансформации перехода к многополярному миру / Н.В. Василенко, А.Ю. Румянцева // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 10. С. 1164–1177. DOI: 10.35854/1998-1627-2023-10-1164-1177 EDN: LKOUNA
2. Анализ угроз и риски в сфере финансов при переходе к многополярному миру / Е.А. Вицко [и др.]. Курс : ЗАО «Университетская книга», 2024. 107 с. ISBN: 978-5-907916-63-0 EDN: QHNUYI
3. Глазьев С.Ю. Евразийская экономическая интеграция в контексте становления нового мирохозяйственного уклада // Экономическое возрождение России. 2024. № 2(80). С. 34–45. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-34-45 EDN: EQMYQN
4. Глазьев С.Ю. Какой должна быть роль институтов развития в новом мирохозяйственном укладе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1(51). С. 9–10. EDN: AXATRU
5. Глазьев С.Ю. На пути становления нового мирохозяйственного уклада // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1(47). С. 9–10. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-9-10 EDN: AKIQZW
6. Глазьев С.Ю. О повестке опережающего развития в новом мирохозяйственном укладе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3(49). С. 9–10. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-9-10 EDN: UZODBO
7. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития в условиях структурных изменений мировой экономики // Труды XVI Евразийского научного форума, Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2024 года. СПб. : Университет при МПА ЕвразЭС, 2024. С. 18–43. EDN: YNRGII
8. Дугин А.Г. Карта вестернологии для русской цивилизации // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. С. 7–24. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-7-24 EDN: PBRDUS
9. Ивлева Е.С. Анализ влияния санкций на финансовую систему Российской Федерации / Е.С. Ивлева, А.Ю. Румянцева, В.В. Сухачева // Региональная экономика: теория и практика. 2024. Т. 22. № 6(525). С. 1181–1202. DOI: 10.24891/re.22.6.1181 EDN: QBSYVF
10. Кузнецов Н.Г. Финансовая безопасность Российской Федерации: риски и вызовы в современных реалиях / Н.Г. Кузнецов, С.И. Самыгин // Финансовые исследования. 2023. Т. 24. № 1(78). С. 27–35. DOI: 10.54220/finis.1991-0525.2023.78.1.002 EDN: ROGDPB
11. Детерминанты развития экономики России в условиях цифровой трансформации и обеспечения технологического суверенитета / Е.Н. Макаренко [и др.]. Ростов-н/Д. : Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2023. 546 с. ISBN: 978-5-7972-3086-1 EDN: SHRIVS
12. Мировой ВВП. URL : <https://ru.tradingeconomics.com/world/gdp> (дата обращения 24.09.2025).
13. Росконгресс. URL : https://roscongress.org/materials/tramponomika-vs-realnost-reshaemye-i-nereshaemye-problemy-ekonomikissha/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения 26.09.2025).

References:

1. Vasilenko N.V. The Russian economy in the context of institutional transformation and transition to a multipolar world / N.V. Vasilenko, A.Y. Rumyantseva // Economics and management. 2023. Vol. 29. № 10. P. 1164–1177. DOI: 10.35854/1998-1627-2023-10-1164-1177 EDN: LKOUNA

2. Analysis of threats and risks in the field of finance during the transition to a multipolar world / E.A. Vitsko [et al.]. Kursk : ZAO Universitetskaya Kniga, 2024. 107 p. ISBN: 978-5-907916-63-0 EDN: QHNUYI
3. Glazyev S.Y. Eurasian economic integration in the context of the formation of a new world economic order // The economic revival of Russia. 2024. № 2(80). P. 34–45. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-34-45 EDN: EQMYQN
4. Glazyev S.Y. What should be the role of development institutions in the new world economic order // Eurasian integration: economics, law, politics. 2025. Vol. 19. № 1(51). P. 9–10. EDN: AXATRU
5. Glazyev S.Y. On the way to the formation of a new world economic order // Eurasian integration: economics, law, politics. 2024. Vol. 18. № 1(47). P. 9–10. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-9-10 EDN: AKIQZW
6. Glazyev S.Y. On the agenda of advanced development in the new world economic order / S. Y. Glazyev // Eurasian integration: economics, law, politics. 2024. Vol. 18. № 3(49). P. 9–10. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-9-10 EDN: UZODBO
7. Glazyev S.Y. Strategy of advanced development in the context of structural changes in the global economy // Proceedings of the XVI Eurasian Scientific Forum, St. Petersburg, December 12–13, 2024. SPb. : University under the IPA EurAsEC, 2024. P. 18–43. EDN: YNRGII
8. Dugin A.G. The map of Westernology for Russian civilization // Bulletin of the State University of Enlightenment. Series: History and Political Sciences. 2024. № 6. P. 7–24. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-7-24 EDN: PBRDUS
9. Ivleva E.S. Analysis of the impact of sanctions on the financial system of the Russian Federation / E.S. Ivleva, A.Y. Rumyantseva, V.V. Sukhacheva // Regional economics: theory and practice. 2024. Vol. 22. № 6(525). P. 1181–1202. DOI: 10.24891/re.22.6.1181 EDN: QBSYVF
10. Kuznetsov N.G. Financial security of the Russian Federation: risks and challenges in modern realities / N.G. Kuznetsov, S.I. Samygin // Financial Research. 2023. Vol. 24. № 1(78). P. 27–35. DOI: 10.54220/finis.1991-0525.2023.78.1.002 EDN: RODDPB
11. Determinants of the development of the Russian economy in the context of digital transformation and ensuring technological sovereignty / E.N. Makarenko [et al.]. Rostov-on/D. : Rostov State University of Economics (RINH), 2023. 546 p. ISBN: 978-5-7972-3086-1 EDN: SHRIVS
12. Global GDP. URL : <https://ru.tradingeconomics.com/world/gdp> (date of application 24.09.2025).
13. Roscongress. URL : https://roscongress.org/materials/tramponomika-vs-realnost-reshaemye-i-nereshaemye-problemy-ekonomikissha/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (date of application 09/26/2025).

Информация об авторах

Полякова Лариса Петровна

доктор политических наук,
профессор,
заведующая кафедрой недропользования,
строительства и менеджмента,
Ухтинский государственный
технический университет, Воркутинский филиал
researchksen@rambler.ru

Пичко Наталья Сергеевна

доктор философских наук,
кандидат культурологических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
гуманитарных, естественнонаучных
и общепрофессиональных дисциплин,
Ухтинский государственный
технический университет, Усинский филиал
popov-52@mail.ru

Сухарев Владимир Иванович

кандидат технических наук,
доцент,
доцент кафедры гуманитарных, естественнонаучных
и общепрофессиональных дисциплин,
Ухтинский государственный
технический университет, Усинский филиал
milena.555@mail.ru

Larisa P. Polyakova

Doctor of Political Sciences,
Professor,
Head of the Department of Subsoil Use,
Construction and Management,
Ukhta State Technical University, Vorkuta branch
researchksen@rambler.ru

Natalia S. Pichko

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor,
Head of the Department
of Humanities, Natural Sciences
and General Professional Disciplines,
Ukhta State Technical University, Usinsk branch
popov-52@mail.ru

Vladimir I. Sukharev

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Humanities,
Natural Sciences and General Professional Disciplines,
Ukhta State Technical University, Usinsk branch
milena.555@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.10.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 10 от 24.10.2025

Выходит 12 раз в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
академик Российской академии наук, д-р социол. наук,
д-р с.-х наук, профессор
Харитонов Евгений Михайлович

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
канд. филос. наук, доц.
Бугаенко Юлия Юрьевна

ШЕФ-РЕДАКТОР
д-р соц. наук, проф.
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ
Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 22.10.2025
Подписано к публикации 24.10.2025

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415–05–71

e-mail: id-yug@id-yug.com